Изданіе М. И. Водовозовой.

С. ФРАНКЪ.

ТЕОРІЯ ЦѢННОСТИ МАРКСА

II

ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ.

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Цѣна 1 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова. Садовая, 27.
1900.

Изданіе М. И. Водовозовой.

С. ФРАНКЪ.

ТЕОРІЯ ЦѢННОСТИ МАРКСА

И

ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ.

Ф85
41849

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

„Im Unterschied von anderen Baumeistern, zeichnet die Wissenschaft nicht nur Luftschlösser, sondern führt einzelne wohnliche Stockwerke des Gebäudes auf, bevor sie seinen Grundstein legt".

K. Marx.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова. Садовая, 27.
1900.

Зк

Пров. 1952

Пр.

„Пров 38"

Библиотека ООН
Академий Наук СССР

ПРЕДИСЛОВІЕ.

За послѣднее время въ западно-европейской и русской экономической литературѣ одновременно замѣчается отрадный поворотъ: догматическое преклоненіе передъ системой Маркса уступаетъ мѣсто ея критической провѣркѣ и созидательной работѣ ея дальнѣйшаго развитія и дополненія. Это служитъ симптомомъ къ прекращенію того невыносимаго состоянія, въ которомъ еще до сихъ поръ находится экономическая наука. Мы имѣемъ въ сущности не одну, а двѣ экономическія науки—науку „марксистскую“ и науку „буржуазную“, изъ которыхъ каждая говоритъ на совершенно особомъ языкѣ, не прислушиваясь къ мнѣнію другой и считая это мнѣніе въ большей или меньшей степени завѣдомой ложью. Если оставить въ сторонѣ ущербъ, наносимый этимъ состояніемъ той единой наукѣ, которая не знаетъ дѣленія на лагери и занята только одной задачей — безпристрастнымъ исканіемъ истины, то нужно будетъ признать, что невыгоды такого дѣленія на двѣ непримиримыя научныя партіи отражаются больше всего на партіи марксистской: тогда какъ такъ называемая „буржуазная“ или „оффиціальная“ политическая экономія быстрыми шагами двигалась впередъ и съ каждымъ днемъ завоевывала новые горизонты, наука „марксистская“, несмотря на глубину и

плодотворность ея основныхъ мыслей и талантливость ея представителей, упорно топталась на одномъ мѣстѣ, занимаясь догматическимъ толкованіемъ старыхъ, превратившихся почти въ ходячія фразы, положеній даже тамъ, гдѣ дѣйствительность или научная мысль давнымъ давно ихъ опередила. Къ счастію, плачевное зрѣлище борьбы за верховную научную гегемонію двухъ ненавидящихъ и презирающихъ другъ друга научныхъ партій отходитъ уже въ область прошлаго: мы присутствуемъ при процессѣ ихъ взаимнаго сближенія, и уже недалеко то время, когда разногласіе соціально-политическихъ міросозерцаній не будетъ выражаться въ обособленномъ существованіи двухъ самостоятельныхъ наукъ.

Для насъ, русскихъ, такая тенденція особенно необходима. Если европейская мысль не съумѣла еще примирить двухъ научныхъ направленій, то она по крайней мѣрѣ знакома съ результатами обоихъ. Иначе обстоитъ дѣло въ Россіи: вплоть до самаго послѣдняго времени вся наша оригинальная литература по теоріи политической экономіи сводилась къ популяризаціи ученія Маркса. Мало того: несмотря на потокъ переводной литературы по всѣмъ отраслямъ общественныхъ наукъ, наводнившій за послѣдніе годы нашъ книжный рынокъ, мы не имѣемъ переводовъ трудовъ лучшихъ современныхъ теоретиковъ-экономистовъ. Все развитіе теоріи политической экономіи за послѣдніе 20—30 лѣтъ прошло незамѣченнымъ для насъ, потому что не укладывалось въ разъ принятую схему теоріи Маркса; ученія Книса, Менгера, Бемъ-Баверка, Джевонса, Маршалла и многихъ другихъ остались до сихъ поръ китайской грамотой для огромнѣйшей части нашей образованной публики, и если имена эти упоминаются въ нашей журнальной литературѣ, то только для того, чтобы послать по ихъ адресу рѣзкіе упреки въ „отсталости“ и „буржуазности“, — эпитеты, кото-

рые до послѣдняго времени прилагались впрочемъ у насъ ко всѣмъ, кто имѣлъ смѣлость не ограничиваться выраженіемъ своего согласія съ ученіемъ трехъ томовъ „Капитала“, а заниматься самостоятельнымъ изслѣдованіемъ тѣхъ же вопросовъ. Врядъ ли нужно прибавлять, что европейская наука очень мало безпокоилась о нашей русской оцѣнкѣ ея и продолжала быстро подвигаться впередъ по разъ намѣченному пути. И такъ какъ la raison finira toujours par avoir raison, такъ какъ ортодоксальное осужденіе никогда еще не могло задержать развитія и распространенія новыхъ ученій, если въ нихъ содержалось зерно истины — то въ концѣ концовъ не европейской наукѣ, а намъ самимъ придется стыдиться нашей оцѣнки.

Все вышесказанное о теоріи политической экономіи особенно примѣнимо къ теоріи цѣнности и, въ частности, къ трудовой теоріи цѣнности. Нигдѣ не господствуетъ столь сильнаго разногласія, какъ въ оцѣнкѣ этой послѣдней. Одни видятъ въ трудовой теоріи цѣнности въ томъ видѣ, въ какомъ она намъ дана въ системѣ Маркса, логически вполнѣ законченное и матеріально вѣрное во всѣхъ отношеніяхъ ученіе и считаютъ ее краеугольнымъ камнемъ всего научнаго анализа современнаго экономическаго строя, другіе склонны смотрѣть на нее, какъ на неудачную гипотезу, давно опровергнутую и сданную въ архивъ научныхъ заблужденій, гдѣ ей въ будущемъ предстоитъ занять мѣсто рядомъ съ теоріей флогистона и Птоломеевой системой мірозданія. Невѣрность этихъ крайнихъ мнѣній начинаетъ теперь обнаруживаться уже довольно ясно. Теорія, созданная величайшими умами въ области экономической науки — начиная съ Петти и Адама Смита и кончая наиболѣе выдающимися „утопистами“, вродѣ Томпсона, Оуэна и Прудона, и наконецъ Марксомъ и Родбертусомъ—такая теорія самой своей живучестью обнаруживаетъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, и свою жизнеспособность: въ

экономическихъ явленіяхъ должно лежать что-либо, что̀ служитъ поводомъ и исходнымъ пунктомъ этой теоріи и безъ чего она превратилась бы въ историческую случайность, — что̀ совершенно недопустимо для такого широкаго и долговѣчнаго теченія. Столь же невѣрно, однако, и ортодоксальное убѣжденіе въ полной законченности и правильности трудовой теоріи цѣнности: ему противорѣчитъ уже самый фактъ непрерывнаго спора о ея значеніи, свидѣтельствующій, что въ современной формулировкѣ ея не все обстоитъ благополучно; и если каждая изъ спорящихъ сторонъ нерѣдко объясняетъ разногласіе мнѣній сознательной или безсознательной недобросовѣстностью противной стороны, нежеланіемъ ея вдуматься въ изслѣдуемый вопросъ, то это объясненіе—независимо отъ того, насколько оно вѣрно или умѣстно само по себѣ—доказываетъ какъ разъ то, что собиралось опровергнуть, именно, что вопросъ еще не настолько выясненъ, чтобы сдѣлать подобныя qui pro quo невозможными.

И въ этомъ отношеніи послѣднее время значительно улучшило положеніе дѣла. Въ нашей литературѣ постепенно начинаетъ завоевывать себѣ мѣсто сознаніе, что теорія цѣнности Маркса не можетъ считаться окончательнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ проблемы цѣнности и что она нуждается въ основательныхъ поправкахъ и дополненіяхъ. Попытки такого исправленія имѣются у насъ уже въ изобиліи, но большинство ихъ страдаетъ однимъ недостаткомъ: онѣ сознательно отказываются пользоваться результатами научной разработки этого вопроса, выполненной противниками теоріи Маркса, и потому сводятся къ частичнымъ, мелочнымъ дополненіямъ, опирающимся главнымъ образомъ на другія мысли Маркса или части его системы. Это стремленіе дополнить Маркса Марксомъ же есть послѣднее усиліе догматизма спасти себя самого, ставши догматизмомъ кри-

тическимъ. Въ противоположность этой тенденціи мы имѣемъ смѣлость утверждать, что критическая разработка теоріи цѣнности Маркса—какъ и всѣхъ остальныхъ его теорій — можетъ и должна заключаться въ исправленіи и углубленіи ея на почвѣ тѣхъ данныхъ, которыя были добыты новѣйшимъ развитіемъ западноевропейской теоретической экономіи, и попытку подобной критической оцѣнки теоріи Маркса и представляетъ собою предлагаемый этюдъ. Мы старались въ немъ показать, въ какомъ отношеніи теорія цѣнности Маркса должна быть признана неправильной и при какомъ значеніи она сохраняетъ научную цѣнность. Мы старались далѣе показать, что это послѣднее, единственно истинное, значеніе трудовой теоріи цѣнности можетъ быть обнаружено только путемъ органическаго ея соединенія съ другой теоріей цѣнности, такъ называемой теоріей субъективной цѣнности или предѣльной полезности, и что такое соединеніе двухъ повидимому противорѣчащихъ другъ другу теорій служитъ на пользу ихъ обѣихъ и открываетъ нѣкоторыя новыя плодотворныя точки зрѣнія въ теоріи цѣнности и распредѣленія.

Среди лицъ, дорожащихъ экономическимъ міросозерцаніемъ, связаннымъ съ системой Маркса, быть можетъ, возникнутъ опасенія, какъ бы критическая провѣрка одной изъ теоретическихъ основъ этого міросозерцанія не повредила его жизнеспособности. Но не говоря о томъ, что передъ такимъ соображеніемъ никогда не можетъ останавливаться научная мысль и что міросозерцаніе, такъ легко могущее быть поколебленнымъ, *заслуживало* бы разрушенія, въ примѣненіи къ данному случаю это опасеніе совершенно неосновательно. Общественные идеи автора „Капитала“ не были имъ созданы: они существовали и до него, такъ какъ коренятся въ самихъ условіяхъ современной соціальной жизни, и жизнеспособность ихъ держится не на той или иной теоріи, а на соціальныхъ чувствахъ

и интересахъ. Великое вѣковое теченіе европейской мысли стоитъ выше мнѣній, быть можетъ, величайшаго и геніальнѣйшаго, но все же лишь одного изъ его представителей и не можетъ потерпѣть ущерба отъ критики этихъ мнѣній, которыя служатъ лишь однимъ изъ этаповъ по пути его научнаго освѣщенія.

Но и сама система Маркса не можетъ быть разрушена критикой отдѣльныхъ ея положеній. Подобно всѣмъ твореніямъ великихъ умовъ, она обладаетъ значеніемъ, которое не исчерпывается значеніемъ всѣхъ входящихъ въ нее положеній, и потому не падаетъ вмѣстѣ съ ними. Эти положенія являются до извѣстной степени лишь случайной формой, въ которую вылилась система, и всѣ ихъ измѣненія, дополненія и исправленія такъ же мало вредятъ жизненности общаго духа системы, какъ мало вредитъ ремонтъ отдѣльныхъ частей зданія его прочности и красотѣ, разъ только оно стоитъ на твердомъ фундаментѣ и разъ сохраняется неприкосновеннымъ единство заложенной въ немъ архитектурной идеи. Поэтому и въ примѣненіи къ системѣ Маркса сохраняютъ силу тѣ слова Вольтера, которыя Шопенгауеръ поставилъ во главѣ своей критики системы Канта:

«C'est le privilège d'un vrai génie, et surtout d'un génie qui ouvre une carrière, de faire impunément de grandes fautes».

ГЛАВА I.

Теорія мѣновой цѣнности Маркса.

I. Что такое «мѣновая цѣнность»?—II. Постановка задачи теоріи мѣновой цѣнности у Маркса.—III. Трудовая теорія цѣнности и цѣнность «рѣдкихъ благъ».—IV. Трудовая теорія цѣнности и рыночныя цѣны.—V. Трудовая теорія цѣнности и «среднія цѣны».—VI. Теорія издержекъ производства.—VII. Трудовая теорія цѣнности и цѣнность труда.—VIII. Теорія «общественно-необходимаго труда».—IX. Заключеніе.

I.

Всякая теорія можетъ быть успѣшна только въ томъ случаѣ, если ей предшествуетъ болѣе или менѣе точное опредѣленіе явленія, служащаго объектомъ ея изученія. Изученіе какой-нибудь спеціальной группы явленій возможно вообще только тогда, когда эта группа твердо опредѣленными логическими границами отдѣлена отъ остального міра явленій. Это элементарное логическое правило нерѣдко упускается изъ виду, чѣмъ и объясняется безплодность многихъ споровъ: спорящія стороны часто не замѣчаютъ, что каждая изъ нихъ обсуждаетъ совершенно самостоятельный вопросъ; каждая изъ нихъ можетъ быть вполнѣ права въ своемъ утвержденіи, и однако споръ можетъ продолжаться безконечно, не приведя ни къ какимъ результатамъ именно потому, что эта двойственность объекта обсужденія остается незамѣченной, такъ что одна сторона относитъ утвержденіе другой къ совсѣмъ иному роду явленій, чѣмъ эта послѣдняя, и vice versa. То же логи-

ческое правило примѣняется, разумѣется, и къ теоріи цѣнности. Если вопросъ: „*что* нужно объяснить?“ долженъ вообще предшествовать вопросу: „*какъ* нужно объяснить?“, то въ теоріи цѣнности обсужденіе вопроса: „чѣмъ объясняется цѣнность?“ можетъ только слѣдовать за разрѣшеніемъ другого вопроса: „что такое цѣнность? Какого рода экономическія явленія теорія цѣнности должна объяснять?“

Дѣло идетъ тутъ, разумѣется, не о строго научномъ опредѣленіи темы, возможномъ только на позднѣйшей ступени изслѣдованія, когда уже a posteriori выяснены извѣстныя типичныя черты данной группы явленій. Задача предварительнаго опредѣленія сводится лишь къ условному разграниченію различныхъ явленій, необходимому для того, чтобы—пользуясь выраженіемъ Милля—„терминъ давалъ опредѣленное понятіе, вполнѣ удовлетворяющее требованіямъ практическихъ цѣлей“.

Если прислушаться къ спору между защитниками и противниками трудовой теоріи цѣнности, то легко замѣтить, что объектъ, къ которому относятся утвержденія той и другой стороны,—понятіе „цѣнность“—остается далеко не выясненнымъ. Терминъ „цѣнность“ не настолько опредѣленъ, чтобы вызывать въ головѣ каждаго только одно, и притомъ вполнѣ ясное понятіе. Уже у классиковъ — Ад. Смита и Рикардо — можно насчитать цѣлыхъ шесть значеній этого термина, который къ тому же употребляется въ перемежку съ другимъ, почти равнозначущимъ ему терминомъ „цѣна“. Прежде всего классики подъ терминъ „цѣнность“ подводятъ столь разнородныя понятія, какъ „потребительную цѣнность“ или по-просту полезность блага съ одной стороны, и „мѣновую цѣнность“, т.-е. мѣновое отношеніе между благами—съ другой. Затѣмъ они отличаютъ такъ называемую „рыночную цѣнность“ или „цѣну“ отъ „естественной“, „нормальной“ или „необходимой“ цѣнности. Наконецъ, у тѣхъ же авто-

ровъ и у многихъ другихъ мы встрѣчаемся съ весьма неяснымъ и никѣмъ не объясняемымъ терминомъ „дѣйствительной“ или „реальной цѣнности или цѣны (real value или price), которой противуполагается столь же мало выясненное понятіе, обозначаемое иногда терминомъ „номинальной“ иногда — „относительной цѣнности“. Всѣмъ этимъ понятіямъ, одинаково обозначаемымъ терминомъ „цѣнность“, не соотвѣтствуетъ никакое объединяющее, центральное *понятіе цѣнности*, подраздѣленіями котораго, на основаніи какого-нибудь точнаго fundamentum divisionis, они могли бы служить. Наоборотъ, естественная и потребительная цѣнность, дѣйствительная и мѣновая цѣнность — все это понятія, не стоящія въ точно выясненномъ отношеніи ни другъ къ другу, ни тѣмъ болѣе къ координирующему ихъ понятію цѣнности какъ таковой. Правда, изъ нашего списка можно свободно вычеркнуть терминъ „потребительная цѣнность“, такъ какъ классики устанавливаютъ его повидимому только для того, чтобы тотчасъ же о немъ забыть или даже сознательно отвергнуть необходимость заниматься соотвѣтствующимъ ему понятіемъ, въ связи съ другими видами цѣнности. Но не говоря уже о томъ, что такая щедрая раздача титула цѣнности тому, кто, по собственному признанію виновниковъ раздачи, его вовсе не заслуживаетъ, не можетъ служить на пользу дѣла,— и остающихся понятій вполнѣ достаточно для того, чтобы сдѣлать изслѣдованіе соотвѣтствующихъ имъ явленій дѣломъ совершенно безнадежнымъ, пока не будетъ данъ ясный отвѣтъ на вопросъ: что такоецѣнность?

Дальнѣйшее движеніе науки врядъ ли ослабило эту неопредѣленность понятія цѣнности. У Родбертуса напр. трудовая цѣнность *объявляется* не фактомъ настоящаго времени, а „великой народно-хозяйственной идеей“, осуществленіе которой принадлежитъ будущему. Такое заявленіе уже само по себѣ

чревато весьма опасными послѣдствіями, потому что смѣшиваетъ изслѣдованіе того, что есть, съ оцѣнкой того, что должно быть. Оно становится однако еще болѣе опаснымъ благодаря тому, что извѣстное значеніе, и притомъ далеко не второстепенное, Родбертусъ приписываетъ трудовой теоріи цѣнности и при анализѣ современнаго хозяйственнаго строя. Такое признаніе двоякаго значенія за трудовой теоріей цѣности или за понятіемъ „трудовой цѣнности“, причемъ одно изъ этихъ значеній исключаетъ другое, возможно опять-таки лишь при двусмысленности самого понятія цѣнности.

Марксъ далъ въ 3-мъ томѣ „Капитала“ рядъ новыхъ обозначеній отдѣльныхъ видовъ мѣновой цѣнности, какъ наприм. Produktionspreis, Marktwert, Marktpreis, чѣмъ врядъ-ли много содѣйствовалъ уясненію понятій. Но наибольшую неопредѣленность мы находимъ въ 1-мъ томѣ, именно въ рѣзкомъ, но тѣмъ не менѣе совершенно невыясненномъ разграниченіи „мѣновой цѣнности“ отъ „цѣнности“ вообще, „цѣнности“ безъ особой квалификаціи. Неясность заключается не только въ томъ, что видовое понятіе „мѣновой цѣнности“ не включается въ родовое понятіе „цѣнности вообще“, а наоборотъ противопоставляется послѣднему въ качествѣ чего-то самостоятельнаго, но и главнымъ образомъ въ томъ, что самое понятіе „цѣнности“ почти не объясняется. Тогда какъ по отношенію къ „мѣновой цѣнности“ прямо указывается, что подъ ней подразумѣвается то отношеніе, въ которомъ товары обмѣниваются другъ на друга, о значеніи „*цѣнности*“ мы можемъ только догадываться на основаніи отрывочныхъ замѣчаній, и относящіяся къ этому понятію положенія остаются, быть можетъ, самымъ неяснымъ пунктомъ всей системы Маркса [1]).

[1]) Основное положеніе Маркса, что «цѣнность есть общественное отношеніе», — чтобы мы о немъ ни думали — есть во

Наконецъ, „австрійская“ или „субъективная“ школа ввела два новыхъ понятія „субъективной“ и „объективной“ цѣнности, и тѣмъ еще болѣе усложнила дѣло, по крайней мѣрѣ, для всѣхъ тѣхъ, кто не считаетъ это дѣленіе исчерпывающимъ.

Было бы чрезвычайно благодарнымъ дѣломъ,—систематически выполнить которое еще никто не пытался, — взяться за очистку этихъ терминологическихъ авгіевыхъ конюшенъ теоріи цѣнности. Безъ выполненія подобной критико-терминологической работы невозможно полное разрѣшеніе вопроса о задачахъ теоріи цѣнности т. е. о томъ, какія экономическія явленія она должна объяснить. Здѣсь, однако, мы должны отказаться отъ этой работы. Интересующій насъ вопросъ о задачахъ теоріи цѣнности мы можемъ поэтому поставить лишь въ слѣдующей формѣ: какая задача теоріи цѣнности составляетъ тотъ минимумъ, на которомъ сходятся всѣ или по крайней мѣрѣ подавляющее большинство направленій? Другими словами: какія экономическія явленія, по общему признанію, должна объяснить теорія цѣнности *во всякомъ случаѣ*, т. е. хотя бы за этимъ объясненіемъ могла или должна была слѣдовать и другого рода работа?

При такой постановкѣ вопроса отвѣтъ на него для всѣхъ, болѣе или менѣе знакомыхъ съ нашей темой, очевиденъ самъ собой: теорія цѣнности должна выяснить причины, опредѣляющія величину того отношенія, въ которомъ различныя блага обмѣниваются другъ на друга; въ этомъ заключается ея центральная и главнѣйшая задача. Теорія, которая заранѣе отказывалась бы дать отвѣтъ или, по крайней мѣрѣ, пролить нѣкоторый свѣтъ на вопросъ, почему—выражаясь конкретно—одинъ фунтъ чая обмѣнивается

всякомъ случаѣ положеніе *синтетическое*, утверждающее нѣчто новое по отношенію къ понятію «цѣнность» и поэтому предполагающее его значеніе уже извѣстнымъ.

на 2 фунта кофе, на пудъ хлѣба и на 10 аршинъ ситца, такая теорія могла бы быть чѣмъ угодно, но никакъ не теоріей цѣнности. Правда, нерѣдко указанный вопросъ относятъ не къ теоріи цѣнности, а къ теоріи цѣны—такъ поступаетъ напр. большинство нѣмецкихъ экономистовъ, но для нашей цѣли, т. е., для выясненія главнѣйшей задачи всякихъ изслѣдованій, темой которыхъ служитъ то, что подразумѣвается подъ проблемой цѣнности *въ широкомъ смыслѣ слова*, это есть лишь особенность терминологіи, до которой намъ пока нѣтъ никакого дѣла; кромѣ того, то, что по этой терминологіи противопоставлятся „теоріи цѣны“ подъ названіемъ „теоріи цѣнности“ въ узкомъ смыслѣ, есть лишь вступительныя изслѣдованія, съ помощью которыхъ разрѣшается вопросъ о „цѣнѣ“ товаровъ. То же можно сказать и по отношенію ко всѣмъ другимъ подраздѣленіямъ цѣнности у разныхъ авторовъ: всѣ они служатъ лишь для выясненія законовъ, опредѣляющихъ величину мѣнового отношенія между благами: такова у Маркса „цѣнность“, въ отличіе отъ „мѣновойцѣнности“ идругихъ относящихсякъ мѣновому процессу категорій, такова же „субъективная цѣнность“ у „австрійскихъ“ экономистовъ. Справедливо также, что указаннымъ выше вопросомъ теорія цѣнности отнюдь не исчерпывается. Такъ, по отношенію къ процессу обмѣна можно поставить цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, изъ которыхъ главнѣйшій касается законовъ, опредѣляющихъ не то или иное *опредѣленное* мѣновое отношеніе между благами, а самую природу этого отношенія; многіе относятъ этотъ вопросъ къ *теоріи обмѣна* (напр. Менгеръ), но съ тѣмъ же правомъ можно его включить и въ теорію цѣнности, какъ поступилъ напр. Марксъ, обозначивъ его какъ анализъ цѣнности въ отличіе отъ анализа величины цѣнности; сюда же относится напр. вопросъ о происхожденіи и формахъ обмѣна (формы цѣнности у Маркса) и т. д.

Далѣе, къ теоріи цѣнности въ историческомъ развитіи науки былъ отнесенъ рядъ вопросовъ, совсѣмъ не касающихся обмѣна, или касающихся только косвенно. Все это однако не противорѣчитъ высказанному нами положенію, что главнѣйшая и существенная задача теоріи цѣнности всегда заключалась и понынѣ заключается въ изслѣдованіи причинъ, опредѣляющихъ высоту мѣнового отношенія между благами. Эту спеціальную задачу мы назовемъ, пользуясь наиболѣе распространенной терминологіей, *теоріей мѣновой цѣнности. Мѣновая цѣнность есть* слѣдовательно то *отношеніе, въ которомъ обмѣниваются другъ на друга блага*, а теорія мѣновой цѣнности занимается изученіемъ причинъ, опредѣляющихъ высоту этого отношенія [1]).

Все вышесказанное настолько общеизвѣстно, что можетъ быть сочтено почти за трюизмъ. Къ сожалѣнію, то, что признается въ теоріи, нерѣдко отвергается на практикѣ: такъ обстоитъ дѣло и съ пониманіемъ задачи теоріи мѣновой цѣнности, и ввиду этого мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на разсматриваемомъ вопросѣ.

Попытки разрѣшенія формулированнаго выше вопроса, составляющаго задачу теоріи мѣновой цѣнности, встрѣчаются почти во всѣхъ трудахъ, носящихъ заголовокъ теоріи цѣнности; но не вездѣ, или лучше сказать, почти нигдѣ эта задача не ограничивается

[1]) Называть ли мѣновой цѣнностью самый *фактъ мѣнового отношенія*, или это *отношеніе* въ смыслѣ *величины*, или наконецъ то *благо*, которое дается въ обмѣнъ на данное — такія три значенія этого термина насчитываетъ *Neumann* (Schönberg's Handbuch, 1896, 1-er Band, S. 171)—это не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ, при любомъ изъ этихъ значеній термина «мѣновая цѣнность», значеніе *проблемы* мѣновой цѣнности остается прежнимъ. Подобныя излишнія тонкости терминологіи, которыми полна статья Neumann'a, относятся, какъ справедливо указалъ Бёмъ-Баверкъ, скорѣе къ области филологіи, чѣмъ политической экономіи.

строго и опредѣленно отъ другихъ задачъ, совершенно отъ нея независимыхъ. Огромное большинство авторовъ, которые не ограничивали своего изслѣдованія указанной задачей, смѣшивали ее съ другими; поэтому не будетъ парадоксомъ, если мы скажемъ, что лучшее выясненіе понятія мѣновой цѣнности встрѣчается именно у наиболѣе слабыхъ въ другихъ отношеніяхъ теоретиковъ, такъ какъ для нихъ намѣченной задачей исчерпывалось все изслѣдованіе, и потому они не имѣли возможности смѣшивать изслѣдованія ряда разнородныхъ вопросовъ (къ этимъ теоретикамъ принадлежатъ напр. Милль и Фаусеттъ; совершенно иначе, какъ увидимъ ниже, обстоитъ дѣло напр. у Рикардо и Смита). Если мѣновая цѣнность не что иное, какъ мѣновое отношеніе между благами [1]), то можетъ ли существовать мѣновая цѣнность у одного блага независимо отъ мѣновой цѣнности остальныхъ благъ? Этотъ вопросъ врядъ ли кого затруднитъ. Для мѣнового отношенія нужны по крайней мѣрѣ два блага, обмѣнивающіяся другъ на друга, и слѣдовательно мѣновая цѣнность одного блага, независимая отъ цѣнности другихъ, есть нѣчто немыслимое. Джевонсъ, съ свойственной ему рѣзкостью, выражаетъ это такъ: „Говорить просто о цѣнности унціи золота (т. е. независимо отъ другихъ товаровъ) такъ же безсмысленно (absurd), какъ говорить объ *отношеніи числа семнадцать*. Каково отношеніе числа семнадцать? Вопросъ не допускаетъ отвѣта, ибо должно быть дано другое число, для того, чтобы составилось отношеніе; и отношеніе будетъ измѣняться въ зависимости отъ этого числа“ [2]). Пока дѣло обстоитъ очень просто; но если мы пойдемъ дальше въ уясненіи по-

[1]) Джевонсъ, который стоитъ на этой точкѣ зрѣнія, предлагаетъ даже замѣнить терминъ *value* (цѣнность) терминомъ *ratio of exchange* (мѣновая пропорція). Возразить противъ этого по чисто логическимъ основаніямъ ничего нельзя.

[2]) *Jevons*, Theory of political economy 1871, p. 83.

нятія мѣновой цѣнности, то мы натолкнемся на нѣкоторыя затрудненія.

Если наличность мѣновой цѣнности у одного блага находится въ зависимости отъ ея наличности у другого блага или другихъ благъ, то находится ли также и *величина* мѣновой цѣнности одного блага въ зависимости отъ ея величины у другихъ? Вопросъ этотъ нѣсколько уяснится, если его поставить въ другой формѣ: если измѣнилось мѣновое отношеніе между двумя или болѣе товарами, если напр. за одинъ сюртукъ (пользуемся примѣромъ Маркса) даютъ не 20 аршинъ холста, а 25 или 15, то можно ли узнать, измѣненіе мѣновой цѣнности какого товара служитъ причиной этого измѣненія? Длинная исторія тщетныхъ поисковъ за абсолютнымъ мѣриломъ цѣнности, которое обнаруживало бы тотъ товаръ, измѣненіе цѣнности котораго является дѣйствительнымъ источникомъ измѣненія мѣнового отношенія,—служитъ доказательствомъ, что многіе безъ колебаній отвѣчаютъ утвердительно на поставленный нами вопросъ, совсѣмъ не замѣчая скрывающагося въ немъ противорѣчія. Въ качествѣ средства для обнаруженія товара, измѣненіе мѣновой цѣнности котораго служило причиной измѣненія мѣновыхъ отношеній между нимъ и остальными товарами, эти лица указали бы на сравненіе этихъ мѣновыхъ отношеній съ мѣновыми отношеніями всѣхъ остальныхъ товаровъ другъ къ другу. Если за одинъ сюртукъ даютъ иное, чѣмъ прежде, количество всякаго рода другихъ товаровъ, тогда какъ всѣ остальные товары, въ томъ числѣ и холстъ, обмѣниваются другъ на друга въ прежнемъ отношеніи, то ясно, повидимому, что мѣновая цѣнность сюртука измѣнилась, а мѣновая цѣнность остальныхъ товаровъ осталась прежней. Если бы къ тому же приверженецъ трудовой теоріи узналъ, что на шитье сюртуковъ тратится теперь иное количество рабочаго времени, чѣмъ раньше, тогда

какъ въ производствѣ остальныхъ товаровъ такихъ перемѣнъ не произошло, или если бы ученикъ Менгера и Джевонса получилъ свѣдѣнія о томъ, что потребность въ сюртукахъ или число сюртуковъ измѣнились, тогда какъ у другихъ товаровъ этого не случилось, то ихъ предположеніе, что измѣнилась мѣновая цѣнность сюртука, и притомъ только его одного, а не другихъ товаровъ, превратилось бы въ прочную увѣренность. И тѣмъ не менѣе эта увѣренность была бы основана только на одномъ недоразумѣній.

Разъ рѣчь идетъ о мѣновой цѣнности товаровъ въ томъ точномъ смыслѣ этого понятія, въ которомъ мы его опредѣлили, то измѣненіе мѣнового отношенія между двумя или болѣе товарами e ipso означаетъ измѣненіе мѣновой цѣнности всѣхъ этихъ товаровъ, такъ какъ мѣновая цѣнность и есть не что иное, какъ это мѣновое отношеніе. Если за одинъ сюртукъ даютъ не 20 аршинъ холста, а 15, то мы съ одинаковымъ правомъ можемъ назвать такое явленіе паденіемъ мѣновой цѣнности сюртука до $^3/_4$ ея первоначальной величины, или возвышеніемъ мѣновой цѣнности холста до $1^1/_3$ ея первоначальной величины. Такъ какъ мѣновое отношеніе, какъ и всякое вообще отношеніе между двумя величинами, можетъ мѣняться только одновременно для обоихъ товаровъ,—въ обратномъ направленіи для каждаго—то будетъ простой тавтологіей сказать, что измѣненіе коснулось мѣновой цѣнности обоихъ товаровъ. Если же дѣлается попытка рѣшить вопросъ о томъ, измѣненіе цѣнности котораго изъ двухъ товаровъ было причиной измѣненія мѣнового отношенія между ними, то тутъ молчаливо подставляется совершенно новое понятіе цѣнности, не имѣющее ничего общаго съ мѣновымъ отношеніемъ. Приверженецъ трудовой теоріи цѣнности подразумѣваетъ подъ такой цѣнностью количество труда, затраченнаго на производство товара, Grenznutzenstheoretiker подразумѣваетъ

подъ ней значеніе блага для удовлетворенія человѣческой потребности — во всякомъ случаѣ это не есть мѣновая цѣнность въ смыслѣ мѣнового отношенія между товарами: послѣдняя, какъ мы сейчасъ указали, можетъ мѣняться только одновременно для обоихъ обмѣнивающихся товаровъ. Эта отличная отъ мѣновой цѣнности „цѣнность“, быть можетъ, оказываетъ вліяніе на первую или даже вполнѣ ее опредѣляетъ—во всякомъ случаѣ *логически* она есть нѣчто отъ нея независимое, и потому изслѣдованіе этой „цѣнности“ должно быть отдѣлено отъ изслѣдованія „мѣновой цѣнности“.

Дѣло ничуть не измѣнится, если мы вмѣсто двухъ обмѣнивающихся товаровъ возьмемъ бо̀льшее число. Если за 1 сюртукъ давали прежде въ обмѣнъ 20 арш. холста, 2 пуда хлѣба, $^1/_4$ фунта серебра и т. д., а затѣмъ стали давать 15 арш. холста, 2 пуда хлѣба и $^1/_4$ фунта серебра, то лица, не уяснившіе себѣ понятія мѣновой цѣнности, склонны будутъ сказать, что измѣнилась мѣновая цѣнность одного лишь холста, такъ какъ лишь этого одного товара даютъ теперь за 1 сюртукъ иное количество чѣмъ прежде. Если здѣсь рѣчь идетъ не о мѣновой цѣнности въ нашемъ смыслѣ, а о какой-либо другой, то это можетъ быть справедливо. Но если говорить о мѣновой цѣнности, то надо будетъ признать, что она измѣнилась для всѣхъ товаровъ, а не только для холста. Въ самомъ дѣлѣ, если мы разсматриваемъ мѣновое отношеніе между многими товарами, то мѣновая цѣнность каждаго изъ нихъ должна пониматься въ смыслѣ мѣнового отношенія его ко всѣмъ остальнымъ товарамъ одновременно, т. е. къ суммѣ ихъ. Если прежде за x товара a можно было получить y товара $b+z$ товара $c+v$ товара d, а затѣмъ, послѣ измѣненія мѣнового отношенія къ товару b, этого послѣдняго даютъ уже не y, а положимъ y', то за x товара a мы получимъ теперь y' товара $b+z$

товара $c+v$ товара d. Сумма товаровъ, которые даютъ въ обмѣнъ за опредѣленное количество товара a, измѣнилась, т. е. измѣнилась мѣновая цѣнность товара a. Точно также очевидно измѣнилась мѣновая цѣнность товаровъ c и d, такъ какъ и за нихъ можно будетъ получить теперь иное количество товара b, а слѣдовательно иную сумму товаровъ вообще, чѣмъ прежде. Итакъ, если въ приведенномъ примѣрѣ мы имѣемъ основаніе говорить, что *причина* измѣненія мѣновой цѣнности всѣхъ товаровъ лежитъ на сторонѣ товара b, такъ какъ измѣнилось мѣновое отношеніе всѣхъ товаровъ именно къ нему, и только къ нему одному, то тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ никакого права утверждать, что самый *фактъ* измѣненія мѣновой цѣнности коснулся одного только этого товара. Говорить это значило бы смѣшивать два совершенно разнородныхъ понятія: мѣновую цѣнность въ смыслѣ мѣнового отношенія, и нѣкоторую другую „цѣнность“ — терминъ, подъ которымъ подразумѣвается какое то, намъ пока неизвѣстное, явленіе или рядъ явленій, воздѣйствующихъ на мѣновую цѣнность товаровъ.

То же смѣшеніе понятій въ литературѣ теоріи цѣнности можно встрѣтить по вопросу объ общемъ повышеніи или пониженіи мѣновыхъ цѣнностей, или, какъ обыкновенно говорятъ, цѣнъ всѣхъ товаровъ. Разъ мѣновая цѣнность есть мѣновое отношеніе, и ничего болѣе, кромѣ такого отношенія, то общее поповышеніе или пониженіе мѣновой цѣнности всѣхъ товаровъ есть contradictio in adjecto. „Товаръ А можетъ повышаться въ цѣнности, лишь обмѣниваясь на бо́льшее количество товаровъ В и С; въ такомъ случаѣ эти послѣдніе должны обмѣниваться на меньшее количество товара А. Всѣ вещи не могутъ повыситься относительно другъ друга. Если на рынкѣ одна половина товаровъ повышается въ своей мѣновой цѣнности, само это условіе предполагаетъ пониженіе дру-

гой половины, и, обратно, пониженіе первой предполагаетъ повышеніе второй. Вещи обмѣнивающіяся одна на другую, не могутъ всѣ повыситься или всѣ понизиться, такъ же, какъ изъ двѣнадцати скороходовъ не можетъ каждый обогнать всѣхъ остальныхъ, или же изъ ста деревьевъ каждое перерости всѣ остальныя“ [1]). Между тѣмъ, такой аксіоматически ясный выводъ сдѣлали сравнительно немногіе авторы, и притомъ наименѣе глубокіе т. е. тѣ, которые—подобно Джемсу и Джону Миллю, Сэю и др.—ограничивали свое изслѣдованіе только одной *мѣновой* цѣнностью, совсѣмъ не касаясь тѣхъ понятій, которыя другіе авторы подразумѣвали подъ терминомъ „цѣнность“. Причина этому опять-таки лежитъ въ томъ, что у послѣднихъ авторовъ—напр. у Рикардо—понятіе мѣновой цѣнности не отдѣлено опредѣленными границами отъ того, что онъ называетъ „дѣйствительной цѣнностью“. Если бы производство всѣхъ товаровъ потребовало вдвое большаго труда, чѣмъ прежде, то Рикардо безъ колебанія сказалъ бы, что цѣнность всѣхъ товаровъ повысилась вдвое, тогда какъ напр. Милль такъ же категорически заявилъ бы, что цѣнность товаровъ осталась прежней. Противорѣчіе объясняется тѣмъ, что Милль подъ цѣнностью подразумѣваетъ только мѣновое отношеніе между товарами, которое въ разбираемомъ случаѣ разумѣется не измѣнится, Рикардо же называетъ цѣнностью и мѣновое отношеніе („относительная цѣнность“) товаровъ, и нѣкоторое другое явленіе, которое онъ называетъ „дѣйствительной цѣнностью“, и которое считаетъ пропорціональной затратѣ труда.

Сказаннаго достаточно, чтобы увидѣть глубину различія между мѣновой цѣнностью, какъ простымъ *отношеніемъ* между товарами, и всѣми другими значеніями понятія цѣнности и чтобы понять важность рѣзкаго и

[1]) Милль, „Основанія политич. экономіи“, перев. подъ ред. Остроградскаго, стр. 393.

недвусмысленнаго разграниченія понятій, объединяемыхъ однимъ терминомъ „цѣнность“. Чтобы избѣжать противорѣчій и недоразумѣній, связанныхъ съ неопредѣленностью понятій, при которой читатель никогда не можетъ быть увѣренъ, о какомъ именно понятіи говорится, когда употребляется слово „цѣнность“ — мы должны отвлечься отъ всякаго рода „цѣнности“ за исключеніемъ того, что согласно общепринятой терминологіи называется „мѣновой цѣнностью“, т. е. мѣнового отношенія между товарами. Если бы даже мы напередъ знали, что мѣновая цѣнность дѣйствительно обусловливается рядомъ тѣхъ причинъ, которыя установившаяся рѣчь тоже называетъ „цѣнностью“, то для ясности мы должны были бы на время оставить это въ сторонѣ и расматривать одну только мѣновую цѣнность. Какъ бы тѣсна ни была связь между этими обоими понятіями: „мѣновой цѣнностью“ и нѣкоторой другой, пока еще не опредѣленной „цѣнностью“—нужно все же помнить, что это два *различныхъ* понятія, и каждое изъ нихъ должно изслѣдоваться независимо отъ другого.

Такимъ образомъ, на настоящей ступени нашего изслѣдованія для насъ существуетъ только одна мѣновая цѣнность, только одно мѣновое отношеніе между товарами. Насъ интересуетъ пока только одинъ вопросъ: въ какой мѣрѣ справедливо, что это мѣновое отношеніе между товарами опредѣляется сравнительнымъ количествомъ труда, затраченнымъ на ихъ производство? Это именно утверждаетъ *трудовая теорія мѣновой цѣнности*, и такъ какъ мы имѣемъ пока дѣло только съ *мѣновой цѣнностью*, то здѣсь мы ограничиваемся изслѣдованіемъ одного лишь поставленнаго выше вопроса. Всякія указанія на то, что трудовая теорія имѣетъ еще какое-либо другое значеніе, кромѣ объясненія причинъ, опредѣляющихъ высоту мѣнового отношенія, мы оставляемъ пока въ сторонѣ. Разсматри-

вать отдѣльныя стороны вопроса одну независимо отъ другой—есть наше законное право, а какое значеніе имѣетъ такое раздробленіе вопроса именно въ нашей спеціальной темѣ и насколько оно составляетъ *обязанность* во всякой работѣ по теоріи цѣнности, это, мы надѣемся, еще болѣе выяснится въ дальнѣйшемъ.

Для устраненія возможныхъ недоразумѣній намъ остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Разъ проблема мѣновой цѣнности, т. е. мѣнового отношенія между товарами, прочными границами отдѣлена отъ всѣхъ иныхъ вопросовъ, изслѣдуемыхъ въ „теоріи цѣнности“, то исчезаетъ всякое принципіальное различіе между двумя понятіями, нерѣдко употребляемыми, кстати сказать, въ весьма разнородномъ и растяжимомъ смыслѣ, именно между „цѣнностью“ и „цѣной“. Терминъ „цѣна“, поскольку подъ нимъ подразумѣвается понятіе, противопоставляемое понятію „цѣнности“, употребляется въ литературѣ нашего вопроса въ двухъ различныхъ значеніяхъ. У большинства англійскихъ экономистовъ „цѣнность“ или „мѣновая цѣнность“ означаетъ именно мѣновое отношеніе между товарами; „цѣной“ въ такомъ случаѣ называется то же мѣновое отношеніе, выраженное въ деньгахъ. Различіе между обоими понятіями есть при этомъ слѣдовательно чисто практическое, и вопросъ о причинахъ, опредѣляющихъ высоту мѣнового отношенія между товарами, можетъ безразлично изслѣдоваться подъ заголовками „теоріи цѣнности“ и „теорія цѣны“. Наоборотъ, у большинства нѣмецкихъ экономистовъ, а также у Маркса и его послѣдователей, различіе между „цѣнностью“ и „цѣной“ болѣе глубоко, но за то и болѣе неопредѣленно. Подъ „цѣной“ подразумѣвается обыкновенно фактическое, болѣе или менѣе случайное, мѣновое соотношеніе товаровъ („рыночная цѣна“), тогда какъ „цѣнностью“ называется, съ одной стороны, извѣстное среднее, болѣе или менѣе устойчивое, мѣновое отно-

шеніе, закономѣрность котораго легко установить, а съ другой стороны — не вполнѣ опредѣленно — извѣстное качество товаровъ или извѣстное относящееся къ нимъ обстоятельство, дающее имъ способность пріобрѣсти на рынкѣ „цѣну“, т. е. обмѣняться на другіе товары. Съ нашей точки зрѣнія эта послѣдняя терминологія должна быть рѣшительно отвергнута. Прежде всего, „среднее“ мѣновое отношеніе есть такое же мѣновое отношеніе, какъ и всякое другое, и если найти управляющіе имъ законы и легче, чѣмъ для остальныхъ мѣновыхъ отношеній, то это не есть основаніе для обозначенія его особымъ терминомъ; если закономѣрность, съ которою дѣйствуетъ сила притяженія между небесными тѣлами, узнать гораздо легче, чѣмъ закономѣрность ея дѣйствія на земной поверхности, то притяженіе все-таки остается притяженіемъ и называется только однимъ этимъ именемъ. Что же касается того качества или обстоятельства, которое обусловливаетъ возможность обмѣна для каждаго товара, то обозначать его тѣмъ же терминомъ, которымъ пользуются для обозначенія самого мѣнового отношенія—хотя бы только извѣстнаго сорта послѣдняго—значитъ спутывать два совершенно разнородныхъ понятія—мѣнового отношенія съ одной стороны, и причинъ, вліяющихъ на него, съ другой, или по крайней мѣрѣ содѣйствовать ихъ смѣшенію. Что именно въ такомъ смѣшеніи лежитъ самая pointe или даже, въ извѣстномъ смыслѣ, безсознательная цѣль этой терминологіи, это видно изъ того, что названіе „мѣновой цѣнности“ она удѣляетъ только тому роду мѣновыхъ отношеній, при которомъ въ наиболѣе яркомъ и чистомъ видѣ обнаруживается дѣйствіе тѣхъ силъ и факторовъ, которые также носятъ названіе „мѣновой цѣнности“; благодаря этому получается впечатлѣніе, будто этотъ родъ мѣновыхъ отношеній и обусловливающіе его факторы составляютъ одно, логически

Библиотека ООН

тождественное, явленіе и въ качествѣ такового можетъ быть противопоставлены всѣмъ другимъ мѣновымъ отношеніямъ. Такъ напр. у Маркса съ одной стороны „мѣновой цѣнностью“ называется мѣновое отношеніе между товарами, пропорціональное сравнительному количеству труда, затраченному на ихъ производство, причемъ это мѣновое отношеніе противопоставляется всѣмъ прочимъ, которыя называются „цѣнами“, съ другой же стороны—самый фактъ затраты труда или способность товара, на который затраченъ трудъ, обмѣняться на другіе товары, носитъ также названіе мѣновой цѣнности, хотя бы въ дѣйствительности товаръ этотъ обмѣнялся на другіе не пропорціонально затратѣ труда, и слѣдовательно не обладалъ „мѣновой цѣнностью“ въ предыдущемъ смыслѣ. Такимъ образомъ, одна часть данной группы явленій, *вмѣстѣ съ причинами, ее обусловливающими*, называется однимъ именемъ, а другая часть, логически подходящая подъ одно понятіе съ первой (именно подъ понятіе мѣнового отношенія), но находящаяся подъ дѣйствіемъ *другихъ причинъ*, получаетъ другое, отличное отъ перваго, названіе—пріемъ, въ логичности и цѣлесообразности котораго позволительно сомнѣваться.

Мы отдаемъ поэтому рѣшительное предпочтеніе англійской терминологіи, для которой „цѣна“ есть лишь спеціальное мѣновое отношеніе товаровъ къ товару, служащему „всеобщимъ эквивалентомъ“, т. е. къ деньгамъ, и только этимъ и отличается отъ понятія мѣновой цѣнности, означающаго мѣновое отношеніе между товарами вообще, независимо отъ того, есть ли одинъ изъ этихъ товаровъ деньги, или нѣтъ. Въ дальнѣйшемъ мы вездѣ, гдѣ не оговорено иное, будемъ пользоваться этой терминологіей.

II.

Итакъ, намъ предстоитъ изслѣдовать вопросъ: въ какой мѣрѣ справедливо, что мѣновое отношеніе между товарами опредѣляется сравнительнымъ количествомъ труда, затраченнымъ на ихъ производство, и только имъ однимъ? Другими словами, можно ли признать вѣрной *трудовую теорію мѣновой цѣнности?*

Если вдуматься въ этотъ вопросъ и правильно изолировать его отъ всѣхъ остальныхъ, связанныхъ съ нимъ вопросовъ, то на него нельзя отвѣтить иначе, какъ отрицательно. *Трудовая теорія мѣновой цѣнности невѣрна.* Сравнительное количество труда, затрачиваемаго на производство товаровъ, не служитъ рѣшающимъ моментомъ въ опредѣленіи высоты мѣнового отношенія.

Мы полагаемъ, что критика, которой была подвергнута теорія цѣнности Маркса, доказала неопровержимо неправильность трудовой теоріи мѣновой цѣнности. Всѣ болѣе или менѣе вѣскія возраженія, которыя встрѣтила эта критика, доказывали и могли только доказать, что трудовая теорія справедлива въ примѣненіи не къ мѣновой цѣнности, а къ нѣкоторому другому явленію, обозначаемому у Маркса также терминомъ „цѣнность“. Насколько вѣрно послѣднее утвержденіе, это мы разсмотримъ ниже; здѣсь же, гдѣ у насъ идетъ дѣло только о *мѣновой* цѣнности, намъ остается лишь свести воедино все, что сказала научная критика о теоріи мѣновой цѣнности у Маркса [1]).

[1]) Наиболѣе серьезной, продуманной и основательной является несомнѣнно критика Бёмъ-Баверка въ его «Geschichte u. Kritik der Kapitalzinstheorie» и въ статьѣ «Zum Abschluss des Marx'schen Systems» въ «Festgaben für K. Knies, Berlin 1896». (Русск. пер. подъ ред. Георгіевскаго: «Теорія Маркса и ея критика», Спб. 1897 г.). Причины пренебрежительнаго отношенія, которое эта критика встрѣтила въ русской литературѣ, могутъ лежать въ чемъ угодно, но никакъ не въ качествахъ самой работы. Систе-

Прежде всего, однако, посмотримъ на постановку вопроса у Маркса. У Маркса мы видимъ попытку установить точный критерій для оцѣнки правильности той или иной теоріи цѣнности, и на немъ мы должны сейчасъ остановиться.

Каково бы ни было мѣновое отношеніе между двумя товарами, его всегда можно, по мнѣнію Маркса, свести на извѣстное уравненіе, въ которомъ данное количество одного товара приравнивается данному количеству другого, напр. одинъ квартеръ пшеницы *a* центнерамъ желѣза. Что же означаетъ это уравненіе? „Что нѣчто общее одинаковой величины существуетъ въ двухъ различныхъ вещахъ, въ одномъ квартерѣ пшеницы и въ *a* центнерахъ желѣза. Каждая изъ этихъ двухъ вещей поэтому, поскольку она есть мѣновая цѣнность, можетъ быть приведена къ этому третьему". Геометрическій примѣръ сравненія площадей прямоугольныхъ фигуръ посредствомъ сведенія ихъ на нѣкоторую общую величину—извѣстное количество площадей треугольниковъ, въ свою очередь сводимыхъ на общее выраженіе „половины произведенія основанія на высоту",—служитъ Марксу. иллюстраціей этого положенія.

Итакъ, для того, чтобы можно было приравнять другъ другу два товара, между ними должно имѣться нѣчто общее, и притомъ общее одинаковой величины.

Отсюда само собой вытекаетъ слѣдующее, подразумѣваемое Марксомъ, положеніе: всякая теорія цѣнности обязана обнаружить то неизвѣстное x, которое является общимъ свойствомъ обмѣниваемыхъ товаровъ и которое одно только и дѣлаетъ возможнымъ сравне-

матической и обстоятельной критикѣ эта работа до сихъ поръ подвергнута не была, несмотря на то, что *по поводу нея* было писано довольно много. См. *Библіографическую замѣтку* въ *Русск. Богатствѣ* 1898 г. № 4, статью о «цѣнности» г. Булгакова въ *Научн. Обозр.* 1898 г. № 2, и статью г. Нежданова въ «Жизни» 1899 г., кн. 6, 7 и 8.

ніе товаровъ между собой, и слѣдовательно ихъ обмѣнъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ лежитъ и критерій для оцѣнки любой теоріи цѣнности: отъ нашего отношенія къ достоинствамъ выполненія указанной задачи опредѣленной теоріей цѣнности зависитъ и наше отношеніе къ ней самой. Если данная теорія неправильно опредѣлила то „общее одинаковой величины", которое имѣется въ обмѣнивающихся товарахъ, т. е. если она этимъ общимъ признала извѣстное ихъ свойство, имѣющееся не у всѣхъ товаровъ, или даже у всѣхъ, но не въ одинаковой величинѣ у всѣхъ, — то она неправильно разрѣшила загадку цѣнности, такъ какъ именно это „общее одинаковой величины" и служитъ опредѣляющимъ факторомъ мѣновой цѣнности *всѣхъ* товаровъ. Мы подчеркиваемъ, что этотъ общій элементъ долженъ быть общимъ для *всѣхъ* безъ исключенія обмѣнивающихся товаровъ: такъ какъ имъ однимъ дается возможность обмѣна, то всякій обмѣнивающійся товаръ долженъ имъ обладать, иначе былъ бы немыслимъ самый обмѣнъ. Такимъ образомъ, во-первыхъ, всѣ блага, между которыми установилось или можетъ установиться мѣновое отношеніе, должны заключать въ себѣ это общее *нѣчто*, такъ что, если мы найдемъ хотя бы одно благо, которое приравнивается къ другимъ и не заключаетъ въ себѣ того x, которое мы признали общимъ свойствомъ всѣхъ обмѣнивающихся благъ, то мы должны будемъ придти къ заключенію, что это общее для *всѣхъ* благъ заключается уже не въ x, а въ какомъ-либо другомъ условіи y, ибо иначе невозможно было бы приравненіе указаннаго блага. Во-вторыхъ, это x должно быть *одинаковой* величины во всѣхъ благахъ. И тутъ, если мы найдемъ хотя бы одно благо, которое входитъ въ мѣновое отношеніе къ другимъ и содержитъ въ себѣ это x, но въ меньшей или большей степени, чѣмъ всѣ другія блага, то мы опять-таки должны будемъ при-

знать, что не въ этомъ x лежитъ условіе общности всѣхъ благъ между собой: иначе было бы невозможно приравненіе другъ другу неравновеликихъ x. Если, напр., фунтъ золота обмѣнивается на полъ пуда серебра, то, хотя вѣсъ и составляетъ общее свойство обоихъ веществъ, но не въ немъ лежитъ то условіе, которое позволяетъ приравнивать ихъ другъ другу; иначе фунтъ золота могъ бы быть приравненъ только фунту же серебра, а не бо́льшему и не меньшему его количеству.

Изложенная здѣсь постановка задачи теоріи цѣнности была подвергнута критикѣ со стороны такъ называемой психологической школы. „Предположеніе, по которому въ обмѣнѣ двухъ предметовъ должно проявляться ихъ равенство — говоритъ Бёмъ-Баверн — ...невѣрно задумано. Гдѣ царитъ равенство и полное равновѣсіе, тамъ не происходитъ обыкновенно никакой перемѣны въ бывшемъ до того состояніи покоя. Если, поэтому, въ случаѣ обмѣна дѣло кончается тѣмъ, что товары мѣняютъ своихъ владѣльцевъ, то это скорѣе признакъ того, что тутъ замѣшалось какое-либо неравенство или перевѣсъ, подъ вліяніемъ котораго и совершилась перемѣна“ [1]). Намъ кажется однако, что это возраженіе — не то, что неправильно, но скорѣе неумѣстно. Если находятъ въ двухъ явленіяхъ нѣчто общее, то этимъ нисколько не отрицается, что это все-таки два разныхъ явленія, т. е. что наряду съ извѣстнымъ общимъ свойствомъ у нихъ имѣются и индивидуальныя черты. Поэтому если утверждается, что обмѣнивающіеся товары имѣютъ между собой нѣчто общее, то точно также при этомъ вовсе не подразумѣваютъ, что эти товары *ничѣмъ* не отличаются другъ отъ друга: разница тутъ такая же, какъ въ математикѣ между уравненіемъ и тождествомъ. Если такъ,

[1]) Zum Abschluss des Marxschen Systems, s. 151; русск. пер. стр. 68.

то возможно одновременно равенство въ одномъ отношеніи и неравенство въ другомъ, и точки зрѣнія Маркса и Бёмъ-Баверка могутъ мирно ужиться другъ съ другомъ. Приравненіе различныхъ товаровъ въ одномъ отношеніи не мѣшаетъ каждому изъ нихъ обладать особыми свойствами, и это послѣднее неравенство обусловливаетъ ихъ передвиженіе, въ то время какъ ихъ равенство обусловливаетъ ихъ сравненіе между собой; вѣдь, и съ точки зрѣнія Маркса обмѣнъ возможенъ только для товаровъ, обладающихъ различными потребительными цѣнностями.

Въ чемъ заключаются эти элементы равенства и различія въ обмѣнивающихся товарахъ, этотъ вопросъ мы пока оставляемъ открытымъ. Но что наряду съ различіемъ должно существовать равенство въ извѣстномъ отношеніи, это несомнѣнно. Что̀ касается *качественнаго* равенства обмѣниваемыхъ благъ въ какомъ-либо опредѣленномъ отношеніи, то этого не отрицаетъ никто. Выборъ между двумя благами только и возможенъ тогда, когда ихъ сравнительное значеніе для насъ соизмѣримо въ извѣстномъ отношеніи, и никто не доказалъ этого лучше той же психологической школы, которая обнаружила соизмѣримость различныхъ потребностей и ихъ удовлетворенія. Столь же несомнѣнна однако и необходимость *количественнаго* равенства обмѣниваемыхъ благъ въ опредѣленномъ отношеніи. Самое характерное въ обмѣнѣ именно и заключается въ томъ, что онъ устанавливаетъ равенство между строго опредѣленными количествами различныхъ благъ. Обмѣнъ напр. 1 фунта хлѣба на одинъ пудъ золота кажется намъ столь же немыслимымъ, какъ обмѣнъ чего-либо на солнечные лучи или атмосферный воздухъ. По этому недостаточно, чтобы въ хлѣбѣ и золотѣ заключалось вообще что-либо общее, для того, чтобы они могли обмѣниваться: для возможности обмѣна необходимо, чтобы это общее было опре-

дѣленной величины въ обоихъ. Если, однако, въ другихъ количествахъ оба блага не могутъ обмѣниваться другъ на друга, то это не значитъ что неожиданно пропало ихъ качественное равенство, которое дѣлало возможнымъ ихъ сравненіе между собой — сравненіе остается возможнымъ и въ этомъ случаѣ, такъ какъ можно опредѣлить, *во сколько* разъ одно благо „дороже“ или „дешевле“ другого, т. е. во сколько въ немъ содержится меньше или больше этой неизвѣстной общей субстанціи— это значитъ только, что для возможности обмѣна необходимо равенство не только качественное, но и количественное.

Мы считаемъ, поэтому, постановку задачи у Маркса по существу вѣрной, и придаемъ ей чрезвычайно важное значеніе: она должна служить пробнымъ камнемъ всякой теоріи цѣнности, въ томъ числѣ и теоріи самого Маркса. Проблема трудовой теоріи цѣнности въ такомъ случаѣ приметъ слѣдующую форму: есть ли затрата труда то общее свойство всѣхъ обмѣнивающихся благъ, которое составляетъ ихъ tertium comparationis и которое, слѣдовательно, имѣется у всѣхъ нихъ безъ исключенія, и притомъ приходится въ одинаковомъ количествѣ на взаимно-обмѣнивающіяся единицы благъ? Только послѣ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ можно признать правильной трудовую теорію цѣнности.

У Маркса сейчасъ же вслѣдъ за изложенной постановкой вопроса слѣдуетъ попытка доказать, что такимъ общимъ свойствомъ можетъ быть только одинъ трудъ. Попытка эта—мы должны указать на это тотчасъ же—совершенно неудачна, и если только въ ней одной заключалось бы обоснованіе трудовой теоріи цѣнности, защита послѣдней была бы дѣломъ совершенно безнадежнымъ. Марксъ разсуждаетъ такъ: „Этимъ общимъ не можетъ быть ни геометрическое, ни физическое, ни химическое, ни какое либо иное свойство

товаровъ. Ихъ физическія свойства имѣютъ вообще значеніе лишь постольку, поскольку они дѣлаютъ ихъ полезными предметами, т. е. потребительными цѣнностями. Но, съ другой стороны, очевидно, что характернымъ для мѣнового отношенія является именно его независимость отъ потребительныхъ цѣнностей. Въ самомъ процессѣ обмѣна одна потребительная цѣнность стоитъ ровно столько-же, сколько и всякая другая, разъ она имѣется въ надлежащей пропорціи... Какъ потребительныя цѣнности, товары имѣютъ, прежде всего, различныя качества; какъ мѣновыя цѣнности, они могутъ разниться только количествомъ и не заключаютъ въ себѣ, поэтому, ни одного атома потребительной цѣнности. Если оставить въ сторонѣ потребительную цѣнность товаровъ, то у нихъ остается только одно свойство, а именно то, что всѣ они—продукты труда“ [1]).

Аргументація эта была шагъ за шагомъ прослѣжена и анализирована Бёмъ-Баверкомъ; въ ней, какъ онъ показалъ, „имѣется столько же крупныхъ ошибокъ, сколько и звеньевъ мысли“. Критика Бёмъ-Баверка [2]) до сихъ поръ опровергнута не была, и, какъ мы думаемъ, опровергнута быть не можетъ. Мы можемъ здѣсь, основываясь на ней, дать только въ самомъ краткомъ видѣ критику этой аргументаціи Маркса, отсылая интересующихся къ самому Бёмъ-Баверку.

Прежде всего, методъ, посредствомъ котораго Марксъ доходитъ до утвержденія, что единственное общее свойство товаровъ — это ихъ свойство быть продуктами труда,—есть въ высшей степени ненадежный сократовскій методъ, который въ логикѣ слыветъ подъ названіемъ inductio per enumerationen simplicem. Марксъ перечисляетъ одно за другимъ различныя свойства то-

[1]) Das Kapital, B. I, 4-e Auflage, s. 3—4, русск. пер. подъ ред. Струве, стр. 3—4.

[2]) Zum Abschluss etc. c. 151—164, русск. пер. стр. 69—82.

варовъ, чтобы отвергнуть ихъ способность служить искомымъ tertium comparationis и признать единственнымъ таковымъ общимъ свойствомъ послѣднее, что осталось послѣ этого, какъ говоритъ Бёмъ-Баверкъ, „процѣживанія сквозь сито логики“, а именно трудъ, затраченный на производство товаровъ. Но дѣйствительно ли Марксъ пересмотрѣлъ всѣ возможныя свойства и доказалъ ихъ непригодность въ искомомъ отношеніи? Критика не замедлила указать, что это далеко не такъ. Прежде всего, „если оставить въ сторонѣ потребительную цѣнность товаровъ“, то у нихъ вовсе не остается „только одно свойство, а именно то, что они—продукты труда“. Общимъ свойствомъ всѣхъ товаровъ является напр. ихъ рѣдкость по отношенію къ потребности въ нихъ, что объединяетъ ихъ всѣхъ въ одну группу „хозяйственныхъ благъ“ въ отличіе отъ благъ „свободныхъ“; такимъ же общимъ свойствомъ является и то, что всѣ они служатъ предметомъ спроса и предложенія, или что всѣ они находятся въ собственности и т. д. Такимъ образомъ, послѣ исключенія потребительной цѣнности остается еще цѣлый рядъ свойствъ, а потому признаніе таковымъ специфическимъ свойствомъ затраты труда является ничѣмъ недоказаннымъ.

Вторая допущенная Марксомъ ошибка заключается въ томъ способѣ, посредствомъ котораго онъ устранилъ потребительную цѣнность, въ качествѣ возможнаго общаго свойства между товарами. Марксъ утверждаетъ, какъ мы видѣли, что мѣновыя цѣнности „не заключаютъ ни одного атома потребительной цѣнности“, такъ какъ „характернымъ для мѣнового отношенія товаровъ является именно независимость отъ потребительныхъ цѣнностей: въ самомъ процессѣ обмѣна одна потребительная цѣнность стоитъ ровно столько же, сколько всякая другая“.

Не подлежитъ сомнѣнію, что тутъ смѣшано „отвле-

ченіе вообще *отъ какого либо обстоятельства* съ отвлеченіемъ отъ *спеціальныхъ видовыхъ различій*, при которыхъ данное обстоятельство проявляется". „При мѣновыхъ отношеніяхъ товаровъ отвлекаются отъ спеціальныхъ видовыхъ различій, при которыхъ могла бы проявляться потребительная цѣнность, служитъ ли товаръ для пищи, жилища, одежды и пр., но вовсе не отъ потребительной цѣнности вообще; что вовсе не отъ послѣдней отвлекаются, Марксъ могъ бы усмотрѣть уже изъ того, что не можетъ существовать никакой мѣновой цѣнности тамъ, гдѣ нѣтъ потребительной цѣнности — фактъ, который неоднократно вынужденъ былъ признать и самъ Марксъ" [1]). Если „въ процессѣ обмѣна одна потребительная цѣнность стоитъ ровно столько же, сколько всякая другая", то это вовсе не значитъ, что потребительная цѣнность вообще не играетъ тутъ никакой роли: это значитъ, наоборотъ, что въ процессѣ обмѣна обращается вниманіе не на ту или иную спеціальную потребительную цѣнность, а именно на потребительную цѣнность какъ таковую, на общую полезность товара. Иначе въ обмѣнъ могли бы входить и товары, не обладающіе потребительной цѣнностью.

Но необходимо ли такое отвлеченіе отъ видовыхъ различій при отысканіи общаго свойства товаровъ только по отношенію къ ихъ потребительной цѣнности? Ни въ какомъ случаѣ. Точно также обстоитъ дѣло со всякимъ другимъ свойствомъ товаровъ, въ частности — съ имъ свойствомъ быть продуктами труда. Вѣдь, и тутъ при сравненіи нужно отвлечься отъ качественныхъ различій труда — на этомъ основано все ученіе Маркса о конкретномъ и абстрактномъ трудѣ. Подобно тому, какъ при обмѣнѣ „одна потребительная цѣнность стоитъ ровно столько же, сколько всякая

[1]) Цит. соч. с. 158, русск. пер. стр. 75.

другая, разъ она имѣется въ надлежащей пропорціи", совершенно такъ же и всякій трудъ — и трудъ плотника, ткача, портного и т. д. — стоитъ при обмѣнѣ ровно столько же, сколько и всякій другой, разъ онъ имѣется въ надлежащей пропорціи. И какъ въ данномъ случаѣ отвлеченіе отъ конкретныхъ видовъ труда не есть вмѣстѣ съ тѣмъ отвлеченіе отъ труда, какъ такового — абстрактнаго труда,—а наоборотъ предпринимается именно для сосредоточенія вниманія на послѣднемъ, точно также и отвлеченіе отъ конкретныхъ потребительныхъ цѣнностей не равносильно отвлеченію отъ полезности товара вообще, мы могли бы сказать, отъ его абстрактной потребительной цѣнности. „Трудъ и потребительная цѣнность имѣютъ свою количественную и качественную сторону. Какъ качественно различны потребительныя цѣнности въ видѣ стола, дома и пряжи, такъ же различенъ и трудъ столяра, плотника и прядильщика. И какъ можно сравнивать трудъ различнаго рода по его количеству, такъ и потребительныя цѣнности разнаго рода можно сравнивать по величинѣ потребительной цѣнности. Абсолютно непонятно, почему одна и та же суть дѣла одного соперника должна привести къ исключенію, а другого къ увѣнчанію премій" [1]).

[1]) Цит. соч. с. 160, русск. пер. стр. 78. Otto Gerlach, въ своей работѣ «Die Bedingungen der wirtschaftlichen Thätigkeit» (Iena 1890) такъ формулируетъ Марксовскій анализъ товара: «Марксъ находитъ въ товарахъ три общихъ свойства: товары суть *потребительныя цѣнности*, т. е. они способны удовлетворять различнымъ человѣческимъ потребностямъ; они суть, далѣе, *продукты конкретнаго труда*; и наконецъ, они суть *продукты человѣческаго труда вообще*». (с. 18). При такой формулировкѣ искусственность анализа прямо бросается въ глаза. Если продукты конкретнаго труда отличаются отъ продуктовъ труда вообще, то почему же *конкретныя потребительныя цѣнности* не отличаются отъ *потребительныхъ цѣнностей вообще*? Какъ чисто логическій пріемъ, абстрагированіе отъ конкретныхъ видоизмѣненій какого-либо свойства одинаково приложимо ко всякаго рода объектамъ, и слѣдовательно къ потребительной цѣнности не менѣе, чѣмъ къ труду. При правильномъ анализѣ, слѣдовательно, получились бы *четыре* свойства товаровъ (товары, какъ потребительныя цѣнности и какъ

Поэтому Бёмъ-Баверкъ совершенно правъ, говоря: „если бы Марксъ измѣнилъ порядокъ изслѣдованія, то онъ могъ бы при помощи того же умозрительнаго аппарата, пользуясь которымъ онъ устранилъ потребительную цѣнность, устранить трудъ и тѣмъ же путемъ, слѣдуя которому онъ увѣнчалъ премiей трудъ, превознести потребительную цѣнность, какъ единственное оставшееся и, слѣдовательно, искомое общее свойство, цѣнность же объявить застывшей потребительной цѣнностью“ [1]).

Сказаннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы видѣть, насколько несостоятельна аргументацiя Маркса. Марксу не удалось, дѣйствительно, доказать, что всѣ свойства товаровъ, кромѣ того только, что—они продукты труда, подлежатъ исключенiю въ виду негодности ихъ служить tertium comparationis между товарами. A priori остается недоказаннымъ, что такимъ общимъ свойствомъ можетъ быть одинъ только абстрактный человѣческiй трудъ. Впрочемъ, этой аргументацiи не слѣдуетъ придавать особеннаго значенiя; у Маркса она занимаетъ весьма подчиненное мѣсто. Она служитъ только формальнымъ средствомъ—хотя средствомъ, конечно, неудовлетворительнымъ—для установленiя трудовой теорiи, въ качествѣ *гипотезы*, посредствомъ которой должны быть объяснены явленiя хозяйственной жизни. Съ другой стороны, у Маркса имѣется еще одно обоснованiе теорiи цѣнности: оно покоится на его ученiи о сущности общественнаго хозяйства. Это послѣднее обоснованiе мы пока оставимъ въ сторонѣ. Примемъ вмѣстѣ съ Марксомъ трудовую теорiю цѣнности въ качествѣ гипотезы и посмотримъ, насколько она соотвѣтствуетъ тѣмъ фактамъ, которые она должна

продуктъ труда, и то и другое съ абстрактной, и съ конкретной точекъ зрѣнiя). Въ этомъ случаѣ съ потребительной цѣнностью было бы уже не такъ легко раздѣлаться.

[1]) Ibid.

объяснить. Критеріемъ для ея оцѣнки намъ послужитъ установленное Марксомъ положеніе, по которому основой цѣнности можетъ служить только то свойство товаровъ, которое имѣется у нихъ всѣхъ и притомъ приходится въ одинаковомъ количествѣ на обмѣнивающіяся другъ на друга единицы ихъ.

Мы заранѣе извиняемся въ нѣкоторой элементарности нижеслѣдующаго разбора. Разборъ этотъ представляетъ въ значительной мѣрѣ только сводку того, что было сказано научной критикой теоріи Маркса, и болѣе претендуетъ на вѣрность, чѣмъ на новизну. Но авторитетъ Маркса такъ великъ, и его чрезъ мѣру усердные послѣдователи пускали иногда въ ходъ столь странные и натянутые аргумѳнты, что такая систематическая сводка весьма простыхъ и извѣстныхъ, но оттого не менѣе убѣдительныхъ аргументовъ представляется намъ необходимой въ качествѣ отправного пункта для дальнѣйшаго анализа.

III.

Прежде всего, мы наталкиваемся на одинъ фактъ, наличность котораго уже сама по себѣ была бы достаточна для опроверженія трудовой теоріи, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ которомъ ея обосновалъ Марксъ: мы разумѣемъ существованіе предметовъ, обладающихъ цѣнностью и тѣмъ не менѣе не составляющихъ продуктовъ труда, а также предметовъ, относительно которыхъ непосредственно ясно, что ихъ цѣнность не находится ни въ какой зависимости отъ затраченнаго на нихъ труда. Къ первому разряду можно отнести обладающія мѣновой цѣнностью земли, силы природы, естественныя богатства, вродѣ залежей угля или цѣлебныхъ источниковъ и т. п.; ко второму разряду относятся всѣ такъ-называемые „рѣдкости“, какъ рѣдкія книги, картины, статуи, орудія, утварь, затѣмъ пред-

меты, отличающіеся выдающимися качествами, какъ особенные сорта винъ, работы выдающихся художниковъ и мастеровъ и т. п.

Всѣ перечисленные выше предметы обмѣниваются, какъ извѣстно, на другія блага совершенно такъ же, какъ обыкновенные продукты труда. Фактъ этотъ настолько элементаренъ, что уже основатели трудовой теоріи цѣнности отдали себѣ полный отчетъ въ немъ. И Смитъ и Рикардо утверждали, что трудъ является основой мѣновой цѣнности только для одного разряда благъ,—именно для благъ свободно воспроизводимыхъ, и что причина цѣнности остальныхъ благъ лежитъ въ ихъ „рѣдкости"; высота же этой цѣнности колеблется въ зависимости отъ богатства и вкусовъ потребителей. Такимъ образомъ, они устанавливали сразу двѣ теоріи цѣнности: одну—для благъ невоспроизводимыхъ, другую—для свободно-воспроизводимыхъ. При такой оговоркѣ фактъ существованія „рѣдкихъ" предметовъ, обладающихъ цѣнностью, не служитъ опроверженіемъ трудовой теоріи, такъ какъ послѣдняя относится не ко всей совокупности благъ, а только къ одной ихъ части. Но при этомъ радикально измѣняется и самый характеръ теоріи: она отказывается найти общую, универсальную субстанцію мѣновой цѣнности, [1]) а ограничивается лишь опредѣленіемъ ближайшихъ причинъ, обусловливающихъ цѣнность отдѣльныхъ родовъ благъ.

При той постановкѣ задачи, которая имѣется у Маркса, подобное рѣшеніе невозможно. Марксъ, какъ мы видѣли, съ самаго начала признаетъ *основой* цѣн-

[1]) Выраженіе „субстанція цѣнности" употребляется здѣсь, какъ и въ дальнѣйшемъ, не въ метафизическомъ смыслѣ матеріальнаго субстрата цѣнности, а въ смыслѣ теоретико-познавательномъ—какъ конститутивный, т. е. основывающій понятіе, признакъ. Не трудно видѣть, что „общее одинаковой величины" во всѣхъ товарахъ, безъ котораго *немыслимо* вообще мѣновое отношеніе между ними, есть не что иное, какъ субстанція цѣнности въ указанномъ смыслѣ.

ности только то свойство, которое вообще дѣлаетъ блага сравнимыми между собой. Очевидно, что это свойство должно имѣться у всѣхъ благъ безъ исключенія, такъ какъ въ противномъ случаѣ или блага, не обладающія имъ, не могли бы вообще приравниваться другимъ, т. е. входить въ мѣновой процессъ и обладать мѣновой цѣнностью, или же найденное tertium comparationis служитъ таковымъ только для одного разряда благъ, а слѣдовательно для *всѣхъ благъ вообще* должно существовать другое, которое и было бы дѣйствительной основой мѣновой цѣнности. Поэтому, если рядомъ съ уравненіемъ „одинъ квартеръ пшеницы равняется *a* центнерамъ желѣза“ мы имѣемъ право поставить уравненіе: „1 квартеръ пшеницы = *a* центнерамъ дико растущаго лѣса = *b* моргенамъ дѣвственной почвы = *c* моргенамъ пастбища на натуральныхъ лугахъ“ [1]), то общимъ свойствомъ обмѣниваемыхъ благъ не можетъ уже служить трудъ, такъ какъ въ процессъ обмѣна входятъ блага, на которыя не было потрачено труда. Къ тому же выводу приводитъ фактъ существованія мѣновыхъ пропорцій, совершенно независимыхъ отъ сравнительной затраты труда на обмѣнивающіяся блага, такъ, напр., хорошее вино стоитъ во много разъ дороже плохого, хотя бы на первое было затрачено столько же, или даже меньше труда, чѣмъ на второе [2]).

---

[1]) Knies, Das Geld, 2-e Auflage 1885, s 157.

[2]) Марксъ «ограничиваетъ поле своихъ изысканій относительно субстанціи мѣновой цѣнности одними «товарами», причемъ, не давая вполнѣ точнаго опредѣленія этого понятія, онъ употребляетъ его въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, чѣмъ понятіе «благо», и ограничиваетъ его продуктами труда, въ противоположность дарамъ природы. Однако, вполнѣ очевидно слѣдующее: если дѣйствительно обмѣнъ означаетъ уравненіе, которое предполагаетъ существованіе «чего то общаго одинаковой величины», то должна быть возможность искать и найти это «общее» во всѣхъ благахъ, которыя поступаютъ въ обмѣнъ, не только въ продуктахъ труда, но и въ дарахъ природы, какъ земля, лѣсъ.

Нерѣдко можно встрѣтить попытку обойти этотъ выводъ—уже Рикардо мимоходомъ дѣлаетъ такую попытку—указаніемъ на то, что „рѣдкія“ блага составляютъ крайне незначительную часть всей совокупности благъ, входящихъ въ мѣновой оборотъ, такъ что могутъ быть безъ большого ущерба отброшены въ общей теоріи цѣнности. Послѣ всего вышесказаннаго безплодность этой попытки, полагаемъ, ясна сама собой. Если бы вопросъ шелъ только объ опредѣленіи причинъ мѣновой цѣнности у большинства благъ—какъ у Смита и Рикардо—тогда, разумѣется, существованіе рѣдкихъ благъ не могло бы служить препятствіемъ къ установленію такой чисто эмпирической „теоріи цѣнности“. Но у Маркса вопросъ поставленъ о „субстанціи“ мѣновой цѣнности, о томъ „общемъ“, что только и позволяетъ благамъ приравниваться другъ къ другу и что, слѣдовательно, составляетъ conditio sine qua non для существованія *вообще* мѣновой цѣнности. Поэтому, какъ мы уже указали, если хоть одно благо, обладающее мѣновой цѣнностью не заключаетъ въ себѣ того условія, которое предполагается необходимымъ для ея существованія—это условіе уже не можетъ служить „субстанціей“ мѣновой цѣнности. Поэтому-то также и трудъ не можетъ служить такой „субстанціей“, такъ какъ мѣновая цѣнность *можетъ* существовать и независимо отъ него. Вопросъ о томъ, *въ какихъ размѣрахъ* это происходитъ, съ этой точки зрѣнія абсолютно безразличенъ, настолько же безразличенъ, насколько напр. въ физикѣ для опредѣленія значенія закона тяготѣнія, въ качествѣ общаго условія существованія матеріи, былъ бы безразличенъ вопросъ о томъ, *сколько* атомовъ во вселенной не подчиняются этому закону, если бы

на корню, сила воды, залежи угля, каменоломни, нефть, минеральныя воды, золотыя розсыпи и др.». Бёмъ-Баверкъ, с. 153, рус. пер. стр. 70.

независимость отъ закона тяготѣнія была доказана хотя бы для одного атома.

Мы стоимъ, такимъ образомъ, передъ дилеммой: или остановиться на точкѣ зрѣнія Смита и Рикардо, по которой трудъ вовсе не составляетъ универсальную „субстанцію“ мѣновой цѣнности, а есть лишь ближайшая причина ея у одного сорта благъ, или же, если вопросъ идетъ объ отысканіи общаго условія мѣновой цѣнности — отказать въ этомъ достоинствѣ труду. Но принятіе Смито-Рикардовской трудовой теоріи не отнимаетъ у насъ права или даже обязанности продолжать искать „общее условіе“ мѣновой цѣнности, которое будетъ при этомъ лежать уже не въ трудѣ, а въ чемъ-то иномъ.

Въ дѣйствительности, однако, возраженіе, что „рѣдкія блага“ составляютъ ничтожную долю всей совокупности благъ, независимо отъ его неумѣстности, невѣрно и по существу. Достаточно вспомнить, что въ составъ этихъ рѣдкихъ благъ входитъ земля и всѣ ея естественные продукты, имѣющіеся въ недостаточномъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей количествѣ, чтобы увидѣть, какъ многочисленны блага этого рода. Одинъ изъ раннихъ критиковъ трудовой теоріи цѣнности въ наглядной формѣ указываетъ на эту многочисленность: „Посмотрите на массу деревьевъ въ лѣсу — развѣ цѣнность ихъ создана трудомъ? Посмотрите на скотъ, который кормится въ поляхъ — развѣ цѣнность его создана трудомъ? Посмотрите на землю, на которой стоитъ городъ, развѣ цѣнность ея создана трудомъ?“ [1]). Этотъ подсчетъ, разумѣется, можно было бы продолжить очень далеко.

Цѣнность земли — фактъ слишкомъ яркій для того, чтобы отъ вниманія Маркса могло ускользнуть то противорѣчіе, въ которомъ этотъ фактъ стоитъ съ его

[1]) Macleod, The principles of Economical Philosophy, 2-d edition, London 1872, vol. I, p. XXV.

теоріей цѣнности. Во многихъ мѣстахъ отдѣла о земельной рентѣ въ III томѣ „Капитала“ онъ указываетъ, что цѣнность земли подчиняется совершенно особымъ условіямъ, именно что она есть капитализированная земельная рента. Допустимъ что это такъ [1]); противорѣчіе однако этимъ ничуть не устраняется. Чѣмъ бы ни опредѣлялась цѣнность земли, но разъ самый фактъ цѣнности налицо, изъ него самого уже слѣдуетъ, что затрата труда на извѣстное благо не есть неизбѣжное условіе его мѣновой цѣнности [2]). Марксъ это сознаетъ настолько ясно, что ему не остается ничего иного, какъ назвать цѣнность земли понятіемъ „нераціональнымъ“. „Капитализированная рента образуетъ покупную цѣну или цѣнность земли, категорію, которая prima facie... неразумна, такъ какъ земля, не будучи продуктомъ труда, цѣнностью не обладаетъ“ [3]). „Цѣна водопада (рѣчь идетъ о примѣрѣ ренты съ водопада) есть выраженіе вообще нераціональное, за которымъ скрывается реальное экономическое отношеніе. Водопадъ, какъ земля вообще, какъ всякая сила природы, не обладаетъ цѣнностью, такъ какъ онъ не представляетъ собою скрывающагося въ немъ труда, а потому у него нѣтъ и цѣны, которая нормально есть только цѣнность, выраженная въ деньгахъ. Тамъ гдѣ нѣтъ цѣнности, она eo ipso не можетъ быть выражена въ деньгахъ. Такая цѣна есть не что иное, какъ капитализированная рента“ [4]).

Легко понять, что этимъ не объясняется ровно ничего. Если подъ цѣнностью земли понимать ея

[1]) Ниже мы постараемся показать, что само ученіе о рентѣ невозможно построить на почвѣ трудовой теоріи цѣнности.

[2]) Поэтому единственное согласующееся съ трудовой теоріей ученіе о цѣнности земли есть ученіе Кэри-Бастіа, по которому цѣнность земли вполнѣ сводится на вложенный въ землю трудъ. Нелѣпость этого ученія никѣмъ не была заклеймена такъ рѣзко, какъ самимъ Марксомъ.

[3]) Das Kapital, B. III, 2, S. 162, русск. пер. стр. 514.

[4]) Ibid. S. 187—188, рус. пер. стр. 535.

мѣновое отношеніе къ другимъ благамъ, а подъ цѣной — то же отношеніе, выраженное въ деньгахъ,—а только это и подразумѣвается въ выраженіяхъ „цѣнность“ и „цѣна“ земли,—то эти выраженія столь же „разумны“, какъ и выраженія „цѣнность аршина холста“ или „цѣнность квартера пшеницы“. Фактически это мѣновое отношеніе на лицо, а стало быть имѣетъ право на существованіе и его обычное обозначеніе. „Тамъ гдѣ нѣтъ цѣнности, она ео ipso не можетъ быть выражена въ деньгахъ“. Но вѣдь на дѣлѣ извѣстная площадь земли *приравнивается* извѣстной суммѣ денегъ, и стало быть изъ приведеннаго положенія только и слѣдуетъ, что земля *имѣетъ* цѣнность; иначе она не могла бы быть выражена въ деньгахъ. Принявъ за данное то, что трудъ есть единственное условіе цѣнности, Марксъ долженъ признать „неразумнымъ“ понятіе „цѣнность земли“, что равносильно здѣсь признанію „неразумности“ самого *факта* цѣнности земли, такъ какъ понятіе точно соотвѣтствуетъ факту. Такой пріемъ можетъ быть объясненъ только злоупотребленіемъ Гегелевской фразеологіей и во всякомъ случаѣ къ украшенію системы Маркса служить не можетъ.

Марксъ, конечно, хотѣлъ здѣсь обратить вниманіе на различіе экономическихъ отношеній, связанныхъ съ фактомъ цѣнности съ одной стороны—земли, съ другой—„воспроизводимыхъ“ благъ. Это, однако, есть вопросъ an und für sich, къ изученію условій мѣновой цѣнности имѣющій лишь косвенное отношеніе. Какъ бы ни было отлично экономическое отношеніе, скрывающееся за мѣновой цѣнностью земли, отъ экономическихъ отношеній, связанныхъ съ цѣнностью другихъ благъ, фактъ остается фактомъ: мѣновая цѣнность возможна и у тѣхъ благъ, на производство которыхъ не было затрачено труда, а потому трудъ не можетъ составлять неизбѣжнаго условія существованія мѣновой цѣнности; „общее одинаковой величины“ во

всѣхъ благахъ, дающее возможность сравнивать ихъ между собой, должно лежать въ чемъ-то иномъ.

Въ „Zur Kritik“ Марксъ даже самъ формулировалъ это возраженіе противъ трудовой теоріи цѣнности: „Послѣднее и, повидимому, самое основательное возраженіе...—слѣдующее:—если мѣновая цѣнность есть не что иное, какъ рабочее время, заключенное въ въ товарахъ, то какимъ образомъ могутъ товары, вовсе не заключающіе въ себѣ труда, обладать мѣновой цѣнностью, или, другими словами, откуда получается мѣновая цѣнность силъ природы?“ И онъ даетъ отвѣтъ: „Этотъ вопросъ разрѣшается въ ученіи о земельной рентѣ“ [1]). Такой отвѣтъ имѣетъ вообще смыслъ только въ томъ случаѣ, если уже напередъ признать, что земля есть благо, цѣнность котораго подчиняется совершенно инымъ условіямъ, чѣмъ цѣнность всѣхъ остальныхъ благъ, и что, слѣдовательно, теорія мѣновой цѣнности съ самаго начала ограничивается изслѣдованіемъ мѣновой цѣнности только одной группы благъ. Какое бы рѣшеніе вопроса ни дало ученіе о земельной рентѣ, оно не можетъ отрицать ни факта существованія мѣновой цѣнности у земли, ни факта независимости этой мѣновой цѣнности отъ затраты труда на землю, и потому отношеніе Маркса къ приведенному возраженію уже само по себѣ указываетъ, что съ точки зрѣнія его теоріи не можетъ быть дано однороднаго объясненія мѣновой цѣнности для всѣхъ благъ безъ исключенія.

Но положимъ, что „ученіе о земельной рентѣ“ дѣйствительно примиритъ непримиримое и разрѣшитъ вопросъ о мѣновой цѣнности земли, не нарушивъ правильности трудовой теоріи, въ качествѣ *общаго* ученія о цѣнности. Какъ быть однако со всѣми другими рѣдкими благами? Какое ученіе о земельной рентѣ объяснитъ намъ,

[1]) Критика нѣкоторыхъ положеній полит. экономіи, русск. пер. стр. 38.

почему товары опредѣленныхъ фирмъ обладаютъ мѣновой цѣнностью, совершенно непропорціональной затраченному на нихъ труду? Какое ученіе о земельной рентѣ объяснитъ намъ мѣновую цѣнность библіографическихъ и археологическихъ „рѣдкостей“? Какая теорія ренты, наконецъ, объяснитъ намъ цѣнность картины знаменитаго художника, въ обмѣнъ за которую даютъ, быть можетъ, въ сто и въ тысячу разъ больше труда, чѣмъ сколько было затрачено на ея производство?

Словомъ, на какую бы сторону вопроса мы ни обратили вниманіе, всюду мы приходимъ къ выводу: фактъ цѣнности благъ, на которыя не было потрачено труда или у которыхъ затрата труда не стоитъ ни въ какой связи съ ихъ цѣнностью, не можетъ быть примиренъ съ трудовой теоріей цѣнности.

Быть можетъ, намъ замѣтятъ, что теорія цѣнности, которая могла бы охватить обѣ группы благъ—блага невоспроизводимыя и блага свободно-воспроизводимыя,—и существовать не можетъ, вслѣдствіе чрезвычайной разнородности обѣихъ группъ. Здѣсь не мѣсто развивать или обосновывать какую-либо теорію цѣнности, которая имѣла бы примѣненіе къ обѣимъ группамъ благъ; достаточно только показать, что такая теорія можетъ существовать, такъ какъ, несмотря на все различіе въ характерѣ этихъ двухъ группъ благъ, онѣ имѣютъ и нѣкоторыя общія черты.

Мы уже видѣли, что Марксъ упускаетъ изъ виду многія общія свойства благъ, которыя, по крайней мѣрѣ *a priori*, могли бы быть признаны условіями мѣновой цѣнности съ неменьшимъ правомъ, чѣмъ трудъ. Одно изъ такихъ свойствъ, въ которомъ уже съ перваго взгляда надо было бы предполагать условіе мѣновой цѣнности—это рѣдкость благъ по отношенію къ потребности въ нихъ. Этимъ свойствомъ обладаютъ всѣ цѣнныя блага безъ исключенія, все равно, къ которой изъ нашихъ двухъ группъ они бы ни принад-

лежали. Съ одной стороны, извѣстно, что только тѣ земли и другія естественныя блага обладаютъ мѣновой цѣнностью, которыя не имѣются въ неограниченномъ, сравнительно съ человѣческими потребностями, количествѣ. Съ другой стороны, такъ же хорошо извѣстно, что и трудъ затрачивается только на производство тѣхъ благъ, которыхъ нельзя найти въ природѣ въ достаточномъ количествѣ. Химикъ, который, путемъ соединенія кислорода, азота и другихъ искусственно добытыхъ газовъ, приготовилъ бы обыкновенный воздухъ, не произвелъ бы никакой мѣновой цѣнности. Самый фактъ затраты труда уже указываетъ слѣдовательно на рѣдкость производимыхъ имъ благъ, а потому эта рѣдкость есть условіе мѣновой цѣнности для всѣхъ благъ. „Болѣе точное разсмотрѣніе показываетъ, что признакъ относительной рѣдкости (по отношенію къ потребности) имѣется безусловно у *всѣхъ* предметовъ, обладающихъ мѣновой цѣнностью, и что именно этотъ признакъ отдѣляетъ ихъ отъ свободныхъ благъ, имѣющихся въ излишнемъ противъ нашихъ потребностей количествѣ“ [1]).

Это соображеніе получаетъ косвенное подтвержденіе со стороны того факта, что въ элементарной теоріи хозяйства давно уже укоренилось такое объединеніе всѣхъ благъ, отличающихся признакомъ „относительной рѣдкости“, подъ общимъ названіемъ *хозяйственныхъ* благъ, въ противоположность благамъ *свободнымъ*, которыя имѣются практически въ неограниченномъ количествѣ. Извѣстно, что только къ первой категоріи благъ относится вообще всякая хозяйственная дѣятельность,—будь то производство, обмѣнъ или распредѣленіе; не менѣе извѣстно, что только эта категорія и обладаетъ мѣновой цѣнностью. Все это легко наводитъ на мысль, не можетъ ли послужить

[1]) Knies, Der Kredit, 2-e Hälfte, s. 61.

признакъ „относительной рѣдкости“ основой для теоріи цѣнности, которая была бы приложима ко всѣмъ благамъ, обладающимъ мѣновой цѣнностью, или, другими словами, не лежитъ ли въ этомъ признакѣ то „общее“ между всѣми вступающими въ обмѣнъ благами, которое одно лишь и допускаетъ ихъ уравненіе между собой? Теорія, которая исходила бы изъ того взгляда, что „мѣновая цѣнность ведетъ свое начало отъ того же источника, какъ и хозяйственный характеръ благъ, т. е. изъ отношенія между потребностями и имѣющимся въ распоряженіи людей количествомъ благъ“ [2]), которая, слѣдовательно, видѣла бы общее свойство благъ въ ихъ сравнительной рѣдкости, надо было бы отдать предпочтеніе передъ трудовой теоріей цѣнности уже по одному тому, что ей не пришлось бы натолкнуться на то препятствіе, которое оказывается непреодолимымъ для послѣдней.

~~III.~~ IV.

Предположимъ, однако, что вопросъ о существованіи цѣнности у благъ, непроизведенныхъ трудомъ, удалось какъ нибудь благополучно обойти, или что трудовая теорія поставила своей задачей объяснить мѣновую цѣнность только однихъ свободно-воспроизводимыхъ благъ. Тутъ мы наталкиваемся на новое противорѣчіе, или, по крайней мѣрѣ, ограниченіе ея: она объясняетъ только „среднюю“ мѣновую цѣнность, ту точку равновѣсія, вокругъ которой колеблются фактическія рыночныя цѣны. Объясненіе же высоты послѣднихъ она заранѣе оставляетъ въ сторонѣ, чтобы потомъ, путемъ введенія усложняющихъ факторовъ, объяснить уклоненіе фактическихъ рыночныхъ цѣнъ отъ той средней цѣнности, которая составляетъ единственный объектъ ея разсмотрѣнія.

---

[2]) Menger, Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, 1871, s. 79—80.

Прежде всего мы должны напомнить то, на что мы указали уже выше, а именно, что въ теоріи *мѣновой* цѣнности, т. е. при изслѣдованіи причинъ, опредѣляющихъ высоту мѣнового отношенія между благами, принципіальнаго различія между „средней“ мѣновой цѣнностью и „рыночными цѣнами“ не существуетъ. И то, и другое суть мѣновыя отношенія, на опредѣленіе условій которыхъ именно и направлено изслѣдованіе. Объясненію подлежитъ мѣновое отношеніе, какъ таковое, а слѣдовательно, „рыночная цѣна“ не меньше чѣмъ „средняя“; поэтому и употребленіе особыхъ терминовъ „мѣновая цѣнность“ и „рыночная цѣна“ для обозначенія разнаго рода мѣновыхъ отношеній съ научной точки зрѣнія совершенно недопустимо. Если мы, при при обсужденіи настоящаго вопроса, и будемъ иногда пользоваться этой установившейся марксистской терминологіей, то нужно помнить, что все различіе между „мѣновой цѣнностью“ и „рыночными цѣнами“ исчерпывается только тѣмъ, что первая есть извѣстная средняя, получающаяся изъ колебанія вторыхъ.

Спрашивается теперь: противорѣчитъ ли трудовой теоріи цѣнности фактъ существованія такъ называемыхъ „рыночныхъ цѣнъ“, т. е. мѣновыхъ отношеній, не соотвѣтствующихъ сравнительной затратѣ труда на обмѣнивающіяся блага, или нѣтъ?

Обычный отрицательный отвѣтъ у приверженцевъ трудовой теоріи цѣнности опирается на слѣдующее методологическое соображеніе [1]).

Всякое явленіе, могущее служить объектомъ научнаго анализа, совершается подъ вліяніемъ цѣлой группы причинъ. Въ обществѣ, какъ и въ природѣ, всѣ факторы находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи; къ числу главныхъ, основныхъ причинъ, опредѣляющихъ

[1]) См. напр. *Зиберъ*, Дав. Рикардо и К. Марксъ гл. I—III, passim.

собою данное явленіе, всегда присоединяется масса побочныхъ, второстепенныхъ, которыя затемняютъ проявленіе извѣстнаго закона въ чистомъ его видѣ. Иллюстраціей этого положенія служитъ популярный примѣръ того видоизмѣненія, которое вноситъ въ законъ паденія тѣлъ присутствіе атмосферы. Поэтому для обнаруженія извѣстнаго закона нужно всегда отвлечься отъ этихъ постороннихъ, привступающихъ вліяній, которыя испытываетъ на себѣ его проявленіе со стороны другихъ, менѣе существенныхъ факторовъ. Такъ, несмотря на величайшее разнообразіе факторовъ, вліяющихъ на судьбу отдѣльнаго человѣка, напр. на продолжительность его жизни, на родъ его смерти, на совершеніе или несовершеніе имъ извѣстнаго преступленія, статистика, устраняя всѣ побочныя, „пертурбаціонныя“ вліянія путемъ выведенія среднихъ чиселъ для большого числа людей, можетъ установить извѣстные общіе законы о продолжительности жизни, различныхъ родахъ смертности, преступности, и т. п. Такъ же должна поступать и теорія цѣнности. Отвлекаясь отъ тѣхъ мелкихъ факторовъ, которые обусловливаютъ отклоненіе рыночныхъ цѣнъ отъ средней мѣновой цѣнности, и ограничиваясь предварительно разсмотрѣніемъ этой посдѣдней, она только слѣдуетъ общему методологическому правилу о постепенномъ переходѣ отъ общихъ условій къ частнымъ, отъ главнаго закона къ второстепеннымъ.

Если бы противъ этой аргументаціи нельзя было ничего выразить, то тѣмъ самымъ была бы уничтожена возможность разрѣшенія вопроса о цѣнности въ той его постановкѣ, которую мы нашли у Маркса и положили въ основу нашей критики. Если каждое явленіе, въ томъ числѣ и мѣновая цѣнность, находится подъ дѣйствіемъ цѣлаго ряда разнородныхъ причинъ, и если задача теоріи заключается въ перечисленіи этихъ причинъ, переходя отъ главныхъ къ второсте-

пеннымъ, то очевидно, что поиски за „субстанціей“ мѣновой цѣнности, за тѣмъ свойствомъ благъ, которое является универсальнымъ условіемъ мѣновой цѣнности—дѣло совершенно безнадежное. Такъ какъ общей теоріи мѣновой цѣнности, задача которой состоитъ въ опредѣленіи такого единаго условія, въ такомъ случаѣ существовать не можетъ, то, слѣдовательно, и трудовая теорія цѣнности таковою не служитъ. Трудовая теорія превращается въ такомъ случаѣ въ положеніе, что главной причиной цѣнности является трудъ. „Общее“ между обмѣниваемыми благами лежитъ уже не въ одномъ трудѣ, а и въ другихъ условіяхъ, напр. въ отношеніи спроса къ предложенію, или еще въ чемъ-либо иномъ. Единственнымъ утѣшеніемъ—хотя и очень слабымъ—при такомъ печальномъ положеніи дѣлъ служило бы только то, что никакое другое объясненіе не могло бы получить вакантнаго званія теоріи, вносящей необходимое единство въ изслѣдованіе вопроса.

Впрочемъ, даже и въ этомъ случаѣ оставалось бы мѣрило для выбора между различными теоріями. Если ни одного явленія нельзя объяснить сполна, если нѣкоторыя участвующія въ его образованіи причины и должны ускользнуть всегда отъ вниманія изслѣдователя, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что всякая попытка сведенія хотя бы нѣкоторыхъ изъ этихъ причинъ на одну общую причину напрасна; если и нельзя изслѣдовать всѣхъ причинъ, то во всякомъ случаѣ предпочтеніе должно быть отдано теоріи, которая умѣетъ объединить максимумъ ихъ подъ однимъ общимъ закономъ. Съ этой точки зрѣнія теорію, которая нашла бы что-либо общее въ причинахъ, опредѣляющихъ „среднюю цѣнность“ и „рыночныя цѣны“, надо было бы поставить выше трудовой теоріи, которая оказалась бы лишь частнымъ случаемъ ея. Это, впрочемъ, только мимоходомъ.

Гораздо существеннѣе другое соображеніе: приведенная аргументація защитниковъ трудовой теоріи смѣшиваетъ два совершенно разнородныхъ способа изслѣдованія явленій.

Можно изслѣдовать тѣ эмпирическія причины, которыя *вызываютъ* явленіе, т. е. обусловливаютъ его наступленіе въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Однако подобнымъ изслѣдованіемъ, которое, за неимѣніемъ болѣе точнаго термина, можно бы назвать эмпирическимъ, не исчерпывается все, что можно сказать о данномъ явленіи. Возможно, помимо того, задаться вопросомъ: что̀ такое есть *само* это явленіе, что̀ лежитъ въ его основѣ, составляя, условіе, безъ котораго явленіе немыслимо, точнѣе, въ чемъ лежитъ его „конститутивный признакъ“? Такъ, напр., на вопросъ отчего тѣла падаютъ на землю, можно ограничиться перечисленіемъ тѣхъ, всѣмъ съ незапамятныхъ временъ знакомыхъ, причинъ, которые обусловливаютъ *наступленіе* этого явленія—такой отвѣтъ даютъ обыкновенно практики, не любящіе долго размышлять надъ вопросомъ; эти практики скажутъ: тѣла падаютъ на землю оттого, что ихъ бросаютъ, или оттого, что они неустойчиво стоятъ на подставкѣ, или оттого, что эта подставка недостаточно прочна и т. д., и т. д. Нуженъ былъ однако геній Ньютона, чтобы дать еще иного рода отвѣтъ на этотъ вопросъ, найдя *природу* паденія тѣлъ въ земномъ притяженіи. Точно также, на вопросъ: почему происходятъ пожары, можно отвѣтить, что причины пожаровъ лежатъ въ поджогахъ, въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ, въ недостаточной огнеупорности матеріаловъ и т. д.; но можно также сказать: сущность пожара заключается въ томъ, что углеродистыя части матеріаловъ зданій быстро входятъ въ химическое соединеніе съ кислородомъ воздуха. Въ обоихъ этихъ примѣрахъ различіе отвѣтовъ

обусловлено различіемъ въ пониманіи вопроса, другими словами различіемъ задачъ изслѣдованія [1]).

Вся приведенная выше методологическая аргументація приверженцевъ трудовой теоріи цѣнности относится только къ первому, эмпирическому, способу изслѣдованія, и правильно только въ приложеніи къ нему. Дѣйствительно, когда задача изслѣдованія сводится къ перечисленію ряда конкретныхъ причинъ даннаго явленія, изслѣдованіе никогда не можетъ быть полнымъ; никогда нельзя перечислить всѣхъ возможныхъ конкретныхъ причинъ, или по крайней мѣрѣ быть увѣреннымъ, что при такомъ перечисленіи дѣйствительно ничего не позабыто; при такомъ положеніи дѣла самое разумное—взяться сперва за главныя, существенныя причины, и только когда точно опредѣлены ихъ характеръ и родъ ихъ вліянія, ввести, въ качествѣ усложняющаго момента, другія, по отношенію къ первымъ, второстепенныя обстоятельства. Такъ именно поступаетъ статистическій методъ — этотъ эмпирическій методъ par excellence—и характерно, что именно онъ служитъ любимымъ примѣромъ, которымъ пользуется эта аргументація. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ изслѣдо-

[1]) Различіе это изложено у Менгера («Ueber die Methoden der Socialwissenschaften etc»: онъ различаетъ «empirische Methode» и «exacte Methode»), однако сущность дѣленія объяснена у него не вполнѣ точно. Мы хотѣли бы скорѣе указать на связь этого дѣленія съ установленнымъ Виндельбандомъ дѣленіемъ наукъ и формъ познанія на *номотетическія* и *идіографическія*. Для иллюстраціи сказаннаго въ текстѣ приводимъ слѣдующую цитату изъ Виндельбанда: «Подобно тому, какъ логическое умозаключеніе требуетъ двухъ посылокъ, такъ и событіе предполагаетъ два рода причинъ: съ одной стороны вѣчную необходимость, въ которой выражается постоянная сущность вещей, съ другой стороны—особенное условіе, которое наступаетъ въ опредѣленный моментъ. Причина взрыва въ одномъ — номотетическомъ—значеніи есть природа взрывчатаго вещества, которую мы выражаемъ въ формѣ химико-физическихъ законовъ, въ другомъ — идіографическомъ—значеніи она заключается въ движеніи искръ, сотрясеніи и т. п.». *Windelband. Geschichte und Naturwissenschaft*, Strassburg 1900 2-e Anfl. s. 24—25.

веніемъ природы самого явленія. Разъ рѣчь идетъ о томъ, чтобы найти во всѣхъ наличныхъ обстоятельствахъ, обусловливающихъ данное явленіе, извѣстный общій моментъ, лежащій въ основѣ послѣдняго, — то исчезаетъ смыслъ и законность различія между главными и второстепенными причинами. Этотъ общій моментъ не можетъ быть ни главнымъ, ни второстепеннымъ—онъ можетъ только быть *единымъ*. *Наступленіе* его можетъ быть вызвано цѣлымъ рядомъ конкретныхъ причинъ; но *наряду* съ нимъ не можетъ стоять уже ничего другого, ограничивающаго или усложняющаго его дѣйствіе. Такъ какъ онъ именно и составляетъ то общее всѣмъ причинамъ условіе, которое создаетъ данное явленіе, то въ немъ уже учтены дѣйствія всѣхъ возможныхъ причинъ. Всякому была бы ясна, напр., нелѣпость утвержденія, которое считало бы причиной пожара химическое соединеніе углерода съ кислородомъ и устанавливало бы, *наряду* съ этой причиной, еще другую, въ видѣ поджога или чего либо подобнаго, даже если бы первая причина была названа *главной*, а вторая—второстепенной. Химическое соединеніе не есть вообще причина пожара и потому его дѣйствіе не можетъ *слагаться* съ дѣйствіемъ поджога; наоборотъ, послѣдній только потому приводитъ къ пожару, что заключается въ условіяхъ, способствующихъ такому соединенію.

Постановка проблемы теоріи цѣнности у Маркса отличается отъ постановки ея у прежнихъ представителей трудовой теоріи именно тѣмъ, что первая предполагаетъ абстрактное изслѣдованіе природы цѣнности, вторая—конкретное изслѣдованіе причинъ цѣнности. Рикардо и Смитъ отвѣчаютъ на вопросъ: „въ чемъ заключаются причины, опредѣляющія высоту мѣнового отношенія между товарами?“ Марксъ задается вопросомъ: „въ чемъ заключается природа мѣновой цѣнности, т. е. какъ можно объяснить фактъ приравненія товаровъ другъ къ другу въ мѣновомъ

отношеніи, какое явленіе скрыто въ свойствѣ товаровъ обмѣниваться другъ на друга и составляетъ сущность послѣдняго?“ Отъ постановки вопроса зависитъ и характеръ возможнаго отвѣта. Для Рикардо и Смита вовсе не было противорѣчіемъ отвѣтить на поставленный ими вопросъ тѣмъ, что причины, опредѣляющія высоту мѣнового отношенія, заключаются, *во-1-хъ*, въ сравнительномъ количествѣ труда, и *во-2хъ*, въ отношеніи спроса къ предложенію; это не было противорѣчіемъ именно потому, что задача ихъ изслѣдованія была чисто эмпирическая и состояла въ возможно точномъ перечисленіи причинъ, опредѣляющихъ мѣновое отношеніе. Постановка задачи у Маркса дѣлаетъ такой отвѣтъ невозможнымъ. Разъ рѣчь идетъ о „субстанціи“ или „природѣ“ мѣновой цѣнности,—перечисленіе ряда причинъ мѣновой цѣнности, отыскиваніе между ними главныхъ и второстепенныхъ,—все это не имѣетъ никакого значенія, потому что не даетъ отвѣта на вопросъ. Вопросъ поставленъ такъ, что ожидается абстрактное изслѣдованіе, т. е. отнюдь не перечисленіе причинъ, а опредѣленіе основы самого явленія. Въ этомъ случаѣ необходимо указаніе на одно, и только одно свойство товаровъ, въ которомъ лежитъ разгадка его мѣновой цѣнности. Поэтому если существуютъ мѣновыя отношенія, въ основѣ которыхъ лежитъ не трудъ, а что-либо иное, или даже трудъ, но не только онъ одинъ, то трудъ не можетъ служить общей субстанціей или природой цѣнности, все равно какъ химическое соединеніе углерода съ кислородомъ не могло бы быть сущностью пожара, если бы послѣдній могъ состоять въ чемъ-либо другомъ, *кромѣ* такого соединенія. Вопросъ о сравнительномъ значеніи различныхъ причинъ мѣновой цѣнности или о сравнительной частотѣ случаевъ, въ которыхъ каждая изъ нихъ дѣйствуетъ, такъ же безразличенъ, какъ безразличенъ былъ выше вопросъ о томъ, сколько несозданныхъ трудомъ благъ обладаютъ

мѣновой цѣнностью [1]); подобные вопросы, повторяемъ, имѣютъ значеніе только для эмпирическаго изученія, которое изслѣдуетъ рядъ событій, влекущихъ за собой данное явленіе и которое по существу носитъ эклектическій и неточный характеръ, а не для изученія, которое опредѣляетъ закономѣрность даннаго явленія путемъ отысканія его субстанціи или конститутивнаго признака.

Отсюда слѣдуетъ, что фактъ существованія рыночныхъ цѣнъ не мирится съ трудовой теоріей цѣнности въ той абстрактной ея постановкѣ, которую ей придалъ Марксъ. Трудъ не можетъ быть „субстанціей“ мѣновой цѣнности, если онъ есть факторъ, *наряду съ которымъ* дѣйствуютъ еще другіе факторы — а рыночныя цѣны, какъ извѣстно, находятся подъ вліяніемъ такихъ факторовъ. Для того, чтобы отыскать „субстанцію“ мѣновой цѣнности, надо опредѣлить, что общаго имѣется во *всѣхъ безъ исключенія* частныхъ факторахъ, вліяющихъ на мѣновое отношеніе; что этимъ общимъ не служитъ трудъ, это ясно само собой.

Впрочемъ, тотъ же самый выводъ прямо вытекаетъ изъ постановки задачи у Маркса. Разъ „субстанціей“ мѣновой цѣнности можетъ быть только нѣчто „общее одинаковой величины“ въ обмѣнивающихся товарахъ, и разъ возможенъ обмѣнъ товаровъ, не заключающихъ въ себѣ равнаго количества труда,—а на это указываетъ фактъ существованія рыночныхъ цѣнъ—то мы не знаемъ, какъ можно избѣгнуть того вывода, что трудъ *не служитъ* „субстанціей“ мѣновой цѣнности. Если этотъ выводъ однако не дѣлался, то это объясняется только двумя обстоятельствами: во-1-хъ, нѣкоторымъ мистическимъ, никогда точно не объясняемымъ, дѣле-

[1]) Ясно, что—mutatis mutandis — это же различіе между абстрактнымъ и конкретнымъ изслѣдованіемъ можетъ быть приложено и къ разрѣшенію вопроса о значеніи для трудовой теоріи цѣнности факта существованія «рѣдкихъ благъ».

ніемъ мѣновыхъ отношеній на двѣ категоріи: „мѣновой цѣнности“ собственно и „рыночныхъ цѣнъ“, дѣленіемъ, которое при разрѣшеніи извѣстныхъ задачъ теоріи цѣнности, быть можетъ, и цѣлесообразно, но для спеціальной задачи теоріи мѣновой цѣнности совершенно излишне и непригодно; и во 2-хъ, непониманіемъ различія между двумя указанными выше родами изслѣдованія, непониманіемъ, благодаря которому въ процессѣ обсужденія „субстанція“ мѣновой цѣнности во избѣжаніе непріятностей могла свободно принимать форму „главной причины“ цѣнности, чтобы затѣмъ, въ концѣ изслѣдованія, опять возвращаться къ своему прежнему званію „субстанціи“ [1]).

При изслѣдованіи соотношенія между „рыночными цѣнами“ и „средней цѣнностью“, или, что то же самое, при опредѣленіи значенія „спроса и предложенія“ для мѣновыхъ отношеній между товарами, приверженцы трудовой теоріи цѣнности впадаютъ обыкновенно еще въ одну ошибку: дѣло изображается такъ, какъ будто „спросъ и предложеніе“ суть факторы, дѣйствующіе *наряду* съ факторомъ „сравнительной затраты труда“, такъ что дѣйствіе ихъ суммируется, въ качествѣ самостоятельнаго слагаемаго, съ дѣйствіемъ фактора „сравнительной затраты труда“ Это есть типичное эмпирическое объясненіе явленія путемъ опредѣленія ряда независимыхъ другъ отъ друга причинъ, которыя его обусловливаютъ. Но и помимо того, такое объясненіе въ данномъ случаѣ, какъ мы постараемся показать, совершенно невѣрно.

[1]) Правильность теоріи мѣновой цѣнности въ качествѣ эмпирическаго обобщенія, считающаго затрату труда *однимъ изъ факторовъ* мѣновой цѣнности. не подлежитъ никакому сомнѣнію. Всякій коммерсантъ и промышленникъ знаетъ, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, за измѣненіемъ въ производительности труда, т. е. въ количествѣ труда, затрачиваемомъ на единицу продукта, слѣдуетъ параллельное измѣненіе цѣны продукта. Такъ же несомнѣнно однако, что *научное* значеніе такого обобщенія немногаго стоитъ.

Маркс держался именно этого объясненія. Въ „Zur Kritik ect“ онъ формулируетъ обычное возраженіе противъ трудовой теоріи цѣнности, выводимое изъ факта существованія рыночныхъ цѣнъ, слѣдующимъ образомъ: „Рыночная цѣна товаровъ ниже ихъ мѣновой цѣнности или поднимается надъ ней, при измѣненіи отношенія между спросомъ и предложеніемъ. *Поэтому* (курс. подлин.) мѣновая цѣнность товаровъ опредѣляется этимъ отношеніемъ, а не заключеннымъ въ нихъ рабочимъ временемъ“ [1]). „Въ сущности—отвѣчаетъ на это Марксъ—этотъ удивительный выводъ ставитъ только вопросъ: какъ, на основаніи мѣновой цѣнности, развивается отличная отъ нея цѣна; или какимъ образомъ законъ мѣновой цѣнности превращается въ свою собственную противоположность. Этотъ вопросъ разрѣшается въ ученіи о конкуренціи“ [2]).

Если оставить въ сторонѣ „превращеніе закона мѣновой цѣнности въ свою собственную противоположность“—выраженіе, носящее слѣды извѣстнаго „кокетничанія“ фразеологіей Гегелевской діалектики и потому уясненію вопроса не содѣйствующее,—то мысль Маркса и сводится къ тому, что при образованіи рыночныхъ цѣнъ къ дѣйствію „закона мѣновой цѣнности“ присоединяется дѣйствіе другого закона или ряда законовъ; рыночная цѣна развивается „на основаніи мѣновой цѣнности“. Въ другомъ мѣстѣ Марксъ выражаетъ свое мнѣніе еще точнѣе: „Обмѣнъ или продажа товаровъ по ихъ цѣнности (подразумѣвается: пропорціонально сравнительной затратѣ труда) есть основа, естественный законъ равновѣсія; опираясь на этотъ законъ, должны быть объяснены отклоненія отъ него, но никакъ не наоборотъ: самый законъ нельзя объяснить отклоненіями отъ него“ [3]).

[1]) Критика нѣкотор. полож., русск. пер. стр. 37.
[2]) Ibid. стр. 37—38.
[3]) Kapital, III, 1, s. 167; русск. пер. 3-й томъ, стр. 140.

Въ „Zur Kritik“ Марксъ обѣщался обосновать теорію отклоненія рыночныхъ цѣнъ отъ средней цѣнности на анализѣ конкурренціи. Впослѣдствіи ему пришлось однако отказаться отъ этой задачи. Въ III-мъ томѣ „Капитала“ онъ даже прямо заявилъ, что „болѣе глубокаго анализа обѣихъ общественныхъ двигательныхъ силъ (т. е. спроса и предложенія, или, что фактически то же самое, конкурренціи)... мы здѣсь не касаемся“ [1]). Весь анализъ конкурренціи [2]) сводится у него именно къ доказательству того положенія, что спросъ и предложеніе не суть единственные факторы образованія цѣнъ, а что наряду съ ними дѣйствуетъ и другой факторъ — сравнительное количество затраченнаго на производство товаровъ труда. Посмотримъ же, какъ доказывается это положеніе.

Дѣйствіе независимаго отъ спроса и предложенія фактора затраты труда обнаруживается, по мнѣнію Маркса, въ высотѣ средняго мѣнового отношенія, когда прекращается вліяніе спроса и предложенія. „Если спросъ и предложеніе покрываются, они перестаютъ дѣйствовать, и уже именно потому товары продаются по рыночной цѣнности (Marktwert; это у Маркса особый видъ „средней“ или „нормальной“ мѣновой цѣнности). Если двѣ силы дѣйствуютъ равномѣрно въ противоположныя стороны, онѣ нейтрализуютъ одна другую и совершенно не проявляются во внѣ, и объясненія такихъ явленій, которыя происходятъ при этихъ условіяхъ, надо искать въ чемъ-нибудь иномъ, а не во вліяніи этихъ двухъ силъ. Если спросъ и предложеніе взаимно нейтрализуются, они перестаютъ что-либо объяснять, они не оказываютъ вліянія на рыночную цѣнность и остав-

[1]) III, 1, s. 169, русск. пер. стр. 142.

[2]) Онъ находится преимущественно въ главѣ X („Уравненіе общей нормы прибыли посредствомъ конкурренціи“); наоборотъ, глава L („Кажущаяся роль конкурренціи“) посвящена лишь критикѣ теоріи издержекъ производства.

ляютъ насъ въ полнѣйшей неизвѣстности относительно того, почему рыночная цѣнность выражается въ данной суммѣ денегъ, а не въ какой-нибудь другой“ [1]). „При двухъ разныхъ natural prices („естественныхъ цѣнахъ“ = „среднихъ мѣновыхъ цѣнностяхъ“) того же товара въ различное время, спросъ и предложеніе могутъ каждый разъ покрываться, и должны покрываться, чтобы товары продавались каждый разъ по своей natural price. Но такъ какъ въ обоихъ случаяхъ нѣтъ разницы въ отношеніи спроса и предложенія, но есть разница въ величинѣ natural price, то очевидно, что послѣдняя независима отъ отношенія спроса и предложенія, а слѣдовательно, всего менѣе можетъ быть опредѣлена послѣднимъ“ [2]).

Если бы было справедливо мнѣніе Маркса, что уравненіе спроса и предложенія означаетъ вообще прекращеніе дѣйствія обоихъ этихъ факторовъ, то, прежде всего, надо было бы придти къ заключенію, что не только средняя цѣнность, но и вообще никакая цѣна ими не опредѣляется. Какъ это извѣстно со временъ Милля, всякая цѣна устанавливается уравненіемъ между спросомъ и предложеніемъ, стало быть не только средняя цѣнность, но въ такой же мѣрѣ и любая рыночная цѣна. Поэтому аргументъ Маркса можно было бы распространить на всѣ цѣны. Можно было бы сказать: различные товары, а также одни и тѣ же товары въ разное время, имѣютъ различныя цѣны; но такъ какъ всякая цѣна устанавливается уравненіемъ между спросомъ и предложеніемъ, то ясно, что не въ этомъ уравненіи лежитъ причина различія цѣнъ; это различіе должно быть объяснено чѣмъ-либо другимъ. Марксъ не пошелъ такъ далеко, онъ не сдѣлалъ этого прямого логическаго вывода изъ своего аргумента, да и никто

[1]) Ibid., s. 169 русск. пер. стр. 141—142.
[2]) Ibid., s. 172, русск. пер. стр. 144.

другой не думалъ дѣлать такого вывода. Это указываетъ на то, что въ самомъ аргументѣ Маркса кроется нѣчто невѣрное.

Вся аргументація не затрагиваетъ собственно ученія о конкурренціи или о спросѣ и предложеніи, а направлена только противъ злоупотребленія магическими *словами* „отношеніе спроса къ предложенію“, которыми нѣкогда худшіе, наиболѣе поверхностные экономисты думали объяснить все. Если вся теорія цѣнности выражается въ шести словахъ: „цѣна опредѣляется отношеніемъ спроса къ предложенію“, то для всякаго ясно, что этимъ сказано очень мало, потому что не объяснено, откуда берется различіе въ цѣнахъ различныхъ товаровъ при одинаковости отношенія между спросомъ и предложеніемъ. Слѣдовательно, ученіе о спросѣ и предложеніи подразумѣваетъ выясненіе обоихъ понятій, безъ котораго нѣтъ собственно и никакого ученія. Лучшіе экономисты не только нашего времени, но и болѣе ранніе, хорошо извѣстные и Марксу, всегда пытались это дѣлать. Здѣсь не мѣсто указывать на то, что они сдѣлали: достаточно упомянуть имена Джемса Стюарта, Мальтуса, Германа (Herrmann) Стюарта Милля. Всѣ болѣе или менѣе выработанныя теоріи спроса и предложенія ищутъ объясненія различія цѣнъ товаровъ въ различіяхъ *качественныхъ особенностей* спроса и предложенія, а въ примѣненіи къ подобнымъ теоріямъ аргументъ Маркса теряетъ свою силу. Въ этомъ не трудно убѣдиться.

Мы можемъ здѣсь оставить въ сторонѣ то обстоятельство, что понятіе „уравненія“ есть вообще лишь неясное и метафорическое выраженіе того состоянія всѣхъ извѣстныхъ подъ собирательнымъ названіемъ „спроса и предложенія“ факторовъ, которые обусловливаютъ высоту цѣны. Даже поскольку возможна аналогія между этимъ состояніемъ и состояніемъ уравновѣшенія двухъ физическихъ силъ, точка равновѣсія конечно

не можетъ вытекать изъ самого „уравновѣшенія“, а должна опредѣляться *качествами уравновѣшивающихся силъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако этихъ качествъ вполнѣ достаточно для опредѣленія точки равновѣсія, и эта послѣдняя не нуждается для своего опредѣленія ни въ какомъ другомъ, постороннемъ уравновѣшивающимся силамъ, факторѣ. Примѣръ, приводимый для иллюстраціи этого послѣдняго положенія Бемъ-Бавёркомъ, настолько краснорѣчивъ, что намъ остается только передать его здѣсь.

„Мы пускаемъ воздушный шаръ. Всякій знаетъ, что воздушный шаръ поднимается только тогда, и по той причинѣ, когда и потому что онъ наполненъ газомъ, плотность котораго меньше плотности атмосфернаго воздуха. Но онъ не поднимается безгранично, а только до извѣстной высоты, на которой онъ паритъ до тѣхъ поръ, пока на положеніе дѣла не повліяютъ какія-нибудь другія причины, вродѣ потери газа и проч. Какимъ образомъ и какими же факторами опредѣляется высота подъема шара? Это совершенно ясно и очевидно. Плотность атмосферы оказывается, чѣмъ выше, тѣмъ меньше. Шаръ поднимается только до тѣхъ поръ, пока плотность окружающей его атмосферы больше его плотности, и онъ перестаетъ подниматься, когда эта послѣдняя оказывается въ равновѣсіи съ окружающей его полосой воздуха. Воздушный шаръ, слѣдовательно, будетъ тѣмъ выше подниматься, чѣмъ меньше плотность газа, которымъ онъ наполненъ, и чѣмъ выше полоса воздуха, въ которой онъ встрѣтитъ равную плотность атмосферы. При такихъ обстоятельствахъ очевидно, что объясненіе высоты подъема шара можно получить только, ссылаясь на взаимныя отношенія плотности, съ одной стороны, шара, съ другой—атмосферы“ [1]).

[1]) Цит. соч. стр. 181, русск. пер. стр. 100.

Мы могли бы относительно этого физическаго примѣра сказать, по аналогіи съ объясненіемъ Маркса: „если воздушный шаръ останавливается благодаря уравненію его плотности съ плотностью атмосферы, и если различные шары останавливаются на различной высотѣ, то „ясно“, что одно „уравненіе“ не можетъ ничего объяснить, и стало быть причина высоты остановки лежитъ въ чемъ-либо иномъ, отличномъ отъ плотности шара и атмосферы“. Справедливо, что одно „уравненіе“ само по себѣ еще не объясняетъ, почему шаръ остановился именно на данной высотѣ, а не на какой либо иной; весь вопросъ въ томъ, каковы тѣ силы, которыя уравниваются; но столь же справедливо, что высота остановки шара объясняется не чѣмъ-либо постороннимъ плотности шара и воздуха, а именно величиной того и другого. Факторы, опредѣляющіе различіе въ высотѣ поднятія различныхъ воздушныхъ шаровъ, дѣйствуетъ не *независимо* отъ плотности шаровъ и воздуха, а *черезъ ихъ посредство*. Причина различія можетъ различаться напр. въ томъ, что шары сшиты изъ матеріи различной плотности, или наполнены газами разной плотности, но всѣ эти различія уже *суммируются* въ общемъ положеніи, что высота остановки шара опредѣляется уравненіемъ его плотности съ плотностью воздуха, а не дѣйствуютъ *наряду* съ этимъ уравненіемъ, какъ нѣчто *независимое* отъ него.

Точно такъ же обстоитъ дѣло и со спросомъ и предложеніемъ. Уравненіе ихъ приводитъ въ различныхъ случаяхъ къ различнымъ цѣнамъ и не потому, что наряду съ нимъ дѣйствуютъ другія силы, а потому, что уравнивается *различный* спросъ съ *различнымъ* предложеніемъ.

Если это относится ко всѣмъ вообще рыночнымъ цѣнамъ, то въ такой же мѣрѣ это примѣнимо и къ средней мѣновой цѣнности. Положеніе, что средняя

цѣнность опредѣляется уравненіемъ спроса съ предложеніемъ, въ такой степени справедливо и не справедливо, какъ и положеніе объ опредѣленіи этимъ уравненіемъ рыночныхъ цѣнъ. Несправедливо оно, если думать, что высота средней цѣнности зависитъ отъ самаго факта уравненія,—въ такомъ случаѣ непонятно было бы различіе въ высотѣ цѣнностей разныхъ товаровъ, на что указываетъ Марксъ,—а не отъ качественныхъ и количественныхъ особенностей тѣхъ силъ, которыя „уравниваются“ между собой. Справедливо же оно потому, что и въ примѣненіи къ средней цѣнности особенности эти не представляютъ чего-то независимаго отъ спроса и предложенія, какой то самостоятельной прибавки къ нимъ, а входятъ въ ихъ составъ и дѣйствуютъ черезъ ихъ посредство. Показать это весьма нетрудно.

Прежде всего, извѣстно что „средняя“ или „нормальная“ цѣнность есть только абстракція: она обозначаетъ собой ту рыночную цѣну, вокругъ которой колеблются всѣ остальныя. Фактически существуютъ только однѣ рыночныя цѣны, и цѣна напр. пуда ржаной муки въ 40 копѣекъ, если разсматривать ее какъ приблизительную „среднюю цѣнность“, — есть такая „рыночная“ цѣна, какъ и цѣна въ одинъ рубль, и стало быть опредѣляется, подобно послѣдней, также уравненіемъ спроса съ предложеніемъ. Затѣмъ, — что самое существенное въ данномъ случаѣ — извѣстно, что механизмъ, вліяющій на колебаніе рыночныхъ цѣнъ около „средней“ цѣнности, есть тотъ же самый механизмъ, который опредѣляетъ собой и самыя рыночныя цѣны, т. е. отношеніе спроса къ предложенію. Сравнительное количество труда дѣйствуетъ на цѣны, повышая и понижая ихъ, только черезъ посредство увеличенія и сокращенія предложенія товаровъ. „Всѣ знаютъ, что всякій разъ, какъ издержки производства уменьшаются, за этимъ слѣдуетъ паденіе цѣнъ; но ка-

кое обстоятельство непосредственно заставляетъ упасть цѣну товаровъ? Это — дѣйствительный или предполагаемый избытокъ въ снабженіи или предложеніи товаровъ. Всѣ знаютъ также, что всякій разъ, какъ издержки производства увеличиваются, цѣна товаровъ обыкновенно возвышается. Но что заставляетъ непосредственно цѣны товаровъ подняться въ этомъ случаѣ? Это — предполагаемый недостатокъ снабженія. Уничтожьте эти обстоятельства—избытокъ и недостатокъ предложенія — или, другими словами, сдѣлайте величину предложенія абсолютно постоянной — .... и, въ такомъ случаѣ, будутъ ли издержки производства увеличиваться или уменьшаться, у насъ не будетъ ни малѣйшаго основанія предполагать измѣненіе цѣнъ“ [1]). Поэтому „истинная точка зрѣнія, съ которой нужно разсматривать издержки производства, заключается въ томъ, чтобы считать ихъ условіемъ, необходимымъ для предложенія требуемыхъ товаровъ“ [2]). Марксъ самъ, съ точностью, не оставляющей желать ничего лучшаго, описалъ процессъ, посредствомъ котораго уменьшеніе и увеличеніе предложенія дѣйствуетъ на установленіе средней цѣнности или того, что онъ называетъ Kostpreis:

„Вслѣдствіе... постояннаго кочеванія (капиталовъ)... производится *такое соотношеніе спроса къ предложенію* что средняя норма прибыли въ различныхъ отрасляхъ производства становится одинаковою, вслѣдствіе чего цѣнности превращаются въ цѣны производства“ [3]). Такимъ образомъ, Марксъ совершенно ясно указываетъ, что „соотношеніе спроса къ предложенію“ есть тотъ рычагъ, посредствомъ котораго устанавливаются

---

[1]) *Malthus Principes d'économie politique*, trad. par Constanco t. I, p. 80—81.

[2]) Ibid., p. 85.

[3]) Kapital, III B. 1, s. 175—176, русск. пер. с. 147.

среднія цѣны ничуть не меньше, чѣмъ обычныя рыночныя.

Отсюда ясно, какъ неправильно то воззрѣніе, которое считаетъ сравнительную затрату труда, съ одной стороны, и спросъ и предложеніе съ другой—двумя независимыми факторами, дѣйствія которыхъ на высоту мѣновой цѣнности слагаются, подобно дѣйствію двухъ силъ. Въ дѣйствительности спросъ и предложеніе являются универсальнымъ механизмомъ образованія цѣнъ. Значеніе сравнительной затраты труда заключается только въ томъ, что она въ извѣстныхъ случаяхъ воздѣйствуетъ *на этотъ механизмъ*, т. е. опредѣляетъ величину предложенія или спроса, но никакъ не въ томъ, что она сама по себѣ, независимо отъ спроса и предложенія, дѣйствуетъ на самыя *цѣны*. На самыя цѣны, повторяемъ, *кромѣ* спроса и предложенія и *наряду* съ ними не дѣйствуютъ никакіе факторы: всѣ возможные факторы образованія цѣнъ дѣйствуютъ черезъ посредство спроса и предложенія, и дѣйствія ихъ *учитываются* въ дѣйствіи послѣднихъ.

Этимъ дается указаніе на то, въ чемъ абстрактное изслѣдованіе мѣновой цѣнности должно искать „субстанцію“ мѣновой цѣнности. Такая „субстанція“, какъ мы видѣли выше, можетъ лежать только въ томъ свойствѣ товаровъ, которые имѣется у всѣхъ нихъ безъ исключенія и является, такъ сказать, универсальнымъ ихъ признакомъ. Мы видѣли, что затрату труда считать такимъ свойствомъ нельзя; теперь мы видимъ, что всѣ блага, обладающія мѣновой цѣнности, имѣютъ одно общее свойство: всѣ они являются объектами спроса и предложенія. Только за этимъ свойствомъ, слѣдовательно, можетъ скрываться „субстанція“ мѣновой цѣнности, открыть которую составляетъ задачу абстрактной теоріи цѣнности. Конечно послѣдняя не должна ограничиться простой ссылкой на „отношеніе спроса къ предложенію“, потому что этимъ не объ-

ясняется ровно ничего; но она не должна также заниматься перечисленіемъ факторовъ, дѣйствующихъ на механизмъ спроса и предложенія и обусловливающихъ его различное дѣйствіе въ различныхъ случаяхъ (*однимъ изъ такихъ факторовъ* является сравнительная затрата труда)—такова могла бы быть только задача чисто эмпирическаго изслѣдованія мѣновой цѣнности. Въ противоположность послѣдней, теорія цѣнности, отвѣчающая постановкѣ проблемы мѣновой цѣнности у Маркса, должна найти извѣстный *общій* и *единый* моментъ, исходя изъ котораго она сможетъ объяснить и самое дѣйствіе механизма спроса и предложенія, и различіе въ его дѣйствіи въ разныхъ случаяхъ.

Такимъ образомъ, фактъ существованія рыночныхъ цѣнъ противорѣчитъ теоріи, признающей трудъ субстанціей мѣновой цѣнности. Если прежде мы нашли, что трудъ, какъ условіе мѣновой цѣнности, есть лишь частный случай болѣе широкаго условія—относительной рѣдкости благъ, то теперь мы видимъ, что онъ является частнымъ случаемъ другого условія,—именно извѣстнаго соотношенія между спросомъ и предложеніемъ. Трудовая теорія мѣновой цѣнности—предполагая по прежнему ее въ остальныхъ отношеніяхъ вѣрной—открыла намъ не общее условіе мѣновой цѣнности, какъ таковой, а лишь одинъ изъ многихъ факторовъ опредѣляющій высоту *одного рода* мѣновыхъ отношеній между *одной группой* благъ.

V.

Мы переходимъ теперь къ слѣдующему пункту нашей критики. Раньше мы оставили въ сторонѣ „рѣдкія“ блага, и постарались показать, что трудовая теорія мѣновой цѣнности неправильна даже въ примѣненіи къ однимъ лишь свободно-воспроизводимымъ благамъ, такъ какъ ей противорѣчитъ фактъ суще-

ствованія рыночныхъ цѣнъ. Оставимъ теперь въ сторонѣ эти рыночныя цѣны и остановимся исключительно на „средней“, „нормальной“ или „естественной“ цѣнѣ товаровъ. Можетъ ли трудовая теорія цѣнности правильно объяснить эту послѣднюю?

Препятствіемъ къ немедленному утвердительному отвѣту на этотъ вопросъ служитъ знаменитая „сфинксова загадка“. Извѣстно, что среднія цѣны опредѣляются собственно не сравнительной затратой труда на товары, а издержками ихъ производства, со включеніемъ средней прибыли на капиталъ. Такъ какъ, однако, при обмѣнѣ товаровъ пропорціонально затратѣ труда, уровень прибыли въ различныхъ отрасляхъ промышленности былъ бы не одинаковъ, то „среднія“ цѣны не совпадаютъ съ тѣмъ, что обыкновенно называютъ „трудовой цѣнностью“ товаровъ: въ однихъ отрасляхъ промышленности первыя превышаютъ вторыя, въ другихъ, соотвѣтственно этому, стоятъ ниже ихъ. Служитъ ли это явленіе противорѣчіемъ трудовой теоріи мѣновой цѣнности, или теорія можетъ, не уклоняясь отъ своего принципа, объяснить отклоненіе „среднихъ цѣнъ“ отъ „трудовой“ цѣнности? Какъ извѣстно, Марксъ самъ указалъ въ I-омъ томѣ „Капитала“ на это препятствіе; онъ объявилъ его однако кажущимся и обѣщалъ разрѣшить видимое противорѣчіе въ 3-емъ томѣ.

Надо прежде всего условиться, какимъ образомъ противорѣчіе вообще можетъ быть разрѣшено, т. е. найти критерій для оцѣнки правильности того или иного его разрѣшенія.

Только два способа разрѣшенія вообще возможны: съ одной стороны, можно показать, что отклоненія „среднихъ“ цѣнъ отъ трудовой цѣнности вовсе не существуетъ, что стремленіе уровней прибылей къ равенству только съ виду не согласуется съ обмѣномъ товаровъ пропорціонально труду, при болѣе внимательномъ

номъ же анализѣ оба явленія оказываются мирно уживающимися другъ съ другомъ; словомъ, можно оставаться при утвержденіи, что среднія цѣны *въ дѣйствительности пропорціональны* рабочему времени, заключенному въ товарахъ. Съ другой стороны, можно признать фактъ уклоненія среднихъ цѣнъ отъ трудовыхъ цѣнностей, но считать этотъ фактъ не опровергающимъ трудовой теоріи цѣнности; при этомъ приходится изображать дѣло такъ, что трудъ есть только одинъ, хотя быть можетъ и существеннѣйшій, факторъ образованія цѣнъ; къ нему присоединяется, видоизмѣняя, но не уничтожая его дѣйствія, другой факторъ— стремленіе уровней прибыли къ равенству; благодаря комбинаціи этихъ двухъ факторовъ, какъ бы подъ дѣйствіемъ параллелограмма силъ, образуются среднія цѣны товаровъ.

Изъ того, что мы говорили выше о задачѣ абстрактной теоріи цѣнности, неопровержимо слѣдуетъ, какъ мы думаемъ, что только первое рѣшеніе можно считать удовлетворяющимъ постановкѣ вопроса, второе же должно считаться непригоднымъ для реабилитаціи трудовой теоріи цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, задача трудовой теоріи цѣнности въ ея абстрактной постановкѣ у Маркса заключалась въ доказательствѣ того, что трудъ есть субстанція мѣновой цѣнности. Такой субстанціей, по Марксу, можетъ служить только нѣчто „общее одинаковой величины“, содержащееся въ обмѣнивающихся товарахъ; для правильности трудовой теоріи цѣнности необходимо, слѣдовательно, чтобы въ обмѣнивающихся товарахъ заключалось одинаковое количество рабочаго времени. Поэтому, если мы только признаемъ самый фактъ несоотвѣтствія „среднихъ“ цѣнъ сравнительной затратѣ труда на производство товаровъ, мы тѣмъ самымъ уже признаемъ неправильной трудовую теорію цѣнности. Чѣмъ бы такое не соотвѣтствіе не объяснялось, въ данномъ случаѣ совершенно

безразлично; во всякомъ случаѣ трудовая теорія цѣнности была бы уже опровергнута, потому что противорѣчіемъ ей служатъ не тѣ или иныя причины этого несоотвѣтствія, а самый фактъ несоотвѣтствія. Если бы мы нашли, что дважды два въ извѣстныхъ случаяхъ равно пяти, то никакими метафизическими ухищреніями мы не могли бы доказать, что „*въ дѣйствительности*“ дважды два равно все-таки четыремъ; даже если бы мы дошли до перваго положенія, *исходя* изъ положенія: $2 \times 2 = 4$, то и это не дало бы намъ объясненія противорѣчія. Мы могли бы видѣть въ этомъ лишь указаніе на какую-то ошибку, вкравшуюся въ разсчетъ, но никакъ не имѣли бы права почерпнуть отсюда увѣренность въ одновременномъ равенствѣ произведенія двухъ на два и четыремъ, и пяти, тотому что уже самый фактъ равенства этого произведенія четыремъ противорѣчить его равенству пяти, а не только та или иная причина равенства. Точно такъ же обстоитъ дѣло съ отклоненіемъ среднихъ цѣнъ отъ трудовыхъ цѣнностей. Обмѣнъ пропорціонально труду—доказать наличность котораго стремится трудовая теорія,—и обмѣнъ непропорціонально труду суть положенія, взаимно исключающія другъ друга, и вѣрнымъ можетъ быть только одно изъ нихъ, а никакъ не оба вмѣстѣ. Или среднія цѣны совпадаютъ съ „трудовыми“ цѣнностями или же трудовая теорія невѣрна—такова неизбѣжная дилемма.

Наоборотъ, вполнѣ очевидно, что второй способъ разрѣшенія противорѣчія собственно не былъ бы разрѣшеніемъ ея. Если бы было доказано, что трудъ есть одинъ изъ факторовъ образованія среднихъ цѣнъ, къ дѣйствію котораго присоединяется дѣйствіе другого, то было бы доказано какъ разъ противное тому, что требовалось: тогда было бы ясно, что трудъ не есть субстанція мѣновой цѣнности, ибо эта субстанція должна составлять то свойство товаровъ, которое имѣется въ

равномъ количествѣ въ обмѣнивающихся другъ на друга единицахъ ихъ. Нисколько не помогло бы дѣлу и то, что за трудомъ сохранилось бы значеніе *одного* изъ факторовъ мѣновой цѣнности, хотя бы и главнѣйшаго; даже напротивъ: этими подписывался бы смертный приговоръ его значенію, въ качествѣ „субстанціи“ мѣновой цѣнности. Послѣдняя, какъ мы видѣли, можетъ состоять только въ такомъ явленіи, *наряду* съ которымъ уже не имѣется никакихъ другихъ явленій, могущихъ служить независимыми отъ перваго условіями мѣновой цѣнности.

Повторяемъ: задача *трудовой теоріи мѣновой цѣнности* заключается въ опредѣленіи того общаго свойства всѣхъ товаровъ, которое имѣется въ одинаковомъ количествѣ въ обмѣнивающихся другъ на друга единицахъ ихъ; поэтому тотъ фактъ, что—при обмѣнѣ по „среднимъ“ или „нормальнымъ“ цѣнамъ—обмѣниваются другъ на друга товары, заключающіе въ себѣ *разное* количество рабочаго времени, служитъ самъ по себѣ опроверженіемъ трудовой теоріи мѣновой цѣнности, и никакое объясненіе этого явленія не можетъ измѣнить этого.

Такъ смотрѣло на дѣло и огромнѣйшее большинство приверженцевъ теоріи цѣнности Маркса въ промежутокъ между выходомъ 1-го и 3-го тома „Капитала“. Огромнѣйшее большинство ихъ ожидало, что Марксъ покажетъ именно *соотвѣтствіе* трудовой цѣнности среднимъ цѣнамъ, что отклоненіе послѣднихъ отъ первой будетъ объявлено миражемъ, обманывающимъ поверхностнаго наблюдателя. Симптомомъ такого положенія дѣла могутъ служить появившіяся въ то время работы Конрада Шмидта и Штиблинга на западѣ, и проф. А. И. Скворцова—у насъ. Всѣ онѣ пытались доказать, что среднія цѣны, при болѣе тщательномъ анализѣ, оказываются точно пропорціональными сравнительному количеству разнаго времени,

заключеннаго въ товарахъ, и что отклоненіе ихъ изъ трудовой цѣнности есть только явленіе кажущееся. Какъ бы ни смотрѣть на достоинства этихъ работъ, надо признать, что авторы ихъ были единственными послѣдовательными людьми въ лагерѣ приверженцевъ трудовой теоріи мѣновой цѣнности.

Нужно было много забыть изъ исторіи политической экономіи, чтобы вѣрить въ возможность доказательства совпаденія среднихъ цѣнъ съ трудовой цѣнностью. Ни Смитъ, ни Рикардо, ни Родбертусъ, ни какой либо другой болѣе или менѣе видный представитель трудовой теоріи цѣнности не рѣшались утверждать чего-либо подобнаго. Фактъ уклоненія среднихъ цѣнъ отъ точной пропорціональности содержащемуся въ обмѣнивающихся товарахъ рабочему времени признавали они всѣ, и долженъ признавать всякій, кто хоть немного раздумывалъ о фактахъ экономической жизни [1]). Поэтому и указанныя сейчасъ работы могли разрѣшить ту неразрѣшимую задачу, которую они себѣ ставили, только кажущимся образомъ.

Тѣмъ не менѣе содержаніе ихъ задачи сводилось къ доказательству *отсутствія* отклоненія среднихъ цѣнъ отъ трудовой цѣнности. Того же ожидали отъ Маркса; ожидали, что онъ покажетъ мнимость этого отклоненія, столь очевиднаго съ перваго взгляда, и,

[1]) Рикардо придавалъ даже такое большое значеніе этому явленію, что былъ недоволенъ своимъ изложеніемъ теоріи цѣнности, въ которомъ трудъ былъ выставленъ основной причиной цѣнности. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Макъ-Куллоху онъ говоритъ: „Я иногда думаю, что если бы мнѣ снова пришлось писать главу о цѣнности въ моей книгѣ, то я призналъ бы, что относительная цѣнность благъ опредѣляется не одной, а двумя причинами: сравнительнымъ количествомъ труда, необходимымъ для производства данныхъ благъ, и уровнемъ прибыли за время, пока капиталъ не реализуется и пока блага не вынесены на рынокъ". Letters to Mc. Culloch, No XV. p 71, въ Publications of the American Economic Association, Vol. X. 1895.

такимъ образомъ, нѣкоторымъ таинственнымъ кунстштюкомъ разрѣшитъ знаменитую „сфинксову“ загадку.

Все это измѣнилось съ появленіемъ 3-го тома [1]). Какъ бы ни смотрѣть на то разрѣшеніе загадки, которое предложилъ Марксъ, одно несомнѣнно: оно, вопреки многимъ ожиданіямъ, прямо признавало, что обмѣнъ товаровъ по „среднимъ цѣнамъ“ не совпадаетъ съ обмѣномъ пропорціонально сравнительной затратѣ труда на производство товаровъ. Такой отвѣтъ былъ разумѣется необходимъ: нельзя было думать, что Марксъ будетъ отвергать это несовпаденіе, составляющее одно изъ наименѣе оспариваемыхъ положеній экономической науки. Съ другой стороны, однако, отвѣтъ этотъ, если справедливы указанныя нами соображенія, уничтожалъ всякое значеніе трудовой теоріи мѣновой цѣнности, и Зомбартъ правъ, говоря, что рѣшеніе Маркса встрѣтило одно „всеобщее покачиваніе головой“ — „ein allgemeines Kopfschütteln“,—у многихъ, быть можетъ, совсѣмъ непроизвольное.

Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ пользуется большимъ распространеніемъ мнѣніе, что теорія цѣнности третьяго тома „Капитала“ не противорѣчитъ теоріи перваго тома и вполнѣ удовлетворительно разрѣшаетъ вопросъ о причинахъ, опредѣляющихъ высоту мѣноваго отношенія между товарами. Мнѣніе это, несмотря на всю его ошибочность, пользуется кредитомъ благодаря двумъ логическимъ упущеніямъ:

1) благодаря смѣшенію абстрактной теоріи общаго *условія* мѣновой цѣнности съ конкретной теоріей причинъ или факторовъ мѣновой цѣнности: однимъ изъ такихъ факторовъ трудъ разумѣется остается, не-

[1]) Впрочемъ, не совсѣмъ. Проф. Скворцовъ продолжаетъ въ своихъ „Основаніяхъ политической экономіи“ держаться тѣхъ же воззрѣній на этотъ вопросъ, которыя онъ развилъ до появленія 3-го тома въ статьѣ о «Прибыли и процентѣ» (въ Юр. Вѣстн.). А недавно г. Филлиповъ (Научн. Обозр., іюль 1899) придумалъ новое хитроумное обоснованіе того же недоказуемаго положенія.

смотря на всѣ ограниченія, которымъ подверглась трудовая теорія въ 3-мъ томѣ „Капитала“,—и

2) благодаря смѣшенію теоріи мѣновой цѣнности съ теоріей явленія, составляющаго во всякомъ случаѣ нѣчто отличное отъ „мѣновой цѣнности“, т. е. мѣнового отношенія между товарами. Такъ какъ о первой ошибкѣ мы уже достаточно говорили выше, то мы остановимся только на второй.

Разрѣшеніе проблемы уклоненія среднихъ цѣнъ отъ трудовой цѣнности основано у Маркса, какъ извѣстно, на томъ, что объектомъ трудовой цѣнности обозначается уже не каждый отдѣльный товаръ, а вся сумма обращающихся товаровъ, вмѣстѣ взятая. Количество затраченнаго на производство товаровъ труда опредѣляетъ высоту цѣнности всей этой суммы товаровъ; изъ этой общей „суммы цѣнности“ на долю каждаго товара приходится цѣнности не пропорціонально той долѣ общей суммы труда, которая затрачена на его производство, а пропорціонально сравнительной высотѣ издержекъ его производства или затраченнаго на его производство капитала, плюсъ извѣстная средняя прибыль на единицу капитала. Въ этомъ, коротко говоря, заключается все соотвѣтсвующее объясненіе Маркса.

Бемъ-Баверкъ справедливо указалъ, что такое объясненіе есть въ сущности нечто иное, какъ пустая тавтологія. „Какъ всякій экономистъ знаетъ, продукты обмѣниваются въ концѣ концовъ всегда на продукты, если отвлечься отъ формъ денежнаго обращенія, скрывающаго суть дѣла. Всякій вступающій въ обмѣнъ товаръ является съ одной стороны товаромъ, но съ другой стороны и цѣной того товара, на который обмѣнивается. Сумма товаровъ, такимъ образомъ, тождественна съ суммою уплаченныхъ цѣнъ. Иначе говоря, цѣна всего національнаго продукта взятаго въ цѣломъ есть нечто иное, какъ самъ національный продуктъ. При такихъ условіяхъ, конечно, вполнѣ вѣрно утвер-

жденіе, что сумма цѣнъ, уплаченныхъ въ общей сложности за весь національный продуктъ, вполнѣ совпадаетъ съ кристаллизованной въ немъ суммою цѣнности или труда. Однако это тавтологическое утвержденіе не только не обогащаетъ насъ какимъ либо новымъ свѣдѣніемъ, но и не можетъ служить провѣркой правильности мнимаго закона, что блага обмѣниваются въ отношеніи воплощеннаго въ нихъ труда"[1]).

Мы пойдемъ еще дальше Бемъ-Баверка. Приложеніе трудовой теоріи мѣновой цѣнности ко всей суммѣ національнаго продукта не только сводится къ тавтологіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ—съ точки зрѣнія задачи теоріи мѣновой цѣнности—содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Разъ теорія должна объяснить высоту мѣноваго отношенія между товарами, и разъ мѣновая цѣнность есть нечто иное, какъ это мѣновое отношеніе, то говорить о мѣновой цѣнности чего-либо тамъ, гдѣ не приравниваются другъ другу два товара или по крайней мѣрѣ двѣ группы товаровъ—значитъ совершать contradictio in adjecto; это равносильно опредѣленію—пользуемся снова примѣромъ Джевонса—*отношенія числа семнадцати*, не упоминая о томъ, отношеніе *къ чему* тутъ подразумѣвается. Вопросъ о мѣновой цѣнности всего національнаго продукта тамъ, гдѣ, какъ у Маркса, дѣло не идетъ о мѣновомъ отношеніи *между* цѣнностями различныхъ національныхъ продуктовъ, лишенъ всякаго смысла.

Отсюда разумѣется не слѣдуетъ, что всѣ относящіяся сюда мысли Маркса также лишены смысла. Уже изъ того, что понятіе „цѣнности національнаго продукта", въ такомъ его абсолютномъ и слѣдовательно съ точки зрѣнія мѣновой цѣнности противорѣчивомъ значеніи, отнюдь не введено въ употребленіе впервые Марксомъ, а есть, наоборотъ, принадлежность обще-

[1]) Цит. соч. стр. 117, русск. пер. стр. 30—31.

употребительной научной терминологіи, — уже изъ одного этого видно, что такъ легко вопросъ еще не разрѣшается. Несомнѣнно однако одно: подъ „цѣнностью національнаго продукта“ или подъ „суммой цѣнности“ можно понимать что угодно, только не мѣновое отношеніе. Ошибка Маркса заключалась слѣдовательно не въ томъ, что онъ пользовался подобнымъ понятіемъ или анализировалъ его, а въ томъ, что онъ не отдѣлилъ его рѣзко отъ понятія мѣновой цѣнности. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, что такое есть „сумма цѣнности“—это, съ точки зрѣнія теоріи мѣновой цѣнности, совершенно ирраціональное понятіе,—мы должны здѣсь только подчеркнуть, что разрѣшеніе вопроса о „цѣнности“ въ этомъ неизвѣстномъ смыслѣ есть дѣло, вполнѣ отличное и независимое отъ теоріи мѣновой цѣнности. Если даже признать, что Марксъ точно и непровержимо показалъ, что „сумма цѣнности“ равновелика „суммѣ труда“, то подъ цѣнностью здѣсь мы *принуждены* въ избѣжаніе полной безсмыслицы подразумѣвать какое-то особое явленіе, во всякомъ случаѣ не тождественное съ мѣновымъ отношеніемъ между товарами; поэтому о послѣдней мы будемъ знать не больше, чѣмъ знали прежде, и если не будетъ спеціально доказано, что это мѣновое отношеніе управляется сравнительной затратой труда, то мы не сможемъ считать доказанной трудовую теорію мѣновой цѣнности, какъ бы ни была для насъ ясна правильность трудовой теоріи *цѣнности*, въ новомъ значеніи послѣдняго понятія.

Въ этомъ заключается самое существенное возраженіе противъ „разрѣшенія“ проблемы у Маркса. Еще менѣе имѣется основаній считать трудовую теорію мѣновой цѣнности правильной, когда не только остается не доказаннымъ, что товары обмѣниваются пропорціонально труду, но когда наоборотъ, само „разрѣшеніе“ начинается съ категорическаго при-

знанія отклоненія среднихъ цѣнъ отъ трудовой цѣнности. При такихъ условіяхъ можно быть различнаго мнѣнія о достоинствахъ новыхъ мыслей Маркса высказанныхъ въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ третьяго тома, но нельзя думать, что Марксъ доказалъ правильность своей основной мысли, что товары обмѣниваются пропорціонально сравнительному количеству труда, затраченному на ихъ производство [1]).

---

[1]) Г. Булгаковъ, который въ своей ранней статьѣ: «Что такое трудовая цѣнность» (Сборникъ правов. и обществ. знаній, т. V) держался на этотъ вопросъ взгляда, развитаго въ текстѣ, въ своихъ послѣднихъ работахъ «объ основныхъ понятіяхъ полит. экономіи» перемѣнилъ свое мнѣніе. Противорѣчіе между 1-мъ и 3-мъ томами „Капитала“ онъ считаетъ неустранимымъ только съ *коммерческой* точки зрѣнія на цѣнность. „Если стать на точку зрѣнія *коммерческаго* пониманія теоріи цѣнности и капитала, то противорѣчіе между ученіями 1-го и 3-го тома стоитъ во всей зіяющей наготѣ. Говорить сначала о цѣнности даннаго товара, а затѣмъ сказать, что эта цѣнность никогда не проявляется въ мѣновыхъ пропорціяхъ, равносильно тому, чтобы говорить сначала, что въ сажени 7 футовъ, а затѣмъ добавить, что фактически, при измѣреніи сажени, она считается равной не 7, а 10, 15, 20 и т. д. футамъ“. (Научн. обозр. 1898 № 10). Если не ошибаемся, подъ „*коммерческимъ*“ пониманіемъ теоріи цѣнности здѣсь подразумѣвается тотъ взглядъ, согласно которому задача теоріи цѣнности заключается въ опредѣленіи причинъ, управляющихъ высотою мѣновыхъ отношеній, или короче, согласно нашей терминологіи теорія мѣновой цѣнности. Эта послѣдняя теорія, не смотря на такое презрительное ея обозначеніе, всегда составляла и составляетъ по меньшей мѣрѣ часть, и притомъ весьма существенную часть, теоріи цѣнности въ широкомъ смыслѣ, а потому противорѣчіе между 1-мъ и 3-мъ томамъ дѣйствительно стоитъ „въ зіяющей наготѣ“. Это сознаетъ и самъ г. Булгаковъ: сейчасъ же вслѣдъ за характеристикой „коммерческаго направленія“ онъ говоритъ: „Но цѣнность и капиталъ не суть измѣренія, *точнѣе суть не только измѣренія* (курс. нашъ), они суть общественныя отношенія и т. д.» Если цѣнность и капиталъ «суть не только измѣренія“, то они стало быть суть всетаки измѣренія, и поскольку они суть таковыя, т. е. по скольку подъ нимъ подразумѣваются измѣренія, постольку и остается противорѣчіе между 1-мъ и 3 мъ томами. Въ этомъ разсужденіи повторяется одинъ изъ самыхъ пагубныхъ для научнаго изслѣдованія пріемовъ, именно употребленіе одного термина въ различныхъ значеніяхъ— duplicatio terminorum. Если, по мнѣнію г. Булгакова, цѣнность и капиталъ „суть не только измѣренія, но и общественныя отно-

Марксъ однако держался того взгляда, что его разрѣшеніе относится не только къ нѣкоторой самостоятельной „цѣнности“, но и къ обычной категоріи мѣновой цѣнности. Такъ какъ несостоятельность этого взгляда была подробно доказана Бемъ-Баверкомъ, и такъ какъ она вытекаетъ само собой изъ выше сказаннаго, то мы ограничиваемся краткимъ указаніемъ на аргументы Маркса и столь же краткой ихъ критикой.

1) Первый доводъ Маркса заключается въ томъ, что сумма цѣнъ равна суммѣ цѣнностей, и что въ этомъ равенствѣ обнаруживается зависимость цѣнъ отъ трудовой цѣнности. Этотъ аргументъ падаетъ самъ собой, такъ какъ „сумма цѣнностей“ есть понятіе, совершенно независимое отъ понятія мѣновой цѣнности и ничего по отношенію къ послѣднему не уясняющее. Если же въ выраженіи „сумма цѣнностей“ подъ „цѣнностью“ подразумѣвать „мѣновую цѣнность“—а только о послѣдней идетъ рѣчь и только послѣднюю мы пока и знаемъ—то это выраженіе, какъ мы только что показали, превращается въ Contradictio in adjecto.

2) Во многихъ мѣстахъ 3-го тома „Капитала“ мы можемъ встрѣтить указанія на то, что Марксъ про-

---

шенія“, то это, по просту говоря, означаетъ только, что подъ этимъ терминомъ подразумѣваются два совершенно различныхъ понятія: съ одной стороны *измѣреніе* (въ примѣненіи къ цѣнности это значитъ мѣновое отношеніе, какъ опредѣленная величина), а съ другой—нѣчто иное, во всякомъ случаѣ съ первымъ понятіемъ ничего общаго не имѣющее. Отдѣлываться отъ перваго значенія фразой о „коммерческомъ пониманіи цѣнности“ и вмѣстѣ съ тѣмъ разсматривать второе значеніе, не отдѣляя его строго отъ перваго, какъ это дѣлаетъ г. Булгаковъ,—значитъ вносить въ вопросъ убійственную путаницу. Мы покрайней мѣрѣ отказываемся понимать что либо опредѣленное подъ „цѣнностью“ если она означаетъ одновременно такія разнородныя вещи, какъ „измѣреніе“. и „общественное отношеніе“.—Избѣжать этой путаницы можно только, разсматривая „мѣновую цѣнность“ независимо отъ всякихъ другихъ родовъ цѣнности Прежде всего же для этого нужна точная выясненность понятій.

должаетъ считать трудовую цѣнность нѣкоторой средней, извѣстной точкой, вокругъ которой колеблются рыночныя цѣны. Не трудно показать, что этотъ взглядъ совершенно невѣренъ. Разъ такой средней цѣной, по собственному признанію Маркса, является цѣна, соотвѣтствующая издержкамъ производства со включеніемъ средней прибыли, (Produktionspreis), то ею уже не можетъ быть что либо иное, въ томъ числѣ и трудовая цѣнность. Фактически существуютъ всегда только однѣ рыночныя цѣны, и помимо нихъ—лишь пунктъ, вокругъ котораго онѣ колеблются. Этимъ пунктомъ можетъ служить или Produktionspreis, или трудовая цѣнность, но никакъ не то и другое вмѣстѣ взятое, потому что возможна лишь одна точка равновѣсія, а не двѣ. Если, по Марксу, этимъ пунктомъ служитъ Produktionspreis, то тѣмъ самымъ имъ не служитъ трудовая цѣнность.

Столь же неправильно представленіе, будто трудовая цѣнность служитъ нѣкоторымъ рычагомъ, приводящимъ въ дѣйствіе механизмъ конкуренціи посредствомъ привлеченія капиталовъ въ тѣ отрасли промышленности, гдѣ трудовая цѣнность продуктовъ превышаетъ ихъ Produktionspreis, и удаленія ихъ изъ противоположныхъ отраслей промышленности. По справедливому замѣчанію Зомбарта, движеніе капиталовъ, устанавливающее „среднюю цѣну“ продуктовъ, находится въ зависимости не отъ „трудовыхъ цѣнностей“, а отъ рыночныхъ цѣнъ, которыя въ свою очередь вполнѣ независимы отъ первыхъ и опредѣляются только условіями рынка. И исторически невѣрно, будто капиталы устремлялись въ отрасли промышленности съ „низкимъ органическимъ составомъ“ капитала, гдѣ трудовая цѣнность продуктовъ стоитъ выше ихъ Produktionspreis'а и гдѣ, согласно этому взгляду, могли бы ожидаться исключительные барыши до тѣхъ поръ,

пока конкуренція не уравняетъ прибыль въ разныхъ отрасляхъ; въ противоположность этой гипотезѣ въ дѣйствительности капиталъ проникаетъ въ отрасли промышленности „низкаго органическаго состава“ позднѣе всего, какъ напр. въ добывающую промышленность и земледѣліе. Замѣтимъ кстати, что разбираемый аргументъ покоится собственно на petitio principii, потому что предполагаетъ уже доказаннымъ, что товары сначала—до установленія средней цѣны,—продаются по трудовой цѣнности. Между тѣмъ это нигдѣ собственно у Маркса доказано не было и ниоткуда не вытекало, а именно и подлежало доказательству. Между тѣмъ, практически всякому извѣстно, что — вопреки этому недоказанному положенію — движеніе капиталовъ не находится ни въ какой зависимости отъ строенія капиталовъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности, т. е. отъ распредѣленія капиталовъ на перемѣнную и постоянную часть,

3) Связь между трудовой цѣнностью и цѣнами Марксъ видитъ также въ томъ, что за измѣненіемъ въ количествѣ труда, необходимомомъ для производства извѣстнаго товара, слѣдуетъ всегда параллельное измѣненіе цѣны товара. Изъ этого однако слѣдуетъ, какъ справедливо указалъ Бемъ-Баверкъ, только то, что количество затраченнаго труда есть *одинъ изъ факторовъ*, опредѣляющихъ цѣны товаровъ,—чего никто не отрицалъ. Наряду съ этимъ факторомъ существуютъ и другіе, оказывающіе точно такое же дѣйствіе на цѣны, какъ и трудъ. Цѣны напр. подымаются или падаютъ соотвѣтственно увеличенію или уменьшенію спроса на нихъ, или наоборотъ, въ обратномъ соотношеніи къ измѣненію предложенія и т. д. Никто однако отсюда не выведетъ, что въ спросѣ или предложеніи скрывается „субстанція“ мѣновой цѣнности. Все это обстоятельства, въ зависимости отъ которыхъ

находятся цѣны, но никакъ не единственные источники цѣнности [1]).

4) Законъ цѣнности, по мнѣнію Маркса, регулируетъ цѣны черезъ посредство опредѣленія общей суммы прибавочной цѣнности, а отсюда — средняго уровня прибыли. Это положеніе невѣрно по двумъ основаніямъ. „Общая сумма прибавочной цѣнности“ есть ничто иное, какъ извѣстная „сумма цѣнностей“. Мы видѣли однако, что это послѣднее понятіе совершенно безплодно съ точки зрѣнія изученія мѣновой цѣнности. Фраза: „общая сумма прибавочной цѣнности равновелика данному количеству труда (прибавочнаго)“ въ сущности не говоритъ ровно ничего, потому что непонятно, что собственно подразумѣвается подъ „цѣнностью“, когда устраненъ обмѣнъ, и въ какомъ отношеніи это неизвѣстное понятіе стоитъ къ мѣновой цѣнности. Во-вторыхъ, если предположить это затрудненіе устраненнымъ, то теорія остается ошибочной и въ томъ отношеніи, что „общая сумма прибавочной цѣнности“ вовсе не равна „общей суммѣ прибыли“, и по-

[1]) Любопытно, что такимъ же доводомъ принужденъ былъ спасать свою теорію еще Рикардо. „Теорія (трудовая)—пишетъ онъ—могла бы встрѣтить меньше возраженій, если видѣть ея задачу въ измѣреніи не всей абсолютной цѣнности сравниваемыхъ благъ, но тѣхъ измѣненій, которыя отъ времени до времени имѣютъ мѣсто въ относительной цѣнности. Какимъ причинамъ—я разумѣю здѣсь постоянныя причины—могутъ быть приписаны эти измѣненія? Двумъ и только двумъ: одну изъ этихъ причинъ, незначительную по результатамъ, составляетъ ростъ или паденіе заработной платы, или, что по моему одно и то же, паденіе или ростъ прибыли, другая же причина—необычайнаго значенія—заключается въ большемъ или меньшемъ количествѣ труда, необходимаго для производства благъ“. Letters to Malthus, ed. Bonar, стр. 176. Изъ этого видно, насколько эмпирически понималъ свою теорію Рикардо. Для того, чтобы найти „причину“ измѣненій мѣновой цѣнности въ трудѣ, ему приходится сначала ограничиться разсмотрѣніемъ только „постоянныхъ“ причинъ—благодаря чему устраняются всѣ обстоятельства, вліяющія на рыночныя цѣны—и затѣмъ признать измѣненіе заработной платы и прибыли причиной „незначительной“.

этому не опредѣляетъ непосредственно уровня прибыли. Для того, чтобы это произошло, необходимо, чтобы заработная плата въ точности равнялась цѣнности рабочей силы. Между тѣмъ, средства потребленія рабочихъ имѣютъ цѣну, столь же несовпадающую съ ихъ цѣнностью, какъ и всѣ другіе товары; поэтому и рабочая сила оплачивается, можно сказать, не по своей цѣнности, а по цѣнѣ производства (на что указалъ и Марксъ). А въ этомъ случаѣ объясненіе Маркса вертится въ ложномъ кругу, такъ какъ оно опирается на то самое отклоненіе цѣны отъ цѣнности, обосновать которое, исходя изъ одной трудовой цѣнности, оно ставило своей задачей.

5) Наконецъ, послѣднимъ убѣжищемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстномъ смыслѣ testimonium paupertatis трудовой теоріи мѣновой цѣнности является у Маркса утвержденіе, что обмѣнъ пропорціонально труду происходилъ въ чистомъ видѣ только въ докапиталистическія эпохи, въ періодъ же развитого капитализма онъ уступаетъ мѣсто обмѣну пропорціонально издержкамъ производства. На этой сторонѣ вопроса надо остановиться нѣсколько подробнѣе, такъ какъ изложенное мнѣніе пользуется большой популярностью и было особенно подчеркнуто Энгельсомъ въ его посмертной статьѣ въ 3-емъ томѣ „Капитала“, въ качествѣ рѣшительнаго довода въ пользу трудовой теоріи.

Мы должны прежде всего замѣтить, что независимо отъ правильности или неправильности этого утвержденія, оно противорѣчитъ, можно сказать, самому духу ученія Маркса. Марксъ ставилъ задачей всѣхъ своихъ экономическихъ изслѣдованій изученіе существующаго капиталистическаго строя, т. е. тѣхъ характерныхъ чертъ современной экономической жизни, которыя отличаютъ ее отъ всѣхъ прочихъ эпохъ хозяйственной исторіи. Трудовая теорія цѣнности должна была служить у него краеугольнымъ камнемъ анализа

капиталистическаго общества. Во многихъ мѣстахъ „Zur Kritik“ и „Капитала“ Марксъ подчеркиваетъ, что обмѣнъ пропорціонально труду есть основа современнаго экономическаго строя, именно въ отличіе его отъ другихъ общественно-экономическихъ организацій. Это обнаруживается уже изъ первыхъ строкъ „Капитала“. „Богатство общества, въ которомъ господствуетъ капиталистическій способъ производства, состоитъ изъ огромнаго скопленія товаровъ, и отдѣльный товаръ служитъ его ячейкой. Нашъ анализъ долженъ *поэтому* начаться съ анализа товара“. Въ „Zur Kritik“ Марксъ иронически замѣчаетъ объ Адамѣ Смитѣ: „Адамъ опредѣляетъ цѣнность товара рабочимъ временемъ, которое въ немъ заключено, однако онъ относитъ реальность этого опредѣленія къ до-адамовымъ временамъ. Другими словами то, что ему кажется справедливымъ, съ точки зрѣнія простого товара, дѣлается для него неяснымъ, какъ только появляются высшія и болѣе сложныя формы: капиталъ, наемный трудъ, земельная рента и т. д. Онъ выражаетъ это такимъ образомъ, что цѣнность товаровъ измѣрялась рабочимъ временемъ, въ нихъ заключеннымъ, въ потерянномъ раю буржуазнаго общества, гдѣ люди еще не раздѣлялись на капиталистовъ, наемныхъ рабочихъ, земельныхъ собственниковъ, фермеровъ, ростовщиковъ и т. д., но вступали въ сношенія другъ съ другомъ, какъ простые производители товаровъ, которыми они обмѣнивались“ [1]). Тамъ же, нѣсколькими строками ниже, онъ говоритъ по поводу теоріи цѣнности Рикардо, слѣдующее: Рикардо, „по крайней мѣрѣ догадывается, что осуществленіе этого закона (закона трудовой цѣнности) зависитъ отъ предварительнаго существованія опредѣленныхъ общественныхъ условій. Именно онъ говоритъ, что опредѣленіе величины цѣн-

[1]) Критика нѣкотор. полож., русск. пер. стр. 34—35.

ности рабочимъ временемъ относится только къ тѣмъ товарамъ, „которые промышленностью могутъ быть произвольно увеличены и надъ производствомъ которыхъ господствуетъ неограниченная конкурренція". Въ дѣйствительности это значитъ только, *что фактъ цѣнности для своего полнаго развитія требуетъ существованія крупнаго производства и неограниченной конкуренціи, т. е. современнаго буржуазнаго производства*" [1]). Итакъ, если въ критикѣ воззрѣній Смита Марксъ указываетъ на то, что нельзя ограничивать примѣненія закона цѣнности прошлыми временами, т. е. эпохой простаго товарнаго обращенія, то въ критикѣ Рикардо онъ еще рѣзче подчеркиваетъ, такъ сказать, современность этого закона, считая его полное развитіе возможнымъ именно при капиталистическомъ производствѣ, а не при простомъ товарномъ хозяйствѣ. Но не только въ этомъ первомъ произведеніи Маркса, а и въ томъ самомъ III-емъ томѣ, въ которомъ „полное развитіе" закона цѣнности относится уже къ „до-адамовымъ временамъ", мы встрѣчаемъ противорѣчащія этому указанія. Такъ напр., для превращенія различныхъ индивидуальныхъ цѣнностей въ общественную цѣнность (а только послѣдняя конечно можетъ быть трудовой) объявляется необходимой, „конкурренція между продавцами товаровъ", а послѣдняя, какъ далѣе подробно развивается, устанавливается именно капиталистическимъ производствомъ [2]). Такимъ образомъ вполнѣ очевидно, что именно только одно капиталистическое производство, устанавливающее свободу конкурренціи, уничтожающее всѣ стѣсненія свободы передвиженія капитала и труда, создаетъ условія, безусловно необходимыя—по Марксу—для осуществленія обмѣна пропорціонально труду. Если послѣ этого

[1]) Курс. нашъ. Ibid. стр. 35—36.
[2]) III, I, s. 159 и сл., русск. пер. стр. 133 и сл.

намъ доказываютъ, что такой обмѣнъ существовалъ только въ до-капиталистическую эпоху, то этимъ общее ученіе Маркса не подтверждается, а опровергается. Вѣрно ли или невѣрно это мнѣніе, оно во всякомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ анализомъ капиталистическаго производства и стоитъ въ противорѣчіи съ общимъ взглядомъ Маркса, согласно которому каждый періодъ экономическаго развитія имѣетъ свои собственные законы, причемъ законъ трудовой цѣнности есть именно законъ капиталистическаго производства. Поэтому, если бы даже было доказано, что въ эпоху „простого товарнаго хозяйства“ товары обмѣнивались пропорціонально содержащемуся въ нихъ рабочему времени, мы имѣли бы право или даже, съ точки зрѣнія Маркса, были обязаны искать другой законъ цѣнности для развитого капиталистическаго производства.

Нетрудно видѣть однако, что это мнѣніе невѣрно и по существу. Если Марксъ думаетъ, что „не только теоретически,но и исторически необходимо разсматривать цѣнность (трудовую) какъ prius цѣны производства (Produktionspreis)“, то легко убѣдиться, что исторически трудовая цѣнность составляетъ *prius* цѣны производства еще въ гораздо меньшей степени, чѣмъ теоретически. Мы можемъ оставить въ сторонѣ приведенный у Маркса гипотетическій примѣръ общества, въ которомъ средства производства распредѣлены между товаропроизводителями и въ которомъ, по его мнѣнію, товары обмѣнивались бы пропорціонально содержащемуся въ нихъ рабочему времени [1]). Вопросъ идетъ вѣдь не о томъ, каковъ былъ бы законъ цѣнности въ такомъ гипотическомъ обществѣ [2]), а о томъ, насколько

[1]) III, 1, s. 154—156, русск. пер. стр. 129—131.

[2]) Что и въ такомъ обществѣ, благодаря различію въ составѣ капиталовъ, цѣны производства уклонялись бы отъ трудовой цѣнности, это хорошо показано у Бемъ-Баверка, цит. соч. s.

условія такого общества совпадаютъ съ фактическими условіями до-капиталистическаго хозяйства. А въ томъ, что совпаденія этого никогда не существовало, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Уже Зомбартъ справедливо замѣтилъ, что если бы обмѣнъ пропорціонально труду былъ исходнымъ пунктомъ капиталистическаго развитія, то капиталы должны были бы прежде всего устремиться въ отрасли промышленности съ „низкимъ органическимъ составомъ“ капитала, которыя давали бы максимумъ прибыли, между тѣмъ какъ фактически эти отрасли подвергнулись капиталистической эксплуатаціи позднѣе всѣхъ остальныхъ. Однако лучше всего доказалъ—въ противоположность Энгельсу—невозможность обмѣна пропорціонально труду въ до-капиталистическія эпохи писатель, котораго никто уже въ пристрастномъ (въ смыслѣ враждебности) отношеніи къ Марксу не заподозритъ, именно Парвусъ—(въ своей работѣ о „міровомъ рынкѣ и сельско-хозяйственномъ кризисѣ“), и мы не можемъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ предоставить ему здѣсь слово:

„Если Фр. Энгельсъ въ своемъ послѣсловіи къ III тому „Капитала“ принимаетъ, что въ это время, (въ до-капиталистическую эпоху), время городского ремесла и натуральнаго хозяйства, въ земледѣліи *товары* обмѣнивались приблизительно по заключеннымъ въ нихъ количествамъ рабочаго времени, то мы не можемъ съ этимъ согласиться. Энгельсъ думаетъ, что *крестьянинъ* и *ремесленникъ* обмѣнивали свои продукты соотвѣтственно количествамъ заключеннаго въ нихъ труда, потому что они не прилагали къ производству ничего, кромѣ своего труда, и что имъ были хорошо извѣстны условія труда другъ друга. Допустимъ, что

русск. пер. стр. 40—44, да ясно и само собой. И кооперативныя общества, и самостоятельные ремесленники и крестьяне при продажѣ товаровъ стремятся не только окупить свой трудъ, но и получить извѣстную прибыль, пропорціональную капиталу.

эти предположенія справедливы, — отсюда можно вывести только желаніе обѣихъ сторонъ обмѣнивать продукты по рабочему времени. Но главный вопросъ въ томъ, допускали ли это *экономическія отношенія*, отношенія, въ которыхъ стояли другъ къ другу различные общественные классы подъ господствомъ тѣхъ формъ производства.

Какъ могъ крестьянинъ опредѣлить рабочее время, заключенное въ возѣ сѣна, который онъ везъ на рынокъ, въ мѣшкѣ хлѣба, въ кадкѣ масла или сотнѣ яицъ, которыя онъ продавалъ ремесленнику если этотъ крестьянинъ обязанъ былъ помѣщику барщиной разныхъ видовъ; если онъ долженъ былъ свое рабочее время въ перемежку употреблять то на помѣщика, то на свое собственное хозяйство; если, кромѣ того, онъ долженъ былъ еще отдавать часть продукта помѣщику, который и съ своей стороны оказывалъ за это нѣкоторыя взаимныя услуги; если онъ производилъ массу разнообразныхъ предметовъ, начиная отъ хлѣба и кончая шерстью и льномъ, которые потомъ перерабатывались его женою, матерью, дочерьми; ....если онъ большую часть произведенныхъ продуктовъ тотчасъ опять употреблялъ въ собственномъ хозяйствѣ въ видѣ сырья и средствъ производства, другую часть употреблялъ для поддержанія собственнаго существованія; если его рабочій день вообще былъ неопредѣленъ и неравномѣренъ, смотря по временамъ года; если онъ работалъ не одинъ, но вмѣстѣ съ женой, дѣтьми и стариками, при чемъ производительность его работы зависѣла отъ погоды и другихъ случайностей.

При обмѣнѣ между *помѣщикомъ* и ремесленникомъ также не можетъ быть рѣчи о законѣ трудовой цѣнности. Если помѣщикъ платитъ натурою, то онъ беретъ ее изъ своихъ амбаровъ, которые были наполнены трудомъ подвластныхъ крестьянъ, и все это вовсе не кажется ему овеществленіемъ общественно-необхо-

димаго рабочаго времени. Если онъ платитъ деньгами, то онѣ представляютъ собой цѣнности, которыя онъ получаетъ уже готовыми изъ обмѣна.

Въ торговомъ обмѣнѣ помѣщика и всѣхъ другихъ съ *купцомъ* совершенно не можетъ быть рѣчи о рабочемъ времени. Купецъ доставляя сукна, драгоцѣнности, пряности, мѣха и т. д.,—все продукты отдаленнѣйшихъ странъ, добытые путемъ большихъ трудовъ и опасностей, которые поэтому имѣли монопольную цѣну.

Также въ торговомъ обмѣнѣ ремесленниковъ между собой законъ трудовой цѣнности не имѣлъ мѣста въ предполагаемомъ Энгельсомъ смыслѣ. Рабочее время, затраченное ремесленниками, во всякомъ случаѣ можно было опредѣлить и измѣрить—это вычисленіе впослѣдствіи стало производиться на фабрикахъ еще гораздо болѣе точно, но дѣло сводилось уже, какъ и въ капиталистическомъ производствѣ, на опредѣленіе цѣнности сырья и средствъ производства“ [1])...

Отсюда Парвусъ дѣлаетъ общій выводъ: „Законъ цѣнности нуждается въ капиталистической рентѣ, чтобы пріобрѣсти значеніе. *Онъ нуждается для этого и въ существованіи прибыли* (курс. нашъ)“ [2]). „Пока капиталистическая земельная рента еще не образовалась (... это предполагаетъ уже наличность образовавшейся индустріальной средней прибыли)—не имѣетъ еще мѣста и приведенія индивидуальныхъ цѣнъ производства хлѣба къ одной общей цѣнѣ производства. Въ различныхъ хозяйствахъ то же количество хлѣба имѣетъ *различную цѣнность* вслѣдствіе различія въ плодородіи земли. Мѣшокъ пшеницы представляетъ то 12, то 15, то 18 рабочихъ часовъ. Если обмѣнъ будетъ происходить по количеству труда, то, очевидно, ремесленникъ долженъ за ту же работу требовать съ различныхъ хозяевъ

[1]) *Парвусъ*. Міровой рынокъ и сельскохозяйственный кризисъ русск. пер. стр. 106—108, прим.
[2]) Іb. стр. 109.

различныя количества хлѣба. Одинаковый сюртукъ вымѣнивается здѣсь на одинъ мѣшокъ пшеницы, тамъ на $1^1/_4$, а тамъ на $1^1/_2$ мѣшка. Но можетъ быть въ городѣ цѣнность мѣшка пшеницы будетъ опредѣляться иначе? Нѣтъ, въ тотъ моментъ, когда въ городѣ образуется общая рыночная цѣна хлѣба, опредѣленіе по количеству труда уже не имѣетъ силы“ [1]).

Недостатокъ этой аргументаціи,—которая впрочемъ, и въ приведенномъ видѣ вполнѣ достаточна для того, чтобы видѣть полную искусственность предположенія Энгельса,—заключается въ невыясненности ея теоретическихъ предпосылокъ.

Не вдаваясь здѣсь въ подробный ея анализъ и не гонясь за полнотой, мы можемъ перечислить главныя причины, почему цѣнность товаровъ не могла соотвѣтствовать труду до эпохи капиталистическаго производства.

а) Важнѣйшая причина состоитъ въ томъ, что только капиталистическое производство сдѣлало обмѣнъ и товарное хозяйство доминирующей формой хозяйственной организаціи. Между тѣмъ, законъ трудовой цѣнности, какъ это признаютъ всѣ его сторонники, можетъ имѣть силу только тогда, когда обмѣнъ товаровъ производится регулярно и не является простымъ придаткомъ къ натуральному хозяйству. Поэтому-то, закономѣрность обмѣна тѣсно связано съ капиталистическимъ строемъ, а слѣдовательно съ существованіемъ средней прибыли. Такимъ образомъ первая эпоха обмѣна, удовлетворявшая этому условію закономѣрности обмѣна, была вмѣстѣ съ тѣмъ эпохой, уже уничтожавшей дѣйствіе закона трудовой цѣнности.

b) Съ другой стороны, для того, чтобы законъ трудовой цѣнности осуществлялся въ обмѣнѣ въ чистомъ видѣ, нужно, по мысли Энгельса, чтобы каждый про-

[1]) Ib. стр. 108—109.

изводитель зналъ количество труда, которое потрачено и на его собственный продуктъ, и на товаръ, который онъ получаетъ въ обмѣнъ за послѣдній. Это возможно только при отсутствіи или весьма слабомъ развитіи раздѣленія труда, когда каждый производитель самъ производитъ не только *весь* продуктъ отъ начала до конца но и необходимыя для него орудія производства, а также можетъ, при желаніи, произвести и тотъ продуктъ, который онъ получаетъ въ обмѣнъ за свой. При такомъ зачаточномъ состояніи раздѣленіи труда не можетъ однако существовать правильнаго обмѣна или по крайней мѣрѣ послѣдній не можетъ быть господствующей формой хозяйственной дѣятельности. Такимъ образомъ, одно условіе, необходимое для осуществленія закона трудовой цѣнности, предполагаетъ отсутствіе другого, столь же для него необходимаго.

c) Для того, чтобы производитель зналъ, какое количество труда необходимо для производства каждаго продукта, нужно также, чтобы данному количеству труда всегда точно соотвѣтствовало данное количество различныхъ продуктовъ, т. е. чтобы техника достигла извѣстной ступени развитія, при которой результатъ производства не находится уже въ зависимости отъ случайностей, не поддающихся контролю производителя. Это условіе было осуществлено—также до извѣстной только степени—лишь при капиталистическомъ производствѣ, и до него не существовало.

d) Для этого же необходимо, чтобы всѣ потребители были сами производителями или, по крайней мѣрѣ, чтобы классы не производящіе могли получать извѣстное количество труда только за строго опредѣленное количество издержекъ съ своей стороны. Это послѣднее условіе также не могло быть осуществлено при отношеніяхъ зависимости, характеризующихъ всѣ до капиталистическія эпохи, когда полученіе извѣст-

наго количества труда или продукта напр. помѣщикомъ зависѣло только отъ его собственнаго произвола

е) Наконецъ — last not least — условіе, пропущенное Парвусомъ: необходимо, чтобы категорія прибыли, въ смыслѣ дохода, исчисляемаго пропорціонально затратѣ извѣстной суммѣ цѣнностей, вполнѣ отсутствовала. Однако, не только для купцовъ и ростовщиковъ, но и для ремесленниковъ категорія эта имѣла, по меньшей мѣрѣ, побочное значеніе въ хозяйственномъ разсчетѣ.

Такимъ образомъ, все приводитъ къ заключенію, что въ до-капиталистическую эпоху законъ трудовой цѣнности имѣлъ во всякомъ случаѣ еще гораздо меньшее значеніе, чѣмъ при капиталистическомъ производствѣ (это соотвѣтствуетъ, какъ мы видѣли, и первоначальному мнѣнію Маркса). Этимъ однако отнимается у трудовой теоріи мѣновой цѣнности ея послѣднее убѣжище—именно ея историческое значеніе. Поэтому, если Парвусъ утѣшаетъ насъ тѣмъ соображеніемъ, что „имѣлъ ли когда-нибудь въ *исторіи* законъ цѣнности (трудовой) значеніе или нѣтъ—это... безразлично для его дѣйствія въ *капиталистическомъ обществѣ*“ [1])—то это утѣшеніе очень слабо для тѣхъ, кто сознаетъ, что и въ капиталистическомъ обществѣ законъ трудовой цѣнности никогда не осуществляется въ обмѣнѣ.

Резюмируя нашъ взглядъ на значеніе трудовой теоріи для объясненія среднихъ цѣнъ, мы можемъ сказать, что образованіе среднихъ цѣнъ трудовая теорія можетъ опредѣлить не лучше, чѣмъ образованіе рыночныхъ цѣнъ. Противоположный этому взглядъ покоился главнымъ образомъ, на недостаточномъ разграниченіи совершенно разнородныхъ понятій: мѣновой цѣнности въ слыслѣ мѣнового отношенія между то-

[1]) Ibid., стр. 109.

варами, и нѣкоторой другой „цѣнности“, которая у Маркса относится къ общей суммѣ товаровъ и поэтому необходимо — во избѣжаніе безсмыслицы или тавтологіи—должна означать нѣчто вполнѣ отличное отъ первой. Встрѣчающіяся же у Маркса попытки доказать, исходя изъ этого послѣдняго понятія о цѣнности, правильность трудовой теоріи *мѣновой* цѣнности нельзя считать удовлетворительными. При точномъ представленіи о „мѣновой цѣнности“ положеніе, что товары не обмѣниваются пропорціонально заключенному въ нихъ рабочему времени, положеніе, служащее у Маркса предпосылкой всей его аргументаціи, уже само по себѣ достаточно для признанія неправильности трудовой теоріи мѣновой цѣнности.

VI.

Слѣдующій вопросъ, который намъ надлежитъ разсмотрѣть, есть вопросъ о значеніи для объясненія среднихъ цѣнъ, такъ сказать, ослабленной трудовой теоріи, именно теоріи издержекъ производства. Если трудовая теорія для этого непригодна, то въ какой мѣрѣ удовлетворительна теорія, утверждающая, что среднія цѣны находятся въ зависимости отъ издержекъ производства товара, со включеніемъ средней прибыли? Можно ли—употребляемъ удобные по своей краткости нѣмецкіе термины—признать правильной въ примѣненіи къ среднимъ цѣнамъ если не Arbeitstheorie, то по крайней мѣрѣ Kostentheorie?

Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ главное и самое распространенное возраженіе противъ теоріи издержекъ производства, заключающееся въ томъ, что она объясняетъ одну цѣнность рядомъ другихъ цѣнностей, или—въ другомъ варіантѣ—что она ставитъ цѣнность товаровъ въ зависимость отъ доходовъ, высота которыхъ опредѣляется этой же цѣнностью, и такимъ обра-

зомъ покоится на petitio principii. Возраженіе это, впервые—хотя и въ нѣсколько иной формулировкѣ—было высказано, если не ошибаемся, Торренсомъ и затѣмъ повторялось очень часто. Оно говоритъ въ сущности не о невѣрности, а только о недостаточности теоріи издержекъ производства; если бы пришлось отражать только одно это нападеніе, то можно было бы предполагать, что при подведеніи подъ нея соотвѣтствующаго научнаго фундамента, который устранялъ бы этотъ ея недостатокъ, она успѣшно съумѣла бы сдѣлать это [1]). Мы имѣемъ здѣсь въ виду не чисто логическое испытаніе теоріи издержекъ производства, а вопросъ о вѣрности или невѣрности ея по существу т. е. о ея соотвѣтствіи явленіямъ экономической жизни. Мы оставляемъ также въ сторонѣ то обстоятельство, что теорія издержекъ производства не можетъ объяснить ни цѣнности благъ, невоспроизводимыхъ трудомъ, ни рыночныхъ цѣнъ: у насъ здѣсь дѣло идетъ, какъ и выше, только о среднихъ цѣнахъ.

Два условія считалъ Рикардо необходимыми для дѣйствія закона издержекъ производства: 1) рента не должна входить въ цѣны продуктовъ, 2) должна имѣться возможность безпрепятственнаго передвиженія капитала и труда по всей аренѣ промышленнаго производства. Необходимость этихъ условій вполнѣ очевидна.

Если бы худшіе участки земли, издержки производства на которыхъ опредѣляютъ цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ, приносили ренту, и если бы въ такомъ случаѣ эту ренту фермеръ долженъ былъ возмѣстить въ цѣнѣ своихъ продуктовъ, то теорія издержекъ производства въ той формѣ, въ которой ее выработалъ Рикардо, потеряла бы всякое значеніе. Въ

[1]) Отчасти приведенное возраженіе въ его ходячей формѣ даже и невѣрно, какъ это недавно въ примѣненіи къ Рикардо показалъ г. Дмитріевъ въ интересной книжкѣ о «Теоріи цѣнности Рикардо» (Москва 1898).

этомъ случаѣ въ составъ „издержекъ производства“ входили бы не только заработная плата и прибыль, но и рента. Но это отнюдь не было бы чисто формальнымъ—и, конечно, вполнѣ допустимымъ — измѣненіемъ понятія „издержекъ производства“. Отличіе отъ теоріи цѣнности Рикардо получилось бы весьма существенное. Характернымъ признакомъ прибыли и заработной платы, какъ элементовъ издержекъ производства, является то, что величина ихъ—если отвлечься отъ мѣстныхъ особенностей — одинакова для всѣхъ отраслей промышленности и для всѣхъ предпріятій. Если Рикардо и не удалось объяснить абсолютную величину прибыли, то онъ установилъ закономѣрность, указавъ на обратную пропорціональность между прибылью и заработной платой и на постоянство ихъ суммы во всѣхъ предпріятіяхъ. Только благодаря этому теорія издержекъ производства и пріобрѣла вообще какой бы то ни было смыслъ: если бы каждый изъ элементовъ издержекъ производства былъ различенъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности или предпріятіяхъ, то теорія издержекъ производства превратилась бы въ чистую тавтологію; она означала бы только, что въ каждомъ предпріятіи капиталистъ, землевладѣлецъ и рабочіе дѣлятъ между собой то, что они получаютъ въ обмѣнъ за свой продуктъ, т. е. что сумма ихъ доходовъ равна цѣнности ихъ продукта. Всякая закономѣрность въ обмѣнѣ была бы уничтожена, разъ доходы этихъ классовъ въ разныхъ предпріятіяхъ были бы различны. Между тѣмъ, именно такъ обстояло бы дѣло, если бы рента входила въ цѣну продуктовъ. Рента, какъ извѣстно, въ отличіе отъ прибыли и заработной платы, есть величина перемѣнная для различныхъ предпріятій. Величина ея для каждаго земледѣльческаго предпріятія опредѣляется, по Рикардо, различіемъ въ плодородіи земель, т. е. равняется избытку

дохода отдѣльныхъ категорій земель надъ доходомъ худшей земли, въ составъ котораго рента уже не входитъ и который потому равенъ издержкамъ производства. Если же предположить, что худшая земля также приноситъ ренту, то для опредѣленія величины этого дохода мы не имѣли бы никакихъ данныхъ, а стало быть столь же неопредѣленной оставалась бы и цѣнность продуктовъ. И это относится не только къ одной земледѣльческой и горной промышленности: такъ какъ въ составъ цѣнности всѣхъ промышленныхъ продуктовъ входитъ цѣнность сырого матеріала и средствъ существованія рабочихъ, — то неопредѣленность цѣнности этихъ послѣднихъ распространялась бы и на первые. Все основаніе экономической системы Рикардо, въ основѣ которой лежитъ теорія издержекъ производства, было бы разрушено.

Столь же очевидна и необходимость второго условія: если бы капиталъ и трудъ не могли свободно перекочевывать изъ одной отрасли производства въ другую, то рыночныя цѣны не имѣли бы стремленія совпасть съ цѣнами издержекъ производства. Эту аксіому экономической науки доказывать разумѣется не приходится.

Между тѣмъ, осуществленіе обоихъ этихъ условій находится, по меньшей мѣрѣ, подъ большимъ сомнѣніемъ. Обязательность наличности перваго ничѣмъ доказана быть не можетъ, и наоборотъ, есть много основаній предполагать его отсутствіе; второе же условіе можетъ осуществляться только въ сравнительно ограниченномъ размѣрѣ.

Заслуга опроверженія первой предпосылки Рикардовской теоріи принадлежитъ самому Марксу, который, въ противоположность Рикардо, показалъ, что рента входитъ или, по крайней мѣрѣ, можетъ входить въ цѣну продукта. Мы должны поэтому разсмотрѣть его

теорію ренты, такъ мало, къ сожалѣнію, обратившую на себя вниманіе [1]).

Марксъ признаетъ, кромѣ дифференціальной ренты, т. е. кромѣ ренты, образующейся изъ *различія* въ доходности разныхъ земель и разныхъ приложеній капитала, еще *абсолютную* ренту, подъ которой онъ подразумѣваетъ ренту съ наихудшаго участка земли и изъ наименѣе производительнаго приложенія капитала; рента эта разумѣется въ цѣну продукта входитъ. Онъ обосновываетъ свой взглядъ слѣдующимъ образомъ.

„Если спросить, на чемъ основано предположеніе, что въ продуктъ худшаго участка земли не входитъ рента, то отвѣчаютъ такъ: Если рыночная цѣна земледѣльческаго продукта, положимъ хлѣба, достигаетъ такой высоты, что новое приложеніе капитала на худшей землѣ оплачиваетъ обычную среднюю прибыль, то это условіе достаточно для приложенія новаго капитала на худшей землѣ. Т. е. это условіе достаточно для капиталиста, чтобы онъ могъ приложить капиталъ, получая обычную прибыль и ведя дѣло на нормальныхъ основаніяхъ“. Марксъ отрицаетъ удовлетворительность такого объясненія. Правда „при такихъ условіяхъ капиталистъ можетъ обработывать худшую землю, поскольку дѣло зависитъ отъ него, какъ капиталиста. Но изъ предположенія, что фермеръ можетъ теперь прилагать капиталъ къ худшей землѣ согласно обычнымъ условіямъ реализаціи капитала, не платя при этомъ ренты, никоимъ образомъ еще не слѣдуетъ, что входящая въ составъ даннаго класса земля тотчасъ же имѣется къ услугамъ фермера. То обстоятельство, что фермеръ можетъ затрачивать свой

[1]) Спеціально ей посвящена, насколько намъ извѣстно, только одна работа, именно въ высшей степени тенденціозная и поверхностная, хотя и не лишенная нѣкоторыхъ дѣльныхъ замѣчаній, статья *Diehl*'я «Die Grundrentheorie in ökonomischen System von Marx» (Conr. Iahrb. III F. B. 17).

капиталъ съ обычной прибылью, не платя ренты, вовсе не есть основаніе для землевладѣльца отдать свою землю фермеру даромъ и быть по отношенію къ этому дѣловому человѣку настолько великодушнымъ, чтобы доставить ему crédit gratuit. Это предположеніе покоится на абстракціи отъ земельной собственности, на уничтоженіи земельной собственности. наличность которой какъ разъ и составляетъ преграду для затраты капитала и для произвольнаго приложенія его въ земледѣльческой промышленности,—преграду, которая ни въ коемъ случаѣ не уничтожается отъ простого соображенія фермера, что состояніе цѣнъ на хлѣбъ позволяетъ ему получать обычную прибыль эксплуатаціи своего капитала на худшей землѣ, не платя ренты, т. е. разсматривая практически земельную собственность какъ нѣчто несуществующее. Но монополія земельной собственности, земельная собственность какъ преграда для капитала, предполагается вѣдь въ ученіи о дифференціальной рентѣ, потому что безъ нея избыточная прибыль не превращалась бы въ ренту и не доставалась бы, вмѣсто фермера, землевладѣльцу. И земельная собственность въ качествѣ преграды продолжаетъ существовать и тамъ, гдѣ отсутствуетъ рента въ смыслѣ дифференціальной ренты, т. е. на худшей землѣ“ [1]).

Марксъ указываетъ далѣе на то, что всѣ случаи, въ которыхъ земледѣльческое хозяйство можетъ вестись безъ уплаты ренты, основаны если не на юридическомъ, то на фактическомъ уничтоженіи земельной собственности и потому суть не болѣе, какъ исключенія. Таковъ напр. случай, когда землевладѣлецъ самъ есть капиталистъ, что̀ означаетъ только, что земельная собственность не отдѣлена отъ собственности на капиталъ и потому не можетъ оказывать самостоя-

[1]) В. III, 2, стр. 281—283, русск. пер. стр. 618—620.

тельнаго давленія на производство, и что̀ противорѣчитъ развитому капиталистическому строю. Далѣе, случаи, когда худшіе участки земли составляютъ лишь части опредѣленной земельной площади, сдаваемой въ аренду цѣликомъ; при этомъ рента за всю эту площадь можетъ стоять на такой высотѣ, что фактически приложеніе капитала къ худшимъ ея частямъ остается безплатнымъ [1]). Это есть также не болѣе какъ исключеніе и противорѣчитъ самой постановкѣ вопроса, такъ какъ рѣчь идетъ о переходѣ именно къ новымъ участкамъ, до того времени не арендованнымъ и потому составляющимъ самостоятельный предметъ договора между капиталистомъ и землевладѣльцемъ. Наконецъ, случай, когда состояніе рыночныхъ цѣнъ даетъ арендатору возможность платить ренту съ части затраченнаго капитала, а на другую, вновь вложенную часть, получать одну только прибыль. Это также предполагаетъ устраненіе предѣловъ, которые землевладѣніе ставитъ приложенію капитала; это видно изъ того, что до истеченія срока аренднаго договора арендаторъ могъ бы получать даже и ренту на дополнительный затраченный капиталъ, которую бы онъ въ этомъ случаѣ, вопреки обычному порядку, клалъ въ собственный карманъ [2]).

Отсюда слѣдуетъ, что худшая земля или наименѣе производительное приложеніе капитала, при наличности обособившейся отъ владѣнія капиталомъ земельной собственности, должны приносить ренту — положеніе, развиваемое Марксомъ далѣе въ рядѣ остроумныхъ замѣчаній, передавать которыя здѣсь мы не можемъ. Ограничимся лишь приведеніемъ одного въ высшей степени важнаго соображенія Маркса. Въ отличіе отъ дифференціальной ренты, которая есть ничто иное

[1]) Аргументъ Милля.
[2]) B. III, 2, стр. 283—28, русск. пер. стр. 618—620.

какъ перенесеніе избыточной прибыли изъ кармана капиталиста въ карманъ землевладѣльца, *абсолютная* рента, по мнѣнію Маркса не только переносится изъ однихъ рукъ въ другія благодаря существованію земельной собственности, но и непосредственно *создается* ею, такъ какъ при ея отсутствіи цѣны продуктовъ стояли бы ниже и рента эта не имѣла бы мѣста. Поэтому въ данномъ случаѣ, какъ подчеркиваетъ Марксъ, „*земельная собственность сама создаетъ ренту*“ [1]).

Замѣтимъ, что это „созданіе ренты“ есть одновременно и „созданіе цѣны“ и невозможно безъ послѣдняго. Самый фактъ земельной собственности создаетъ увеличеніе цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ. До какого пункта можетъ идти это увеличеніе, какой высоты можетъ достигнуть цѣна продукта благодаря монополіи земельной собственности, это зависитъ, какъ и въ другихъ случаяхъ монополіи исключительно отъ условій сбыта, т. е. отъ того, при какой цѣнѣ потребленіе продукта будетъ такъ велико, что общая сумма цѣнности проданнаго хлѣба доставитъ максимумъ возможной выручки. Граница слѣдовательно лежитъ въ факторахъ, опредѣляющихъ рыночныя цѣны, и ни въ чемъ другомъ. О „Среднсй цѣнѣ“ въ смыслѣ „цѣны издержекъ производства“ (Produktionspreis) въ данномъ случаѣ говорить невозможно [2]).

---

[1]) Курс. подл., ibid. стр. 287, русск. пер. стр. 622.

[2]) На неправильность обычной формулы издержекъ производства, которая ставитъ «естественную цѣну» въ зависимости отъ чисто техническихъ условій производства, указалъ Мальтусъ. Онъ предлагалъ поэтому опредѣлять эту «естественную цѣну» (которую онъ называетъ «необходимой цѣной»), какъ «цѣну, необходимую при данныхъ общественныхъ условіяхъ для постояннаго доставленія продукта на рынокъ» (Principes d'écon. pol. trad. par Constancio, t. I, p. 93). При этомъ конечно отъ формулы «издержекъ производства» не остается почти ничего, и поэтому Мальтусъ вполнѣ правъ, когда онъ вслѣдъ за этимъ указываетъ на спросъ и предложеніе, какъ на послѣдній регуляторъ не

Еще меньше, чѣмъ отъ издержекъ производства, зависитъ конечно эта „средняя цѣна“ отъ количества труда, содержащагося въ земледѣльческихъ продуктахъ. Въ дальнѣйшемъ однако Марксъ пытается, если и не прямо выставить затрату труда границей для образованія средней цѣны, въ составъ которой входитъ абсолютная рента, то по крайней мѣрѣ освѣтить дѣло такъ, какъ будто бы заключенное въ земледѣльческихъ продуктахъ рабочее время имѣетъ какое то реальное значеніе при образованіи средней цѣны.

Марксъ различаетъ именно *абсолютную* ренту отъ *монопольной* ренты. Подъ первой онъ подразумѣваетъ ренту съ худшаго участка, входящую въ цѣну продукта и возвышающую ее надъ уровнемъ цѣны производства (Produktionspreis), причемъ однако цѣна не переходитъ за границу „трудовой цѣнности“ продукта. *Монопольной* же рентой онъ называетъ ренту, которая возвышаетъ цѣну продукта не только надъ уровнемъ цѣны производства, но и надъ уровнемъ „трудовой цѣнности“. Причины той и другой ренты тождественны—это монополія земельной собственности. Различіе между ними заключается слѣдовательно только въ томъ, въ какомъ отношеніи стоитъ цѣна продукта, въ которую онѣ входятъ, къ его трудовой цѣнности.

Врядъ ли можно сомнѣваться въ искусственности и безполезности этого дѣленія. Прежде всего, различіе между „абсолютной“ и „монопольной“ рентой возможно вообще только тамъ, гдѣ „трудовая цѣнность“

только «рыночной», но и «необходимой» цѣны: «Мы не можемъ обойтить безъ принципа спроса и предложенія, подставляя взамѣнъ него принципъ издержекъ производства. Именно первый принципъ управляетъ естественной или необходимой цѣной не меньше, чѣмъ рыночной, съ той только разницей, что необходимая цѣна опредѣляется обычнымъ и постояннымъ соотношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, а рыночная цѣна, если она разнится отъ необходимой, зависитъ отъ необычныхъ и случайныхъ отношеній спроса и предложенія» (ibid, p. 95).

земледѣльческихъ продуктовъ стоитъ *выше* ихъ цѣны производства, т. е. гдѣ земледѣльческій капиталъ имѣетъ органическій „составъ“ ниже средняго: въ противномъ случаѣ всякая абсолютная рента была бы вмѣстѣ съ тѣмъ и „монопольной“, такъ какъ всякая цѣна, превышающая цѣну производства, превышала бы и трудовую цѣнность. Что это дѣйствительно всегда имѣетъ мѣсто въ земледѣліи, этого Марксъ не берется утверждать. Онъ даже сознательно отказывается рѣшить этотъ вопросъ: „Имѣетъ ли въ какой-нибудь опредѣленной странѣ капиталистическаго производства, напр. въ Англіи, земледѣльческій капиталъ низшее сложеніе, чѣмъ средній общественный капиталъ, это вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ только статистически, и на которомъ останавливаться подробно для нашихъ цѣлей излишне“ [1]). Слѣдовательно, при нѣкоторыхъ условіяхъ, абсолютная рента можетъ совпадать съ монопольной. Съ другой стороны — что здѣсь самое важное—„трудовая цѣнность“ есть здѣсь пустая абстракція, не оказывающая никакого вліянія на цѣну продукта. Эту послѣднюю опредѣляютъ только условія рынка, а никакъ не количество труда, которое на продуктъ затрачено. Съ этимъ соглашается и Марксъ, когда онъ говоритъ: „Равняется ли рента всей разницѣ между цѣнностью и цѣной провзводства, или только большей или меньшей части ея, это зависитъ исключительно (ganz und gar) отъ отношенія спроса къ предложенію и отъ количества земель, вновь подвергнутыхъ эксплуатаціи“ [2]). ~~Но~~ въ такой же мѣрѣ отъ этихъ факторовъ зависитъ конечно и то, превзойдетъ ли рыночная цѣна трудовую цѣнность и насколько именно. У Маркса можно замѣтить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ склонность считать естественнымъ

[1]) III, 2, стр. 293, русск. пер. стр. 266.
[2]) Ibid., стр. 295, русск. пер. стр. 628.

превращеніе въ абсолютную ренту только разницы между цѣнностью и цѣной производства продукта, именно на томъ основаніи, что трудовая цѣнность составляетъ, такъ сказать, первоначальную цѣну продукта, которая затѣмъ путемъ конкуренціи или выравнивается въ цѣну производства, или же частью или цѣликомъ захватывается земельными собственниками въ видѣ абсолютной ренты [1]). Противъ этого мы должны повторить наше прежнее замѣчаніе: что̀ бы ни понимать подъ трудовой цѣнностью, она ни въ коемъ случаѣ не можетъ означать исходнаго (по времени) пункта для образованія средней цѣны; послѣдняя образуется посредствомъ уравненія однихъ только рыночныхъ цѣнъ, единственныхъ вообще фактически существующихъ цѣнъ, а никакъ не трудовыхъ цѣнностей. Поэтому абсолютная рента также легко можетъ создавать цѣну, стоящую выше „трудовой цѣнности“, т. е. монопольную цѣну, какъ и цѣну, не достигающую „трудовой цѣнности“. Это вполнѣ согласуется и съ теоріей уравненія прибылей и образованія среднихъ цѣнъ у Маркса. Если цѣна производства (Produktionspreis) товара можетъ стоять не только ниже, но и выше его „трудовой цѣнности“, то почему дѣло должно иначе обстоять съ той средней цѣной, въ которую входитъ абсолютная рента? Никакихъ доводовъ въ пользу этого привести нельзя. Наоборотъ, такъ какъ „трудовая цѣнность“, по ученію Маркса въ 3-мъ томѣ, есть категорія, относящаяся только ко всей суммѣ національнаго продукта, а не къ каждому продукту или къ продукту каждой отрасли промышленности въ отдѣльности, то „трудовая цѣнность“ земледѣльческихъ продуктовъ, подобно цѣнно-

[1]) См. напр. стр. 295 и сл. Если бы это было вѣрно, то была бы правильна теорія ренты Родбертруса, по которой рента всегда равна *всему* избытку трудовой цѣнности надъ цѣной производства, что отрицаетъ Марксъ.

сти всѣхъ иныхъ продуктовъ, не представляетъ собою никакого реальнаго факта, который оказывалъ бы давленіе на „среднюю цѣну“ земледѣльческихъ продуктовъ или ставилъ бы для нея границы.

Впрочемъ, это должно быть ясно изъ того, что мы говорили о другихъ частяхъ ученія Маркса. Здѣсь для насъ важно не отличіе средней цѣны земледѣльческихъ продуктовъ отъ ихъ трудовой цѣнности, а ея отличіе также и отъ цѣны издержекъ производства. Средняя цѣна земледѣльческихъ продуктовъ (а также, разумѣется и продуктовъ добывающей промышленности)— тамъ, гдѣ существуетъ абсолютная рента [1]) — есть нечто иное, какъ рыночная цѣна, такъ какъ опредѣляется, по собственному признанію Маркса, исключительно соотношеніемъ спроса къ предложенію [2]), и притомъ въ отличіе отъ другихъ рыночныхъ цѣнъ, цѣна, такъ сказать, самодовлѣющая, не имѣющая тяготѣнія къ какой либо другой цѣнѣ, Такимъ образомъ, для большого класса продуктовъ — для предметовъ потребленія и сырыхъ матеріаловъ — уничтожается совпаденіе средней цѣны съ цѣной издержекъ.

---

[1]) Приносятъ ли ренту, т. е. обладаютъ ли цѣнностью всѣ земли, или только лучшія земли, этотъ вопросъ очень легко разрѣшается съ точки зрѣнія теоріи, которая основу цѣнности видитъ въ относительной рѣдкости благъ. Тамъ, гдѣ рѣдкими, по отношенію къ существующей потребности въ земледѣльческомъ производствѣ, являются только лучшія земли, тамъ только онѣ и обладаютъ цѣнностью, т. е. тамъ существуетъ одна дифференціальная рента. Если же рѣдкими являются всѣ земли, то всѣ онѣ и приносятъ ренту, т. е. существуетъ и абсолютная рента. Ср. Menger, Grundsätze etc., S. 66—67. *Рѣдкость*, какъ увидимъ ниже, можетъ быть не только естественной, но и искусственной, т. е. сводиться на монополію земельной собственности. Поэтому тамъ, гдѣ, какъ общее правило, земельная собственность распространяется на всѣ земли, должна всегда существовать и абсолютная рента.

[2]) Это признаніе, кстати замѣтимъ, опровергаетъ приведенное выше мнѣніе Маркса о томъ, что спросъ и предложеніе суть только кажущіеся факторы образованія цѣнъ.

производства. Но дѣйствіе разсматриваемыхъ обстоятельствъ должно распространяться еще далѣе. Такъ какъ цѣна сырыхъ матеріаловъ и предметовъ потребленія входитъ въ цѣну продуктовъ обрабатывающей промышленности, то „среднія цѣны“ *всѣхъ* безъ исключенія товаровъ не совпадаютъ съ цѣной издержекъ производства, а составляютъ особую устойчивую форму рыночныхъ цѣнъ, опредѣляемымъ соотношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ [1]).

Къ тому же выводу нужно придти изъ разсмотрѣнія второго условія, необходимаго для осуществленія закона издержекъ производства, именно свободнаго передвиженія капитала и труда по всей области промышленнаго производства, приводящаго къ уравненію прибылей и заработныхъ платъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности. Мы можемъ здѣсь ограничиться немногими краткими замѣчаніями. Извѣстно, что дѣйствіе разсматриваемаго явленія было значительно преувеличено классиками. Прежде всего, уже сами классики внесли въ законъ издержекъ производства то ограниченіе, что онъ относится только къ обмѣну продуктовъ, произведенныхъ внутри страны, а не къ обмѣну между различными странами, такъ какъ капиталъ и трудъ не могутъ свободно перемѣщаться изъ одной страны въ другую, этимъ въ теорію цѣнности былъ внесенъ дуализмъ; ничуть не уступающій дуализму теоріи въ примѣненіи къ воспроизводимымъ и не воспроизводимымъ благамъ. Кэрнсу принадлежитъ заслуга открытія, что нѣчто подобное явленіямъ меж-

[1]) Этотъ выводъ (обосновывая его, впрочемъ, нѣсколько иначе) сдѣлалъ Сиджвикъ. „Дѣйствіе спроса на цѣны должно очевидно распространяться на все, что сдѣлано изъ сырыхъ матеріаловъ, т. е. почти на всѣ продукты промышленности» (Sidgwick, Principles of polit. economy, 2-d Ed. p. 190). «Почти» звучитъ здѣсь очень странно, такъ какъ представить себѣ продуктъ, не сдѣланный изъ сырого матеріала, довольно трудно.

дународной торговли совершается и во внутренней торговлѣ страны, гдѣ, по аналогіи съ отдѣльными странами, можно найти неконкуррирующія между собой группы („uncompetings groups“), продукты которыхъ также не обмѣниваются между собой въ соотвѣтствіи съ сравнительными издержками производства, такъ какъ капиталъ и трудъ могутъ свободно передвигаться только въ предѣлахъ одной и той же группы, а не изъ одной группы въ другую. Этимъ дѣйствіе закона издержекъ производства было еще болѣе ограничено. Намъ остается здѣсь указать еще на одно относящееся сюда явленіе, нерѣдко упускаемое изъ виду.

Обыкновенно предполагается, что капиталъ, въ отличіе отъ труда, обладаетъ почти абсолютною подвижностью, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ одной и той же страны. Что капиталъ обладаетъ бо̀льшей подвижностью, чѣмъ трудъ, это въ общемъ вполнѣ справедливо; такъ же справедливо однако, что мнѣніе объ абсолютной подвижности капитала значительно преувеличено. Тутъ надо обратить вниманіе на различіе въ этомъ отношеніи между различными частями капитала.

Собственно почти неограниченной подвижностью обладаетъ только *оборотный* капиталъ, т. е. средства существованія рабочихъ и сырые матеріалы. Что касается средствъ существованія, то онѣ въ общемъ одинаковы для рабочихъ различныхъ отраслей промышленности, и потому оплата труда одной категоріи рабочихъ вмѣсто другой не представляетъ существенныхъ затрудненій. Относительно легко также и обращеніе капитала на покупку одного рода сырыхъ матеріаловъ вмѣсто другого. Такъ какъ цѣнность сырыхъ матеріаловъ, какъ извѣстно, входитъ въ цѣнность продукта цѣликомъ, то если не предполагать наличности большого запаса готовыхъ сырыхъ матеріаловъ, капиталу ничего не стоитъ при убыточности или малой

доходности даннаго производства прекратить покупку даннаго рода сырыхъ матеріаловъ. Существенно иначе обстоитъ дѣло съ основнымъ капиталомъ, цѣнность котораго входитъ въ цѣнность продукта по частямъ и который изнашивается слѣдовательно только постепенно. Если въ данной отрасли промышленности машина изнашивается, положимъ, въ 30 лѣтъ, то какимъ образомъ можно вынуть затраченный на нее капиталъ до того времени, когда она вполнѣ износится? Правда, можно возразить, что если взять цѣлую отрасль промышленности въ цѣломъ, то часть дѣйствующаго въ ней основного капитала ежегодно погашается и возстанавливается путемъ новаго производства машинъ и приспособленій, изъ которыхъ состоитъ основной капиталъ, такъ что объемъ производства этой отрасли промышленности можетъ быть въ любой моментъ сокращенъ путемъ сокращенія производства требуемаго для него основного капитала. Но дѣло въ томъ, что размѣры *возможнаго* сокращенія не находятся ни въ какой зависимости отъ размѣровъ *потребнаго* сокращенія. Если основной капиталъ извѣстной отрасли промышленности изнашивается въ 30 лѣтъ, то ежегодно производство этой отрасли промышленности можетъ быть сокращено на $^1/_{30}$, потому что именно эта доля основного капитала требуетъ ежегоднаго возобновленія; такимъ образомъ, только тридцатая часть функціонирующаго капитала можетъ быть извлечена и обращена на другую отрасль производства. Если же спросъ на продукты разсматриваемой промышленности сократился вдвое, то соотвѣтствующее сокращеніе производства должно быть также равно $^1/_2$, т. е. въ 15 разъ больше, чѣмъ оно *можетъ* быть, и стало быть осуществимо только въ теченіи 15 лѣтъ—періодъ, во время котораго состояніе рыночныхъ цѣнъ можетъ снова измѣниться и въ противоположномъ направленіи. Чѣмъ

дольше періодъ изнашиванія основного капитала, тѣмъ труднѣе, разумѣется, приспособленіе производства къ рыночнымъ цѣнамъ, т. е. установленіе Produktionspreis'a посредствомъ передвиженія капитала [1]). Въ промежуточное время—которое легко можетъ на практикѣ длиться чрезвычайно долго — цѣна одного рода товаровъ будетъ превышать цѣну издержекъ производства, цѣна другого—стоять ниже ея. Наиболѣе рѣзко такое положеніе дѣла обнаруживается тамъ, гдѣ вложенный въ предпріятіе основной капиталъ практически можно разсматривать вѣчнымъ — какъ напр. капиталъ, затраченный на меліорацію или на постройку желѣзныхъ дорогъ. Доходность предпріятія или земли въ результатѣ подобной затраты капитала не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ количеству затраченнаго капитала, и именно потому, что такого рода капиталъ практически не можетъ реагировать на движеніе рыночныхъ цѣнъ, такъ какъ невозможно его обратное извлеченіе изъ предпріятія. Такимъ образомъ доходность предпріятія опредѣляется состояніемъ рыночныхъ цѣнъ, т. е. условіями спроса и предложенія, на которыя производитель въ такой отрасли промышленности можетъ оказать лишь минимальное вліяніе. Положеніе дѣла тутъ вполнѣ аналогично условіямъ дохода отъ земельной собственности, который, за невозможностью произвольнаго измѣненія предложенія земли, также опредѣляется исключительно состояніемъ рыночныхъ цѣнъ. У Маркса мы встрѣчаемъ косвенное признаніе этого факта. Въ особомъ отрывкѣ въ главѣ о рентѣ онъ объявляетъ до-

[1]) Этимъ объясняется общепризнанная связь между значеніемъ основного капитала и стремленіемъ къ образованію синдикатовъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности. Чѣмъ бо́льше основной капиталъ и чѣмъ медленнѣе онъ изнашивается, тѣмъ вреднѣе колебанія рыночныхъ цѣнъ и тѣмъ необходимѣе, слѣдовательно, ихъ регулированіе.

ходъ на такой капиталъ не прибылью, а рентой [1]). Этимъ конечно сказано еще очень немного, такъ какъ на дѣлѣ вѣдь этотъ доходъ получается именно благодаря затратѣ капитала. Отличіе такого рода капитала отъ другихъ видовъ основнаго капитала только количественное, именно въ продолжительности его изнашиванія, и поэтому съ тѣмъ же правомъ можно было бы всякій доходъ на основной капиталъ называть рентой [2]). По скольку это сводится на чисто-терминологическій вопросъ, мы можемъ оставить его въ сторонѣ. Но въ этомъ мнѣніи Маркса для насъ важенъ тотъ молчаливый выводъ, который содержится въ причисленіи дохода на разсматриваемый видъ капитала къ категоріи ренты: Марксъ признаетъ, что существуетъ видъ дохода на капиталъ (въ большей или меньшей степени это примѣнимо, очевидно, ко всякому основному капиталу), который подчиняется законамъ „рентныхъ“ доходовъ, т. е. остается различнымъ для каждаго предпріятія и каждой отрасли про-

---

[1]) Kapital III, 2 s. 278—279, русск. пер. стр. 614—615. Любопытно, что такое же мнѣніе высказываетъ и Рикардо. «Въ прежней части этого труда — говоритъ онъ — я указалъ на различіе между рентой въ собственномъ смыслѣ и тѣмъ вознагражденіемъ, которое подъ этимъ названіемъ дается землевладѣльцу за преимущества, созданныя для арендатора благодаря затратѣ капитала землевладѣльцемъ; но я быть можетъ недостаточно развилъ различіе, имѣющее мѣсто по отношенію къ различнымъ видамъ приложенія капитала. Такъ какъ часть этого капитала, разъ затраченная на улучшеніе участка, неразъединимо смѣшивается съ землей и стремится повысить его производительныя силы, то вознагражденіе, получаемое собственникомъ за пользованіе этимъ капиталомъ, носитъ вполнѣ характеръ ренты и подчиняется всѣмъ законамъ ренты“. (Основ. пол. экон., гл. XVIII, примѣч. въ концѣ главы) *Cannan* (*A history of the theories of production and distribution in English political Economy. London* 1893) справедливо указываетъ на то глубокое противорѣчіе, въ которомъ стоитъ это утвержденіе со всей теоріей прибыли и ренты у Рикардо.

[2]) Такъ именно поступаетъ *Hermann* въ своихъ извѣстныхъ «*Staatswirtschaftliche Untersuchungen*“ (München 1831).

мышленности, въ процессъ уравненія прибылей не входитъ и связанъ съ образованіемъ „среднихъ цѣнъ“ на продукты, вполнѣ независимыхъ отъ издержекъ производства, а опредѣляемыхъ только соотношеніемъ спроса къ предложенію.

Такимъ образомъ, и другая предпосылка закона издержекъ производства,—свободное передвиженіе капитала и труда—осуществляется только отчасти, въ примѣненіи далеко не ко всѣмъ родамъ капитала и труда и способамъ ихъ приложенія къ производству.

Задача приведенныхъ соображеній заключается не въ доказательствѣ полной невѣрности закона издержекъ производства—вспомогательнымъ средствомъ къ уясненію нѣкоторыхъ существенныхъ явленій экономической жизни этотъ законъ останется навсегда — а только въ указаніи на возможность „среднихъ цѣнъ“, которыя не могутъ быть объяснены съ точки зрѣнія этого закона. Поскольку законъ издержекъ производства составляетъ предпосылку трудовой теоріи цѣнности, постольку приведенныя соображенія служатъ новымъ доводомъ противъ послѣдней.

VII.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть соотношеніе между цѣнностью и трудомъ еще съ одной точки зрѣнія, именно въ связи съ вопросомъ о различіи въ величинѣ мѣновой цѣнности, создаваемой различными родами труда. Вопросъ этотъ въ свою очередь находится въ связи съ другимъ вопросомъ—о мѣновой цѣнности самого труда.

Дѣло идетъ о слѣдующемъ обстоятельствѣ. Какъ извѣстно, на высоту мѣновой цѣнности продукта оказываетъ вліяніе не только количество затраченнаго на его производство труда, но и качество послѣдняго. Одинъ часъ труда одного вида создаетъ такую же

цѣнность, какая является результатомъ двухъ часовъ труда другого вида или полу-часа труда третьяго вида. Какимъ образомъ это объяснимо съ точки зрѣнія трудовой теоріи цѣнности?

У Маркса мы находимъ въ отвѣтъ на это только короткое замѣчаніе. „Квалифицированный трудъ“ замѣчаетъ онъ, „считается лишь *высшей степенью* простого труда или скорѣе *умноженнымъ* простымъ трудомъ, такъ что меньшее количество сложнаго труда равно большому количеству простого труда. Что такое сведеніе постоянно совершается — это показываетъ опытъ. Товаръ можетъ быть продуктомъ въ высшей степени сложнаго труда, однако его *цѣнность* приравниваетъ его къ продукту простого труда и потому выражаетъ собою только извѣстное количество простого труда“ [1]).

Въ этихъ словахъ мы имѣемъ простое констатированіе факта, а не его объясненіе. Если приравниваются другъ другу неравныя количества труда различныхъ видовъ, то это приравниваніе именно и состоитъ въ томъ, что опредѣленное количество труда одного вида считается равнымъ иному количеству труда другого вида или „сводится“ на него, и потому сведеніе „сложнаго“ труда на „простой“ составляетъ самый процессъ приравненія, но не является его объясненіемъ. А между тѣмъ объясненіе этого явленія должно составлять необходимую часть трудовой теоріи цѣнности, и безъ него послѣдняя теряетъ всякое значеніе; въ этомъ нетрудно убѣдиться, если снова вспомнить постановку задачи теоріи цѣнности у Маркса.

Когда два товара приравниваются другъ другу, то, какъ мы уже видѣли, по Марксу необходимо извѣстное „общее одинаковой величины“ между ними; оба они должны свестись на нѣчто единое, иначе они не

[1]) Kapit., B. I, 4-e Aufl. s. 11.

могли бы и равняться другъ другу. Марксъ находитъ, что общее въ товарахъ заключается въ томъ, что всѣ они—продукты труда. Такимъ образомъ, трудъ является тождественнымъ элементомъ между всѣми товарами. Но уже самъ Марксъ замѣчаетъ, что этимъ элементомъ не можетъ служить всякій данный конкретный трудъ, напр. трудъ плотника, сапожника, портного и т. д. Всѣ эти виды труда качественно отличны другъ отъ друга, и слѣдовательно *ихъ* приравненіе другъ къ другу, на которое свелось приравненіе товаровъ, въ свою очередь возможно только въ томъ случаѣ, если между ними окажется нѣчто общее. Это общее Марксъ и находитъ въ абстрактномъ человѣческомъ трудѣ, въ затратѣ извѣстнаго количества человѣческой энергіи. Вопросъ, однако, этимъ разрѣшенъ только въ томъ случаѣ, если дѣйствительно источникомъ цѣнности является только затрата энергіи какъ таковая, а никакъ не качественныя особенности этой затраты. Если бы можно было показать, что затрата извѣстнаго количества энергіи, напр., извѣстнаго числа пудофутовъ энергіи всегда создаетъ одинаковую цѣнность, независимо отъ того, выражается ли эта затрата въ портняжьемъ, или въ плотничьемъ, или въ какомъ-либо другомъ трудѣ, то наличность качественныхъ отличій въ трудѣ не противорѣчила бы положенію, что трудъ есть единая субстанція мѣновой цѣнности, потому что такой субстанціей служилъ бы не собственно трудъ въ его конкретной опредѣленности, а лишь скрывающаяся подъ нимъ и общая всѣмъ родамъ труда затрата энергіи. Мы видимъ однако, что различные виды труда создаютъ *различную* мѣновую цѣнность при *одинаковомъ* количествѣ воплощенной въ нихъ энергіи. Разные роды труда приравниваются слѣдовательно другъ къ другу, и притомъ, совершенно на подобіе товаровъ, въ *различныхъ* количествахъ. Подобно тому, напр., какъ фунтъ золота приравнивается

22 фунтамъ серебра или 500 фунтамъ мѣди, точно также различныя количества труда, на которые сводятся товары, приравниваются другъ другу: 1 часъ труда ювелира приравнивается, положимъ, пяти часамъ труда ткача и десяти часамъ труда землекопа. Очевидно, такимъ образомъ, что проблема приравненія товаровъ другъ другу совсѣмъ не разрѣшена. Мы искали „общаго“ между товарами, необходимаго для ихъ уравненія между собой и нашли его въ трудѣ; теперь однако оказывается, что самъ трудъ есть нѣчто неоднородное, что различные его виды также приравниваются другъ другу, какъ самые товары. Но это приравненіе различныхъ видовъ труда, подобно приравненію различныхъ товаровъ, возможно только въ томъ случаѣ, если и между ними есть нѣчто „общее“, если и они могутъ быть сведены на нѣчто, отличное отъ нихъ самихъ и содержащееся въ нихъ; поэтому до тѣхъ поръ, пока это „общее“ не найдено, явленіе мѣновой цѣнности остается необъясненнымъ. Этому нельзя помочь словами, что „сложный“ трудъ *сводится* на „простой“; весь вопросъ именно и заключается въ томъ, какъ возможно такое сведеніе, въ чемъ заключается единство „сложнаго“ и „простого“ труда, позволяющее первому „сводиться“ на второй. Пока не разрѣшенъ этотъ вопросъ, остается открытымъ и вопросъ о причинахъ приравненія товаровъ; замѣнивъ товары трудомъ, мы ничего не выиграли, потому что взамѣнъ искомаго общаго свойства, мы одну грушу разнородныхъ явленій только замѣнили другой группой явленій столь же разнородныхъ.

Этотъ пробѣлъ въ теоріи мѣновой цѣнности Маркса настолько очевиденъ, что послѣдователи Маркса вынуждены были попытаться пополнить его, и этотъ вопросъ былъ однимъ изъ немногихъ пунктовъ, въ которыхъ „ученики“ пошли дальше „учителя“.

Было именно высказано утвержденіе, что „слож-

ный" трудъ не только *приравнивается* въ процессѣ обмѣна „простому" труда, но и фактически состоитъ изъ этого послѣдняго. Если подсчитать количество труда, истраченнаго на подготовку къ „сложному" труду и присоединить это количество къ количеству уже обученнаго труда, затрачиваемаго на производство товара, то мы и получимъ сумму простого труда, изъ котораго состоитъ трудъ „сложный". Если напр. одинъ часъ труда ювелира равновеликъ десяти часамъ труда землекопа, то это значитъ, что каждому часу текущаго труда ювелира предшествовало 9 часовъ подготовки къ нему; такимъ образомъ, если соединить трудъ подготовки и трудъ производства воедино, то окажется, что продуктъ ювелирнаго искусства, обмѣнивающійся на 10 часовъ труда землекопа (труда, не требовавшаго предварительной подготовки) и содержитъ въ себѣ ровно 10 часовъ труда. Данное количество „сложнаго" труда есть слѣдовательно только внѣшняя форма, подъ которой скрывается бо̀льшее количество фактически затраченнаго простого, и именно то количество послѣдняго, которому приравнивается меньшее количество перваго.

Что трудъ, затраченный на подготовку къ извѣстному ремеслу, вліяетъ на увеличеніе цѣнности продукта этого ремесла, это несомнѣнно. Весь вопросъ только въ томъ, можетъ ли все это увеличеніе *сполна* сводиться на трудъ обученія? Мы полагаемъ, что послѣднее болѣе, чѣмъ сомнительно. Для опроверженія изложеннаго мнѣнія достаточно только одно замѣчаніе.

Для того, чтобы продукты одинаковаго количества труда оплачивались одинаково, т. е. составляетъ эквивалентъ другъ для друга необходимо, какъ извѣстно, свободное передвиженіе капитала и труда изъ одной отрасли промышленности въ другую. Оставляя въ сторонѣ всѣ ограниченія этого передвиженія, о которыхъ мы говорили, мы укажемъ здѣсь на одно новое. Рабочій не можетъ произвольно выбирать себѣ профессію или

можетъ это только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Затрачивать ли 10 часовъ на копаніе земли, или затратить $^{9}/_{10}$ своей рабочей силы на изученіе ювелирнаго дѣла, чтобы потомъ оставшуюся $^{1}/_{10}$ затрачивать на производство ювелирныхъ издѣлій — этотъ вопросъ рабочій не можетъ рѣшить по своему усмотрѣнію. Рѣшаетъ его лишь его экономическое положеніе: кто имѣетъ средства, необходимыя для изученія, тотъ можетъ стать ювелиромъ, остальные обречены быть землекопами (остаемся при нашемъ примѣрѣ). Такимъ образомъ, занятіе искуснымъ трудомъ есть своего рода монополія, и, въ качествѣ таковой, должна приносить доходъ болѣе высокій, чѣмъ доходъ отъ занятія, доступнаго для всѣхъ. Достаточно уже того, что при нынѣшнемъ общественномъ строѣ въ продуктѣ квалифицированнаго труда должна оплатиться не только вся сумма цѣнности или труда, затраченная на его изученіе, но и *прибыль* на эту сумму, которая, подобно всякой затратѣ для извлеченія дохода, является капиталомъ и доходъ съ которой подчиняется законамъ прибыли. Поэтому (оставаясь по прежнему при нашемъ примѣрѣ) продуктъ 10-ти-часовою труда ювелира (включая трудъ подготовки) будетъ равняться не 10 часамъ труда землекопа, а большему количеству ихъ, такъ какъ выручка отъ продажи его должна оплатить кромѣ содержащагося въ немъ 10-ти-часового труда, еще прибыль на 9 первоначально затраченныхъ часовъ труда или единицъ цѣнности. Въ дѣйствительности, конечно, смотря по состоянію рынка, продуктъ труда ювелира можетъ обмѣниваться на бо́льшее или меньшее количество продуктовъ необученаго труда, чѣмъ то требуетъ реализація средней прибыли на затраченный на обученіе капиталъ, но „средней цѣной“ его во всякомъ случаѣ не можетъ служить „трудовая цѣнность“: утверждать послѣднее значило бы предполагать возможность при современ-

номъ строѣ постоянной затраты капитала безъ полученія прибыли на него.

Такимъ образомъ, единственная согласующаяся съ трудовой теоріей цѣнности попытка объясненія различія въ высотѣ цѣнности, создаваемой различными родами труда, должна быть признана неудачной. Вопросъ о приравненіи различныхъ родовъ труда другъ къ другу остается неразрѣшеннымъ, а вмѣстѣ съ нимъ остается неразрѣшенной и вся проблема мѣновой цѣнности.

Разсматриваемый вопросъ стоитъ въ близкой связи съ другимъ вопросомъ, именно вопросомъ о *цѣнности труда*. Нетрудно замѣтить, что высота цѣнности, которая обусловливается приложеніемъ различныхъ видовъ труда, идетъ параллельно цѣнности самихъ этихъ видовъ труда. Восколько разъ, напр. трудъ ювелира создаетъ больше цѣнности, чѣмъ трудъ землекопа, востолько же разъ онъ и оплачивается больше, т. е. непосредственно обмѣнивается на бо́льшее количество цѣнности. Другими словами, высота заработной платы, т. е. мѣновой цѣнности самаго труда, находится въ такой же зависимости отъ качества труда, какъ и высота цѣнности, создаваемой этимъ послѣднимъ. Это легко наводитъ на мысль: не подчиняется ли заработная плата, т. е. мѣновая цѣнность труда, тѣмъ же законамъ, что и мѣновая цѣнность всѣхъ продуктовъ?

Если мы обратимся къ теоріи заработной платы Маркса, то мы найдемъ, что несмотря на ея формально-логическую связь съ трудовой теоріей мѣновой цѣнности, законъ цѣнности, установленный Марксомъ для труда, съ одной стороны рѣзко отличается отъ закона цѣнности для продуктовъ, съ другой однако сохраняетъ всѣ недостатки трудового закона мѣновой цѣнности.

Съ перваго взгляда могло бы показаться, что

теорія заработной платы у Маркса есть ничто иное, какъ частный случай трудовой теоріи мѣновой цѣнности: цѣнность „рабочей силы“, выражающаяся въ заработной платѣ, опредѣляется, какъ и всѣ остальные продукты, количествомъ труда, необходимымъ для „производства“ рабочей силы. Въ дѣйствительности однако здѣсь скрыто весьма существенное отличіе отъ закона цѣнности продуктовъ.

Марксъ считаетъ недопустимымъ выраженіе „цѣнность труда“. По его мнѣнію, трудъ, какъ источникъ цѣнности, самъ цѣнностью обладать не можетъ; поэтому въ наймѣ труда онъ видитъ покупку рабочей силы, а въ заработной платѣ—мѣновую цѣнность рабочей силы. Самъ по себѣ вопросъ этотъ есть въ сущности вопросъ чисто терминологическій и далеко не имѣетъ того значенія, которое ему обыкновенно приписывается. При этомъ однако серьезныя основанія говорятъ противъ того разрѣшенія его, которое далъ Марксъ. Если задача обмѣна состоитъ въ предоставленіи каждому изъ контрагентовъ того блага, въ которомъ онъ нуждается, то правильное опредѣленіе объекта обмѣна въ каждомъ данномъ случаѣ можно почерпнуть только изъ разсмотрѣнія цѣлей обмѣна, т. е. изъ выясненія задачъ, преслѣдуемыхъ контрагентами въ обмѣнѣ, и выгодъ, которыя они отъ него получаютъ. Съ этой точки зрѣнія обмѣнъ извѣстнаго количества труда на извѣстное количество денегъ можетъ быть названъ только покупкой труда, а не покупкой рабочей силы, и эквивалентъ, получаемый рабочимъ, долженъ означать цѣнность именно его труда, а не рабочей силы: при договорѣ найма труда капиталиста интересуетъ отнюдь не потенціальная сила рабочаго, которую, помимо того, онъ реально и не можетъ пріобрѣсти, такъ какъ она всегда остается при самомъ рабочемъ, а лишь результатъ этой рабочей силы — трудъ рабочаго, и только этотъ послѣдній составляетъ

реальный объектъ договора [1]). Мы не останавливались бы на этомъ довольно безплодномъ самомъ по себѣ терминологическомъ вопросѣ, если бы терминологія Маркса не служила у него средствомъ, при видимомъ сохраненіи трудовой теоріи мѣновой цѣнности и для разсматриваемаго вида обмѣна, развить самостоятельный законъ цѣнности для труда, отличный отъ закона цѣнности для продуктовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ выражается у Маркса законъ обмѣна продуктовъ на трудъ, который мы имѣемъ въ явленіи найма труда и заработной платы? Чѣмъ бы ни опредѣлялась величина этой послѣдней, законъ этотъ заключается въ обмѣнѣ *неравныхъ* количествъ труда: количество труда, отдаваемаго капиталистомъ рабочему, всегда должно быть меньше количества труда, отдаваемаго рабочимъ капиталисту. Мы имѣемъ здѣсь дѣло, такимъ образомъ, съ непосредственнымъ отрицаніемъ трудовой теоріи цѣнности для одного вида обмѣна. При этомъ для насъ совершенно безразлично, какимъ образомъ обосновывается это отрицаніе: это не затрогиваетъ вопроса о его *значеніи*. Различіе между закономъ цѣнности для продуктовъ и закономъ цѣнности для труда остается въ полной силѣ, какимъ бы путемъ оно ни было выведено: при обмѣнѣ продукта на продуктъ мѣновая цѣнность опредѣляется сравнительнымъ количествомъ труда, воплощенномъ въ этихъ продуктахъ, при обмѣнѣ же продукта на трудъ всегда обмѣнивается большее количество труда на меньшее; если трудъ воплотится въ продуктѣ, въ обмѣнъ за него даютъ равное количество труда, если же онъ обмѣнивается, такъ сказать, въ сыромъ видѣ, онъ обмѣнивается всегда на меньшее количество. Таковы

[1]) Если поэтому понятіе «цѣнности труда» оказывается противорѣчивымъ въ системѣ Маркса, то это только показываетъ, что отношеніе между цѣнностью и трудомъ въ этой системѣ въ какомъ-либо отношеніи неправильно, но ничего не говоритъ противъ самаго понятія.

два отличныхъ другъ отъ друга закона, которые Марксъ установилъ для обмѣна продуктовъ и обмѣна труда.

Нельзя отрицать, что подобное различіе дѣйствительно имѣетъ мѣсто. Что цѣнность труда стоитъ ниже цѣнности продукта, другими словами, что заработная плата составляетъ только часть цѣнности, получаемой въ результатѣ производства, это общеизвѣстный фактъ, безъ котораго невозможно было бы существованіе прибыли капиталиста. Но если мы стремимся найти единый законъ цѣнности, то мы не можемъ на этомъ остановиться.

При внимательномъ анализѣ должно обнаружиться, что далеко не одинъ только трудъ имѣетъ privilegium odiosum обмѣниваться всегда на меньшее количество труда въ продуктахъ. Весь нашъ предыдущій анализъ долженъ былъ показать, что обмѣнъ пропорціонально затратѣ труда есть вообще исключеніе и что, какъ общее правило, продукты обмѣниваются не пропорціонально содержащемуся въ нихъ труду. Здѣсь намъ остается только показать, при какихъ условіяхъ продукты обмѣниваются на меньшее количество труда, чѣмъ то, которое содержится въ нихъ самихъ. Во-первыхъ, такъ обмѣниваются продукты всѣхъ отраслей промышленности, для которыхъ „цѣны производства“ стоятъ ниже „трудовой цѣнности“, т. е. продукты всѣхъ отраслей промышленности съ низкимъ органическимъ строеніемъ капитала. Во-вторыхъ, если цѣна хлѣба или сырыхъ матеріаловъ можетъ, какъ мы видѣли, подъ вліяніемъ абсолютной ренты стоять выше ихъ трудовой цѣнности и находить себѣ границу только въ условіяхъ сбыта, то при обмѣнѣ товаровъ на эти продукты въ обмѣнъ за большее количество труда будетъ постоянно даваться меньшее. Такимъ образомъ, цѣлыя отрасли промышленности могутъ при обмѣнѣ своихъ продуктовъ „эксплуатироваться“ другими, отдавать другимъ без-

возмездно созданную ими цѣнность. Наконецъ нужно указать на цѣлыя группы производителей, которыя обмѣниваютъ бо̀льшее количество труда на меньшее не потому, что они выносятъ на продажу свой трудъ, а не его продуктъ, а потому, что условія рынка заставляютъ ихъ довольствоваться меньшей, чѣмъ, обыкновенно, цѣной ихъ продукта. Для примѣра укажемъ на производителей въ т. наз. домашней системѣ крупной промышленности. Формально они могутъ быть продавцами продуктовъ, а не труда, но мѣновая цѣнность этихъ продуктовъ, какъ извѣстно, по большей части стоитъ даже ниже той цѣнности, которую получаетъ за такой же трудъ наемный рабочій—и притомъ не только рыночная цѣна, но и „средняя“ цѣнность. И если обыкновенно это явленіе объясняется тѣмъ, что рабочій въ домашней промышленности въ цѣнѣ своихъ продуктовъ получаетъ „скрытую заработную плату“, то этимъ вопросъ не разрѣшается, а только описывается въ иныхъ словахъ: весь вопросъ въ томъ вѣдь и заключается, какимъ образомъ продавецъ продукта можетъ находиться въ такомъ же положеніи, какъ и продавецъ труда.

Такимъ образомъ, совершается ли обмѣнъ пропорціонально или непропорціонально сравнительному количеству содержащагося въ товарахъ труда, это отнюдь не находится въ зависимости только отъ юридической формы договора между контрагентами, отъ того, совершается ли онъ подъ формой найма труда или купли-продажи продукта. Поэтому это юридическое различіе и не обосновываетъ необходимости двухъ спеціальныхъ законовъ цѣнности, одного для самого труда, а другого—для его продуктовъ. Долженъ быть найденъ одинъ законъ цѣнности, который сразу могъ бы объяснить, при какихъ условіяхъ обмѣнъ вообще—независимо отъ того, обмѣнивается ли трудъ или продуктъ—совершается пропорціонально затратѣ труда и

при какихъ условіяхъ эта пропорціональность отсутствуетъ. Этотъ законъ, разумѣется, не указанъ трудовой теоріей цѣнности, которая относится только къ обмѣну продуктовъ и кромѣ того ошибочно считаетъ этотъ обмѣнъ основаннымъ всегда на равенствѣ обмѣнивающихся количествъ труда.

Но если, согласно теоріи Маркса, явленія найма труда и заработной платы составляютъ рѣзкое исключеніе изъ трудового закона мѣновой цѣнности, то однако та внѣшняя связь, которая имѣется у него между теоріей цѣнности и теоріей заработной платы, помѣшала ему выработать полный и удовлетворительный законъ заработной платы. Заработная плата, согласно его ученію, есть цѣнность рабочей силы, и высота ея опредѣляется количествомъ труда, необходимымъ на созданіе рабочей силы, т. е., на производство минимума средствъ существованія, потребленіе которыхъ сохраняетъ послѣднюю. Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ теорія „минимума“ вообще можетъ претендовать на научное значеніе даже въ той смягченной формѣ, которую ей даетъ Марксъ, понимающій подъ „минимальнымъ уровнемъ“ потребленія уровень не только чисто физическій, но и культурно-историческій, и не нужно ли окончательно предать забвенію „желѣзный законъ“ заработной платы, подъ какой бы формой онъ ни подносился. Мы хотимъ лишь указать здѣсь на то, что теорія заработной платы, сводящая ея высоту на трудовую цѣнность минимума средствъ существованія, отказывается объяснить самое существенное, именно различіе въ высотѣ заработной платы различныхъ родовъ рабочихъ. Подобно тому, какъ трудовая теорія мѣновой цѣнности не можетъ объяснить различіе въ цѣнности *продуктовъ* труда различнаго качества, такъ и разсматриваемая „трудовая теорія“ заработной платы должна стать втупикъ передъ различіемъ въ цѣнности самаго труда, смотря

по его качеству: изъ того, что заработная плата опредѣляется количествомъ труда, необходимымъ для производства минимума средствъ потребленія рабочаго класса, мы ничего не можемъ узнать о причинахъ различія въ высотѣ заработной платы различныхъ родовъ труда. И однако объясненіе этого факта должно непремѣнно входить въ теорію заработной платы. Для насъ въ данномъ случаѣ важно то, что на этомъ явленіи наглядно обнаруживается недостаточность трудовой теоріи мѣновой цѣнности вообще. На мѣновой цѣнности труда особенно рѣзко отражается вліяніе одного фактора, значеніе котораго категорически отрицаетъ трудовая теорія цѣнности, именно вліяніе его полезности или его свойствъ, какъ объекта потребленія. Качества труда, какъ напр. его производительность, его искусность, степень участія въ немъ интеллектуальныхъ факторовъ являются, какъ это всѣмъ извѣстно, однимъ изъ главнѣйшихъ моментовъ, опредѣляющихъ высоту заработной платы. Если такъ, то теорія цѣнности труда должна принять въ разсчетъ этотъ моментъ. Но если исходить изъ представленія объ абстрактной теоріи мѣновой цѣнности, задача которой заключается въ открытіи условій обмѣна вообще, т. е. тѣхъ общихъ свойствъ товаровъ, которыя дѣлаютъ возможнымъ ихъ сравненіе между собой, то надо будетъ признать, что и теорія мѣновой цѣнности не можетъ пройти мимо этого явленія. Если различные роды труда обмѣниваются между собой и на продукты пропорціонально не только количеству, но и качеству труда, то это условіе должно быть принято во вниманіе теоріей мѣновой цѣнности, и мы должны придти къ заключенію, что трудовая теорія мѣновой цѣнности, которая считаетъ „субстанціей“ мѣновой цѣнности одно только *количество* труда, содержагося въ товарахъ, и съ этой точки зрѣнія оказывается неудовлетворительной.

Такимъ образомъ, анализъ вопроса о цѣнности, создаваемой различными родами труда, и вопроса о цѣнности самаго труда приводитъ также къ отрицательнымъ выводамъ по отношенію къ трудовой теоріи мѣновой цѣнности.

VIII.

Послѣднее, что намъ остается разсмотрѣть въ теоріи мѣновой цѣнности Маркса, это установленное имъ понятіе общественно-необходимаго труда, какъ источника цѣнности.

Изложивъ свой взглядъ на зависимость мѣновой цѣнности отъ затраты труда, Марксъ замѣчаетъ:

„Можетъ показаться, что, если цѣнность товара опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на его производство, то чѣмъ лѣнивѣе и менѣе способенъ человѣкъ, тѣмъ бо̀льшую цѣнность имѣетъ его товаръ, потому что тѣмъ болѣе времени необходимо для его производства. Но трудъ, который образуетъ субстанцію цѣнности, есть равная человѣческая работа, затрата одной и той же человѣческой рабочей силы. Вся рабочая сила общества, которая выражается въ цѣнностяхъ товарнаго міра, считается здѣсь за одну и ту же человѣческую рабочую силу, хотя она состоитъ изъ безчисленныхъ индивидуальныхъ рабочихъ силъ. Каждая изъ этихъ индивидуальныхъ рабочихъ силъ есть такая же человѣческая рабочая сила, какъ всякая другая, поскольку она обладаетъ характеромъ средней общественной рабочей силы и дѣйствуетъ въ качествѣ такой средней общественной рабочей силы, стало быть, затрачиваетъ на производство товара только необходимое въ среднемъ или общественно-необходимое рабочее время. Общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ служитъ рабочее время, требуемое для того, чтобы произвести какую-нибудь потребитель-

ную цѣнность при наличныхъ общественно-нормальныхъ условіяхъ производства и при средней общественной степени ловкости и интенсивности труда“ [1]).

Этотъ анализъ характера труда, создающаго цѣнность, означалъ несомнѣнно большой шагъ впередъ въ сравненіи съ трудовой теоріей классиковъ. Классики полагали (или, по крайней мѣрѣ, ясно указали на то), что трудъ долженъ быть полезнымъ, долженъ приводить къ созданію извѣстной „потребительной цѣнности“, для того, чтобы создавать мѣновую цѣнность. Марксъ указалъ на новое условіе: трудъ долженъ быть затраченъ при общественно-необходимыхъ условіяхъ производства, онъ долженъ быть общественно-необходимымъ трудомъ, для того, чтобы въ результатѣ его получалась цѣнность. Замѣтимъ, что этимъ не только было сужено понятіе о трудѣ, какъ источникѣ цѣнности, но и было ограничено дѣйствіе закона трудовой цѣнности. Обмѣнъ пропорціонально сравнительной затратѣ труда происходитъ, согласно Марксу, не между всѣми экземплярами товаровъ, а только между тѣми, на которые затрачено именно общественно-необходимое время, или—что то же самое—между цѣлыми группами товаровъ. Каждый данный сюртукъ не обмѣнивается на каждую штуку холста пропорціонально сравнительному количеству фактически затраченнаго на ихъ производство рабочаго времени: такой обмѣнъ совершается только между всей суммой наличныхъ въ обществѣ сюртуковъ и всей массой холста. Отдѣльные же экземпляры товара обмѣниваются не пропорціонально фактической затратѣ труда, а пропорціонально той затратѣ труда, которая *должна бы* въ нихъ заключаться, *если бы* они были произведены при нормальныхъ условіяхъ.

Этимъ, разумѣется, еще не создается никакого отклоненія отъ трудовой теоріи, потому что послѣдняя

[1]) Kapit., B. I, 4-e Aufl., s. 5.

заранѣе ограничена именно такимъ значеніемъ. До сихъ поръ „общественная необходимость“ труда понималась только по отношенію, такъ сказать, къ его качеству. Данное количество труда создаетъ цѣнность, т. е. считается общественно-необходимымъ трудомъ, поскольку этотъ трудъ затрачивается при условіяхъ, качественно совпадающихъ съ средними общественными условіями. Впрочемъ, уже и тутъ источникъ цѣнности указывается собственно не въ самомъ трудѣ, а скорѣе въ мнѣніи о немъ общества, или—что при нашемъ хозяйственномъ строѣ то же самое—во мнѣніи рынка [1]). У Маркса однако встрѣчается и другое, болѣе широкое опредѣленіе понятія „общественной необходимости“ труда.

„Положимъ,—говоритъ онъ,—что произведено относительно слишкомъ много хлопчатобумажныхъ тканей, хотя во всей этой массѣ тканей, вмѣстѣ взятой (in diesem Gesammtprodukt von Gewebe), реализовано только необходимое при данныхъ условіяхъ рабочее время. Но въ этой спеціальной отрасли истрачено, стало быть, вообще слишкомъ много общественнаго труда, т. е. часть продукта безполезна. Вся масса продуктовъ поэтому продается только такъ, какъ будто она произведена въ необходимомъ количествѣ. Эта количественная граница долей общественнаго рабочаго времени, затрачиваемыхъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности, есть лишь болѣе развитое выраженіе закона цѣнности вообще, хотя *понятіе необходимаго рабочаго времени имѣетъ здѣсь уже другое значеніе.* Только опредѣленное количество его необходимо для удовлетворенія общественной потребности. *Границу ставитъ здѣсь потребительная цѣнность* [2]). Общество можетъ при данныхъ

[1]) «Votre heure de travail vaut-elle la mienne? C'est une question qui se débat par la concurrence». Marx, Misère de la philosophie, Paris 1847, p. 30.

[2]) Курсивъ въ обоихъ случаяхъ нашъ.

условіяхъ производства затрачивать на отдѣльный видъ продуктовъ только опредѣленную часть всего своего рабочаго времени“ [1]).

Итакъ, Марксъ самъ сообщаетъ, что понятіе необходимаго рабочаго времени имѣетъ здѣсь уже другое значеніе; для того, чтобы трудъ создавалъ цѣнность, нужно не только, чтобы качественныя условія его приложенія были условіями технически необходимыми въ данный моментъ, но чтобы самый трудъ этотъ былъ необходимъ для общества, т. е. для удовлетворенія общественной потребности, и чтобы количество его совпадало съ тѣмъ, которое необходимо для общества. Наряду съ *технической* необходимостью здѣсь ставится условіемъ созданія цѣнности также и *общественная*, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, необходимость, т. е. необходимость для удовлетворенія потребностей. Границу этой необхдимости ставитъ, какъ Марксъ говоритъ, потребительная цѣнность, иначе—господствующія въ обществѣ потребности.

Тутъ возникаетъ однако новый вопросъ: отъ какихъ обстоятельствъ находится въ зависимости величина „общественно - необходимаго“, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, труда? Другими словами, чѣмъ опредѣляется доля общественнаго труда, которую общество считаетъ необходимымъ затрачивать на удовлетвореніе данной своей потребности?

Прежде всего она опредѣляется, конечно, чисто техническими условіями производства; если данное общество нуждается ежегодно, положимъ, въ милліонѣ аршинъ холста, то рабочее время, необходимое для производства этой суммы продуктовъ, опредѣляется техникой данной отрасли промышленности. Съ другой стороны однако, очевидно, что самое количество продуктовъ даннаго рода, отъ котораго находится въ за-

[1]) B. III, 2, c. 176, русск. пер. стр. 525.

висимости величина необходимаго на его созданіе рабочаго времени, опредѣляется въ свою очередь состояніемъ потребностей общества. Нуженъ ли обществу 1 или 2 милліона холста,—это зависитъ отъ того, служитъ ли холстъ единственнымъ матеріаломъ одежды или нѣтъ, и если нѣтъ, то на какіе именно сорта одежды онъ идетъ, далѣе, отъ числа людей, отъ быстроты изнашиванія и отъ потребности въ смѣнѣ износившейся одежды новой, и т. д., и т. д. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, можно опредѣлить какъ условія удовлетворенія человѣческихъ потребностей: онѣ отчасти психологическія, отчасти соціальныя, отчасти физіологическія и физическія и т. д. Ясно однако, что съ техническими условіями производства онѣ ничего общаго не имѣютъ. Отсюда слѣдуетъ, что при одинаковыхъ техническихъ условіяхъ и при одинаковомъ количествѣ производимыхъ продуктовъ даннаго рода, одинъ разъ это количество можетъ оказаться общественно-необходимымъ, другой разъ—превышающимъ общественно-необходимое количество, третій разъ—не достигающимъ его—въ зависимости отъ всей массы факторовъ, вліяющихъ на состояніе общественныхъ потребностей: стоитъ вспомнить здѣсь лишь о вліяніи перемѣны моды. Не только каждый отдѣльный производитель, но даже и всѣ производители даннаго рода продуктовъ, вмѣстѣ взятые, не могутъ, слѣдовательно, опредѣлить количество продуктовъ, которое въ данный моментъ „общественно-необходимо“. Поэтому и цѣнность ихъ продукта будетъ находиться въ зависимости отъ всей суммы причинъ, опредѣляющихъ условія потребленія.

Теорія „общественно-необходимаго труда“, какъ источника цѣнности, сводится такимъ образомъ сама собой къ теоріи, ставящей высоту цѣнности въ зависимость отъ состоянія потребностей.

Но этого мало. Спрашивается, можно ли вообще говорить, хотя бы для каждаго даннаго момента, о

необходимости для общества затраты строго опредѣленнаго количества труда на удовлетвореніе опредѣленной потребности? Съ перваго взгляда можетъ показаться, что утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ подразумѣвается самъ собой. Разъ дана для каждаго даннаго момента потребность въ опредѣленномъ количествѣ продуктовъ даннаго рода, и разъ техническія условія производства опредѣляютъ рабочее время, необходимое для созданія единицы даннаго продукта, то и количество общественнаго труда, необходимаго для удовлетворенія данной общественной потребности, какъ величина, опредѣляемая этими двумя условіями, будетъ для даннаго момента постояннымъ и опредѣленнымъ. Такое предположеніе лежитъ и въ основѣ вышеприведеннаго разсужденія Маркса. Онъ полагаетъ, что общество можетъ при данныхъ условіяхъ производства затрачивать на отдѣльный видъ продуктовъ только *опредѣленную часть* всего своего рабочаго времени.

Въ дѣйствительности однако дѣло обстоитъ нѣсколько сложнѣе. Возьмемъ примѣръ, на которомъ выяснилась бы степень правдоподобности предположенія Маркса. Предположимъ, что въ данный моментъ обществу нуженъ 1 милліонъ рабочихъ дней для удовлетворенія его потребности въ холстѣ; величина эта опредѣляется, какъ мы только что указали, количествомъ необходимыхъ для общества продуктовъ даннаго рода и рабочимъ временемъ, технически необходимымъ для созданія единицы этого продукта. Положимъ, слѣдовательно, что обществу нуженъ одинъ милліонъ аршинъ холста и что на производство одного аршина при данныхъ техническихъ условіяхъ уходитъ одинъ день труда,— что именно и даетъ величину въ милліонъ рабочихъ дней, какъ необходимую (для удовлетворенія общественной потребности въ холстѣ) долю общественнаго труда. Если теперь, благодаря неосвѣдомленности производителей, произведено 2 милліона холста и за-

трачено на это 2 милліона рабочихъ дней, то, какъ говоритъ Марксъ, „вся масса продуктовъ продается только такъ, какъ будто она произведена въ необходимомъ количествѣ“, т. е. за 2 милліона аршинъ холста общество по прежнему даетъ только 1 милліонъ рабочихъ дней. Отсюда мы получаемъ такой выводъ: цѣна продукта измѣняется въ точной обратной пропорціональности къ количеству его, вынесенному на продажу; такъ какъ количество рабочихъ дней, или, что то же самое, сумма денегъ, уплачиваемыхъ обществомъ за всю сумму продуктовъ даннаго рода, есть величина постоянная, и такъ какъ эта величина есть произведеніе числа продуктовъ на цѣну единицы продукта, то очевидно, что между обоими множителями существуетъ обратная зависимость; во сколько разъ увеличивается или уменьшается число продуктовъ, ровно во столько же разъ должна, наоборотъ, уменьшиться или увеличиться цѣна единицы продукта.

Извѣстно однако, что такой строгой обратной пропорціональности въ дѣйствительности не существуетъ. Цѣны однихъ продуктовъ (главнымъ образомъ, предметовъ необходимости) возвышаются и падаютъ быстрѣе уменьшенія или увеличенія ихъ предложенія, цѣны другихъ (предметовъ роскоши)—медленнѣе. Для примѣра укажемъ на извѣстное вычисленіе Грегори Кинга (разумѣется, далеко не точное), по которому уменьшенію предложенія хлѣба на 10, 20, 30, 40, 50% соотвѣтствуетъ возвышеніе цѣны хлѣба на 30, 80, 160, 280, 450%. Сумма цѣнъ или рабочихъ дней, уплачиваемыхъ обществомъ за данные продукты, не является при этомъ уже величиной постоянной, а измѣняется въ зависимости отъ количества этихъ продуктовъ. Такъ, (если остаться при вычисленіи Кинга) при уменьшеніи предложенія хлѣба въ два раза, цѣна продукта увеличивается на 450% или въ $5^1/_2$ разъ, и, стало быть, общая сумма цѣнъ или рабочихъ дней, уплачи-

ваемыхъ обществомъ за хлѣбъ, также увеличивается въ $2^3/_4$ раза ($5^1/_2 \times {}^1/_2 = 2^3/_4$). Итакъ, количество общественнаго труда, затрачиваемаго обществомъ на удовлетвореніе извѣстной потребности въ данный моментъ, не можетъ даже называться „необходимымъ“, потому что свободно измѣняется въ зависимости отъ условій рынка. Другими словами, „трудовая цѣнность“ продукта находится въ зависимости отъ его *рыночной цѣны*.

Этимъ впрочемъ не устраняется значеніе понятія „общественно-необходимый трудъ“; оно пріобрѣтаетъ только нѣсколько иной смыслъ. Именно, „необходимость“ не есть какое либо качество, не допускающее количественныхъ различій и только, такъ сказать, самымъ фактомъ своей наличности дающее труду способность создавать цѣнность. Если рыночная цѣна различныхъ продуктовъ съ измѣненіемъ предложенія измѣняется съ различной быстротой, то это, какъ извѣстно, объясняется тѣмъ, что по мѣрѣ насыщенія потребности, единицы даннаго продукта становятся все менѣе „необходимыми“, и что притомъ для каждаго рода благъ убыль этой „необходимости“ подчиняется особымъ законамъ; по мѣрѣ увеличенія или уменьшенія „необходимости“ для общества данной группы благъ растетъ или падаетъ количество труда, которое общество соглашается давать за нихъ. Поэтому, если понятіе „общественно-необходимаго труда“, какъ источника цѣнности, есть, какъ мы указали, шагъ впередъ въ теоріи мѣновой цѣнности, то подъ нимъ нужно подразумѣвать то, что источникомъ мѣновой цѣнности служитъ не только большее или меньшее количество „общественно-необходимаго труда“, но и большая или меньшая *необходимость* этого труда. Другими словами, источникомъ мѣновой цѣнности служитъ не самъ трудъ, а величина общественной потребности въ продуктѣ.

IX.

Анализъ теоріи мѣновой цѣнности Маркса привелъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Трудовая теорія мѣновой цѣнности не можетъ быть признана правильной; трудъ не есть единственный факторъ, опредѣляющій высоту мѣновой цѣнности, а потому не можетъ служить ни мѣриломъ ея, ни ея „субстанціей“, дающей товарамъ возможность приравниваться другъ къ другу въ процессѣ обмѣна. Слѣдующія соображенія, какъ мы старались показать, противорѣчатъ трудовой теоріи цѣнности:

1) Мѣновой цѣнностью обладаютъ блага, не созданныя трудомъ или невоспроизводимыя.

2) Такъ называемыя „рыночныя цѣны“ отъ сравнительной затраты труда не находятся ни въ какой зависимости.

3) „Средняя“, „нормальная“ или „естественная“ цѣна (Produktionspreis у Маркса) также трудомъ не опредѣляется.

4) Зависимость ея отъ издержекъ производства въ смыслѣ Рикардо и Маркса, что служитъ предпосылкой трудовой теоріи мѣновой цѣнности, также нарушается наличностью „абсолютной ренты“ и не полной переносимостью капитала и труда.

5) Трудовой теоріи мѣновой цѣнности противорѣчитъ разноцѣнность продуктовъ различнаго рода труда; она несоединима также съ правильной теоріей цѣнности труда.

6) Понятіе „общественной необходимости“ труда само указываетъ на то, что источникомъ мѣновой цѣнности служитъ не самъ трудъ, а общественная потребность въ немъ.

Передъ нами теперь вопросъ: уничтожается ли этимъ всякое значеніе не только трудовой теоріи *мѣ-*

новой цѣнности, но и вообще трудовой теоріи цѣнности, или нѣтъ? И, въ послѣднемъ случаѣ, какое значеніе имѣетъ трудовая теорія цѣнности?

До этого однако мы должны остановиться на обоснованіи трудовой теоріи у Маркса, а также на нѣкоторыхъ попыткахъ ея толкованія. Это послужитъ переходной ступенью къ разрѣшенію указанныхъ вопросовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обоснованіе трудовой теоріи цѣнности у Маркса.

До сихъ поръ мы старались провѣрить трудовую теорію мѣновой цѣнности индуктивнымъ путемъ. Принявъ вмѣстѣ съ Марксомъ за данное, что трудъ есть единственный источникъ мѣновой цѣнности, мы старались сопоставить это утвержденіе съ фактами и законами экономической жизни, и пришли къ выводу, что оно неправильно. Такого пріема держался и Марксъ. Если исключить неудачную inductio per enumerationem simplicem, посредствомъ которой онъ доходитъ до основного положенія своей теоріи цѣнности и которая, какъ мы уже замѣтили, служитъ скорѣе искусственнымъ средствомъ обратить вниманіе читателя на свойства товара, какъ продукта труда, чѣмъ серьезной попыткой доказательства трудовой теоріи, — то нужно будетъ признать, что Марксъ принимаетъ положеніе о трудѣ, какъ единственномъ источникѣ цѣнности, прямо за данное, и затѣмъ, опираясь на это положеніе, старается объяснить фактическія явленія экономической жизни.

Однако, у Маркса можно найдти, наряду съ этимъ, и попытку дать дедуктивное обоснованіе своей теоріи. Это обоснованіе, правда, не развито у него систематически, но тѣмъ не менѣе составляетъ фундаментъ его ученія и потому заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія, которое тѣмъ болѣе необходимо, что боль-

шинство критиковъ не обращало достаточнаго вниманія на эту сторону ученія Маркса.

Обоснованіе лежитъ у Маркса въ анализѣ общественнаго хозяйства и его различныхъ формъ. Если мы сведемъ отрывочныя, разбросанныя почти во всѣхъ произведеніяхъ Маркса замѣчанія по этому вопросу, то получимъ приблизительно слѣдующій ходъ мыслей.

Для того, чтобы удовлетворять свои потребности и отдѣльные люди, и общества должны производить, т. е затрачивать свою рабочую силу на приспособленіе предметовъ и силъ природы къ своимъ потребностямъ, на искусственное превращеніе естественныхъ произведеній въ такую форму, при которой они могли бы удовлетворять человѣческія потребности. Но человѣкъ или общество обладаютъ разнообразными и многими потребностями, рабочая же сила ихъ представляетъ величину опредѣленную; поэтому, для возможно полнѣйшаго удовлетворенія своихъ потребностей, люди должны пользоваться своей рабочей силой экономно, распредѣлять ее между тѣми родами производства, которые наиболѣе для нихъ необходимы, и въ пропорціи, опредѣляемой отчасти интенсивностью потребностей, отчасти техническими условіями. Для этого необходимо вести разсчетъ затратамъ рабочей силы, а такъ какъ эти затраты при равной интенсивности измѣряются длиной рабочаго времени, то разсчетъ сводится къ познанію распредѣленія всего наличнаго рабочаго времени индивидуума или общества по различнымъ отраслямъ производства. Только при знаніи этого распредѣленія можно умѣло пользоваться рабочей силой и направлять ее на наиболѣе необходимые роды производства [1]).

Яснѣе всего это отношеніе выступаетъ въ изоли-

[1]) Дальнѣйшее составляетъ изложеніе с. 43—46 I тома (Kapital, 4-e Auflage, I Band, Erstes Kapitel, въ отдѣлѣ «Der Fetischcharakter der Waare und sein Geheimnis»).

рованномъ хозяйствѣ. Робинзонъ на своемъ островѣ для удовлетворенія своихъ потребностей долженъ затрачивать свое рабочее время на производство орудій и мебели, на уходъ за своими домашними животными, на рыболовство, охоту и пр. „Нужда заставляетъ его точно распредѣлять его рабочее время между различными родами дѣятельности“. Онъ заводитъ себѣ бухгалтерскую книгу, въ которой ведетъ счетъ своему имуществу и рабочему времени, которое онъ долженъ тратить на производство предметовъ потребленія. Какъ ни различны его работы, онъ хорошо знаетъ, что онѣ составляютъ части дѣятельности одного и того же Робинзона, что онъ распредѣляетъ между ними свою рабочую силу.

Отношеніе не измѣнится, если мы вмѣсто Робинзона возьмемъ семью, живущую натуральнымъ хозяйствомъ. Семья эта распредѣляетъ рабочую силу, имѣющуюся въ ея распоряженіи, между всѣми своими членами. Одни изъ нихъ прядутъ и ткутъ, другіе совершаютъ земледѣльческія работы и т. д. Какъ ни различны эти работы, опять-таки сразу видно, что онѣ составляютъ только части общественнаго труда всей семьи, распредѣляемаго между ея членами. Затрата индивидуальныхъ рабочихъ силъ, измѣряемая длиной рабочаго времени, непосредственно связана здѣсь съ общественнымъ опредѣленіемъ труда, потому что эти индивидуальныя рабочія силы съ самаго начала функціонируютъ въ качествѣ органовъ общей рабочей силы семьи.

„Наконецъ, представимъ себѣ союзъ свободныхъ людей, которые работаютъ при помощи общественныхъ средствъ производства и сознательно затрачиваютъ свои индивидуальныя рабочія силы въ качествѣ частей общественной работы. Всѣ условія труда Робинзона повторяются здѣсь, только въ общественной, а не индивидуальной формѣ. Всѣ продукты Робинзона

были исключительно его личными продуктами и поэтому непосредственными предметами его потребленія. Общій продуктъ союза есть общественный продуктъ. Часть этого продукта служитъ снова средствомъ производства. Она остается общественной. Другая часть, однако, потребляется членами союза въ качествѣ средствъ существованія. Она должна быть распредѣлена. Способъ этого распредѣленія будетъ измѣняться въ зависимости отъ организаціи общественнаго производства и отъ высоты общественнаго развитія производителей. Для аналогіи съ современнымъ обществомъ предположимъ, что доля средствъ существованія, приходящаяся на каждаго производителя, опредѣляется его рабочимъ временемъ. Рабочее время играетъ въ этомъ случаѣ двойную роль. Его планомѣрное общественное распредѣленіе опредѣляетъ правильное отношеніе различныхъ родовъ производительной дѣятельности къ различнымъ потребностямъ. Съ другой стороны, рабочее время служитъ также мѣриломъ индивидуальнаго участія производителя въ общественномъ трудѣ и, слѣдовательно, въ индивидуально потребляемой части общаго продукта. Общественныя отношенія людей къ ихъ труду и къ продуктамъ труда остаются здѣсь совершенно ясными какъ въ производствѣ, такъ и въ распредѣленіи“ [1]).

Иначе обстоитъ дѣло въ современномъ обществѣ. Хозяйство современнаго общества есть также хозяйство общественное: каждый производитель работаетъ не на себя, а на все общество и потребляетъ продуктъ не своего труда, а труда всѣхъ остальныхъ членовъ общества. Однако, организація хозяйства такова, что этотъ общественный характеръ производства остается незамѣтнымъ. Каждый производитель работаетъ, не спрашивая о согласіи общества на его трудъ;

[1]) Кар., I B., 4-e Aufl., s. 45

онъ самъ, а не общество, которому онъ служитъ, опредѣляетъ качество и количество его продуктовъ. Вмѣсто того, чтобы исполнять работу по иниціативѣ и подъ контролемъ общества, — въ такомъ случаѣ было бы ясно, что его продуктъ составляетъ лишь результатъ части общественнаго труда,—онъ работаетъ по своей доброй волѣ и затѣмъ уже представляетъ свой продуктъ на усмотрѣніе общества. Если обществу этотъ продуктъ необходимъ, если оно признаетъ, что затраченное на него рабочее время есть часть общественной рабочей силы или общественно-необходимый трудъ, то оно выражаетъ это признаніе въ формѣ обмѣна этого продукта на продукты другихъ членовъ общества; въ противномъ случаѣ продуктъ остается непроданнымъ. Это рѣшеніе общества совершается также не сознательно, а анархически, посредствомъ рыночной конкурренціи; одни продукты, необходимые для общества, обмѣниваются на рынкѣ, т. е. владѣлецъ ихъ получаетъ отъ общества, въ вознагражденіе за выполненную имъ часть общественнаго труда, результатъ другихъ отраслей общественнаго труда въ формѣ продуктовъ, произведенныхъ другими лицами; другіе, ненужные обществу продукты, не входятъ въ процессъ обмѣна. При этомъ, если рабочее время, затраченное даннымъ членомъ общества, есть общественно-необходимое время, т. е. съ точки зрѣнія общества количественно и качественно составляетъ необходимую для удовлетворенія общественныхъ потребностей затрату общественной рабочей силы, то общество признаетъ это тѣмъ, что выдаетъ этому своему члену *соотвѣтствующую же* долю общественнаго труда въ формѣ другихъ продуковъ. Это отношеніе остается скрытымъ, потому что на рынкѣ не обсуждается сознательно вопросъ о томъ, сколько каждый производитель затратилъ рабочаго времени и нужно ли это время обществу или нѣтъ; на рынкѣ фактически про-

тивостоятъ другъ другу не члены производительнаго союза, сообща затрачивающіе свою рабочую силу и распредѣляющіе между собой общій продуктъ, а только самые продукты, обмѣнивающіеся другъ на друга, т. е. товары. Общественное отношеніе людей другъ къ другу, т. е. общественное производство и распредѣленіе, скрыто подъ отношеніемъ вещей. Паденіе и возвышеніе цѣнъ на товары есть та форма, въ которой обнаруживается мнѣніе общества объ его производствѣ и распредѣленіи.

Такимъ образомъ, мѣновая цѣнность товаровъ, т. е. ихъ мѣновое отношеніе другъ къ другу, устанавливающееся на рынкѣ, имѣетъ двоякую задачу: посредствомъ него общество регулируетъ затрату своего труда на различные роды производства, тѣмъ путемъ, что за каждый видъ продукта оно даетъ въ обмѣнъ только такое количество общественнаго труда, которое при данныхъ условіяхъ необходимо для его производства; этимъ достигается то, что продуктъ стоитъ обществу лишь столько рабочаго времени, сколько, по общественнымъ условіямъ, нужно для его производства, хотя фактически на него можетъ быть затрачено и больше, и меньше рабочаго времени; съ другой же стороны, мѣновое отношеніе товаровъ опредѣляетъ долю каждаго участника въ общественномъ доходѣ: посредствомъ него общество даетъ каждому члену такое же—по общественно - трудовой цѣнности—количество продуктовъ, какое онъ самъ далъ обществу въ продуктахъ своего труда.

Отсюда, повидимому, ясно, что источникомъ цѣнности можетъ быть трудъ и только одинъ трудъ; это въ сущности не что иное, какъ перифраза положенія, что подъ обмѣномъ товаровъ кроется обмѣнъ производительныхъ работъ или общественная организація производства. „Такъ какъ мѣновая цѣнность товаровъ есть въ дѣйствительности не что иное, какъ взаимное отно-

шеніе труда отдѣльныхъ лицъ, въ качествѣ равнаго и всеобщаго, и вещественное выраженіе специфической общественной формы труда,—то утвержденіе, что трудъ составляетъ *единственный* источникъ мѣновой цѣнности, а потому и богатства, поскольку оно состоитъ изъ мѣновыхъ цѣнностей, представляетъ тавтологію. Такой же тавтологіей является утвержденіе, что матерія, какъ таковая, не имѣетъ цѣнности, такъ какъ не заключаетъ труда, и обратно, что мѣновая цѣнность, какъ таковая, не заключаетъ матеріи.“ [1]) Марксъ одобрительно цитируетъ слова Франклина, мѣтко выражающія эту мысль: „такъ какъ торговля есть вообще не что иное, какъ обмѣнъ труда на трудъ, то цѣнность всѣхъ вещей наиболѣе правильно оцѣнивается трудомъ“ [2]).

Остановимся теперь на этой аргументаціи.

Мы охотно соглашаемся, что изложенныя здѣсь мысли имѣютъ чрезвычайно важное значеніе въ анализѣ экономическихъ отношеній, связанныхъ съ явленіемъ мѣновой цѣнности. Мы думаемъ однако, что, взятая въ цѣломъ, эта аргументація, съ одной стороны, недостаточно обоснована, а съ другой—не имѣетъ прямой связи съ теоріей мѣновой цѣнности.

Марксъ основываетъ свои выводы на особомъ представленіи о свойствахъ труда, какъ фактора хозяйства, представленіи, которое, правда, не высказано ясно, но которое молчаливо предполагается. Предполагается именно, что трудъ есть единственный и универсальный факторъ производства, а потому и универсальное условіе хозяйства, другими словами, что единственнымъ условіемъ пріобрѣтенія благъ со стороны общества является затрата общественнаго труда и что въ зависимости отъ этой затраты стоитъ и количество, и каче-

[1]) „Zur Kritik“, русск. пер. стр. 10.

[2]) ib., с. 32. Марксъ ставитъ Франклину только въ упрекъ, что онъ не отличаетъ конкретнаго труда отъ абстрактно-общественнаго.

ство пріобрѣтаемыхъ благъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы это условіе не имѣло мѣста, то была бы отнята почва у всей аргументація. Если бы трудъ не былъ единственнымъ и универсальнымъ факторомъ производства, то было бы непонятно, почему только о немъ одномъ должно заботиться общество при планомѣрной организаціи своего хозяйства. Въ такомъ же положеніи, какъ къ труду, общество стояло бы и къ другимъ факторамъ производства: оно должно было бы такъ же стараться о правильной утилизаціи ихъ и о распредѣленіи ихъ въ надлежащей пропорціи по наиболѣе необходимымъ для нея отраслямъ производства, какъ оно дѣлаетъ это относительно труда, поэтому оно должно было бы также и при современномъ анархическомъ строѣ производства при посредствѣ обмѣна товаровъ установлять учетъ затраты этихъ факторовъ въ разныхъ отрасляхъ производства. Далѣе, если бы имѣлись продукты, потребленіе которыхъ не стояло бы въ зависимости отъ періодической затраты труда, то, очевидно, относительно нихъ не нуженъ былъ бы вообще весь процессъ учета труда, описанный Марксомъ.

Между тѣмъ несомнѣнно, что это условіе фактически не осуществляется. Трудъ далеко не есть единственный и универсальный факторъ производства. Съ одной стороны, существуетъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ невоспроизводимыхъ трудомъ продуктовъ, которые однако входятъ въ составъ общественнаго потребленія. Слѣдовательно, весь процессъ учета труда совершается только относительно *одной* группы благъ, тогда какъ другая группа вообще не можетъ быть подвергнута такому учету, такъ какъ на обладаніе ею общество не затрачиваетъ труда. Съ другой стороны, кромѣ труда, факторомъ производства служитъ хотя бы, напр., земля. Обладаніе извѣстнымъ количествомъ различнаго рода благъ въ такой же мѣрѣ зависитъ отъ наличности извѣстнаго количества земли, какъ и труда. Здѣсь

умѣстно вспомнить о критикѣ, которой Книсъ подвергнулъ теорію цѣнности Родбертуса. Родбертусъ, въ противоположность Марксу, сознательно выставилъ положеніе, что „съ хозяйственной точки зрѣнія всѣ продукты, которые поступаютъ въ наше обладаніе черезъ посредство затраты труда, должны считаться продуктами одного только человѣческаго труда, и это потому, что трудъ есть единственная первоначальная сила (Urkraft) и единственная первоначальная затрата (Uraufwand), съ которой должно считаться человѣческое хозяйство“. Противъ этого Книсъ справедливо замѣчаетъ: „то, что Робертусъ приводитъ въ видѣ единственнаго аргумента въ свою пользу, именно, что трудъ есть единственная первоначальная сила и первоначальная затрата,—просто фактически не вѣрно... Такое нелѣпое мнѣніе должно въ концѣ концовъ привести къ тому выводу, что потеря x моргеновъ земли для сельскаго хозяйства и y квадратныхъ миль для народнаго хозяйства не означаетъ „хозяйственнаго“ ущерба“ [1]). Аналогія между значеніемъ труда и земли въ общественномъ хозяйствѣ увеличивается еще благодаря тому, что земля или „природа“, подобно труду, способна *производить*, т. е. періодически создавать блага и, слѣдовательно, періодически пополнять запасъ благъ, уничтожаемый человѣческимъ потребленіемъ. И при томъ эти блага, если они имѣются въ количествѣ недостаточномъ для удовлетворенія всѣхъ человѣческихъ потребностей, обладаютъ мѣновой цѣнностью въ такой же мѣрѣ, какъ продукты труда [2]). Такимъ образомъ, остается не выясненнымъ, почему общественное хозяйство должно основываться на дру-

[1]) Knies, Der Kredit, 2-e Hälfte, 1879, s. 68—60. Мы увидимъ ниже, въ какомъ смыслѣ правъ Родбертусъ и что собственно онъ подразумѣваетъ подъ представленіемъ о трудѣ, какъ „единственной затратѣ“.

[2]) Ср. Knies, ibid., s. 67—68.

гомъ отношеніи къ труду, чѣмъ къ землѣ, и почему только трудъ есть хозяйственная сила, подвергаемая постоянному учету въ видахъ наиболѣе выгоднаго ея приложенія.

Важнѣе однако для насъ въ данномъ случаѣ не вопросъ о томъ, вѣрна или нѣтъ изложенная теорія Маркса, а объ ея значеніи въ качествѣ обоснованія трудовой теоріи мѣновой цѣнности. Предположимъ доказаннымъ, что трудъ есть дѣйствительно „первоначальный“ и „единственный“ источникъ богатства, что для правильнаго функціонированія общественнаго хозяйства необходимъ точный учетъ его и правильное распредѣленіе по различнымъ отраслямъ производства, и что эти процессы не наталкиваются ни на какія трудности. Спрашивается, въ какомъ отношеніи все это стоитъ къ мѣновой цѣнности благъ?

Мѣновое отношеніе между благами, или обмѣнъ товаровъ въ извѣстныхъ пропорціяхъ другъ на друга, есть специфическая форма распредѣленія дохода въ современномъ обществѣ. Обмѣнъ пропорціонально труду есть, слѣдовательно, распредѣленіе общественнаго дохода между членами общества пропорціонально той долѣ общественнаго труда, которую выполнилъ каждый изъ нихъ и которая воплощена въ его продуктѣ. Откуда видна необходимость именно такого способа распредѣленія?

Общественный трудъ, какъ замѣчаетъ самъ Марксъ въ приведенномъ анализѣ гипотетическаго „союза свободныхъ лицъ“, можетъ имѣть двоякое значеніе. „Его распредѣленіе по различнымъ отраслямъ производства опредѣляетъ правильное соотношеніе между различными родами производительной дѣятельности и различными потребностями. Съ другой стороны, рабочее время служитъ также мѣриломъ индивидуальнаго участія производителя въ общественномъ трудѣ и, слѣдовательно, въ индивидуально потребляемой ча-

сти общаго продукта". Несомнѣнно, однако, что и по мысли Маркса первое значеніе труда не связано необходимо со вторымъ. Мы можемъ себѣ представить общественный строй, при которомъ общество распредѣляетъ свою рабочую силу въ правильной пропорціи между различными отраслями производства, причемъ распредѣленіе дохода можетъ совершаться и не пропорціонально участію членовъ общества въ общественномъ трудѣ. Марксъ самъ предполагаетъ въ разсматриваемомъ имъ „союзѣ свободныхъ производителей" такое распредѣленіе пропорціонально труду „только для аналогіи съ современнымъ обществомъ" [1]). И не только въ „союзѣ свободныхъ производителей", но и во всѣхъ другихъ формахъ общественной организаціи, общественный трудъ можетъ играть роль регулятора производства, мирно уживаясь съ самыми разнообразными принципами распредѣленія. Такъ, напр., въ другомъ примѣрѣ Маркса, семья, живущая натуральнымъ хозяйствомъ, несомнѣнно планомѣрно распредѣляетъ свою рабочую силу по различнымъ родамъ производительной дѣятельности. Однако, участіе каждаго изъ членовъ семьи въ потребленіи общественнаго продукта, поскольку это потребленіе индивидуализировалось, опредѣляется отнюдь не долей общественнаго труда, которую выполнилъ каждый изъ ея членовъ, а сравнительными потребностями ихъ, тѣмъ вліяніемъ, которымъ каждый изъ нихъ пользуется въ семьѣ, ихъ возрастомъ, поломъ и т. д. Словомъ, тогда какъ распредѣленіе общественнаго труда въ правильной пропорціи по различнымъ отраслямъ общественнаго про-

[1]) Извѣстно, что различіе между ранними соціалистическими школами опредѣлялось различіемъ распредѣлительнаго принципа, который онѣ устанавливали для идеальнаго общества. Марксъ также въ т. назыв. «Замѣчаніяхъ на готскую программу» указалъ на возможность различія въ этихъ принципахъ въ «государствѣ будущаго».

изводства есть à la longue условіе всякаго общественнаго хозяйства, распредѣленіе пропорціонально участію въ общественномъ трудѣ есть лишь одинъ изъ возможныхъ способовъ распредѣленія вообще, откуда само собой слѣдуетъ, что первое значеніе труда независимо отъ второго и можетъ существовать безъ него [1]).

Такимъ образомъ, a priori, изъ самой сущности общественнаго хозяйства трудовой законъ распредѣленія, а потому, для современнаго общества, трудовой законъ мѣновой цѣнности вывести нельзя. Мы можемъ себѣ легко представить, что обмѣнъ товаровъ совершается не пропорціонально сравнительной затратѣ труда, что, слѣдовательно, производители получаютъ въ приходящейся на нихъ долѣ общественнаго продукта отнюдь не то же количество общественнаго труда, которое они затратили, но что при этомъ на производство каждаго рода продуктовъ уходитъ общественно-необходимое рабочее время, такъ что общественная рабочая сила правильно распредѣлена по разнымъ

[1]) У Зибера (Дав. Рикардо и К. Марксъ, 3-е изд., стр. 84) имѣется въ высшей степени неудачная попытка доказать противное этому. „Обмѣнъ,—говоритъ онъ,—въ основаніи котораго не лежало бы равныхъ количествъ труда, велъ бы къ такому поглощенію однѣхъ хозяйственныхъ силъ другими, которое ни въ какомъ случаѣ не могло бы длиться въ теченіе продолжительнаго времени“. Что значитъ „поглощеніе однѣхъ хозяйственныхъ силъ другими“? Развѣ обмѣнъ, при которомъ одна сторона даетъ больше труда, чѣмъ получаетъ, не существуетъ въ нѣкоторыхъ областяхъ хозяйства постоянно? Развѣ рабы, крѣпостные, рабочіе не отдавали и не отдаютъ больше труда, чѣмъ получаютъ? А если такой обмѣнъ могъ имѣть мѣсто между различными, такъ сказать, по высотѣ общественнаго положенія слоями общества, то почему онъ не можетъ имѣть мѣста между различными группами производителей? Мы знаемъ вѣдь, что и по теоріи Маркса можно раздѣлить всѣ отрасли производства на двѣ большія группы, изъ которыхъ одна (съ низкимъ органическимъ строеніемъ капитала) получаетъ въ обмѣнъ меньше труда, а другая (съ высокимъ строеніемъ) больше, чѣмъ каждая изъ нихъ даетъ, и притомъ постоянно.

отраслямъ производства. Общество могло бы, конечно, опредѣлить, сколько общественнаго труда даетъ и получаетъ каждый производитель въ производимыхъ и потребляемыхъ имъ продуктахъ, другими словами, отдаваемые и получаемые производителями общественные продукты можно было бы свести на соотвѣтствующія доли общественнаго труда, но обѣ эти доли могли бы количественно между собой не совпадать.

Марксъ думаетъ однако, что спеціально изъ современной формы организаціи общественнаго хозяйства вытекаетъ необходимость распредѣленія продуктовъ пропорціонально сравнительной затратѣ общественнаго труда отдѣльными производителями. Въ современномъ обществѣ распредѣленіе общественной рабочей силы по разнымъ отраслямъ производства и распредѣленіе общественнаго продукта между производителями совершается, въ противоположность другимъ хозяйственнымъ эпохамъ, такъ сказать, въ одномъ процессѣ. Этотъ процессъ есть рыночная оцѣнка вынесенныхъ на продажу товаровъ. Такъ какъ общество не опредѣляетъ заранѣе и не контролируетъ ни распредѣленія труда, ни распредѣленія продуктовъ, то этотъ контроль совершается путемъ оцѣнки уже готовыхъ продуктовъ. Каждому производителю общество выдаетъ въ обмѣнъ на изготовленные имъ продукты извѣстное количество другихъ продуктовъ, заключающее въ себѣ общественно-необходимое рабочее время, равное тому, которое нужно было затратить на производство первыхъ. Этимъ одновременно достигаются два результата. Съ одной стороны, общество заставляетъ этимъ производителей затрачивать только необходимое при данныхъ техническихъ условіяхъ рабочее время на производство ихъ продуктовъ, такъ какъ производители, затрачивающіе большее рабочее время, не получаютъ за эту избыточную трату вознагражденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако, съ другой стороны, этимъ достигается

распредѣленіе всего общественнаго дохода между членами общества пропорціонально ихъ участію въ общественномъ трудѣ. Такимъ образомъ, намѣченное выше двоякое значеніе труда въ общественномъ хозяйствѣ при современной организаціи послѣдняго слито воедино; отсюда-то и вытекаетъ трудовой законъ мѣновой цѣнности для существующаго общества.

Мы не можемъ признать этого соображенія вѣрнымъ. Если несомнѣнно, что распредѣленіе общественнаго труда и дохода совершается одновременно, путемъ рыночной оцѣнки продуктовъ, то способъ распредѣленія остается для труда и дохода все же различнымъ. Только распредѣленіе общественнаго дохода опредѣляется абсолютной высотой оцѣнки продукта на рынкѣ: чѣмъ больше мѣновая цѣнность даннаго рода продуктовъ, тѣмъ большую долю общественнаго дохода получаетъ ихъ производитель. Иначе обстоитъ дѣло съ распредѣленіемъ общественнаго труда. Для того, чтобы на производство даннаго продукта затрачивалось только общественно - необходимое рабочее время [1]), вовсе не нужно возвращать производителю въ продуктахъ, даваемыхъ ему въ обмѣнъ на его продукты, равно такое же количество общественнаго труда, которое онъ самъ затратилъ.

Для этого необходима только одинаковая доходность различныхъ отраслей производства для производителей. Если для производителей нѣтъ мотивовъ для затраты избыточнаго труда сверхъ необходимаго по общественно-техническимъ условіямъ, если при правильномъ распредѣленіи труда создается равновѣсіе доходовъ —

---

[1]) Поскольку, разумѣется, подобная затрата вообще осуществляется въ современномъ обществѣ. Извѣстно однако, что это осуществленіе можетъ быть только приблизительнымъ и никогда не можетъ быть проведено такъ точно, какъ въ обществѣ, которое бы заранѣе опредѣляло условія даннаго производства. Эту сторону вопроса мы можемъ однако оставить въ сторонѣ.

то производители размѣстятся по разнымъ отраслямъ производства именно такъ, что въ каждой изъ нихъ будетъ затрачиваться общественно-необходимое рабочее время. А для того, чтобы въ каждой *данной* отрасли производства, внѣ зависимости отъ распредѣленія труда во всемъ общественномъ хозяйствѣ, трудъ затрачивался бы также только при необходимыхъ техническихъ условіяхъ,—нужны только наличность конкурренціи между производителями, благодаря которой каждый изъ нихъ стремился бы воспользоваться всѣми техническими усовершенствованіями для удешевленія своего продукта.

Оба эти условія, однако,—конкурренція между производителями и равная доходность для нихъ различныхъ отраслей производства,—могутъ осуществляться безъ того, чтобы мѣновая цѣнность продуктовъ соотвѣтствовала сравнительной затратѣ общественнаго труда отдѣльными производителями. Что касается конкурренціи между производителями, то она вообще не имѣетъ никакого отношенія къ величинѣ ихъ дохода и, слѣдовательно, къ высотѣ мѣновой цѣнности ихъ продукта. Сколько бы они ни получали въ обмѣнъ за свой продуктъ, они будутъ соперничать изъ-за сбыта его, если только данная отрасль производства не монополизирована въ рукахъ одного предпріятія. Второе условіе—одинаковая доходность различныхъ отраслей производства—требуетъ только, чтобы цѣна продукта была пропорціональна издержкамъ со стороны производителя, такъ чтобы на извѣстную сумму издержекъ приходилась извѣстная сумма дохода [1]). Эта пропорціональность однако отнюдь не требуетъ равенства между затраченнымъ со стороны производителя общественнымъ трудомъ и тѣмъ количествомъ послѣдняго, ко-

[1]) „Издержки производства“ понимаются здѣсь просто какъ сумма цѣнностей, которыя долженъ затратить предприниматель.

торое онъ получаетъ въ обмѣнъ за свой продуктъ. Равенство прибылей, какъ мы видѣли, не только не совпадаетъ съ трудовымъ закономъ цѣнности, но, напротивъ, связано съ постояннымъ отклоненіемъ отъ этого закона.

Такимъ образомъ, изъ закона распредѣленія общественнаго труда можно вывести только очень грубую, въ научномъ смыслѣ не имѣющую почти никакого значенія теорію издержекъ производства, какъ регулирующаго принципа распредѣленія доходовъ и, слѣдовательно, мѣновой цѣнности, а никакъ не трудовую теорію мѣновой цѣнности. Въ какой мѣрѣ вообще въ современной организаціи хозяйства *доходность* предпріятія независима отъ его *производительности*, т. е. отъ затраты имъ извѣстной суммы общественно-необходимаго труда, въ той же мѣрѣ равенство доходовъ, какъ условіе правильности распредѣленія общественнаго труда, независимо отъ равенства между затраченной даннымъ предпріятіемъ и полученной имъ въ обмѣнъ за его продукты суммой общественно-необходимаго труда.

Итакъ, попытка Маркса обосновать трудовую теорію мѣновой цѣнности на анализѣ сущности общественнаго хозяйства вообще и его специфической современной формы въ частности—не привела къ положительнымъ результатамъ. Несмотря на несомнѣнное научное значеніе мыслей, развитыхъ Марксомъ при этомъ анализѣ, онъ не доказалъ положенія о соотвѣтствіи мѣновой цѣнности сравнительной затратѣ общественнаго труда каждымъ изъ производителей, такъ какъ въ его аргументаціи есть пробѣлы: во-первыхъ, остается не выясненнымъ, почему только одинъ трудъ, а не другіе факторы производства должны учитываться обществомъ и правильно распредѣляться въ общественномъ производствѣ; во-вторыхъ, даже предполагая первую часть аргументаціи доказанной, мы не можемъ доказать по-

средствомъ нея, что затрата труда есть вмѣстѣ съ тѣмъ и принципъ распредѣленія доходовъ въ современномъ обществѣ, т. е. что мѣновая цѣнность опредѣляется сравнительной затратой труда.

Обоснованіе трудовой теоріи мѣновой цѣнности не доказало правильности послѣдней, да и не можетъ ея доказать. Какъ мы старались показать, трудъ не есть единственный факторъ, опредѣляющій мѣновое отношеніе между товарами, а потому всякая попытка доказать его значеніе, какъ регулятора мѣновой цѣнности, заранѣе обречена на неудачу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Попытки толкованія теоріи цѣнности Маркса.

Если трудовая теорія *мѣновой цѣнности* невѣрна, если мѣновое отношеніе между товарами не опредѣляется сравнительнымъ количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство, то спрашивается: имѣетъ ли трудовая теорія *цѣнности* какое либо иное значеніе, или она должна быть отброшена цѣликомъ?

Что теорія цѣнности анализомъ факторовъ мѣнового отношенія не исчерпывается, на эту мысль естественно наводитъ то обстоятельство, что подъ „цѣнностью“ подразумѣвается отнюдь не одно лишь мѣновое отношеніе, а еще цѣлый рядъ другихъ явленій. Неудивительно поэтому, если нѣкоторые писатели, болѣе или менѣе ясно видѣвшіе безнадежность положенія трудовой теоріи мѣновой цѣнности, сдѣлали попытку дать трудовой теоріи болѣе прочное основаніе путемъ анализа объекта, къ которому она можетъ относиться. Къ этимъ попыткамъ намъ предстоитъ теперь обратиться. Мы имѣемъ при этомъ въ виду только дѣйствительно оригинальныя построенія и оставляемъ въ сторонѣ многочисленныя, къ сожалѣнію, работы, которыя подъ видомъ самостоятельныхъ изслѣдованій преподносятъ только неясное изложеніе старыхъ истинъ, значеніе которыхъ именно и требуется доказать [1]).

---

[1]) Настоящая работа уже печаталась, когда въ „Жизни“ начали появляться статьи П. Б. Струве, посвященныя критикѣ теоріи цѣнности Маркса. Не имѣя возможности вдаваться здѣсь въ оцѣнку взглядовъ, высказанныхъ П. Б. Струве, мы ограничиваемся лишь замѣчаніемъ, что, несмотря на неправильность нѣ-

На первомъ мѣстѣ, разумѣется, стоитъ извѣстное толкованіе теоріи цѣнности Маркса у Зомбарта, толкованіе, отражающее всѣ достоинства и недостатки этого писателя: оно чрезвычайно остроумно и смѣло задумано, но вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальность построенія отчасти послужила ко вреду ясности и послѣдовательности выполненія. Мы ограничиваемся разборомъ лишь основныхъ мыслей Зомбарта, оставляя въ сторонѣ многочисленные побочные выводы, которые онъ изъ нихъ дѣлаетъ.

Зомбартъ ясно сознаетъ трудность вопроса. „Прежде всего—говоритъ онъ—ясно слѣдующее: законъ цѣнности *не обнаруживается* въ мѣновомъ отношеніи товаровъ, произведенныхъ при капиталистическомъ строѣ“. Наоборотъ, характернымъ для капиталистическаго строя является именно постоянное отклоненіе среднихъ цѣнъ отъ трудовой цѣнности. Поэтому въ обмѣнъ могутъ входить также товары, совсѣмъ не созданные трудомъ. Такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ: что же такое трудовая цѣнность? Указавъ на рядъ значеній, которыя послѣдней могутъ быть приписаны такъ же мало, какъ и значеніе мѣрила высоты мѣнового отношенія, Зомбартъ приходитъ къ выводу, что „единственнымъ убѣжищемъ для гонимой цѣнности можетъ служить „*мышленіе теоретика - экономиста*“. „Цѣнность у Маркса есть не эмпирическій, а логическій фактъ“ (eine gedankliche Thatsache).

Зомбартъ самъ сознаетъ двусмысліе и неопредѣленность введеннаго имъ термина. Какъ онъ дальше

которыхъ его мыслей, его работа въ цѣломъ представляетъ, по нашему мнѣнію, самое крупное изъ всего, что мы имѣемъ по вопросу о теоріи цѣнности Маркса не только въ русской, но и въ западно-европейской литературѣ. Насъ особенно радуетъ, что, несмотря на полное различіе въ исходныхъ точкахъ и концепціяхъ работъ, нѣкоторые взгляды П. Б. Струве очень приближаются къ мыслямъ, развиваемымъ нами въ предлагаемомъ этюдѣ.

излагаетъ, онъ понимаетъ подъ „логическихъ фактомъ“ абстракцію, необходимую при экономическомъ изслѣдованіи, извѣстную гипотезу, облегчающую пониманіе дѣйствительности. Именно, для того, чтобы сравнивать между собой товары, для того, чтобы отвлечься отъ качественныхъ ихъ различій, надо представить себѣ ихъ въ качествѣ продуктовъ абстрактнаго человѣческаго труда. Это-то представленіе и образуетъ основу понятія цѣнности, или, точнѣе, это представленіе Зомбартъ называетъ цѣнностью.

Почему однако именно *трудъ*, а не какое нибудь другое качество играетъ описанную роль? Потому—отвѣчаетъ Зомбартъ—что затрата общественнаго труда на производство товаровъ есть въ экономическомъ отношеніи объективно важнѣйшій фактъ въ товарахъ. „Очевидно, хозяйственное существованіе людей, ихъ матеріальная культура обусловлена количествомъ хозяйственныхъ благъ, находящимся въ данное время въ ихъ распоряженіи, а это послѣднее, въ свою очередь, *если отвлечься отъ всѣхъ побочныхъ обстоятельствъ и предположить равными естественныя условія производства, главнымъ образомъ* (курсивъ нашъ), зависитъ отъ развитія общественной производительной силы труда“. „Понятіе цѣнности по существу (in materieller Bestimmtheit) у Маркса есть не что иное, какъ экономическое выраженіе факта общественной производительной силы труда, какъ основы хозяйственнаго существованія“ [1]).

Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ соображенія Зомбарта составляютъ дѣйствительно толкованіе теоріи цѣнности Маркса, за которое онъ ихъ выдаетъ; по нашему мнѣнію, по меньшей мѣрѣ несомнѣнно, что Марксъ ставилъ зада-

[1]) Werner Sombart „Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx“, Braun's Archiv 1894, B. 7., s. 573—576.

чей теоріи цѣнности и объясненіе другихъ явленій, кромѣ указанныхъ Зомбартомъ. Гораздо важнѣе однако вопросъ о значеніи теоріи Зомбарта по существу.

Въ этомъ отношеніи недостатки ея настолько ясны, что намъ достаточно коротко ихъ перечислить: [1])

1) Прежде всего понятіе „логическаго факта“ отнюдь не отличается требуемой ясностью. „Мышленіе теоретика экономиста“ есть „убѣжище“ для всѣхъ вообще теорій, а не составляетъ привилегіи теоріи цѣнности Маркса, и притомъ „мышленіе“ можетъ служить „убѣжищемъ“ для теоріи, только если она имѣетъ соотвѣтствующее же „убѣжище“ въ фактахъ. Правда, философія знаетъ т. наз. регулятивные принципы, т. е. вспомогательныя гипотезы, сущность которыхъ лежитъ въ ихъ значеніи для объясненія явленій, а не въ ихъ реальности. Но, во-первыхъ, возможность пользоваться этими принципами не только въ теоріи познанія, но и въ частныхъ областяхъ изслѣдованія подлежитъ еще большому сомнѣнію; во-вторыхъ же, эти регулятивные принципы не менѣе, чѣмъ принципы конститутивные, находятся въ соотвѣтствіи съ конкретными фактами; задача теоріи, по отношенію къ этимъ принципамъ, заключается не въ доказательствѣ ихъ вѣрности, *несмотря на ихъ противорѣчіе фактамъ*, а лишь въ характеристикѣ ихъ, какъ регулятивныхъ принциповъ, *не смотря на ихъ соотвѣтствіе фактамъ*. Поэтому то „убѣжищемъ“ для гонимыхъ фактами теорій регулятивность ихъ служить не можетъ.

2) Если не желать внести въ вопросъ терминологической путаницы, то подъ теоріей цѣнности можно подразумѣвать только объясненіе явленій, которыя *принято называть цѣнностью*. Положимъ, что представлять себѣ блага въ видѣ продуктовъ труда необ-

[1]) Лучшую критику далъ Бемъ-Баверкъ въ приложеніи къ цитированной уже нами статьѣ: Zum Abschluss des Marx'schen Systems.

ходимо для изслѣдованія хозяйственныхъ явленій; въ такомъ случаѣ мы установимъ трудовую теорію изслѣдованія хозяйства, или какую либо другую трудовую теорію, но во всякомъ случаѣ не трудовую теорію цѣнности. Если для теоріи цѣнности устанавливается новый объектъ, то должны быть точно указаны тѣ основанія, которыя позволяютъ подвести этотъ объектъ подъ понятіе „цѣнности“, и основанія эти могутъ лежать только въ связи этого объекта съ явленіями, обычно называемыми „цѣнностью“. Если эти основанія не приведены, то мы имѣемъ право считать присвоеніе какой либо данной теоріей званія „теоріи цѣнности“ произвольнымъ и потому неправомѣрнымъ.

3) Представленіе хозяйственныхъ благъ въ качествѣ „продуктовъ труда“, эта абстракція, которую Зомбартъ *называетъ* цѣнностью, отнюдь не необходима для внесенія единства въ изслѣдованіе хозяйственныхъ благъ, т. е. для возможности сравненія ихъ между собой. Такую же роль можетъ играть и ихъ свойство быть полезностями, или то, что они имѣются въ недостаточномъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей количествѣ, или то, что они находятся въ собственности и т. д., и т. д. Какое изъ этихъ свойствъ дѣйствительно составляетъ ту общую „субстанцію“, которая даетъ возможность сравнивать между собой товары—этотъ вопросъ можетъ рѣшить не „мышленіе“ экономиста, какъ нѣчто независимое отъ фактовъ дѣйствительности, а только изслѣдованіе фактическихъ отношеній. Такимъ образомъ, Зомбартъ собственно предполагаетъ уже трудовую теорію цѣнности обоснованной на фактахъ и только путемъ такого petitio principii можетъ изобрѣсти для нея „убѣжище“ въ „мышленіи“ экономиста.

4) Это ясно обнаруживается въ концѣ аргументаціи. Товары, какъ оказывается, надо представлять себѣ въ видѣ продуктовъ труда потому, что затрата труда

на нихъ есть ихъ объективно-важнѣйшее качество. Дѣло въ томъ, что „*если отвлечься отъ всѣхъ побочныхъ условій и предположить равнымъ естественныя условія производства*“, то матеріальная культура людей зависитъ „*главнымъ образомъ*“ отъ общественной производительной силы труда. Бѣдность аргументаціи для такого мыслителя, какъ Зомбартъ, прямо поразительна. Трудовая теорія цѣнности оказывается по-просту весьма наивной трудовой теоріей богатства, по которой,— „если отвлечься“ отъ всего прочаго — обладаніе извѣстной суммой труда для людей — очень важно. „Если отвлечься“ отъ затраты труда, какъ условія производства, то также легко можно доказать, что обладаніе землей „главнымъ образомъ“ опредѣляетъ матеріальную культуру людей, и что поэтому „объективно-важнѣйшее“ свойство товаровъ есть ихъ свойство быть продуктами природы, откуда слѣдовало бы — таковъ логическій скачекъ, аналогичный Зомбартовскому — что природа есть „источникъ цѣнности“.

Мы не намѣрены однако отрицать всякое значеніе за работой Зомбарта. Въ его мысляхъ кроется несомнѣнно зерно истины. Не только его категорическое отрицаніе трудовой теоріи *мѣновой цѣнности* безусловно справедливо, но также правильна въ принципѣ и его попытка, по образцу Маркса, обосновать трудовую теорію *цѣнности*—причемъ подъ цѣнностью подразумѣвается нѣчто иное, чѣмъ мѣновое отношеніе между товарами—на анализѣ общественнаго хозяйства, какъ единаго цѣлаго. Бѣдность аргументаціи у Зомбарта не мѣшаетъ ему прозрѣвать вполнѣ справедливую мысль, которой ему однако не удалось точно формулировать.

Если Зомбартъ ясно сознавалъ трудности изслѣдуемаго имъ вопроса, то далеко не то же нужно сказать объ одной русской попыткѣ толкованія Маркса—

мы разумѣемъ попытку г. Булгакова [1]). Толкованіе г. Булгакова, хотя построено въ формальномъ отношеніи независимо отъ Зомбарта, по существу однако имѣетъ много общихъ съ нимъ чертъ. Однако г. Булгаковъ подходитъ къ рѣшенію вопроса гораздо смѣлѣе.

Объясненіе г. Булгакова крайне просто. Онъ исходитъ изъ указанія на наличность особаго объекта у каждой науки и на необходимость самостоятельнаго изслѣдованія каждаго такого объекта. Объектъ соціальной науки вообще онъ видитъ въ изученіи общественныхъ отношеній людей, объектъ политической экономіи, какъ особаго отдѣла соціальной науки, въ изученіи общественныхъ отношеній, возникающихъ на почвѣ совмѣстнаго труда. Почему однако экономическія явленія тождественны съ общественнымъ сочетаніемъ труда? Въ pendant къ Зомбарту г. Булгаковъ отвѣчаетъ: „Существованіе человѣка обусловлено наличностью извѣстнаго количества матеріальныхъ благъ. Эти блага онъ пріобрѣтаетъ, затрачивая извѣстное количество труда. Трудъ является, такимъ образомъ, вѣчной необходимостью для человѣка, вѣчнымъ посредникомъ между нимъ и природой“. Отсюда слѣдуетъ, что съ *экономической* точки зрѣнія, цѣнность есть не только правило обмѣна, но и извѣстное общественное отношеніе, именно извѣстная форма сочетанія общественнаго труда. Далѣе, отсюда же слѣдуетъ, что „явленія товарнаго обмѣна... являются постольку экономическими, поскольку въ нихъ выражается общественное сочетаніе труда. Въ этомъ смыслѣ *трудовая* теорія цѣнности должна быть принята уже a priori и есть частный случай изученія общественныхъ отношеній съ опредѣленной экономической точки зрѣнія, способъ

[1]) О нѣкоторыхъ основныхъ понятіяхъ политической экономіи. Научн. Обозр. 1898, № 2.

конституированія экономическихъ явленій. Она есть необходимый реквизитъ *экономическаго* познанія. На экономическомъ языкѣ *цѣнность* и *трудовая цѣнность* синонимы“ (курс. подл.) [1]). Все остальное является выводомъ отсюда. Такъ, напр., вопросъ о точномъ мѣрилѣ мѣновой цѣнности для экономической науки не имѣетъ никакого интереса, потому что онъ не связанъ съ изслѣдованіемъ общественной формы соединенія труда. Поэтому и обмѣнъ непропорціонально труду не служитъ противорѣчіемъ трудовой теоріи. Онъ означаетъ лишь, что къ дѣйствію одной общественной формы соединенія труда, при которой каждый производитель получаетъ долю общественнаго труда, равную заключающей въ его продуктахъ долѣ, присоединяется дѣйствіе другихъ общественныхъ формъ (таково нарушеніе закона трудовой цѣнности стремленіемъ капиталовъ къ равному уровню прибылей или наличностью цѣны у невоспроизводимыхъ предметовъ).

Все это весьма остроумно и до извѣстной степени, какъ и у Зомбарта, основано на прозрѣваніи значенія трудовой теоріи цѣнности. Однако доказанной этими соображеніями трудовая теорія цѣнности считаться не можетъ.

Прежде всего, отожествленіе экономическихъ явленій съ „общественными отношеніями на почвѣ соединенія труда“ совершенно произвольно. Трюизмъ, что „трудъ является вѣчной необходимостью для человѣка“ есть не что иное, какъ перифраза мысли Зомбарта, что при прочихъ равныхъ условіяхъ производство главнымъ образомъ зависитъ отъ труда, и такъ же мало доказываетъ что-либо, какъ и эта послѣдняя. „Вѣчной необходимостью для человѣка“ служитъ вѣдь и, напр., обладаніе землей, и извѣстная форма распредѣленія продуктовъ и т. д. Почему именно трудъ

[1]) Стр. 339.

долженъ служить конститутивнымъ признакомъ экономическихъ явленій,—это остается совершенно недоказаннымъ. Во всякомъ случаѣ, что̀ бы мы ни называли „экономическимъ явленіемъ“, кромѣ труда, имѣются на лицо многія явленія хозяйственной жизни (хотя бы, напр., явленія распредѣленія и потому, между прочимъ, и мѣнового отношенія между товарами и опредѣляющихъ его факторовъ), которыя составляютъ объектъ изученія, все равно, будемъ ли мы наклеивать на это изученіе ярлыкъ „экономическаго“ или нѣтъ.

Далѣе, съ такими выводами изъ чисто формальныхъ опредѣленій, образцомъ которыхъ служитъ трудовая теорія цѣнности въ пониманіи г. Булгакова, дѣло обстоитъ всегда очень рисковано. Формальный моментъ только потому и можетъ служить таковымъ, что совершенно не предрѣшаетъ вопроса о содержаніи явленій, къ которымъ онъ относится. Какъ изъ анализа категоріи бытія нельзя вывести, существуетъ ли данное конкретное явленіе или нѣтъ, какъ на опредѣленіи права нельзя обосновать данную юридическую норму, какъ изъ изслѣдованія формы „долженствованія“ нельзя придти ни къ какимъ опредѣленнымъ этическимъ правиламъ, — точно также вообще изъ всякой формы нельзя вывести соотвѣтствующаго ей содержанія. Положимъ, что трудъ есть дѣйствительно формальный признакъ экономическихъ явленій. Изъ этого мы не можемъ вывести никакой опредѣленной экономической теоріи, не можемъ доказать наличности никакого опредѣленнаго экономическаго факта, потому что любой экономическій фактъ, именно какъ таковой, мирно уживается съ этимъ формальнымъ признакомъ. Въ лучшемъ случаѣ мы получаемъ право поставить передъ теоріей любого экономическаго факта—передъ теоріей цѣнности такъ же хорошо, какъ передъ всякой другой — прилагательное „трудовая“.

Къ опредѣленному содержанію такой титулъ, разумѣется, теорію не обязываетъ.

Отъ теоріи Зомбарта [1]) теорія г. Булгакова невыгодно отличается тѣмъ, что истолкованіе того, что можно бы назвать соціологическимъ значеніемъ трудовой теоріи, г. Булгаковъ, въ противоположность Зомбарту, не только не отдѣляетъ отъ изслѣдованія высоты мѣновыхъ отношеній между товарами, но сознательно смѣшиваетъ воедино и отрицаетъ за послѣднимъ какое бы то ни было самостоятельное значеніе. Это наноситъ ущербъ обѣимъ частямъ теоріи. Характерно въ этомъ отношеніи, что въ двухъ отдѣлахъ своей работы [2]) г. Булгаковъ повторяетъ столь неопредѣленную фразу: „цѣнность не есть правило обмѣна, *точнѣе, не есть только* правило обмѣна“, такъ что читатель остается въ недоумѣніи, что есть цѣнность „вполнѣ точно“. Если цѣнность есть „правило обмѣна“, то необходимо открытіе этого правила, а это г. Булгаковъ считаетъ излишнимъ занятіемъ, достойнымъ только представителей „коммерческаго пониманія цѣнности“. Если же цѣнность не есть правило обмѣна, то что же она такое и какое она имѣетъ отношеніе къ обмѣну?

За отсутствіемъ удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ легко можно было бы придти къ мнѣнію, что трудовая теорія цѣнности вообще не имѣетъ никакого значенія, но что тѣ выводы, которые дѣлаетъ Марксъ изъ своей теоріи цѣнности, можно сдѣлать изъ гораздо болѣе простыхъ и достовѣрныхъ соображеній. Такую приблизительно позицію, по отношенію

[1]) Къ которой, кстати сказать, г. Булгаковъ напрасно относится такъ презрительно, потому что трудовая теорія, какъ „вспомогательное средство нашего мышленія“ у Зомбарта, и она же, какъ „необходимый реквизитъ нашего познанія“ у г. Булгакова, мало отличаются другъ отъ друга.

[2]) Научн. Обозр. 1898, № 2, стр. 338, и уже цитир. нами мѣсто изъ статьи въ Научн. Обозр. 98, № 11.

къ трудовой теоріи цѣнности, занялъ заслуженно прославившійся ученикъ-критикъ Маркса — Бернштейнъ. Бернштейнъ затрогиваетъ вопросъ о значеніи главнѣйшаго вывода изъ теоріи цѣнности Маркса—именно его теоріи прибавочной цѣнности. Онъ указываетъ на то, что насколько понятіе прибавочной цѣнности раздѣляетъ шаткость понятія цѣнности въ примѣненіи ко всему общественному хозяйству, настолько же неоспоримъ фактъ прибавочнаго *труда*, который по существу тождественъ съ „прибавочной цѣнностью". *„Правильна ли или нѣтъ теорія цѣнности Маркса, это для доказательства наличности прибавочнаго труда совершенно безразлично"* [1]). Прибавочный трудъ есть реальный фактъ; несомнѣнно, что часть общества, не затрогивающая лично своего труда на производство, получаетъ въ потребляемыхъ ею продуктахъ извѣстную сумму труда другихъ лицъ. Это отношеніе было особенно ясно въ прежнія эпохи, когда оно не затемнялось представленіемъ о цѣнности. „Гдѣ въ древности и въ средніе вѣка имѣлъ мѣсто прибавочный трудъ, тамъ въ его наличности никто не сомнѣвался... Рабъ былъ, поскольку онъ производилъ для продажи, настоящей машиной прибавочнаго труда, крѣпостной давалъ прибавочный трудъ въ ясныхъ форфахъ барщины, натуральныхъ оброковъ, десятины. Подмастерье цѣхового мастера легко могъ знать, сколько стоитъ его трудъ мастеру и сколько послѣдній беретъ за него съ заказчиковъ. Эта ясность отношеній между заработной платой и цѣной товара господствуетъ еще на порогѣ капиталистическаго періода. Ею объясняются нѣкоторыя поражающія насъ мѣста въ экономическихъ трудахъ того времени о прибавочномъ трудѣ и о трудѣ, какъ единственномъ источникѣ богатства. То, что намъ кажется результатомъ глубо-

[1]) Bernstein, Die Voraussetzungen etc, стр. 42 (курс. подл.).

каго изслѣдованія явленій, было тогда общимъ мѣстомъ. Богатые того времени даже не воображали, что ихъ богатство создано ихъ собственнымъ трудомъ“ [1]).

Какъ ни заманчива простота и убѣдительность вывода Бернштейна, выводъ этотъ, въ сущности, опирается на цѣлый рядъ тѣхъ самыхъ предпосылокъ, доказательство которыхъ объявляется излишнимъ. Прежде всего, какое значеніе можетъ имѣть самъ по себѣ тотъ фактъ, что одна часть общества даетъ другой извѣстную сумму „прибавочнаго“ труда? Это значеніе остается невыясненнымъ, пока не указано, какую роль играетъ трудъ, какъ факторъ производства и цѣнности. Если одна часть общества даетъ другой больше труда, чѣмъ получаетъ отъ нея, то вѣдь вторая даетъ первой больше капитала или больше земли, и мы съ тѣмъ же правомъ могли бы сказать, что рабочіе пользуются „прибавочнымъ капиталомъ“ или „прибавочной землей“ тѣхъ классовъ общества, которымъ они отдаютъ свой „прибавочный трудъ“. Каждый общественный классъ является единственнымъ или, по крайней мѣрѣ, главнѣйшимъ обладателемъ опредѣленнаго фактора производства, и потому, разумѣется, отдаетъ этотъ факторъ производства другимъ классамъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ получаетъ отъ нихъ. Если „прибавочному труду“ Бернштейнъ приписываетъ какое-то особое значеніе, непримѣнимое къ другимъ факторамъ производства, то только потому, что онъ безсознательно предполагаетъ за трудомъ какую-то особенную, въ своемъ родѣ единственную роль въ хозяйствѣ, что во всякомъ случаѣ требуетъ особаго

[1]) Ibid., стр. 39. Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ всѣ второстепенныя замѣчанія Бернштейна о трудовой теоріи цѣнности. Страннымъ образомъ Каутскій въ своей отвѣтной работѣ „Bernstein u. das Programm“ касается только этихъ послѣднихъ, а не основной мысли Бернштейна, изложенной въ текстѣ.

доказательства. Поэтому-то и правильность воззрѣній прежнихъ эпохъ, на которыя ссылается Бернштейнъ, вовсе не очевидна сама собой, такъ какъ и эти воззрѣнія опираются на особое — хотя и не вполнѣ ясное — представленіе объ исключительной роли труда въ общественномъ хозяйствѣ.

Къ тому же выводу насъ приводитъ и другое соображеніе. Опредѣлить, какой слой общества даетъ больше труда, чѣмъ получаетъ, можно вообще только имѣя прочное мѣрило количества труда; а для этого, въ свою очередь, необходимо, чтобы разные роды труда были сведены на одинъ и тотъ же трудъ. Очевидно вѣдь, что часъ труда обученнаго рабочаго и часъ труда чернорабочаго не равны другъ другу, такъ что, если первый въ обмѣнъ, положимъ, за пять часовъ своего труда получаетъ 10 часовъ труда второго, то этотъ послѣдній не далъ ему „прибавочнаго труда“. Кромѣ того, въ этотъ подсчетъ труда, выполняемаго каждымъ общественнымъ классомъ, войдутъ далеко не всѣ виды труда,—не войдетъ, напр., извѣстный „трудъ обрѣзыванія купоновъ“. Такимъ образомъ, для рѣшенія задачи приходится вернуться къ старому вопросу о „производительномъ“ и „непроизводительномъ“ трудѣ, вопросу, который въ сущности сводится на вопросъ о томъ, какіе роды труда создаютъ *цѣнность*. Поэтому-то фактъ „прибавочнаго труда“ очевиденъ только для того, кто заранѣе призналъ: 1) что по крайней мѣрѣ извѣстные роды труда создаютъ цѣнность, и 2) что различные роды труда создаютъ не одинаковую цѣнность, такъ что абсолютныя количества ихъ сравниваться непосредственно между собой не могутъ.

Теорія прибавочнаго труда, если она не сводится на простой трюизмъ, предполагаетъ уже доказанной трудовую теорію цѣнности. Но „цѣнность“ понимается здѣсь уже не въ смыслѣ мѣнового отношенія, которое, очевидно, не имѣетъ никакого непосредственнаго отно-

шенія къ этому вопросу, а въ другомъ значеніи, которое однако остается не разъясненнымъ.

Разсмотрѣнная теорія очень приближается къ ряду теорій, которыя можно было бы назвать трудовыми теоріями богатства. Ввиду ихъ связи съ проблемой цѣнности намъ слѣдуетъ упомянуть и объ нихъ.

Трудовая теорія богатства, т. е. ученіе о томъ, что національное богатство создается трудомъ, такъ же стара, какъ сама наука о хозяйственной жизни. Она встрѣчается не только у противниковъ меркантилизма, напр., Локка и Юма, но и у самихъ меркантилистовъ (Петти, Стюартъ), у которыхъ основныя тенденціи ихъ теоріи мало благопріятствовали такому взгляду. Затѣмъ, съ легкой руки Ад. Смита, у котораго источникомъ богатства поперемѣнно служитъ то „трудъ и земля", то одинъ „трудъ", трудовая теорія богатства стала общимъ мѣстомъ экономической науки.

Въ той неопредѣленной формулировкѣ, въ которой эта теорія обычно встрѣчается, она столь же вѣрна, сколько и безсодержательна. Въ настоящее время нельзя серьезно обсуждать утвержденія вродѣ того, что „богатство создается трудомъ" или что „трудъ есть факторъ производства богатства" и т. д. Въ качествѣ особой разновидности этой теоріи, однако, пользуется большимъ распространеніемъ болѣе опредѣленный и потому болѣе поддающійся критикѣ взглядъ на отношеніе между трудомъ и богатствомъ. Мы разумѣемъ теорію, по которой трудъ есть *единственный источникъ богатства*. Эта теорія, родоначальникомъ которой былъ тоже Смитъ, встрѣчается въ той или иной формѣ у большинства раннихъ соціалистовъ [1]), часто однако и у писателей совершенно противоположнаго міровоззрѣнія, напр., у Макъ-Куллоха, Дестю-де-Траси

[1]) У насъ ее развивалъ *Чернышевскій* въ своихъ «Примѣчаніяхъ къ Миллю».

и др. Несмотря на полное ея противорѣчіе элементарнѣйшимъ даннымъ хозяйственной науки и несмотря на ту неясность понятій, на которой, поэтому, всегда въ концѣ концовъ покоится трудовая теорія богатства, она обладаетъ удивительной живучестью и нерѣдко возрождается у очень трезвыхъ, ничуть не склонныхъ къ неяснымъ фантазіямъ авторовъ. Только для примѣра остановимся на одномъ изъ новѣйшихъ проявленій этой живучести трудовой теоріи богатства, на статьѣ о „Производствѣ“ такого основательнаго ученаго, какъ Лексисъ [1]).

У Лексиса трудовая теорія богатства заключается въ признаніи труда единственнымъ факторомъ производства. „Въ противоположность физіократическому воззрѣнію,—говоритъ онъ,—по которому природа есть единственная реальная производительная сила, новѣйшее ученіе о народномъ хозяйствѣ полагаетъ, что производство обусловливается исключительно личной дѣятельностью человѣка“. Наоборотъ, другія силы, принимающія участіе въ производствѣ, не суть равноправные съ человѣческимъ трудомъ факторы производства; ихъ значеніе исчерпывается тѣмъ, что онѣ увеличиваютъ *производительность* человѣческаго *труда*. Ошибочно, напр., считать, что машины являются самостоятельнымъ факторомъ производства. „Такъ какъ машины совершаютъ тѣ самыя операціи, которыя прежде производились непосредственно рабочей силой человѣка, то легко можно было бы придти къ ошибочному заключенію, что дѣятельность машинъ въ особенности—такъ какъ въ смыслѣ механики она также называется *работой* — стоитъ на одной линіи съ человѣческимъ трудомъ и потому можетъ считаться самостоятельнымъ *производствомъ*. Очевидно, однако, от-

[1]) Handwörterbuch der Staatswissensch., 1-e Auflage, B., V Art «Production» (по русски въ сборникѣ «Промышленность. Статьи изъ Handw. d. Staatsw.», изд. М. Водовозовой.)

ношеніе машины къ производству по существу тожественно съ отношеніемъ силъ природы, проявляющихся въ жизни растеній и животныхъ и руководимыхъ человѣческой рукой орудій... Производительная дѣятельность земледѣльца заключается въ обработкѣ пахоти, въ засѣваніи, въ собираніи жатвы; ростъ хлѣбныхъ злаковъ, обусловленный силами природы, не есть производство въ нашемъ хозяйственномъ значеніи, а лишь условіе и опредѣляющій моментъ производительности труда сельскаго хозяина. Точно также желѣзный топоръ не есть самостоятельный факторъ производства, а лишь вспомогательное средство для увеличенія производительности труда дровосѣка, напр., по сравненію съ первобытными каменными орудіями... Дѣло ничуть не измѣняется, если эти вспомогательныя средства суть не ручныя орудія, а машины". „Это правильное воззрѣніе,—продолжаетъ Лексисъ,—что машины и вообще техническія вспомогательныя средства производства не суть самостоятельные факторы производства, а лишь увеличиваютъ производительность труда, впервые было развито Родбертусомъ, но составляетъ и одну изъ основныхъ мыслей ученія Маркса [1]). Ему противостоитъ обычное ученіе о трехъ самостоятельныхъ факторахъ производства — трудѣ, капиталѣ и землѣ, которое нашло себѣ наиболѣе характерное выраженіе у Сэя... Это воззрѣніе съ объективно-народохозяйственной точки зрѣнія очевидно неправильно. Земля, или природа, и капиталъ ни въ коемъ случаѣ не координированы съ трудомъ въ ка-

[1]) Хотя Марксъ и подчеркиваетъ вездѣ, что трудъ есть единственный источникъ цѣнности, а никакъ не богатства, но въ дѣйствительности, какъ мы старались показать выше, его теорія покоится на этой же предпосылкѣ о трудѣ, какъ единственномъ факторѣ производства, и потому мнѣніе Лексиса о значеніи этого положенія въ ученіи Маркса, несмотря на кажущуюся его неправильность, вполнѣ вѣрно.

чествѣ факторовъ производства, а безусловно подчинены ему. Трудъ есть именно единственный активный факторъ производства; природа доставляетъ лишь матеріалъ для дѣятельности труда, или первоначально свободныя силы, употребленіе которыхъ возможно только черезъ посредство труда. Капиталъ же, какъ объективное явленіе, т. е. какъ совокупность уже произведенныхъ вспомогательныхъ средствъ для производства, вообще не можетъ быть первоначальнымъ факторомъ производства, такъ какъ онъ самъ уже есть продуктъ".

Голословность и неясность выводовъ совершенно не допускаютъ систематической ихъ критики. Ясно только слѣдующее. Если производство понимается въ смыслѣ превращенія предметовъ внѣшняго міра въ такую форму, при которой они могутъ удовлетворять человѣческія потребности, то оно сводится къ извѣстному ряду движеній матеріи, и „факторами" производства служатъ всѣ силы, обусловливающія эти движенія, т. е. силы природы, машинъ и пр. не меньше, чѣмъ мускульная сила человѣка. Дѣленіе на „активные" факторы и „вспомогательныя средства" производства съ этой точки зрѣнія совершенно недопустимо: оно покоится на метафизическомъ представленіи о возможности какихъ то особенно привилегированныхъ „активныхъ" причинъ, въ отличіе отъ причинъ „пассивныхъ", что съ точки зрѣнія теоріи познанія есть безсмыслица. Если же подъ производствомъ понимается что либо иное, если устанавливается извѣстная „народохозяйственная точка зрѣнія" на него, то надо точно выяснить, въ чемъ послѣдняя заключается, и почему именно, стоя на этой точкѣ зрѣнія, трудъ нужно выдѣлить изъ ряда остальныхъ „факторовъ производства"; во всякомъ случаѣ, съ этой точки зрѣнія рѣчь шла бы уже не о *производствѣ* въ указанномъ техническомъ смыслѣ приспособленія предметовъ

внѣшняго міра къ человѣческимъ потребностямъ, а о какомъ либо другомъ хозяйственномъ процессѣ. Объяснять же такое значеніе труда въ общественномъ хозяйствѣ какимъ-то естественнымъ преимуществомъ его, какъ фактора производства, значитъ впадать въ грубый фетишизмъ, неясность котораго тотчасъ же обнаруживается при болѣе или менѣе точной формулировкѣ такого взгляда [1]).

Необоснованность трудовой теоріи богатства обнаруживается также, если мы обратимся къ разсмотрѣнію одного вопроса, который, несмотря на свою кажущуюся курьезность, разрѣшается далеко не просто. На чемъ основано утвержденіе трудовой теоріи цѣнности, что цѣнность создается только трудомъ *людей*? Отчего не можетъ создавать цѣнности, напр., трудъ животныхъ, который, съ чисто-физіологической точки

---

[1]) Подобную же грубо-наивную трудовую теорію богатства мы встрѣчаемъ, напр., у Вагнера въ одномъ изъ ранніхъ изданій его учебника. „Die rechtliche Zulassung des Privateigenthums an Menschen, Kapital und Grundstücken ist die Voraussetzung für die Möglichkeit des Vorhandenseins von *Renten*, als einer Quelle des Privateinkommens einer Person aus der *Arbeit dritter* Personen. Dies wird allerdings in der gewöhnlichen Auffassung des Kapital-und Grundeigenthums und der „daraus" gezogenen Renten bestritten, aber mit Fug höchstens dann, wenn der Eigenthümer *selbst* das Kapital- und Grundstück verwendet und auch hier ist es dann eigentlich nur sein *Arbeits*einkommen, welches sich mit Hülfe der Grundstücke, Kapitalien vergrössert. Bei verpachteten Grundstücken, vermieteten Gebäuden und verliehenen Kapitalien ist es aber immer doch die *Arbeit* des Dritten, des Schuldners, welches die Rente *erarbeiten* müss. Das unpersönliche Kapital und Grundstück giebt *an sich* keine Rente. Die Rente kommt hier nicht eigentlich *aus* dem Kapital u s. w., sondern wird nur für die Ueberlassung der Nutzung des letzteren gezahlt. Triviale Wahrheiten,—deren Consequenzen für die Beurteilung der Eigenthumsordnung und ihrer ökonomischen Folgen aber wichtig ist". (Wagner, Grundlegung въ Handbuch Rau-Wagner, цит. у Книса, der Kredit, 2. s. 336. Имѣется ли подобное мѣсто въ новыхъ изданіяхъ учебника, этого намъ не удалось провѣрить). „Тривіальность" изложенныхъ здѣсь „истинъ" не мѣшаетъ имъ быть ни на чемъ не основанными.

зрѣнія, ничѣмъ вѣдь отъ перваго не отличается? [1]). Очевидно, различіе не можетъ лежать въ какомъ либо особенномъ естественномъ „свойствѣ“ человѣческаго труда по сравненію съ трудомъ животныхъ. Такъ какъ мѣновая цѣнность есть форма распредѣленія дохода въ современномъ обществѣ, то это свойство должно было бы заключаться въ естественной имманентной способности труда людей присваивать себѣ изъ общественнаго дохода долю, соотвѣтствующую произведенной имъ доли общественнаго продукта. Но если всякое вообще распредѣленіе обусловливается не „естественными“ свойствами участниковъ производства, а лишь ихъ сравнительной властью въ общественномъ хозяйствѣ, то и трудъ отнюдь не неизбѣжно долженъ присваивать себѣ соотвѣтствующую его „заслугамъ“ часть общественнаго дохода. Наоборотъ, при хозяйственномъ строѣ, въ которомъ власть надъ производствомъ лежитъ въ рукахъ капитала, „трудъ“ получаетъ долю въ общественномъ доходѣ только потому, что безъ потребленія онъ не могъ бы существовать, а совсѣмъ не потому, что онъ является самъ регуляторомъ распредѣленія; въ этомъ и заключается вѣдь основная черта положенія труда въ современномъ обществѣ. Если Рикардо находитъ, что производство шляпъ и производство людей подчиняется однимъ и тѣмъ же законамъ, если Макъ-Куллохъ полагаетъ, что „каждый человѣкъ, достигшій зрѣлости, можетъ вполнѣ точно разсматриваться какъ машина, на созданіе которой ушло двадцать лѣтъ упорнаго труда и затрата значительнаго

---

[1]) Этотъ вопросъ ставитъ, между прочимъ, г. Слонимскій въ своей критикѣ Маркса. Г. Ратнеръ, въ своей антикритикѣ, возражаетъ на это—простой ссылкой на приведенную въ текстѣ статью Лексиса. Подобныя „возраженія“ посредствомъ ссылки на „авторитетъ“ очень у насъ въ ходу, но „доказать“ они, очевидно, ничего не могутъ.

капитала“ [1]), или если, наконецъ, Бэджготъ замѣчаетъ, что „наемъ человѣка и наемъ лошади суть очевидно тождественные акты; законы, опредѣляющіе денежную цѣнность, совершенно одинаковы въ обоихъ случаяхъ“ [2]), то всѣ эти взгляды вѣдь вполнѣ соотвѣтствуютъ *дѣйствительному* положенію труда въ общественномъ хозяйствѣ, такъ что, какъ справедливо замѣтилъ Марксъ, „цинизмъ лежитъ не въ словахъ, а въ отношеніяхъ“. Отношеніе верховнаго руководителя современнаго общественнаго хозяйства—капитала—къ труду людей совершенно тождественно съ его отношеніемъ къ остальнымъ—одушевленнымъ и неодушевленнымъ—факторамъ производства. Подобно послѣднимъ, трудъ не имѣетъ самостоятельной власти въ общественномъ хозяйствѣ и составляетъ лишь съ точки зрѣнія капиталиста одинъ изъ механическихъ факторовъ производства, все равно какъ рабъ былъ лишь „одушевленной вещью“; точно также и доходъ труда есть лишь одна изъ статей издержекъ производства, ничѣмъ не отличающаяся отъ корма скота и топки машины. Какія же таинственныя силы даютъ человѣческому труду именно въ такомъ общественномъ хозяйствѣ исключительную способность создавать „богатство“ или „цѣнность?“ „Не интересы рабочихъ составляютъ задачу и цѣль производства; эти рабочіе являются... въ настоящее время лишь средствомъ къ цѣли, подобно всякому другому средству производства; они суть лишь необходимое зло, связанное съ обработкой даровъ природы въ интересахъ собственниковъ и доставленіемъ ихъ послѣднимъ въ потребляемомъ видѣ. Враги современнаго общественнаго строя съ особеннымъ удовольствіемъ подчеркиваютъ, что рабочій по отношенію къ производству и вознагражденію за трудъ мало отли-

[1]) Mac-Culloch. The principles of political Economy, 1849, p. 121.
[2]) Bagehot. Economie Studies. London. 1880, p. 209.

чается или даже ничѣмъ не отличается отъ рабочаго скота. И при всемъ этомъ трудъ все-таки долженъ одинъ опредѣлять цѣнность въ настоящее время!“ [1]).

Было бы напрасно возражать противъ этого тѣмъ, что человѣкъ, въ отличіе отъ остальныхъ факторовъ производства, есть членъ общества, и что поэтому только его трудъ есть часть общественнаго труда, такъ что общественнымъ отношеніемъ служитъ также только отношеніе его труда къ вознагражденію, тогда какъ другіе факторы производства вообще „дохода“ не могутъ получать. Изъ понятія общественнаго отношенія, какъ мы уже говорили, нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ о значеніи труда въ хозяйствѣ. Кромѣ того, признаніе или непризнаніе опредѣленнаго субъекта „членомъ общества“ зависитъ отъ правовыхъ, культурныхъ, этическихъ и т. п. взглядовъ людей и есть во всякомъ случаѣ нѣчто независимое отъ фактическаго строя отношеній между людьми; поэтому въ этихъ отношеніяхъ ничто не измѣнится, если мы одному изъ участниковъ производства дадимъ имя „члена общества“, а другому въ этомъ званіи откажемъ. Рабство составляло приравненіе человѣка вещи — независимо отъ юридическаго вопроса, былъ ли рабъ членомъ общества или нѣтъ. Точно также и въ современномъ общественномъ хозяйствѣ *фактическія* отношенія между трудомъ и другими факторами производства остаются прежними, независимо отъ того, что *юридически* или *этически* мы выдѣлимъ носителя „труда“ изъ разряда остальныхъ факторовъ *производства*. Какъ ни вертѣть понятіе человѣческаго труда, его естественныя свойства не даютъ намъ никакого права приписывать ему какую-либо специфическую производительную силу или природную способность присваивать

[1]) Stolzmann. Die Sociale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre. I Theil. Berlin. 1896, s. 329. Къ этой замѣчательной работѣ намъ придется еще вернуться.

себѣ общественный доходъ. Онъ есть одинъ изъ равноправныхъ факторовъ производства и въ качествѣ такового не можетъ самъ по себѣ имѣть никакого притязанія на какія-либо особенныя свойства въ этомъ отношеніи.

Такимъ образомъ, попытки толкованія теоріи цѣнности Маркса къ удовлетворительнымъ результатамъ не привели, и также мало удовлетворительны стремленія обосновать нѣкоторые выводы изъ трудовой теоріи цѣнности на ясно высказанной или только подразумѣваемой трудовой теоріи богатства.

Мы наталкиваемся снова на вопросъ: уничтожается ли этимъ всякое значеніе трудовой теоріи цѣнности?

Утвердительный отвѣтъ, повидимому, напрашивается самъ собой. Нѣкоторыя соображенія, однако, говорятъ противъ него.

Прежде всего, вполнѣ ясно, что не въ трудовой теоріи мѣновой цѣнности лежитъ основное значеніе теоріи Маркса и не изъ нея вытекаютъ наиболѣе важные его выводы. Для того, чтобы обнаружить это, достаточно одного гипотетическаго примѣра. Представимъ себѣ, что всѣ товары обмѣниваются въ точномъ соотвѣтствіи съ сравнительной затратой труда на ихъ производство. Въ такомъ случаѣ, очевидно, трудовая теорія цѣнности вѣрна въ полномъ объемѣ, и, слѣдовательно, вѣрны и выводы изъ нея, главнымъ образомъ, теорія прибавочной цѣнности. Предположимъ теперь, что по нѣкоторымъ причинамъ, напр. благодаря образованію синдикатовъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, законы обмѣна товаровъ между собой радикально измѣняются; въ примѣненіи къ такому хозяйству трудовая теорія *мѣновой* цѣнности является уже неправильной. Падутъ ли однако вмѣстѣ съ ней и всѣ выводы трудовой теоріи цѣнности? Потеряетъ-ли, напр., свое значеніе теорія прибавочной цѣнности? Ни одинъ приверженецъ трудовой теоріи цѣнности съ

этимъ не согласится и поступитъ вполнѣ правильно. Въ самомъ дѣлѣ, законъ обмѣна товаровъ опредѣляетъ собою только порядокъ распредѣленія общественнаго продукта между *отдѣльными* производителями, но никакъ не распредѣленіе продукта между классами. Въ результатѣ предположеннаго нами измѣненія закона мѣновой цѣнности капиталисты только иначе станутъ распредѣлять *между собой* общую сумму извлеченной ими прибавочной цѣнности, точно такъ же какъ рабочіе станутъ иначе распредѣлять между собой общую сумму полученной ими реальной заработной платы. Очевидно однако, что такое измѣненіе въ доходахъ отдѣльныхъ членовъ каждаго класса ничуть не измѣняетъ отношеній между классами. Если прежде, когда капиталисты распредѣляли между собой свой доходъ пропорціонально количеству общественнаго труда, содержащагося въ ихъ продуктахъ, они извлекали, какъ классъ, прибавочную цѣнность изъ труда рабочихъ, то непонятно, въ чемъ измѣняется это экономическое отношеніе, когда они будутъ распредѣлять свои доходы иначе. Ясно, такимъ образомъ, что категорія прибавочной цѣнности независима отъ формы ея распредѣленія. Поэтому и значеніе этого основного вывода изъ трудовой теоріи цѣнности—именно теоріи прибавочной цѣнности—независимо отъ правильности или неправильности трудовой теоріи *мѣновой* цѣнности [1]).

---

[1]) Это сознаютъ даже экономисты, которыхъ въ пристрастіи къ трудовой теоріи цѣнности и къ выводамъ изъ нея заподозрить нельзя. Такъ, напр., Adler, признавъ трудовую теорію цѣнности неправильной, замѣчаетъ, разсматривая примѣръ, аналогичный приведенному въ текстѣ (переходъ отъ одного закона обмѣна къ другому): „*Indess bleibt das Wesen der Kapitalrente an sich hiervon unberührt* (курс. подл.). Ceteris paribus ist die Höhe der in der Nation abfallenden Rente genau dieselbe, wie vorher, ist die Aneignung der Produkte der nationalen Arbeit seitens des Kapitalistenstandes genau so gross, wie vorher". Grundlageu der Marx'schen

Можно возразить, что съ устраненіемъ трудовой теоріи мѣновой цѣнности останется въ силѣ не теорія прибавочной цѣнности, а лишь теорія прибавочнаго труда, подобно тому, какъ въ до-капиталистическія эпохи существовалъ, согласно Марксу, прибавочный трудъ, но не было прибавочной цѣнности. Мы старались уже однако показать, что теорія прибавочнаго труда безсознательно *опирается* на трудовую теорію цѣнности или, по крайней мѣрѣ, трудовую теорію богатства, безъ которыхъ она сводится на простой трюизмъ. Какое право мы имѣемъ вообще представлять товары въ качествѣ продуктовъ одного лишь труда— а на это представленіе сводится теорія прибавочнаго труда,—если трудъ есть лишь одинъ изъ факторовъ производства? То же соображеніе примѣнимо и къ предшествовавшимъ эпохамъ. Что рабъ или крѣпостной давалъ въ своихъ продуктахъ больше труда, чѣмъ получалъ въ продуктахъ своего потребленія, есть банальность, изъ которой нельзя выжать ни одной серьезной мысли, если не знать, какое значеніе имѣлъ трудъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей. Старинная французская поговорка: „духовенство служитъ государству своими молитвами, дворянство своей кровью, а народъ своимъ трудомъ“—наглядно показываетъ, что можно признавать, какъ фактъ, уплату „народомъ“ труда и вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря своеобразному пониманію сравнительнаго значенія „труда“, „крови“ и „молитвъ“, не дѣлать изъ этого факта тѣхъ выводовъ, которые дѣлаютъ современные теоретики прибавочнаго труда.

Если, такимъ образомъ, теорія прибавочной цѣнности не можетъ быть замѣнена теоріей прибавочнаго

Kritik der bestehenden Volkswirtschaft, S. 121. Впрочемъ, на основаніи ученія Адлера это явленіе объяснить невозможно: онъ опирается, въ сущности, также на скрытую трудовую теорію богатства.

труда и если, вмѣстѣ съ тѣмъ, она совершенно независима отъ трудовой теоріи *мѣновой* цѣнности, то, очевидно, должно существовать какое-нибудь другое значеніе понятія цѣнности, безъ котораго невозможно было бы представленіе о „прибавочной цѣнности“. Вмѣстѣ съ тѣмъ остается по крайней мѣрѣ возможнымъ, что трудовая теорія окажется примѣнимой именно къ этому значенію понятія цѣнности. Но въ чемъ же это значеніе можетъ заключаться?

Мы видѣли, что „трудовая цѣнность“ не есть мѣновое отношеніе между товарами. Мы видѣли также, что она не можетъ быть непосредственно обоснована на особыхъ естественныхъ свойствахъ труда, какъ фактора производства; такъ же мало можетъ быть она выведена изъ одного только анализа общественныхъ отношеній между людьми. Словомъ, трудовая цѣнность не есть непосредственный матеріальный фактъ хозяйственной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако она не можетъ быть также и простой регулятивной гипотезой, „вспомогательнымъ средствомъ для изслѣдованія экономиста“, „реквизитомъ экономическаго мышленія“, и тому подобной ученой неясностью, потому что изъ апріорныхъ теоретико-познавательныхъ данныхъ нельзя сдѣлать никакого вывода о содержаніи экономическихъ явленій. Чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, является трудовая цѣнность?

Посмотримъ сперва, что понимали классики и Марксъ подъ словомъ „цѣнность“, помимо понятія мѣнового отношенія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Понятія относительной и абсолютной цѣнности у классиковъ и Маркса.

Мы возвращаемся къ исходному пункту нашей работы—къ выясненію главнѣйшихъ употребительныхъ значеній неопредѣленнаго понятія цѣнности.

Намъ приходилось уже нѣсколько разъ замѣчать, что подъ терминомъ „цѣнность“ большинство экономистовъ подразумѣваетъ не только мѣновую цѣнность, т. е. мѣновое отношеніе между товарами, но также и нѣкоторое другое понятіе. Значеніе этого послѣдняго лежитъ уже не въ отношеніи между двумя или болѣе товарами, которымъ, какъ мы видѣли, исчерпывается значеніе мѣновой цѣнности; оно можетъ означать только извѣстное свойство товара, независимое отъ его отношенія къ другимъ товарамъ, извѣстное свойство его, взятаго въ отдѣльности. Цѣнность въ этомъ послѣднемъ значеніи, которое намъ предстоитъ еще выяснить, можно назвать *абсолютной* цѣнностью въ параллель къ общепринятому термину относительной или мѣновой цѣнности, заключающейся въ отношеніи между товарами.

Эту абсолютность не нужно понимать въ какомъ-нибудь метафизическомъ смыслѣ полной независимости отъ отношенія къ другимъ величинамъ. *Величина* всякаго явленія или свойства—будемъ ли мы измѣрять его положеніе въ пространствѣ, или во времени, его интенсивность или распространенность—опредѣляется

всегда черезъ посредство отношенія къ другому подобному же явленію или свойству, взятому за единицу измѣренія; или, точнѣе, эта *величина* есть не что иное, какъ именно такое отношеніе къ тому, что мы приняли за единицу. Поэтому величина цѣнности—въ какомъ бы значеніи мы ни употребляли это послѣднее понятіе—настолько же предполагаетъ наличность другой цѣнности, взятой за единицу, какъ величина извѣстнаго пространства или промежутка времени—наличность измѣрителей пространства и времени. Съ этой точки зрѣнія *абсолютная* цѣнность можетъ существовать такъ же мало, какъ абсолютная длина, объемъ, долгота и т. д., такъ какъ въ этомъ смыслѣ относительность есть вообще условіе познанія явленій. Несмотря на это, остается различіе между абсолютными и относительными величинами. Въ одномъ случаѣ именно отношеніемъ *опредѣляется количественная сторона* явленія, тогда какъ само явленіе существуетъ независимо отъ его отношенія къ какому-либо другому. Въ другомъ — *внѣ отношенія немыслимо* само явленіе. Подобно тому, какъ физическое тѣло занимало бы извѣстный объемъ даже если бы оно было единственнымъ во всемъ мірѣ—несмотря на то, что величина объема была бы при этомъ неопредѣлима,—точно также мы можемъ представить себѣ цѣнность, величина которой должна опредѣляться отношеніемъ, но которая сама по себѣ составляетъ нѣчто абсолютное, независимое отъ другихъ цѣнностей. Противоположнымъ этому понятію цѣнности служитъ цѣнность относительная par excellence, которая не только по своей величинѣ, но и по своему содержанію состоитъ въ отношеніи двухъ товаровъ другъ къ другу. Эта относительная цѣнность настолько же предполагаетъ наличность по крайней мѣрѣ двухъ товаровъ и поэтому двухъ соотносительныхъ цѣнностей, какъ отношеніе числа семнадцать—пользуемся еще разъ удачнымъ примѣромъ

Джевонса — предполагаетъ наличность другого числа, къ которому первое относится, и, слѣдовательно, наличность обратнаго отношенія послѣдняго къ первому [1]).

Итакъ, подъ абсолютной цѣнностью мы подразумѣваемъ извѣстное свойство товара или блага, какъ такового, т. е. независимо отъ его отношенія къ другимъ товарамъ или благамъ, тогда какъ подъ относительной или мѣновой цѣнностью подразумѣвается самое мѣновое отношеніе между двумя товарами.

Довольно ясно эта противоположность между абсолютной и относительной цѣнностью выступаетъ у родоначальника нашей науки — Адама Смита. У Смита мы можемъ найти цѣлыхъ четыре независимыхъ другъ отъ друга и потому другъ съ другомъ перекрещивающихся дѣленія общаго понятія цѣнности въ широкомъ смыслѣ. Онъ отличаетъ именно 1) „потребительную“ и „мѣновую“ цѣнность, 2) „цѣнность“ и „цѣну“, 3) „реальную“ и „номинальную“ цѣну и, наконецъ, 4) „естественную“ и „рыночную“ цѣну. Изъ этихъ подраздѣленій насъ въ данномъ случаѣ интересуютъ только второе и третье.

Различіе между „цѣнностью“ (value) и „цѣной“ (price) не установлено Смитомъ точно; нерѣдко онъ употребляетъ даже оба термина въ одинаковомъ смыслѣ. Въ другихъ случаяхъ различіе между цѣнностью и цѣной лежитъ у него въ томъ, что подъ „цѣнностью“ подразумѣвается извѣстное свойство или извѣстная способность товаровъ, въ частности способность получить въ обмѣнъ на себя другой товаръ (purchasing power), тогда какъ цѣной въ этомъ случаѣ является самый товаръ, полученный въ обмѣнъ за первый [2]).

[1]) Это обыкновенно упускаютъ изъ виду писатели, настаивающіе на относительности всякаго понятія „цѣнности“. См. напр., *Lexis* Art. Grenznutzen въ Handw. d. Staatsw. Supplementband, I, 1895.

[2]) Въ этомъ смыслѣ онъ употребляетъ оба термина напр., въ слѣдующей фразѣ: „What is the real measure of this exchan-

Иногда однако у Смита выступаетъ гораздо болѣе принципіальное различіе обоихъ понятій. Подъ цѣнностью онъ часто подразумѣваетъ вообще нѣчто независимое отъ обмѣна, именно извѣстное *значеніе* блага для человѣка. Такъ напр., только въ этомъ смыслѣ можно понимать терминъ цѣнность въ извѣстной фразѣ: „Цѣнность блага *для лица*, владѣющаго имъ,... равна количеству труда, которое онъ можетъ благодаря ему купить“. Въ этомъ же смыслѣ понимается цѣнность въ извѣстномъ отрывкѣ, гдѣ Смитъ указываетъ на то, что цѣнность труда для рабочаго всегда одинакова.

Гораздо рѣзче это интересующее насъ значеніе понятія цѣнности выступаетъ въ дѣленіи цѣнности (и цѣны) на реальную и номинальную. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Смитъ сдѣлался, благодаря нѣкоторой неопредѣленности мыслей, родоначальникомъ двухъ противоположныхъ направленій: направленія, признающаго наличность цѣнности только въ обмѣнѣ и потому отождествляющаго ее съ *мѣновой* цѣнностью, и направленія, рѣзко отличающаго мѣновую цѣнность отъ другого вида цѣнности. Различіе между „реальной“ и „номинальной“ цѣнностью Смитъ видитъ иногда просто въ томъ, что первая есть *дѣйствительная*, а вторая *кажущаяся мѣновая цѣнность*. Преимущественно въ этомъ смыслѣ онъ считаетъ трудъ реальной цѣнностью или цѣной всѣхъ благъ: блага, которыя съ перваго взгляда (номинально) обмѣниваются только на блага же, въ дѣйствительности обмѣниваются на трудъ. Такимъ образомъ, понятіе цѣнности здѣсь не выходитъ за предѣлы обмѣна. Эту связь между обмѣномъ и цѣнностью Смитъ стремится установить даже тамъ, гдѣ съ точки зрѣнія здраваго смысла всякій обмѣнъ отсутствуетъ. Такъ напр., въ отрывкѣ, гдѣ идетъ рѣчь о равноцѣнности труда для

geable value; *or*, whetein consist the real price of all commodities“ (B. I, Ch. IV).

рабочаго, Смитъ обосновываетъ эту равноцѣнность тѣмъ, что рабочій за возможность располагать своимъ трудомъ долженъ *уплатить* (lay down) одинаковое количество „спокойствія и счастья“; поэтому то „цѣна, которую онъ платитъ (затрачивая свой трудъ), должна быть всегда одинаковой“. Тутъ мы видимъ, что извѣстное отношеніе, ничего общаго съ обмѣномъ не имѣющее—именно *значеніе* труда для рабочаго, степень, въ которой рабочій долженъ *дорожить* своимъ трудомъ, Смитъ стремится изобразить въ видѣ аллегорическаго обмѣна: рабочій отдаетъ „за свой трудъ“ извѣстную сумму „спокойствія, счастья и свободы“ и потому эта сумма есть *цѣна* труда. Въ такомъ же аллегорическомъ смыслѣ понимается обмѣнъ въ знаменитыхъ словахъ: „Дѣйствительная цѣна всякой вещи, то, что всякая вещь стоитъ въ дѣйствительности человѣку, который желаетъ пріобрѣсти ее, есть усилія и безпокойство (toil and trouble), связанныя съ ея пріобрѣтеніемъ... То, что куплено на деньги или на блага, куплено такъ же на трудъ, какъ и то, что мы добываемъ усиліями нашего собственнаго тѣла... Трудъ былъ первой цѣной, первоначальными деньгами, которыя были уплачены за всѣ блага. Не золотомъ или серебромъ, а трудомъ было куплено первоначально все богатство міра“. (B. I., Ch. V). Здѣсь сознательно смѣшивается обмѣнъ съ производствомъ: затрата труда на производство продукта и обмѣнъ однихъ благъ на другія одинаково объявляются „покупкой“ благъ за трудъ; и трудъ только потому считается основой цѣнности, что онъ *платится* за продукты въ этомъ аллегорическомъ обмѣнѣ между природой и человѣкомъ, что онъ составляетъ „дѣйствительную“ или „первоначальную“ цѣну, за которую было „куплено“ все богатство міра.

Однако, въ этихъ же выраженіяхъ содержится и другой оттѣнокъ мысли. Если трудъ есть цѣна, уплачиваемая за продуктъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ „реальная“

цѣнность блага означаетъ нѣчто независимое отъ обмѣна; она есть всегда цѣнность „для кого-нибудь“, предполагаетъ оцѣнку со стороны человѣка, словомъ, есть *значеніе* продукта для человѣка. Въ этомъ смыслѣ различіе между „номинальной“ и „реальной“ цѣнностью заключается въ томъ, что первая есть просто мѣновое отношеніе къ благамъ, вторая — извѣстное независимое отъ обмѣна значеніе блага, какъ такового. „Номинальная“ цѣнность труда, напр., есть сумма благъ, получаемыхъ въ обмѣнъ за него; „реальная“ его цѣнность, всегда одинаковая для рабочаго, есть его значеніе для рабочаго, какъ извѣстнаго пожертвованія [1]). Милль подмѣчаетъ самую суть этого значенія „реальной цѣнности“, когда говоритъ по поводу мнѣнія Смита о равенствѣ величины этой цѣнности для рабочаго: „Это положеніе,—все равно, допустимо оно или нѣтъ,—само по себѣ окончательно устраняетъ понятіе мѣновой цѣнности, *замѣняя его совершенно инымъ, которое болѣе аналогично потребительной цѣнности*“ [2]).

Тотъ же оттѣнокъ мысли лежитъ и въ другомъ, уже приведенномъ, отрывкѣ. „Реальная цѣна всякой вещи, то, что́ всякая вещь дѣйствительно стоитъ (cost) человѣку, который хочетъ ее пріобрѣсти, это—безпокойство и усилія, связанныя съ ея пріобрѣтеніемъ: Что́ всякая вещь дѣйствительно стоитъ (is really worth-собственно, *„во сколько оцѣнивается“*) человѣку, который пріобрѣлъ ее и который желаетъ пользоваться ею или обмѣнять ее на что-либо иное, это—усилія и безпокойство, отъ которыхъ она его освобождаетъ, и

[1]) Смитъ развиваетъ, впрочемъ, сейчасъ же вслѣдъ за этимъ другое различіе между реальной и номинальной цѣнностью труда, совпадающее съ обычнымъ различіемъ между реальной и денежной заработной платой; онъ самъ, однако, говоритъ, что употребляетъ термины здѣсь „in the popular sense“, въ отличіе, очевидно, отъ подразумѣваемаго имъ болѣе глубокаго дѣленія.

[2]) Осн. пол. экон., пер. Остроградскаго, стр. 510.

которыя онъ можетъ переложить на другихъ людей“ [1]). Здѣсь мѣновая цѣнность, въ смыслѣ мѣнового отношенія, также противопоставляется реальной цѣнности, какъ извѣстному значенію блага для человѣка. Уже одно то, что для характеристики этой реальной „цѣнности“ Смитъ употребляетъ не выраженіе value, а „cost“ и „worth“—въ особенности послѣднее выраженіе всегда употребляется, какъ вѣрно замѣтилъ Марксъ, для обозначенія „*потребительной*“ цѣнности,—показываетъ, что подъ этой реальной цѣнностью дѣйствительно подразумѣвается нѣчто совершенно отличное отъ мѣновой цѣнности и болѣе приближающееся къ понятію потребительной цѣнности.

Во всякомъ случаѣ, однако, съ этимъ послѣднимъ понятіемъ оно не совпадаетъ. Смитъ самъ указалъ, что потребительная цѣнность не стоитъ ни въ какой связи съ мѣновой цѣнностью, тогда какъ „реальную цѣнность“ онъ кладетъ въ основу анализа мѣновой цѣнности. Что же такое эта реальная цѣнность? Опредѣленнаго отвѣта на это у Смита мы не найдемъ. Не говоря уже о томъ, что онъ *употребляетъ* это понятіе въ различныхъ значеніяхъ, онъ вообще нигдѣ не опредѣляетъ его. Мы узнаемъ много о факторахъ, отъ которыхъ зависитъ эта реальная цѣнность, но ничего о ней самой. Именно этотъ недостатокъ привелъ къ тому, что послѣдующіе писатели классической школы не только не развили Смитовскаго дѣленія цѣнности на реальную и номинальную, не только не выяснили точно значенія обоихъ понятій, но скорѣе даже еще болѣе запутали вопросъ, такъ что въ концѣ концовъ „цѣнность“ стала употребляться сразу въ двухъ діаметрально-противоположныхъ значеніяхъ безъ поясняющихъ опредѣленій [2]).

---

[1]) B. I, Ch. V.

[2]) Двоякое значеніе понятія реальной цѣнности у Смита и его послѣдователей было указано Баумштаркомъ: „Er (Ad. Smith)

Очень запутанно, напр., обстоитъ дѣло у столь яснаго въ остальныхъ отношеніяхъ Рикардо.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что Рикардо знаетъ только одну мѣновую цѣнность и только ей одной интересуется, и что при этомъ мѣновая цѣнность для него—что было бы вполнѣ послѣдовательно—тождественна съ мѣновымъ отношеніемъ между товарами. „Мѣновая цѣнность благъ *или* правило, опредѣляющее, сколько дается одного товара въ обмѣнъ на другой"—такова недвусмысленная характеристика понятія цѣнности на первыхъ страницахъ посвященной этому понятію главы у Рикардо. Однако почти безсознательно для него самого у него пробивается и совсѣмъ иной взглядъ на мѣновую цѣнность. Въ самомъ началѣ этой работы мы старались показать, что при точномъ пониманіи мѣновой цѣнности немыслимъ вопросъ о томъ, какой именно изъ двухъ товаровъ, мѣновое отношеніе между которыми измѣнилось, повысился или понизился въ своей мѣновой цѣнности, и, наоборотъ, мѣновая цѣнность какого товара осталась неизмѣнной. Въ основѣ подобной постановки вопроса лежитъ представленіе о цѣнности, какъ о нѣкоторомъ абсолютномъ свойствѣ товара, которое въ мѣновомъ отношеніи подвергается лишь сравненію съ тѣмъ же свойствомъ другого товара; въ дѣйствительности же мѣновая цѣнность именно и есть самое мѣновое отношеніе, и потому для двухъ обмѣнивающихся товаровъ можетъ измѣняться только одновременно и притомъ въ противоположныхъ направленіяхъ. Между тѣмъ у Рикардо мы находимъ постоянныя попытки

verbindet mit dem Ausdruck „*Sachpreis*" zwei verschiedene Bedeutungen, zuerst den Tauschwert, der sich nach der Arbeit bemessen lässt, und dann den nicht in Geld, sondern in Bedürfniss u. Genussmitteln selbst berechneten Preis namentlich der Arbeit. Diese Doppelsinnigkeit hat viele Missverständnisse und Irrthümer in der Volkswirtschaftslehre veranlasst". *Baumstark.* Volkswitschaftliche Erläuterungen vorzüglich über Ricardos System. Leipzig 1838, S. 293.

изслѣдовать, какой товаръ поднялся или понизился въ своей мѣновой цѣнности при измѣненіи мѣнового отношенія. Онъ говоритъ, напр., (въ примѣрѣ о цѣнности хлѣба и труда): „Я нахожу, что... причина измѣненія мѣнового отношенія между хлѣбомъ и другими вещами лежитъ въ томъ, что требуется меньшее количество труда для производства хлѣба; чтобы быть послѣдовательнымъ, я долженъ назвать измѣненіе цѣны хлѣба и труда *паденіемъ ихъ мѣновой цѣнности, а не возвышеніемъ мѣновой цѣнности сравниваемыхъ съ нимъ товаровъ*“. Эта фраза наглядно показываетъ, что для Рикардо мѣновая цѣнность уже перестала быть „правиломъ, опредѣляющимъ, сколько дается одного товара въ обмѣнъ на другой“ или, короче, мѣновымъ отношеніемъ; въ противномъ случаѣ споръ о томъ, „пала ли“ мѣновая цѣнность хлѣба, или „возвысилась“ мѣновая цѣнность сравниваемыхъ съ нимъ товаровъ, былъ бы также безсмысленъ, какъ изслѣдованіе, составляетъ ли три половину шести, или „*наоборотъ*“, шесть есть три, умноженное на два. Очевидно, Рикардо подразумѣваетъ въ подобномъ изслѣдованіи подъ мѣновой цѣнностью не само мѣновое отношеніе, а нѣкоторое абсолютное свойство товаровъ, величина котораго только опредѣляется этимъ отношеніемъ къ другому товару. Нѣкоторыя его выраженія обнаруживаютъ двойственность его пониманія цѣнности. Трудъ онъ считаетъ не только „моментомъ, почти исключительно опредѣляющимъ сравнительную мѣновую цѣнность благъ“, но, *кромѣ того*, и „основой мѣновой цѣнности“ (гл. I, отд. II); мѣновую цѣнность въ смыслѣ отношенія между товарами онъ называетъ часто „относительной“ мѣновой цѣнностью и противопоставляетъ ей мѣновую цѣнность безъ дальнѣйшихъ эпитетовъ или же „реальную“ цѣнность,—все это однако безъ всякой послѣдовательности и постоянства въ терминологіи. Что же такое эта „реальная“ цѣнность, которая образуетъ основу

относительной цѣнности? Искать отвѣта на это у Рикардо было бы дѣломъ еще болѣе тщетнымъ, чѣмъ поиски за тѣмъ же у Адама Смита. Рикардо нигдѣ не даетъ объясненія этому таинственному понятію, хотя повсюду противополагаетъ его понятію мѣнового отношенія. Онъ упрекаетъ, напр., Смита за то, что тотъ видѣлъ „реальное мѣрило“ мѣновой цѣнности въ суммѣ товаровъ, получаемыхъ въ обмѣнъ за данный товаръ, а не въ количествѣ труда, затраченнаго на его производство; при этомъ онъ совсѣмъ не замѣчаетъ, что „реальное мѣрило“ Смита по крайней мѣрѣ предполагаетъ мѣновое отношеніе, тогда какъ его собственное совершенно независимо отъ послѣдняго. Только въ одномъ мѣстѣ (въ главѣ „о цѣнности и богатствѣ“) Рикардо даетъ слабый намекъ на то, что онъ понимаетъ подъ реальной цѣнностью, и притомъ намекъ этотъ содержится не въ его собственныхъ словахъ, а въ одобрительномъ отношеніи къ цитируемымъ имъ словомъ Детю-де-Траси. „Такъ какъ несомнѣнно — говоритъ этотъ авторъ—что наши естественныя и нравственныя способности составляютъ наше единственное первоначальное имущество, то примѣненіе послѣднихъ — какого-либо рода трудъ—есть нашъ первоначальный запасъ, и помощью этого примѣненія создаются всѣ вещи, которыя мы называемъ имуществомъ“. Въ этой довольно темной фразѣ въ скрытой формѣ содержится указаніе на понятіе трудовой цѣнности въ субъективномъ смыслѣ, именно какъ *значенія* для человѣка труда и продуктовъ труда. Этимъ и исчерпывается все; что мы можемъ узнать отъ Рикардо о содержаніи „реальной цѣнности“. Несмотря на то, что онъ постоянно усиленно подчеркиваетъ значеніе этого понятія, онъ сдѣлалъ для его разъясненія менѣе, чѣмъ кто-либо другой.

Единственный авторъ классической школы, который по крайней мѣрѣ чисто внѣшнимъ образомъ не смѣшивалъ въ одну кучу различныхъ значеній поня-

тія цѣнности, былъ Макъ-Куллохъ. Онъ говоритъ, между прочимъ: „Мы должны тщательно различать между мѣновой цѣнностью продукта, или количествомъ продуктовъ или труда, на которые онъ обмѣнивается, съ одной стороны, и *стоимостью* его (*cost*; курс. подл.), или, какъ ее иногда называютъ, его реальной цѣнностью; при этомъ подъ стоимостью (cost) или реальной цѣнностью подразумѣвается количество труда, необходимаго для производства или пріобрѣтенія предмета“ [1]). Въ данномъ случаѣ по крайней мѣрѣ сразу же ясно, что имѣются два рода цѣнности: одинъ есть мѣновое отношеніе, другой — извѣстное абсолютное свойство продукта. Менѣе ясно, въ чемъ заключается это послѣднее. Правда, повидимому, намъ сообщается очень опредѣленно, что реальная цѣнность *есть* стоимость продукта, т. е. сумма труда, потраченнаго на его производство. Несомнѣнно однако, что Макъ-Куллохъ хочетъ этимъ только сказать, что реальная цѣнность *опредѣляется* издержками производства, что она равновелика извѣстной суммѣ труда, а отнюдь не то, что эта реальная цѣнность именно и есть извѣстное количество труда. Это видно, нѣсколькими страницами ниже, изъ словъ самого же Макъ-Куллоха: „Продукты одинаковаго количества труда обладаютъ одинаковой стоимостью и, *слѣдовательно*, *также* (курс. нашъ) одинаковой реальной цѣнностью“ (ib., p. 319).

Тутъ уже непосредственно видно, что „реальная цѣнность“ не *есть* стоимость, а только равновелика ей; вмѣстѣ съ тѣмъ однако видно, что нашъ авторъ, подобно своимъ предшественникамъ, оперируетъ съ по-

[1]) Mac-Culloch, Principles of Political Economy, 4-th edition, 1849, p. 313. Въ русской литературѣ, благодаря терминологіи перваго русскаго изданія I-го тома „Капитала“, укоренилось совершенно неправильное словоупотребленіе. *Стоимость* понималась въ смыслѣ *цѣнности*; мы оговариваемся поэтому, что подъ стоимостью подразумѣваемъ только сумму издержекъ, аналогично нѣмецкому *Kosten* и англійскому *cost*.

нятіемъ, значеніе котораго остается совершенно неизвѣстнымъ. Тогда какъ подъ мѣновой цѣнностью подразумѣвается вполнѣ опредѣленное понятіе мѣнового отношенія, вмѣсто объясненія *значенія* „реальной цѣнности“ намъ подсовывается изложеніе причинъ, опредѣляющихъ ея высоту.

Противоположность между абсолютной и относительной цѣнностью у Смита и Рикардо, быть можетъ, выяснится лучше, если мы отъ нихъ перейдемъ къ другой группѣ писателей, которые подъ цѣнностью понимали только мѣновое отношеніе, и ничего кромѣ него, т. е. признавали одну относительную, а не абсолютную цѣнность. Представителемъ этой группы мы выберемъ Мальтуса, такъ какъ у него это направленіе сказывается особенно рѣзко и притомъ приведено не столько позитивно, сколько въ критикѣ Рикардо.

Въ главѣ о цѣнности „Основаній политической экономіи“ Мальтуса постоянно повторяется одинъ перепѣвъ—его полемика противъ Рикардовскаго смѣшенія яснаго понятія мѣновой цѣнности въ смыслѣ мѣнового отношенія между товарами съ какой-то абсолютной цѣнностью, которая вмѣстѣ съ тѣмъ совпадаетъ со стоимостью производства. „Мы имѣемъ, конечно, возможность—говоритъ Мальтусъ, полемизируя съ Рикардо,—если намъ угодно, назвать реальной цѣнностью товара трудъ, потраченный на его производство; но въ этомъ случаѣ мы придаемъ словамъ значеніе, отличное отъ ихъ обыкновеннаго значенія; кромѣ того, мы при этомъ уничтожаемъ весьма важное различіе между тѣмъ, что̀ извѣстная вещь *стоила* (ce qu'une chose *a coûté*) и тѣмъ, во что̀ она цѣнится (ce qu'elle *vaut*)“ [1]). Мальтусъ полагаетъ, что, „если оставить въ сторонѣ потребительную цѣнность благъ, т. е. ихъ внутреннія качества, дѣлающія ихъ способными удовлетворять

[1]) Principes d'économie politique, traduits par Constancio. Paris. 1820, t. I, p. 57—58.

человѣческія потребности, то терминъ „цѣнность“ не долженъ примѣняться ни къ какимъ другимъ явленіямъ, за исключеніемъ способности вещей обмѣниваться другъ на друга“ [1]). Поэтому понятіе „реальной цѣнности“ въ противоположность „номинальной“ можетъ употребляться только въ смыслѣ мѣнового отношенія къ товарамъ, въ отличіе отъ мѣнового отношенія къ деньгамъ (номинальной цѣнности), но никакъ не въ значеніи какого-либо свойства товара, независимаго отъ обмѣна [2]).

Упрекъ въ смѣшеніи разнородныхъ понятій подъ однимъ терминомъ „цѣнность“ приложимъ, по мнѣнію Мальтуса, и къ Смиту. „Когда товаръ продается по своей „естественной цѣнѣ“, Адамъ Смитъ говоритъ, что товаръ обмѣнивается по своей цѣнности. Я думаю однако, что онъ употребляетъ слово цѣнность въ необычномъ смыслѣ... Пользуясь обычнымъ и настоящимъ значеніемъ слова *цѣнность*, нельзя сказать, что извѣстное количество хлѣба или другого товара не будетъ обладать бо̀льшей цѣнностью, если этотъ товаръ находится въ недостаточномъ количествѣ, хотя бы на его производство не было затрачено ни бо̀льшаго количества капитала, ни бо́льшаго количества труда. *Цѣнность* товара есть именно его рыночная цѣна, а не его „естественная“ или „необходимая“ цѣна; она есть мѣновое отношеніе, а не стоимость производства“ [3]).

Наиболѣе ясно выступаетъ чисто относительный характеръ мѣновой цѣнности у Мальтуса и его протестъ противъ всякаго другого представленія о цѣнности въ слѣдующихъ его замѣчаніяхъ: „То, что вещь стоила, и то, во сколько она цѣнится, суть два совершенно различныхъ понятія; продуктъ, стоющій въ два раза больше прежняго, могъ бы имѣть прежнюю мѣ-

[1]) Ibid, стр. 58.
[2]) Ibid, p. 60.
[3]) Ibid, p. 94.

новую цѣнность, если остальные продукты также стали въ два раза дороже“ [1]). „Если Рикардо не подразумѣвалъ подъ словомъ *цѣнность*, когда онъ употребляетъ его безъ опредѣленія, относительную или мѣновую цѣнность, то онъ несомнѣнно ввелъ насъ, во многихъ частяхъ своего труда, въ грубое заблужденіе; въ такомъ случаѣ онъ не замѣнилъ мѣрила мѣновой цѣнности, которое онъ находитъ неправильнымъ, какимъ-либо инымъ мѣриломъ. Никогда не составляло ни малѣйшей трудности найти мѣрило стоимости производства или цѣнности, если подъ цѣнностью подразумѣвать стоимость вещи. Трудность заключается исключительно въ отысканіи мѣрила реальной мѣновой цѣнности, въ отличіе отъ мѣрила номинальной цѣнности, т. е. цѣны“ [2]).

Оппозиція Мальтуса противъ неясности понятія реальной цѣнности у Смита и Рикардо безспорно вполнѣ правомѣрна. Употреблять терминъ „мѣновая цѣнность“ то въ смыслѣ мѣнового отношенія, то въ смыслѣ нѣкотораго абсолютнаго свойства, измѣряемаго этимъ мѣновымъ отношеніемъ, значитъ вносить въ вопросъ двусмысленность, при которой нельзя надѣяться на правильное его разрѣшеніе; то же примѣнимо и къ термину реальной цѣнности, подъ которой подразумѣвается то сумма продуктовъ, получаемыхъ въ обмѣнъ на данный (въ противоположность номинальной цѣнности, которая здѣсь есть денежная цѣна), то опять таки нѣкоторое свойство продуктовъ, совпадающее съ ихъ стоимостью и не имѣющее уже никакого отношенія къ обмѣну. Въ разборѣ этого послѣдняго понятія, однако, Мальтусъ былъ введенъ въ заблужденіе неясностью терминологіи—или скорѣе неясностью понятій — у критикуемыхъ имъ авторовъ. Подъ реальной

[1]) Ibid, p. 170.
[2]) Ibid., стр. 171.

цѣнностью въ смыслѣ чего-то независимаго отъ обмѣна Рикардо и Смитъ понимаютъ, какъ мы старались показать, не издержки или стоимость производства, а извѣстное *значеніе* продукта для человѣка, только *обусловленное* его стоимостью и *количественно опредѣляемое* послѣдней. Однако такое значеніе понятія реальной цѣнности обнаруживается у этихъ авторовъ настолько смутно и непроизвольно, что оно такъ мало вяжется со всей остальной ихъ системой и настолько не выработано, что протестъ Мальтуса противъ этого значенія, которое онъ считаетъ совершенно излишнимъ, какъ совпадающее съ понятіемъ стоимости производства,—былъ вполнѣ естественъ.

Со времени Рикардо и Мальтуса въ теоріи цѣнности противустоятъ другъ другу два направленія, изъ которыхъ одно настаиваетъ на тождественности понятія мѣновой цѣнности съ понятіемъ мѣнового отношенія и, по стопамъ Мальтуса, отрицаетъ необходимость иного представленія о цѣнности, другое же считаетъ мѣновое отношеніе только мѣриломъ нѣкотораго свойства товаровъ, существующаго и внѣ этого отношенія.

Сознательно большинство англійскихъ экономистовъ стоитъ на точкѣ зрѣнія перваго направленія: Милль является типичнымъ его выразителемъ; непреднамѣренно однако—точь-въ-точь какъ родоначальники второго направленія, Рикардо и Смитъ — многіе изъ нихъ обнаруживаютъ представленія о цѣнности, не совпадающія съ понятіемъ мѣнового отношенія и сводящіяся на представленіе объ абсолютной цѣнности. Такая упорная живучесть этого послѣдняго представленія, несмотря на его постоянное отрицаніе или замалчиваніе со стороны огромнаго большинства англійскихъ экономистовъ, является симптомомъ того, что ему соотвѣтствуетъ какое-то реальное явленіе. И въ самомъ дѣлѣ, представленіе о цѣнности товара, независимой отъ мѣнового отношенія и только обнаружи-

вающейся въ немъ и имъ измѣряемой, безусловно необходимо для объясненія цѣлаго ряда экономическихъ явленій. Въ этомъ нетрудно убѣдиться.

Если Мальтусъ упрекаетъ Смита въ употребленіи выраженій вродѣ „продажи товара по его цѣнности“ и „не по его цѣнности“ и если онъ основываетъ свой упрекъ на томъ, что всякое мѣновое отношеніе уже само есть цѣнность товара въ данный моментъ, такъ что продажа товара выше или ниже его цѣнности есть contradictio in adjecto, то онъ опирается при этомъ на свое личное, одностороннее, представленіе о цѣнности, совершенно расходящееся съ общеупотребительнымъ—если не въ литературѣ, то въ жизни. Представленіе о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи цѣны товара его „реальной“, „дѣйствительной“, „истинной“ цѣнности, слѣдовательно, представленіе о подобной цѣнности, существующей до обмѣна и независимо отъ него, есть одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ и первичныхъ фактовъ, если можно такъ выразиться, хозяйственнаго сознанія людей; по справедливому замѣчанію Прудона, „всѣ безъ исключенія люди сознаютъ разницу между дѣйствительной цѣнностью и рыночной цѣной“. Когда говорятъ, что данный товаръ проданъ или купленъ по его цѣнности или дороже или дешевле ея, когда замѣчаютъ, что данный товаръ „стóитъ“ или „не стóитъ“ своей цѣны, то мы имѣемъ въ такихъ случаяхъ дѣло съ сравненіемъ цѣнности въ смыслѣ фактическаго мѣнового отношенія съ нѣкоторой другою, „настоящей“ или „истинной“ цѣнностью товара, которая можетъ совпасть съ первой, но можетъ и уклониться отъ нея и, стало быть, во всякомъ случаѣ составляетъ логически нѣчто отъ нея отличное. При этомъ нельзя сказать, что подъ такой „настоящей“ цѣнностью понимается обыкновенно только *среднее* мѣновое отношеніе въ отличіе отъ мѣнового отношенія, носящаго въ большей или меньшей степени характеръ

случайнаго. Подъ „настоящей“ цѣнностью товара подразумѣвается всегда извѣстное значеніе его для покупателя, совершенно независимо отъ того, какое количество другихъ товаровъ можно за него получить, и сравненіе цѣны товара съ его „цѣнностью“ состоитъ въ сравненіи *значенія* обмѣниваемыхъ товаровъ. Это видно уже изъ того, что мы можемъ всегда сказать, „стоитъ-ли“ или „не стоитъ“ для насъ данный товаръ его цѣны, хотя бы мы не имѣли ни малѣйшаго понятія объ его обычной мѣновой цѣнности: сравненіе заключается именно въ сравнительной *оцѣнкѣ* значенія для насъ извѣстной суммы денегъ, составляющихъ цѣну даннаго товара, и значенія этого послѣдняго, и это значеніе и есть его „дѣйствительная цѣнность“. Знаменитое „Paris vaut bien une m sse!“ означало, конечно, не то, что Парижъ обыкновенно стóитъ дороже обѣдни, а то, что для Генриха обладаніе Парижемъ имѣло бóльшее значеніе, чѣмъ спокойствіе его религіозной совѣсти [1]).

Необходимость и законность представленія объ абсолютной цѣнности вытекаетъ и изъ другого сообра-

[1]) Особенно ясно выступало представленіе объ абсолютной цѣнности, существующей до обмѣна и только обнаруживающейся въ немъ, у первыхъ теоретиковъ современнаго хозяйства — физіократовъ. „La valeur de ce qu'elle (la classe stérile) vend — замѣчаетъ напр., Quesnay,—existait même dès avant la vente, *puisque dans ces ventes il y a échange de valeur égale pour valeur égale*“, Quesnay, Réponse au mémoire de M. H sur les avantages de l'industrie etc., Oeuvres, éd. Oncken, p. 387. Въ другомъ мѣстѣ еще рѣзче: „*Le prix précéde toujours les achats et les ventes*“. Premier dialogue sur le commerce, ibid., p. 452. Если однако Зиберъ, на основаніи подобныхъ выраженій, имѣвшихъ преимущественно цѣлью доказать „безплодность“ торговли, причисляетъ физіократовъ къ сторонникамъ трудовой теоріи цѣнности, то онъ заходитъ слишкомъ далеко. Опредѣленной „теоріи цѣнности“ физіократы вообще не имѣли, за исключеніемъ развѣ Le Trôsne'a, у котораго („Interêt social“) она носитъ въ высшей степени эклектическій характеръ. (Изъ числа физіократовъ мы исключаемъ разумѣется Тюрго, который имѣетъ совершенно самостоятельную научную физіономію; объ его теоріи цѣнности у насъ будетъ рѣчь ниже).

женія. Мы видѣли уже, что понятіе „суммы цѣнностей“ съ точки зрѣнія относительной мѣновой цѣнности лишено всякаго смысла. Разъ цѣнность есть не что иное, какъ мѣновое отношеніе *между* товарами, то цѣнность всѣхъ товаровъ, вмѣстѣ взятыхъ, есть непонятное выраженіе, нѣчто вродѣ „деревяннаго желѣза“. Гдѣ дѣло не идетъ объ отношеніи между отдѣльными *частями* товарнаго міра, тамъ нѣтъ мѣста для понятія мѣновой цѣнности. Въ лучшемъ случаѣ, слѣдовательно, „сумма цѣнностей“ можетъ означать мѣновое отношеніе суммы товаровъ къ извѣстной суммѣ денегъ, или такое же отношеніе къ извѣстной суммѣ другихъ товаровъ, напр., общаго національнаго продукта одной страны къ національному продукту другой. Между тѣмъ, когда говорятъ о суммѣ цѣнностей, то не подразумѣвается ни то, ни другое отношеніе; „цѣнность“ суммы продуктовъ означаетъ нѣкоторое свойство, которое продолжало бы существовать, даже если бы общество, производящее эту сумму продуктовъ, вело „изолированное хозяйство“, т. е. не имѣло бы мѣновыхъ сношеній съ другими обществами, и если бы вмѣстѣ съ тѣмъ для него было совершенно безразлично мѣновое отношеніе его продукта къ золоту или серебру. Очевидно поэтому, что въ представленіи о „суммѣ цѣнностей“ или о „цѣнности національнаго продукта“— представленіи, для изученія хозяйственной жизни неизбѣжномъ и потому вполнѣ законномъ — подъ цѣнностью опять таки понимается не мѣновое отношеніе товаровъ, а извѣстное абсолютное — въ смыслѣ независимости отъ обмѣна—свойство ихъ.

Посмотримъ теперь, какъ обстоитъ дѣло съ этимъ двоякимъ значеніемъ термина цѣнности у Маркса.

У Маркса понятія мѣновой или относительной цѣнности и той цѣнности, которую мы называемъ абсолютной, рѣзко отдѣлены другъ отъ друга, и въ этомъ заключается его большая заслуга. „Мѣновая

цѣнность—говоритъ онъ—является прежде всего количественнымъ соотношеніемъ, пропорціей, въ которой потребительныя цѣнности одного рода обмѣниваются на потребительныя цѣнности другого рода, отношеніемъ, которое безпрерывно мѣняется въ зависимости отъ мѣста и времени. Мѣновая цѣнность кажется поэтому чѣмъ-то случайнымъ и чисто относительнымъ, а внутренняя, имманентная мѣновая цѣнность — какимъ-то contradictio in adjecto“ [1]). Марксъ считаетъ однако, что такая чисто относительная мѣновая цѣнность есть нѣчто кажущееся, подъ которымъ скрытъ истинный характеръ явленія мѣновой цѣнности.

Замѣтимъ мимоходомъ, что подобный взглядъ на относительную цѣнность, какъ мы старались показать выше, нельзя признать вѣрнымъ. Мѣновое отношеніе между товарами есть вполнѣ реальное явленіе, и открыть законы его необходимо въ такой же мѣрѣ, какъ и законы всякаго другого явленія. Вопросъ, почему такое-то количество одного товара обмѣнивается на такія то количества другихъ товаровъ, имѣетъ своимъ объектомъ именно эту относительную цѣнность и долженъ быть не только рѣзко отдѣленъ отъ всѣхъ другихъ вопросовъ теоріи цѣнности, но и признанъ вопросомъ самостоятельнымъ, требующимъ самостоятельнаго отвѣта, а потому и спеціальнаго изученія. Правда, можетъ оказаться—Марксъ старается показать это—что для разрѣшенія его необходимо сначала знать, что такое абсолютная цѣнность и чѣмъ она опредѣляется; но это указываетъ только на логическую зависимость одного вопроса отъ другого и не наноситъ ущерба самостоятельному значенію каждаго изъ нихъ.

Послѣдуемъ однако далѣе за Марксомъ.

„Мѣновая цѣнность“ такъ, какъ она представляется съ перваго взгляда, т. е. отношеніе между товарами,

[1]) Кар., I, S. 3 (3-е Auflage).

возможно только въ томъ случаѣ, если всѣ товары имѣютъ между собой нѣчто общее—еще до обмѣна—и, стало быть, независимо отъ него. Разсмотрѣннымъ уже нами выше путемъ Марксъ находитъ, что это общее заключается въ томъ, что всѣ товары—продукты абстрактнаго человѣческаго труда. Это ихъ общее свойство и есть ихъ *цѣнность* или, по нашей терминологіи, абсолютная цѣнность, въ отличіе отъ мѣновой цѣнности, въ которой она только обнаруживается. „*Какъ кристаллы общей товарамъ общественной субстанціи* (*именно труда*) *они суть—цѣнности*“ [1]). „То общее, которое обнаруживается въ мѣновомъ отношеніи или мѣновой цѣнности товара, есть, слѣдовательно, ея цѣнность. Въ дальнѣйшемъ ходѣ изслѣдованія мы вернемся къ *мѣновой цѣнности*, какъ необходимому способу выраженія или проявленія *цѣнности*, которую однако надо разсматривать независимо отъ ея формы“ [2]). Дальнѣйшее изложеніе дѣйствительно относится непосредственно не къ мѣновой цѣнности, а къ найденной абсолютной цѣнности, что́ часто оставлялось безъ вниманія, и только объяснивъ содержаніе и опредѣляющіе моменты этой цѣнности, Марксъ переходитъ къ изложенію тѣхъ формъ, въ которыхъ она обнаруживается путемъ сравненія товаровъ между собой. Его извѣстное ученіе о *формахъ цѣнности* сводится именно къ изложенію различныхъ мѣновыхъ отношеній, въ которыхъ проявляется или можетъ проявляться абсолютная цѣнность товаровъ.

Это противопоставленіе другъ другу мѣновой или относительной цѣнности и цѣнности абсолютной составляетъ одну изъ основныхъ мыслей теоріи цѣнности Маркса; яснѣе всего она обнаруживается въ изслѣдованіи соотношенія между измѣненіями абсолютной и

[1]) Ibid., S. 5.
[2]) Ibid, S. 5.

относительной цѣнности. Эти измѣненія въ величинѣ той и другой далеко не совпадаютъ другъ съ другомъ: относительная цѣнность товара можетъ измѣняться, когда его абсолютная цѣнность остается прежней (именно если измѣняется абсолютная цѣнность товара, на который первый обмѣнивается), и наоборотъ, относительная цѣнность можетъ не измѣняться при измѣненіи абсолютной (именно если абсолютная цѣнность другого товара измѣняется въ той же степени и въ томъ же направленіи); наконецъ, измѣненія той и другой могутъ совершаться одновременно, но въ различныхъ направленіяхъ, или же въ одномъ направленіи, но не въ одинаковой степени и т. д. [1]). Изъ этихъ сопоставленій особенно отчетливо видно, что каждая изъ этихъ цѣнностей составляетъ особое явленіе an und für sich. Въ такомъ расчлененіи между абсолютной и относительной цѣнностью заключается, повторяемъ, большая заслуга Маркса: только на этомъ пути можно достигнуть объясненія многихъ сложныхъ явленій цѣнности.

О содержаніи абсолютной цѣнности мы узнаемъ однако немного. Правда, Марксъ подробно объясняетъ, почему и въ какомъ смыслѣ эта цѣнность состоитъ въ свойствѣ товаровъ быть продуктами труда. Ясно, однако, что положеніе: „цѣнность *есть* общественный трудъ, затраченный на производство товара“ — не есть *опредѣленіе* понятія абсолютной цѣнности. Въ немъ указывается лишь на то свойство товара, *съ которымъ связано* или *которымъ обусловлено* его обладаніе цѣнностью. Это вытекаетъ хотя бы изъ того, что, по мнѣнію Маркса, въ прежнія эпохи, при отсутствіи товарнаго хозяйства, товары не обладали цѣнностью, хотя и были продуктами труда не въ меньшей степени, чѣмъ теперь. Для того, чтобы понять, что такое абсо-

[1]) Ibid., S. 20—22.

лютная цѣнность въ системѣ Маркса, мы должны еще разъ вернуться къ его анализу общественнаго хозяйства и его современной формы.

Вспоминая, что характерную черту современнаго хозяйственнаго строя Марксъ усматриваетъ въ отсутствіи сознательнаго общественнаго контроля надъ трудомъ членовъ общества, несмотря на общественный характеръ этого труда. Люди не вступаютъ заранѣе въ соглашеніе между собой, какіе продукты и въ какомъ количествѣ должны быть произведены; только послѣ окончанія производства общество рѣшаетъ, былъ ли трудъ даннаго его члена общественно-необходимымъ трудомъ, т. е. составлялъ ли онъ часть общественнаго труда, затраченнаго на необходимые для общества продукты. Это рѣшеніе производится посредствомъ обмѣна товаровъ другъ на друга. Признаніе обществомъ извѣстнаго труда общественно-необходимымъ выражается въ обмѣнѣ его продукта на продукты другихъ частей общественнаго труда. Такимъ образомъ, члены общества сносятся между собой не непосредственно, а черезъ посредство своихъ продуктовъ. „Отношенія между людьми замѣняются отношеніями между вещами“. Общественный контроль надъ производствомъ и распредѣленіемъ совершается въ формѣ *признанія или непризнанія за даннымъ товаромъ свойства быть продуктомъ общественнаго труда*, а это признаніе въ свою очередь дѣлается черезъ посредство обмѣна на другіе продукты, т. е. мѣнового отношенія между товарами. Современная форма общественнаго хозяйства приводитъ, такимъ образомъ къ необходимости приписывать товарамъ особое свойство, именно свойство быть продуктами общественнаго труда. Въ этомъ, перенесенномъ на товары, отношеніи между людьми и лежитъ ихъ цѣнность. *Цѣнность* (абсолютная) *товара*—такъ могли бы мы опредѣлить — *есть его свойство посредствомъ обмѣна на другіе товары обнаруживать вели-*

чину общественнаго труда, затраченнаго его производителемъ. Мѣновая цѣнность же есть самое мѣновое отношеніе, въ которомъ проявляется абсолютная цѣнность.

Выше мы разсматривали эту теорію, поскольку ею обосновывается теорія мѣновой цѣнности; здѣсь намъ остается оцѣнить ее съ точки зрѣнія ея значенія для выясненія понятія абсолютной цѣнности.

Самымъ характернымъ моментомъ абсолютной цѣнности въ пониманіи Маркса является ея тѣсная связь съ мѣновой цѣнностью. Марксъ, правда, рѣзко отличаетъ одну отъ другой, какъ *понятія; фактически* однако явленія, соотвѣтствующія этимъ понятіямъ, согласно его взгляду, нераздѣльно слиты другъ съ другомъ. Абсолютная цѣнность есть не что иное, какъ способность товара имѣть мѣновую цѣнность; она есть *потенціальная мѣновая цѣнность*. Отсюда послѣдовательно вытекаетъ, что и величины той и другой находятся въ тѣснѣйшей связи другъ съ другомъ: если мы отвлечемся отъ рыночной цѣны, которая съ точки зрѣнія общественнаго хозяйства есть чисто случайное мѣновое отношеніе, устанавливающееся между товарами только на время, пока общество, путемъ установленія средней цѣны, не опредѣлитъ суммы общественнаго труда, потраченнаго на производство товара, — то мѣновая цѣнность и будетъ реальнымъ выраженіемъ абсолютной.

Въ такомъ случаѣ однако теорія абсолютной цѣнности у Маркса раздѣляетъ всю недостаточность обоснованія теоріи мѣновой цѣнности. Мы старались выше показать, что у Маркса осталось невыясненнымъ, почему одинъ лишь трудъ подвергается учету со стороны общества, и что вмѣстѣ съ тѣмъ — предполагая первое доказаннымъ—учетъ труда, потраченнаго на различныя отрасли общественнаго производства, независимъ отъ процесса распредѣленія продукта и, слѣ-

довательно, не требуетъ распредѣленія продукта пропорціонально сравнительной затратѣ труда. Всѣ эти упреки могутъ быть отнесены и къ теоріи абсолютной цѣнности. Остается недоказаннымъ ни то, что абсолютная цѣнность есть вообще „застывшій трудъ“— такъ какъ съ тѣмъ же правомъ можно было бы сказать, что она есть „застывшія силы природы“, участвовавшія въ созданіи продукта,—ни то, что способность товаровъ къ обмѣну на другіе—а въ этой способности и состоитъ абсолютная цѣнность — количественно опредѣляется сравнительной затратой труда; если даже общество дѣйствительно учитываетъ, сколько общественнаго труда было потрачено на производство каждаго изъ необходимыхъ ему продуктовъ, то такая, такъ сказать, общественная отмѣтка на товарѣ вовсе не создаетъ ему способности обмѣняться на соотвѣтствующее количество общественнаго труда: сумма труда, на которую онъ обмѣняется, не находится въ непосредственной зависимости отъ той суммы, которая, по признанію общества, была на него затрачена, и не тождественна съ послѣдней.

Такимъ образомъ, та тѣсная связь, которую Марксъ установилъ для общихъ видовъ цѣнности, хотя и способствовала *формальному уясненію* понятія абсолютной цѣнности, но *матеріально* ухудшила содержаніе послѣдняго, поставивъ его на шаткій базисъ, на которомъ покоится теорія мѣновой цѣнности.

Такъ однако обстоитъ дѣло только въ первомъ томѣ „Капитала“. Дополненія къ теоріи цѣнности, сдѣланныя въ 3-ьемъ томѣ, существенно измѣнили положеніе дѣла. Какъ извѣстно, въ 3-ьемъ томѣ было показано, что не только рыночная цѣна, но и средняя или необходимая мѣновая цѣнность количественно не совпадаетъ, и притомъ постоянно, съ абсолютной цѣнностью. „*Товары не обмѣниваются другъ на друга по своей цѣнности*“. Одна эта фраза, которая резюмируетъ

содержаніе теоріи цѣнности 3-ьяго тома „Капитала“, вноситъ коренной переворотъ въ представленіе объ абсолютной цѣнности. Изъ нея вытекаетъ, что цѣнность *не есть* способность къ обмѣну, что она есть нѣчто отличное отъ потенціальной мѣновой цѣнности, иначе невозможно было бы отклоненіе одной отъ другой. Но изъ нея вытекаетъ и еще нѣчто большее. Все обоснованіе теоріи абсолютной цѣнности изъ отношеній общественнаго производства и распредѣленія оказывается неправильнымъ или, по крайней мѣрѣ, не исчерпывающимъ вопроса. Учетъ общественнаго труда, затраченнаго отдѣльными производителеми, и признаніе факта затраты извѣстнаго количества общественнаго труда путемъ предоставленія производителю права на соотвѣтствующее же количество, выраженное въ другихъ продуктахъ, совершаются посредствомъ мѣновыхъ отношеній товаровъ другъ къ другу. Конкурренція, устанавливающая эти отношенія, есть при современной общественной формаціи единственная инстанція этого общественнаго контроля надъ хозяйствомъ. Если однако абсолютная цѣнность можетъ постоянно не совпадать съ мѣновой, то она уже не есть способность обнаруживать величину общественнаго труда, такъ какъ эта способность состоитъ именно въ способности обмѣниваться въ извѣстной пропорціи на другіе товары. Абсолютная цѣнность оказывается, такимъ образомъ, чѣмъ-то вполнѣ независимымъ отъ общественнаго контроля надъ производствомъ; послѣдній опредѣляетъ собою только мѣновую цѣнность (если вообще опредѣляетъ!). Только мѣновая цѣнность и есть вообще „отношеніе между вещами“, и поэтому только подъ ней можетъ скрываться „отношеніе между людьми“. Абсолютная же цѣнность, которая *не проявляется* въ отношеніи между товарами, становится нѣкоторымъ Ding an sich, явленіемъ не отъ міра сего, наличность и размѣры котораго вполнѣ независимы отъ того, какъ

распредѣляется фактически общественный продуктъ между производителями, какое практическое достоинство общество признаетъ за отдѣльными членами товарнаго міра.

Такое положеніе абсолютной цѣнности вытекаетъ и изъ другого факта, установленнаго теоріей цѣнности 3-ьяго тома. Мы уже видѣли, что цѣнность Марксъ считаетъ принадлежностью не только отдѣльнаго товара, но и цѣлой суммы товаровъ, вмѣстѣ взятыхъ. И притомъ цѣнность суммы товаровъ, цѣнность всего національнаго продукта имѣетъ гораздо болѣе реальное значеніе, чѣмъ цѣнность единичнаго товара. Тогда какъ послѣдняя остается какимъ-то трансцендентнымъ свойствомъ, которое не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на реальныя мѣновыя отношенія между товарами,— цѣнность всего національнаго продукта, по мнѣнію Маркса, опредѣляетъ и прибавочную цѣнность, и норму прибыли національнаго капитала. Что же такое есть однако эта цѣнность? Она есть прежде всего, конечно, абсолютная цѣнность, такъ какъ составляетъ извѣстное свойство товаровъ и независима отъ ихъ мѣновыхъ отношеній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ этой абсолютной цѣнности далеко не схожъ съ тѣмъ, который былъ изображенъ въ 1-омъ томѣ „Капитала“. Если цѣнность есть свойство *всего* общественнаго продукта и только въ качествѣ такового имѣетъ реальное значеніе, то, очевидно, она уже не тождественна со способностью обмѣняться на другой товаръ и тѣмъ выразить долю участія въ общественномъ трудѣ со стороны производителя даннаго товара. Національный продуктъ, взятый въ цѣломъ, не обмѣнивается вѣдь ни на что иное, или по крайней мѣрѣ не изъ обмѣна черпаетъ свою цѣнность. Онъ не есть въ свою очередь *часть* общественнаго производства; никакое общество (мы оставляемъ въ сторонѣ понятіе мірового хозяйства, которое ничего не объясняетъ, а лишь

усложняетъ дѣло, такъ какъ, если представить „народное хозяйство“ въ видѣ части мірового, то то же самое разсужденіе будетъ примѣнимо къ послѣднему) не контролируетъ и не учитываетъ національнаго производства, какъ *части* производства болѣе широкой группы. Поэтому цѣнность всего національнаго продукта не можетъ означать и общественнаго отношенія между производителями, при которомъ координація общественнаго труда совершается посредствомъ сравненія продуктовъ; такъ какъ общественныя отношенія возможны только *внутри* общества, между его частями, то тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ общественнымъ хозяйствомъ, разсматриваемымъ какъ одно цѣлое, общественныя отношенія исчезаютъ съ поля зрѣнія изслѣдователя; въ хозяйствѣ народа, взятомъ какъ *единое* хозяйство, всѣ общественныя отношенія погашаются, потому что они суть всегда отношенія частей другъ къ другу и къ цѣлому, и *все* общественное хозяйство представляется намъ въ этомъ случаѣ, какъ хозяйство единичнаго субъекта, какъ хозяйство Робинзона на его островѣ. Если однако и въ такомъ хозяйствѣ продукты обладаютъ абсолютной цѣнностью, то это значитъ, что эта цѣнность вообще независима отъ общественныхъ отношеній. Отсюда, далѣе, слѣдуетъ, что абсолютная цѣнность не можетъ вытекать изъ специфической исторической организаціи общественнаго производства; историческія формы общественнаго хозяйства характеризуются различіемъ общественныхъ отношеній между производителями, слѣдовательно, различіемъ въ соотношеніи между *частями* общественнаго хозяйства; характера всего общественнаго хозяйства онѣ не затрагиваютъ. Поэтому абсолютная цѣнность, которая составляетъ категорію послѣдняго, можетъ вытекать только изъ организаціи хозяйства какъ такового, другими словами, изъ технико-психологической стороны послѣдняго. Въ этомъ послѣднемъ значеніи однако аб-

солютная цѣнность въ системѣ Маркса остается явленіемъ совершенно загадочнымъ, наличность котораго мы принуждены допустить, но содержаніе котораго намъ рѣшительно неизвѣстно.

Если мы рекапитулируемъ результаты той ступени анализа, на которой мы сейчасъ находимся, то получаемъ такое положеніе дѣла.

Трудовая теорія мѣновой цѣнности оказывается невѣрной; мѣновое отношеніе между товарами не опредѣляется сравнительной затратой труда на производство товаровъ, или по крайней мѣрѣ не ею одною. Но мѣновая цѣнность не тождественна съ цѣнностью вообще, а составляетъ лишь спеціальный видъ послѣдней; наряду съ ней мы должны допустить наличность абсолютной цѣнности, въ смыслѣ извѣстнаго свойства товаровъ, отличнаго отъ мѣнового отношенія между ними и составляющаго принадлежность каждаго товара въ отдѣльности. У предшественниковъ Маркса мы находимъ только намеки на признаніе подобной цѣнности, но не имѣемъ выясненія ея содержанія. У самого Маркса имѣется выработанная теорія абсолютной цѣнности; однако теорія эта страдаетъ извѣстной двойственностью. Поскольку Марксъ представляетъ себѣ абсолютную цѣнность непосредственно связанной съ мѣновой и составляющей только потенціальную способность къ послѣдней, его теорія абсолютной цѣнности раздѣляетъ всѣ недостатки трудовой теоріи мѣновой цѣнности. Поскольку же у Маркса мы встрѣчаемъ противоположныя указанія на независимость абсолютной цѣнности отъ мѣновой и, слѣдовательно, отъ общественныхъ отношеній производителей, понятіе абсолютной цѣнности выигрываетъ въ матеріальной правильности, но проигрываетъ въ опредѣленности. Теорія абсолютной цѣнности у предшественниковъ Маркса и у него самого не привела, такимъ образомъ, къ прочнымъ положительнымъ результатамъ. Для

уясненія этого загадочнаго понятія мы должны поэтому обратиться къ другимъ теченіямъ экономической теоріи.

Послѣдовательно выработанную теорію абсолютной цѣнности представило только одно направленіе, именно такъ называемая австрійская или психологическая школа. Мы обращаемся поэтому теперь къ ней.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Теорія субъективной цѣнности.

Австрійская или психологическая школа была первымъ направленіемъ, которое указало на необходимость спеціальнаго изученія абсолютной цѣнности и которое вмѣстѣ съ тѣмъ дало стройное ученіе о послѣдней. Такъ какъ насъ интересуетъ здѣсь это направленіе лишь постольку, поскольку оно можетъ дать что-либо новое для трудовой теоріи цѣнности, то мы излагаемъ здѣсь только самыя типичныя и характерныя черты его, оставляя въ сторонѣ всѣ тѣ подробности, которыя съ точки зрѣнія самой психологической теоріи могутъ быть очень важны, но для нашей спеціальной задачи мало существенны [1]).

Подъ „цѣнностью“ въ экономической литературѣ понимались два явленія (если оставить въ сторонѣ смутныя намеки на „реальную цѣнность“): мѣновое отношеніе между товарами и полезность товара; первое называлось мѣновой цѣнностью, вторая—потребитель-

---

[1]) Систематическое изложеніе этой теоріи на русскомъ языкѣ см. въ статьѣ г. *Туганъ-Барановскаго* (Юр. В., 1890, кн. X), а также въ *нашей* статьѣ „Психологическое направленіе въ теоріи цѣнности“, Русск. Бог., 1898, № 8. Во избѣжаніе недоразумѣній мы должны оговориться, что не считаемъ себя связанными взглядами, высказанными въ этой статьѣ, такъ какъ они отразили на себѣ недостаточно критическое отношеніе къ теоріи Маркса.

ной. Эта послѣдняя цѣнность однако представляла собой нѣчто очень странное; о ней упоминали только для того, чтобы сейчасъ же оставить ее въ сторонѣ и заняться исключительно теоріей мѣновой цѣнности. Такое положеніе дѣла объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что само понятіе потребительной цѣнности было чрезвычайно неудачнымъ; оно составляло *названіе* для очень простого качества—именно полезности товаровъ. Легко понять поэтому, что самостоятельной теоріи потребительной цѣнности существовать не могло.

Между тѣмъ, понятіе потребительной цѣнности очень близко подходитъ къ высшей степени плодотворному понятію, которое оставалось всегда незамѣченнымъ. Первоначальное коренное значеніе слова „цѣнность“ — безъ поясняющаго опредѣленія — именно и сводится къ этому понятію. То, что мы разумѣемъ подъ словомъ цѣнность, есть нѣчто, не составляющее исключительной особенности хозяйственныхъ явленій: мы знаемъ наряду съ хозяйственной цѣнностью цѣнность нравственную, цѣнность научную, эстетическую и т. д. Въ этомъ смыслѣ понятіе цѣнности равносильно понятію *значенія*: оно означаетъ то свойство явленія, которое выдѣляетъ въ нашемъ сознаніи послѣднее изъ ряда другихъ, безразличныхъ для насъ явленій, заставляетъ насъ стремиться къ нему, дѣлаетъ для насъ данное явленіе не только объектомъ познанія, но и объектомъ извѣстнаго чувства или желанія. Очевидно, подобная цѣнность не есть собственно внѣ насъ лежащее свойство явленія; она сводится на нашу *оцѣнку* явленія и состоитъ въ нашемъ собственномъ психологическомъ состояніи, въ томъ, что мы *дорожимъ* явленіемъ, считаемъ его для насъ *важнымъ* и т. д. То, что мы выдѣляемъ извѣстную группу изъ безчисленнаго множества явленій міра и по отношенію къ ней не ограничиваемся констатированіемъ наличности (бытія) составляющихъ ее явленій, а, кромѣ того, испы-

тываемъ извѣстное психологическое состояніе, которое превращаетъ эти явленія въ рядъ *цѣнностей* и группируетъ безпорядочный хаосъ явленій, по интенсивности этого состоянія, въ стройную *лѣстницу цѣнностей*,—это составляетъ основной фактъ психической жизни. Какъ это ни странно, на этотъ фактъ, который разъясняетъ наиболѣе существенное въ понятіи цѣнности, политическая экономія не обратила до сихъ поръ вниманія [1]), тогда какъ разговорный языкъ всегда понимаетъ цѣнность именно въ изложенномъ нами смыслѣ: латинское слово *valere*, смыслъ котораго можно передать именно словами *„имѣть значеніе“*, т. е. быть объектомъ не только познанія, но и желанія или чувства, и которое, слѣдовательно, наряду со словомъ *esse* указываетъ на двѣ принципіально различныхъ категорій познанія — констатированія бытія и признанія цѣнности,—это слово вмѣстѣ съ тѣмъ для всѣхъ романскихъ языковъ было родоначальникомъ термина, означающаго хозяйственную цѣнность,—что бы въ частности мы ни понимали подъ послѣдней.

Опредѣлить, почему данное явленіе обладаетъ для насъ цѣнностью, можно въ сущности такъ же мало, какъ опредѣлить, почему колебательныя волны эфира ощущаются нами въ видѣ свѣта, или почему молекулярному движенію матеріи соотвѣтствуетъ въ нашемъ сознаніи ощущеніе тепла. Единственное, что мы можемъ, это констатировать тѣ внѣшніе признаки явленія, которымъ соотвѣтствуетъ то или иное ощущеніе, тогда какъ причина подобнаго соотвѣтствія остается навсегда непонятной.

Обращаясь теперь спеціально къ *хозяйственной цѣнности* въ указанномъ выше значеніи этой послѣд-

[1]) Въ сущности на него не обратила достаточнаго вниманія и психологическая школа. Она скорѣе безсознательно подразумѣваетъ изложенное нами вступительное разъясненіе общаго понятія „цѣнности“, чѣмъ сознательно его развиваетъ.

ней, мы можемъ найти только одинъ признакъ, отдѣляющій ее отъ всѣхъ другихъ цѣнностей. Признакъ этотъ заключается въ томъ, что хозяйственную цѣнность мы приписываемъ предметамъ, по отношенію къ которымъ испытываемъ не только болѣе или менѣе платоническое чувство ихъ важности или значенія, но и желаніе подчинить ихъ своему господству, обладать ими. Поэтому хозяйственной цѣнностью могутъ обладать одни только явленія матеріальнаго міра или, по крайней мѣрѣ, извѣстныя свойства ихъ, тогда какъ нравственной, интеллектуальной, эстетической цѣнностью могутъ обладать и мысль, чувство, поступокъ и т. д. При какихъ же условіяхъ возникаетъ хозяйственная цѣнность?

Для разрѣшенія этого вопроса мы должны сначала разобрать нѣсколько относящихся сюда понятій. Хозяйственной цѣнностью, по общему признанію, могутъ обладать только *блага*, а блага суть предметы, удовлетворяющіе извѣстной потребности. Что же такое потребность?

Въ наиболѣе широкомъ, чисто психологическомъ смыслѣ подъ потребностью подразумѣвается стремленіе къ извѣстному психическому состоянію, называемому чувствомъ удовлетворенности. Это состояніе наступаетъ, когда мы ставимъ себя въ извѣстную связь съ явленіями, которымъ мы приписываемъ цѣнность, т. е. когда эти явленія вліяютъ на наши органы чувствъ. Такимъ образомъ, *потребность* стоитъ всегда въ неразрывной связи съ цѣнностью—не только хозяйственной; она означаетъ именно не что иное, какъ стремленіе къ психическому состоянію, связанному съ послѣдней. Такъ напр., потребность въ красотѣ означаетъ стремленіе къ чувству эстетической удовлетворенности, а послѣднее мы испытываемъ, когда явленія внѣшняго міра, за которыми мы признаемъ эстетическую цѣнность, воздѣйствуютъ на наши органы зрѣнія или

слуха. Въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, въ понятіи „потребность“ не можетъ заключаться разъясненія спеціально хозяйственной цѣнности; послѣднее мы можемъ найти только въ особенностяхъ способа удовлетворенія нѣкоторыхъ потребностей.

Когда черезъ воздѣйствіе на насъ даннаго предмета можетъ быть удовлетворена только опредѣленная величина потребности, такъ что одно удовлетвореніе потребности исключаетъ или уменьшаетъ слѣдующее, то явленіе пріобрѣтаетъ для насъ цѣнность особаго оттѣнка, которую мы называемъ субъективной *хозяйственной цѣнностью*. Въ этомъ случаѣ мы стремимся поставить явленіе въ такое отношеніе къ намъ, чтобы вся сумма удовлетворенія, которую можно получить отъ него, была вполнѣ намъ обезпечена. Сюда относятся, главнымъ образомъ, всѣ предметы матеріальнаго міра, для которыхъ удовлетвореніе какой-нибудь потребности связано съ разрушеніемъ тѣхъ физическихъ или химическихъ ихъ свойствъ, которыя и составляютъ объектъ человѣческой потребности. „Потребленіемъ“ въ экономической наукѣ и называется такое удовлетвореніе потребности, при которомъ уничтожается—полностью или отчасти—объектъ послѣдней. Кромѣ того, сюда же относятся тѣ предметы, которые хотя и не теряютъ окончательно своихъ полезныхъ качествъ при удовлетвореніи человѣческой потребности, но которые только *періодически* возобновляютъ ихъ, такъ что для каждаго даннаго момента сумма потребностей, удовлетворяемыхъ ими, есть величина опредѣленная, хотя полезныя ихъ качества остаются при нихъ постоянно: примѣромъ могутъ служить природныя силы участка земли, которыя хотя и неистощимы, но въ каждый данный моментъ могутъ удовлетворить только опредѣленную величину потребности, напр., въ растительной пищѣ. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, также происходитъ разрушеніе полезныхъ качествъ

предмета при удовлетвореніи потребности, съ тѣмъ только отличіемъ отъ перваго рода предметовъ, что эти качества исчезаютъ только для *даннаго* времени и возобновляются въ будущемъ.

Легко понять, почему при подобныхъ условіяхъ возникаетъ особенная, *хозяйственная цѣнность* явленій. Когда *одно* удовлетвореніе не препятствуетъ другому, когда границы удовлетворенія неопредѣленны, тогда человѣку не нужно принимать никакихъ мѣръ къ *обезпеченію* удовлетворенія своей потребности. Нравственная цѣнность какого-нибудь поступка или чувства, интеллектуальная цѣнность мысли не уменьшаются оттого, что не одинъ, а много людей наслаждаются ими; величина удовлетворенія не обусловлена свойствами самого явленія и не есть величина конечная, которая можетъ только распредѣлиться между различными людьми или нѣсколькими случаями удовлетворенія потребности со стороны одного человѣка. Поэтому при наличности подобныхъ цѣнностей удовлетвореніе потребности въ нихъ eo ipso обезпечено.

Иначе обстоитъ дѣло съ „благами“, т. е. матеріальными предметами, могущими удовлетворить только опредѣленную величину потребности. По отношенію къ нимъ человѣкъ долженъ заботиться о томъ, чтобы полезныя ихъ качества были использованы *цѣликомъ*, и притомъ именно *имъ*, а не кѣмъ-либо инымъ. Человѣкъ долженъ, слѣдовательно, привести эти блага въ такое отношеніе къ себѣ, при которомъ именно *ему* была бы обезпечена *полная* ихъ утилизація, другими словами—онъ долженъ обладать ими. „Хозяйственная цѣнность есть значеніе, которое имѣютъ для насъ отдѣльныя блага или группы благъ, благодаря тому, что мы сознаемъ зависимость удовлетворенія нашихъ потребностей отъ обладанія ими“ [1]).

[1]) Menger, Grundsätze der Volkswirtschaftsletre, 1871, стр. 78.

Впрочемъ, изложеннаго нами условія—способности благъ удовлетворить только опредѣленную величину потребности—еще недостаточно для возникновенія у нихъ хозяйственной цѣнности. Блага могутъ давать удовлетвореніе только опредѣленной суммѣ потребностей, но если эта сумма превышаетъ наличную у людей величину потребностей, то дѣло принимаетъ практически тотъ же оборотъ, какъ если бы величина потребностей, удовлетворяемыхъ даннымъ благомъ, была неопредѣленной. Вода въ рѣкѣ можетъ удовлетворить только опредѣленную сумму потребности въ питьѣ, мытьѣ и пр. Но такъ какъ наличная величина всѣхъ этихъ потребностей у людей, имѣющихъ возможность пользоваться рѣчной водой, никогда не достигаетъ этой суммы, то каждому изъ нихъ обезпечено уже заранѣе удовлетвореніе всей его потребности въ водѣ. Дѣло обстоитъ такъ же, какъ если бы каждая капля воды обладала способностью удовлетворять безконечную сумму потребностей. Такимъ образомъ, хозяйственная цѣнность возникаетъ только тогда, когда сумма потребностей, могущихъ быть удовлетворенными при посредствѣ даннаго блага, не превышаетъ той, которая имѣется у людей, пользующихся этимъ благомъ. Очевидно, что въ противномъ случаѣ удовлетвореніе потребности, хотя и будетъ зависѣть отъ обладанія всей совокупностью даннаго рода благъ, но не будетъ зависѣть отъ обладанія каждой единицей этого блага, такъ какъ имѣется цѣлая масса излишнихъ для удовлетворенія потребности благъ; поэтому-то каждое конкретное благо и не будетъ обладать хозяйственной цѣнностью: пользующееся имъ лицо не заинтересовано въ обезпеченіи своего пользованія.

Отсюда ясно, что хозяйственная цѣнность есть нѣчто отличное отъ обычнаго понятія потребительной цѣнности. Для того, чтобы возникла первая, надо не только, чтобы благо было полезно, но чтобы вмѣстѣ

съ тѣмъ оно было относительно *рѣдко*, т. е. чтобы количество его не превышало того, которое необходимо для удовлетворенія наличныхъ потребностей въ немъ [1]).

Но при этихъ условіяхъ блага не только дѣлаются хозяйственными цѣнностями, въ томъ смыслѣ, что человѣкъ сознаетъ зависимость между удовлетвореніемъ своихъ потребностей и обладаніемъ ими, они превращаются вмѣстѣ съ тѣмъ въ *хозяйственныя блага*. Это значитъ, что они являются исключительными объектами тѣхъ человѣческихъ дѣйствій, совокупность которыхъ называется хозяйственной дѣятельностью и цѣль которыхъ лежитъ въ обезпеченіи удовлетворенія потребностей черезъ посредство матеріальныхъ предметовъ. Только по отношенію къ тѣмъ благамъ, удовлетвореніе потребности въ которыхъ не обезпечено уже заранѣе самой ихъ наличностью, а требуетъ спеціальныхъ заботъ со стороны заинтересованныхъ субъектовъ,—слѣдовательно, только по отношенію къ хозяйственнымъ цѣнностямъ и имѣетъ смыслъ эта дѣятельность. Поэтому всѣ блага, производимыя или распредѣляемыя въ человѣческомъ обществѣ, суть блага, обладающія хозяйственной цѣнностью; по отношенію къ благамъ, лишеннымъ этого свойства, человѣкъ ограничивается пассивнымъ ихъ потребленіемъ.

Отсюда видно, какое выдающееся значеніе имѣютъ явленія хозяйственной цѣнности для анализа общественнаго хозяйства. Это хозяйство непосредственно основывается на цѣнности входящихъ въ его составъ благъ и безъ послѣдней было бы лишено всякаго смысла. Поэтому, если и неправы были писатели, отождествлявшіе политическую экономію съ наукой о

---

[1]) Мы разумѣемъ тутъ количество благъ, находимое въ природѣ безъ затратъ труда со стороны человѣка; производство вноситъ въ положеніе дѣла нѣкоторое усложненіе, о которомъ у насъ рѣчь идетъ ниже.

цѣнности, когда подъ послѣдней подразумѣвалось мѣновое отношеніе между товарами, которое, конечно, въ неразрывной связи съ понятіемъ хозяйства не стоитъ, то такое отождествленіе,—однако, вполнѣ справедливо, если подъ цѣнностью понимается разъясненное выше основное свойство всѣхъ благъ, входящихъ въ процессъ хозяйственной дѣятельности человѣка.

Чѣмъ же опредѣляется высота этой хозяйственной цѣнности? Такъ какъ хозяйственная цѣнность есть не что иное, какъ извѣстное психологическое состояніе, сводящееся къ сознанію зависимости между обладаніемъ данными благами и удовлетвореніемъ потребности въ немъ, то вполнѣ естественно, что чѣмъ сильнѣе, чѣмъ интенсивнѣе соотвѣтствующая потребность, тѣмъ интенсивнѣе выразится и чувство *значенія* или важности для насъ этого обладанія, тѣмъ выше будетъ хозяйственная цѣнность блага. Высота цѣнности блага опредѣляется, такимъ образомъ, интенсивностью той потребности, удовлетвореніе которой зависитъ отъ обладанія этимъ благомъ.

Изложеннымъ собственно и ограничивается важнѣйшее и наиболѣе существенное содержаніе психологической теоріи цѣнности. „Абсолютная цѣнность“, намеки на которую мы находимъ у прежнихъ писателей и которая была не безъ внутреннихъ противорѣчій изложена у Маркса, была найдена психологической школой въ субъективной хозяйственной цѣнности. Она удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ абсолютной цѣнности, на которыя мы натолкнулись выше: она совершенно независима отъ обмѣна и вмѣстѣ съ тѣмъ не вытекаетъ изъ однихъ лишь отношеній частей общественнаго хозяйства другъ къ другу или изъ особенной исторической формы этихъ отношеній; наоборотъ, хозяйственная цѣнность есть основное свойство благъ, вытекающее изъ психологической стороны хозяйства и относящееся не только къ общественному, но и ко

всякому, даже чисто индивидуальному, хозяйству, а потому и независимое отъ исторической формы общественнаго хозяйства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ найденная „хозяйственная цѣнность“ есть дѣйствительно важнѣйшее качество хозяйственныхъ благъ и составляетъ основной фактъ всякаго хозяйства. Пора признать, что *это* открытіе психологическаго направленія составляетъ несомнѣнный вкладъ въ науку.

Но мы не говорили еще ничего о предѣльной полезности, понятіи, которое фактически тѣсно слито у разсматриваемаго направленія съ понятіемъ хозяйственной цѣнности.

Было бы ошибочно думать, что оба эти понятія по самому своему содержанію неизбѣжно должны сливаться воедино, что это собственно не два отдѣльныхъ понятія, а лишь одно понятіе, выражаемое двумя синонимическими терминами. Для того, чтобъ убѣдиться въ неправильности этого мнѣнія, надо обратить вниманіе на ту логическую нить, которая въ разсужденіяхъ психологическаго направленія связываетъ между собой оба понятія.

Высота субъективной цѣнности опредѣляется, какъ мы только что видѣли, интенсивностью той потребности удовлетвореніе которой находится въ зависимости отъ обладанія даннымъ благомъ. Вопросъ этимъ былъ бы окончательно разрѣшенъ, если бы каждое отдѣльное благо способно было удовлетворить только опредѣленную потребность и если бы интенсивность этой потребности была всегда одинакова. Въ дѣйствительности, однако, съ одной стороны, цѣлый рядъ благъ способенъ удовлетворять различныя потребности; такъ напр., вода служитъ одновременно для питья, для мытья, для орошенія и т. д.; съ другой стороны, интенсивность каждой данной потребности есть величина перемѣнная: она уменьшается по мѣрѣ удовлетворенія

потребности. Если, такимъ образомъ, каждому отдѣльному благу соотвѣтствуетъ рядъ различныхъ потребностей, могущихъ быть имъ удовлетворенными, и различныя степени интенсивности одной и той же потребности, то возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: какая изъ многихъ потребностей или какая степень интенсивности данной потребности опредѣляетъ хозяйственную цѣнность блага? На это психологическая школа отвѣчаетъ: если опредѣленное благо служитъ средствомъ къ удовлетворенію различныхъ потребностей или различныхъ степеней интенсивности одной потребности, то низшая по интенсивности потребность приносится всегда въ жертву высшей. Это непосредственно вытекаетъ изъ элементарной психологической аксіомы, что человѣкъ стремится всегда къ максимуму удовлетворенія своихъ потребностей. Отсюда слѣдуетъ, что если въ нашемъ обладаніи находятся нѣсколько экземпляровъ одного и того же блага, то въ зависимости отъ обладанія каждымъ изъ нихъ стоитъ удовлетвореніе низшей изъ всѣхъ потребностей, могущихъ имъ быть удовлетворенными [1]), такъ какъ при потерѣ обладанія однимъ экземпляромъ мы лишимъ себя удовлетворенія этой низшей потребности. Поэтому и хозяйственная цѣнность каждаго экземпляра даннаго блага опредѣляется интенсивностью этой низшей потребности или,—если значеніе блага, какъ средства удовлетворенія потребностей, мы назовемъ полезностью—его *низшей* или *предѣльной полезностью*.

Какъ ни важно это положеніе о зависимости высоты субъективной цѣнности отъ предѣльной полезности и какъ широко ни распространяется дѣйствіе этой зависимости, не трудно видѣть, что она отнюдь не есть

[1]) Терминами „низшая“ и „высшая потребность“ мы для простоты будемъ обозначать мѣсто потребностей по степени ихъ интенсивности, и притомъ какъ различныхъ потребностей, такъ и различныхъ степеней одной и той же потребности.

всеобщій законъ субъективной цѣнности, а лишь важнѣйшій изъ частныхъ законовъ, управляющихъ послѣдней. Дѣло въ томъ, что для осуществленія закона предѣльной полезности необходимъ цѣлый рядъ условій. Прежде всего, онъ обнаруживаетъ свое дѣйствіе только тамъ, гдѣ какое-либо благо можетъ удовлетворить цѣлый рядъ разнородныхъ потребностей или различныхъ степеней одной и той же потребности; наоборотъ, гдѣ родъ и интенсивность потребности, удовлетвореніе которой находится въ зависимости отъ обладанія даннымъ благомъ, составляютъ неизмѣнное и наперед извѣстное данное, тамъ субъективная цѣнность совпадаетъ просто съ полезностью, которая въ этомъ случаѣ не имѣетъ степеней и не можетъ быть „высшей“ или „низшей“. Далѣе, если мы обладаемъ *однимъ* экземпляромъ какого-либо блага, способнаго удовлетворить различныя потребности, то въ зависимости отъ обладанія имъ стоитъ, очевидно, удовлетвореніе не низшей, а высшей потребности, такъ какъ при отсутствіи его остались бы неудовлетворенными всѣ потребности, удовлетворяемыя имъ, а стало быть и высшая потребность. Въ этомъ случаѣ хозяйственная цѣнность блага будетъ опредѣляться не его предѣльной, а его высшей полезностью. Ниже мы увидимъ, что субъективная цѣнность цѣлаго ряда благъ вообще не стоитъ въ связи съ ихъ собственной полезностью— понимая подъ послѣдней тѣ ихъ качества, которыя дѣлаютъ ихъ средствами къ удовлетворенію потребностей —а опредѣляется полезностью другихъ благъ, стоящихъ къ первымъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Въ виду всего этого отождествленіе субъективной цѣнности съ предѣльной полезностью было бы ошибочно. Общій законъ субъективной цѣнности состоитъ только въ томъ, что высота ея опредѣляется интенсивностью потребности, удовлетвореніе которой находится въ зависимости отъ обладанія даннымъ благомъ. Этотъ общій

законъ, въ связи съ другимъ общимъ правиломъ, опредѣляющимъ, что при выборѣ между удовлетвореніемъ различныхъ потребностей, низшая потребность приносится въ жертву высшей — управляетъ субъективной цѣнностью всѣхъ безъ исключенія благъ. Совпаденіе субъективной цѣнности съ предѣльной полезностью есть лишь наиболѣе частый случай въ комбинаціи обоихъ этихъ правилъ, но никакъ не самостоятельный первичный законъ. Опредѣляется ли субъективная цѣнность блага его собственной полезностью, или полезностью другого блага, и, въ обоихъ случаяхъ, низшей или высшей полезностью или же полезностью, не допускающей расчлененія по степенямъ, — все это есть quaestio facti, результатъ дѣйствія общаго закона субъективной цѣнности въ примѣненіи къ каждому отдѣльному случаю [1]).

Изложенное ученіе имѣетъ глубокое соціологическое значеніе, которое далеко еще не выяснено его представителями, главнымъ образомъ, благодаря ихъ одностороннему индивидуалистическому направленію. Такъ какъ спеціальное изслѣдованіе явленій субъективной цѣнности выходитъ изъ предѣловъ настоящей работы, то мы ограничимся краткимъ указаніемъ на

---

[1]) Историко-литературныя причины — протестъ противъ теоріи общей (родовой) потребности (Рау, Книсъ, Гильдебрандтъ) и стремленіе объяснить частые случаи несоотвѣтствія между высотой цѣнности благъ и значеніемъ удовлетворяемыхъ ими потребностей—заставили психологическую теорію выдвинуть на первый планъ ученіе о предѣльной полезности и нерѣдко объявлять эту послѣднюю даже непосредственнымъ *источникомъ* субъективной цѣнности. Въ послѣднее время въ этомъ отношеніи въ психологическую теорію были внесены серьезныя поправки Коморжинскимъ (Komorzinky, Der Wert in der isolierten Wirtschaft. Wien, 1889) и Штольцманномъ («Die Sociale Kategorie in der Volksvirtschaftslehre» 1896). Эти поправки не затрогиваютъ однако существа ученія о субъективной цѣнности, такъ какъ послѣднее, какъ мы старались показать, шире, нежели ученіе о предѣльной полезности.

это значеніе, поскольку выясненіе его необходимо для нашего дальнѣйшаго изложенія.

Субъективная цѣнность есть не что иное, какъ извѣстное психологическое состояніе, которое лучше всего можно охарактеризовать какъ *чувство зависимости*: мы оцѣниваемъ блага, мы приписываемъ имъ цѣнность, такъ какъ сознаемъ зависимость удовлетворенія нашихъ потребностей, т. е. нашего счастія или благополучія, отъ обладанія ими. Это психологическое состояніе, которое наше сознаніе объективируетъ и переноситъ на матеріальные предметы, превращая его въ ихъ свойство, есть однако само не что иное, какъ симптомъ и отраженіе извѣстнаго *объективнаго состоянія зависимости*, въ которомъ мы стоимъ по отношенію къ благамъ. Современная психологія открыла законъ, по которому чувства удовольствія и страданія составляютъ лишь психологически сопровождающій моментъ пользы или вреда для жизни извѣстныхъ физіологическихъ явленій, связанныхъ съ этими чувствами, и интенсивность этихъ послѣднихъ идетъ параллельно величинѣ этой пользы или вреда. Сообразно съ этимъ, и психологическое чувство цѣнности составляетъ лишь субъективную сторону объективнаго значенія извѣстныхъ предметовъ и силъ природы для сохраненія жизни. Отправленіе жизни возможно вообще только въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ предметами и силами природы, и это взаимодѣйствіе психологически является для насъ удовлетвореніемъ потребностей. Гдѣ необходимыя для этого силы природы находятся въ практически неограниченномъ количествѣ, тамъ взаимодѣйствіе организма съ природой или, что то же, удовлетвореніе потребностей заранѣе обезпечено. Въ этомъ случаѣ не возникаетъ специфическое чувство зависимости, которое, какъ мы видѣли, есть источникъ хозяйственной цѣнности. Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимыя силы природы находятся въ огра-

ниченномъ количествѣ, когда, слѣдовательно, требуемое взаимодѣйствіе можетъ быть осуществлено только отчасти, т. е. удовлетвореніе потребностей остается неполнымъ или совершается у одного индивидуума въ ущербъ другому, — возникаетъ чувство зависимости или хозяйственной цѣнности, какъ отраженіе того состоянія зависимости, въ которомъ находится въ этихъ условіяхъ жизнь отъ обладанія этими силами природы. Относительно этого-то разряда силъ природы и ведется борьба за существованіе, въ которой побѣждаетъ только тотъ, кому удается присвоить себѣ необходимую для сохраненія жизни часть ограниченнаго запаса полезныхъ предметовъ и силъ природы. Можно сказать, что хозяйственная цѣнность есть психологическое отраженіе того отношенія къ предметамъ и силамъ природы, въ которомъ эти послѣдніе являются объектомъ борьбы. Отсюда выясняется значеніе *рѣдкости*, какъ одного изъ источниковъ субъективной цѣнности: только относительно рѣдкія блага, наличное количество которыхъ неспособно удовлетворить всѣ имѣющіяся потребности въ нихъ, могутъ служить объектами борьбы, и только обладаніе ими можетъ имѣть значеніе для сохраненія жизни. При такомъ пониманіи явленія субъективной хозяйственной цѣнности не представитъ парадокса утвержденіе, что чувство цѣнности, по крайней мѣрѣ въ элементарнѣйшей его формѣ, не составляетъ исключительной принадлежности людей, а имѣется и у животныхъ. „Можно утверждать, что и у животныхъ... проявляется вѣрное инстинктивное пониманіе (?) цѣнностей (вѣрнѣе было бы сказать: имѣется чувство цѣнности): борьба, происходящая въ средѣ ихъ изъ-за добычи, никогда не ведется ради предметовъ, находящихся въ изобиліи“ [1]).

[1]) *Дюринъ*, Курсъ національной и соціальной экономіи, руск. пер. 1893, стр. 22.

Чувство цѣнности здѣсь есть психологическій регуляторъ отношенія къ предметамъ природы, заставляющій дорожить и ставить въ особенно близкое отношеніе къ себѣ тѣ предметы, которые наиболѣе необходимы для сохраненія жизни и изъ-за которыхъ ведется борьба, совершенно аналогично тому, какъ въ человѣческомъ обществѣ цѣнность есть—пользуемся удачнымъ терминомъ, введеннымъ Gerlach'омъ—условіе хозяйственной дѣятельности.

Ограничиваясь здѣсь этими немногими указаніями, мы переходимъ теперь къ дальнѣйшему необходимому для насъ анализу психологическаго ученія о цѣнности.

Нерѣдко отношенія между отдѣльными благами бываютъ таковы, что обладаніе однимъ благомъ обезпечиваетъ обладаніе другимъ. Наиболѣе существенный случай такого рода отношенія представляютъ отношенія между средствами производства и предметами потребленія. Обладая извѣстнымъ количествомъ средствъ производства, мы можемъ создать извѣстное количество предметовъ потребленія. Если мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи участокъ земли, годный для обработки, нѣкоторое количество сѣмянъ и извѣстную сумму рабочей силы, то намъ тѣмъ самымъ обезпечено обладаніе извѣстнымъ количествомъ хлѣба. Какъ складывается субъективная оцѣнка въ этомъ случаѣ? Отвѣтъ на это долженъ быть найденъ въ общемъ правилѣ, что субъективная цѣнность опредѣляется интенсивностью потребности, удовлетвореніе которой стоитъ въ зависимости отъ обладанія даннымъ благомъ. Въ разсматриваемомъ случаѣ обладаніе извѣстной суммой средствъ производства обезпечиваетъ удовлетвореніе опредѣленной потребности совершенно такъ же, какъ и обладаніе самимъ предметомъ потребленія. Очевидно поэтому, что субъективная цѣнность средствъ производства опредѣляется въ такой же мѣрѣ интенсив-

ностью этой потребности, какъ и цѣнность предмета потребленія, обладаніе которымъ ими обезпечивается. Другими словами, цѣнность средствъ производства равна цѣнности создаваемаго посредствомъ ихъ предмета потребленія и заимствуется отъ этой послѣдней.

Однако такое простое отношеніе между благами, когда обладаніе однимъ изъ нихъ обезпечиваетъ обладаніе другимъ, представляетъ сравнительно небольшой интересъ. Если мы выяснимъ себѣ понятіе производства и его значенія въ хозяйствѣ, то мы встрѣтимся съ гораздо болѣе важнымъ случаемъ подобныхъ отношеній между благами. Дѣло въ томъ, что, обладая извѣстной суммой благъ, служащей источникомъ другихъ благъ, мы можемъ въ большинствѣ случаевъ пріобрѣсти не одинъ, а многіе виды благъ; затрачивая данное средство производства, можно создать цѣлый рядъ разнообразныхъ предметовъ потребленія. Именно въ этомъ и заключается одна изъ важнѣйшихъ техническихъ выгодъ производства. Тогда какъ при затратѣ усилій на непосредственное пріобрѣтеніе каждаго предмета потребленія въ отдѣльности, удовлетвореніе каждой отдѣльной потребности требуетъ спеціальныхъ усилій и составляетъ особый вопросъ,—при затратѣ усилій на пріобрѣтеніе того блага, которое способно создать разнообразные предметы потребленія, обезпечивается сразу удовлетвореніе цѣлаго ряда потребностей. Благодаря этому упрощается борьба, которая можетъ вестись изъ-за немногихъ средствъ производства, вмѣсто всей массы потребляемыхъ благъ, и обезпечивается удовлетвореніе потребностей путемъ обладанія немногими косвенными его источниками, вмѣсто многихъ непосредственныхъ. Зависимость человѣка отъ силъ природы уменьшается: она выражается теперь только въ борьбѣ за эти немногіе косвенные источники потребленія, при обладаніи которыми обезпечено свободное удовлетвореніе всѣхъ потребностей.

Какимъ же образомъ совершается оцѣнка предметовъ потребленія и средствъ производства при такомъ отношеніи между ними? Что касается, прежде всего, средствъ производства, то, согласно послѣдовательному отвѣту психологической школы, цѣнность единицы ихъ опредѣляется цѣнностью того изъ создаваемыхъ ими предметовъ потребленія, которое служитъ удовлетворенію наименѣе интенсивной потребности, и именно потому, что при отпаденіи одной единицы изъ имѣющагося у насъ запаса средствъ производства мы должны будемъ употребить — согласно правилу о принесеніи низшей потребности въ жертву высшей — остальной запасъ на удовлетвореніе болѣе интенсивныхъ потребностей, пожертвовавъ удовлетвореніемъ наименѣе интенсивной. Но и цѣнность всѣхъ продуктовъ этого запаса средствъ производства будетъ подчиняться новому закону. Такъ какъ обладаніе средствомъ производства обезпечиваетъ обладаніе каждымъ изъ создаваемыхъ имъ предметовъ потребленія, то всѣ они пріобрѣтутъ одинаковую цѣнность: употребляя по свободному усмотрѣнію средства производства на созданіе того или иного блага, мы можемъ произвольно замѣнять ихъ одно другимъ, и потому значеніе ихъ для насъ будетъ одинаково. Эта общая всѣмъ „родственнымъ по производству“ благамъ цѣнность будетъ равна цѣнности средствъ производства, заимствованной въ свою очередь отъ цѣнности наименѣе полезнаго блага, создаваемаго имъ. Въ самомъ дѣлѣ, при потерѣ какого-нибудь блага, намъ стоитъ только пожертвовать этимъ наименѣе полезнымъ благомъ и употребить освободившуюся единицу производительной силы на созданіе потеряннаго блага, чтобы снова обезпечить себѣ обладаніе имъ. Поэтому косвенно удовлетвореніе любой изъ потребностей, которыя вообще могутъ быть удовлетворены при данныхъ средствахъ производства, находится въ зависимости отъ обладанія наименѣе полезнымъ изъ всѣхъ

создаваемыхъ ими благъ, а потому цѣнность всѣхъ этихъ благъ будетъ равна цѣнности низшаго блага, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заимствованной отъ послѣдняго цѣнности средствъ производства. Такимъ образомъ объясняется, съ точки зрѣнія ученія о субъективной цѣнности, законъ издержекъ производства: „Родственныя по производству блага“ (Produktionsverwandte Güter), т. е. блага, создаваемыя при помощи однихъ и тѣхъ же средствъ производства, обладаютъ всѣ одинаковой цѣнностью, равной субъективной цѣнности наименѣе полезнаго изъ нихъ предмета потребленія, которая въ свою очередь опредѣляется его собственной предѣльной полезностью; вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣнность единицы средствъ производства, заимствованная изъ того же источника, равна цѣнности каждаго изъ этихъ благъ.

Conditio sine qua non такого совпаденія цѣнности блага съ цѣнностью средствъ производства составляетъ слѣдующее обстоятельство: затратѣ опредѣленнаго количества средствъ производства должно соотвѣтствовать созданіе точно опредѣленнаго количества благъ различнаго рода. Если это условіе отсутствуетъ, если мы не можемъ заранѣе опредѣлить количество различныхъ благъ, которыя мы пріобрѣтаемъ путемъ затраты средствъ производства, то при опредѣленіи цѣнности „родственныхъ по производству“ благъ, очевидно, долженъ потерять силу изложенный выше законъ перенесенія цѣнности съ одного блага на другое, который всецѣло опирается на возможность подобнаго разсчета. Если мы не знаемъ въ точности цѣнности „низшаго“ блага, создаваемаго даннымъ количествомъ средствъ производства, если мы, далѣе, не можемъ точно опредѣлить, какому количеству средствъ производства соотвѣтствуетъ пріобрѣтеніе единицъ различныхъ продуктовъ, то мы не можемъ знать, какой цѣнностью „низшаго“ блага мы жертвуемъ, затрачивая средства производства на созданіе

другихъ благъ. При такомъ положеніи дѣла становится невозможной описанная косвенная оцѣнка, и на ея мѣсто снова становится оцѣнка непосредственная: каждый продуктъ данныхъ средствъ производства будетъ обладать самостоятельной цѣнностью, не стоящей въ зависимости отъ цѣнности „родственныхъ“ ему по производству продуктовъ, а заимствованной отъ его собственной предѣльной полезности.

Очевидно, однако, что между изложенными двумя законами цѣнности долженъ существовать какой-нибудь переходъ. Рѣзкое различіе между ними при указанныхъ двухъ комбинаціяхъ немыслимо уже потому, что одна изъ этихъ комбинацій незамѣтно переходитъ въ другую. Если опредѣленность зависимости между затратой средствъ производства и количествомъ продуктовъ разнаго рода, получаемыхъ въ результатѣ этой затраты, есть условіе дѣйствія закона издержекъ производства, и если при отсутствіи этого условія на мѣсто послѣдняго становится законъ самостоятельной цѣнности каждаго отдѣльнаго продукта, то спрашивается: при какой *степени* подобной опредѣленности происходитъ такая замѣна одного закона другимъ? Такъ какъ различіе въ условіяхъ дѣйствія обоихъ законовъ не качественное, а количественное, то мы можемъ представить себѣ дѣло только такъ, что дѣйствіе одного закона смѣняется дѣйствіемъ другого такъ же постепенно, какъ измѣняются и условія ихъ осуществленія. Другими словами, между обоими законами должно существовать извѣстное соотвѣтствіе такъ, чтобы одинъ изъ нихъ содержалъ въ зародышѣ уже другой и могъ постепенно въ него превратиться: иначе переходъ отъ одного къ другому былъ бы вообще немыслимымъ.

И на самомъ дѣлѣ законъ издержекъ производства осуществляется не только при полной опредѣленности различныхъ результатовъ производства, но и при отсутствіи этой опредѣленности: въ послѣднемъ случаѣ

осуществленіе его происходитъ только косвеннымъ путемъ.

Предположимъ, что какое-нибудь средство производства (для простоты, положимъ, трудъ) затрачивается на созданіе различныхъ продуктовъ, количество которыхъ заранѣе опредѣлено быть не можетъ. Въ этомъ случаѣ цѣнность каждаго рода продуктовъ будетъ самостоятельно опредѣляться ихъ собственной предѣльной полезностью. Согласно общему закону предѣльной полезности, цѣнность единицы продукта уменьшается по мѣрѣ увеличенія количества его. Предположимъ, что произведены три рода продуктовъ, причемъ цѣнность единицы одного изъ нихъ можетъ быть выражена цифрой 10, другого—5, третьяго—2. Предположимъ наконецъ, что съ увеличеніемъ количества продуктовъ на единицу, предѣльная полезность ихъ также уменьшается на единицу, и наоборотъ, съ уменьшеніемъ—увеличивается настолько же. При такомъ положеніи дѣла, очевидно, выгоднѣе затратить большее количество труда на производство перваго продукта, и меньшее — на производство второго и третьяго, такъ какъ при созданіи единицы перваго мы получимъ цѣнность, равную 9, тогда какъ потеряемъ лишь меньшую цѣнность, равную 5 или 2. Трудъ будетъ переходить отъ производства тѣхъ продуктовъ, цѣнность которыхъ стоитъ низко, къ производству продуктовъ съ болѣе высокой цѣнностью. Очевидно, этотъ процессъ перехода будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока на каждую единицу средствъ производства — въ нашемъ примѣрѣ труда — не будетъ приходиться во всѣхъ отрасляхъ производства одинаковая цѣнность, такъ какъ при всякомъ неравенствѣ между цѣнностями продуктовъ снова начнется процессъ выравненія посредствомъ кочеванія труда изъ одной отрасли производства въ другую. Такимъ образомъ, хотя цѣнность каждаго рода продуктовъ будетъ опредѣляться само-

стоятельно, и потому цѣнность продукта, положимъ, одного часа труда въ различныхъ отрасляхъ производства, будетъ не одинаковой, однако это различіе будетъ безпрерывно и автоматически сглаживаться путемъ измѣненія въ направленіи производительной дѣятельности въ сторону уравненія цѣнности продуктовъ единицы средствъ производства. Законъ издержекъ производства, слѣдовательно, сохраняетъ свою силу и въ этомъ случаѣ, только осуществляется медленнѣе и на болѣе косвенномъ пути, чѣмъ въ случаѣ точной опредѣленности результатовъ производства. По мѣрѣ увеличенія этой опредѣленности такой косвенный путь будетъ вытѣсняться прямымъ или вѣрнѣе сливаться съ нимъ: цѣнность продукта будетъ совпадать съ цѣнностью средствъ производства и, слѣдовательно, съ цѣнностью остальныхъ продуктовъ послѣднихъ безъ реальнаго перехода производства изъ одной отрасли въ другую, на основаніи простого, изложеннаго выше, теоретическаго разсчета [1]).

Однако психологическая школа считаетъ эту зависимость между затратой средствъ производства сравнительно несущественной для современнаго хозяйственнаго строя. Зависимость эта можетъ осуществляться только тамъ, гдѣ въ опредѣленномъ хозяйствѣ всѣ потребности удовлетворяются путемъ самостоятельнаго производства всѣхъ соотвѣтствующихъ благъ, т. е. въ чисто натуральномъ, или, согласно обычной терминологіи разсматриваемаго направленія, „изолирован-

[1]) О соотношеніи между цѣнностью и предѣльной полезностью, съ одной стороны, цѣнностью и издержками производства съ другой, см. спеціально *Böhm-Bawerk*. Wert, Kosten, Grenznutzen, (Jahrbüch. f. N. O u. St. 3 Folge, B. III), его же Der letzte Maasstab der Güterwerte, (Zeitschrift für Volksw. Socialpol. u. Verwaltung, 1894 B. 3), *Dietzel*, Theoretische Socialökonomik (1895). изъ англійской литературы преимущественно *Marshall*. Principles of Economics 1890, vol. I (въ особенности Note on Ricardo's theory of Cost of production, p. 529—536).

номъ“ хозяйствѣ. Въ современномъ обществѣ человѣкъ не можетъ удовлетворить всѣ свои потребности путемъ затраты соотвѣтствующихъ средствъ производства, во-первыхъ, потому, что каждый производитель, благодаря раздѣленію труда, занятъ производствомъ только одной спеціальной категоріи благъ, такъ что всѣ остальныя блага по отношенію къ нему являются фактически невоспроизводимыми благами, которыя онъ долженъ добывать не посредствомъ затраты средствъ производства, а иными способами, и, во-вторыхъ, потому, что далеко не всѣ члены общества обладаютъ вообще какими-либо средствами производства, что влечетъ за собой тѣ же послѣдствія. Поэтому, если въ дѣйствительности, такъ сказать, съ объективной точки зрѣнія, большинство благъ, входящихъ въ кругъ человѣческаго хозяйства, суть блага воспроизводимыя, т. е. могутъ быть созданы посредствомъ затраты нѣкоторыхъ другихъ благъ, то при этомъ отсутствуетъ тотъ *субъектъ*, для котораго они могутъ быть таковыми, и который можетъ соотвѣтственно этому ихъ оцѣнивать. Всѣ реально существующіе субъекты оцѣнки должны, наоборотъ, оцѣнивать огромнѣйшее большинство благъ и сравнивать ихъ между собой по цѣнности, совершенно независимо отъ того, произведены ли они или нѣтъ.

Отсюда между прочимъ дѣлается справедливый выводъ относительно теоріи мѣновой цѣнности. Мѣновая цѣнность, по мнѣнію разсматриваемаго направленія, есть результатъ столкновенія различныхъ субъективныхъ оцѣнокъ и потому должна отражать на себѣ законы, управляющіе этими послѣдними. Отсюда слѣдуетъ, что благодаря изложенному положенію отдѣльнаго производителя въ современномъ хозяйствѣ, законъ мѣновой цѣнности не можетъ непосредственно опредѣляться закономъ зависимости между субъективной цѣнностью и затратой труда или другихъ

средствъ производства. Несмотря на многочисленные пробѣлы въ анализѣ мѣновой цѣнности съ точки зрѣнія ученія о субъективной цѣнности, этотъ выводъ остается несомнѣнно вѣрнымъ; онъ совпадаетъ также съ тѣми результатами, къ которымъ мы выше пришли аналитически, въ изслѣдованіи трудовой теоріи мѣновой цѣнности.

Мы изложили основныя положенія ученія о субъективной цѣнности. Въ этомъ ученіи впервые было послѣдовательно разработано понятіе абсолютной цѣнности, т. е. извѣстнаго свойства благъ, имѣющагося у нихъ независимо отъ ихъ мѣнового отношенія и до него — понятіе, на которое, какъ мы выше видѣли, приходится наталкиваться на каждомъ шагу въ теоріи цѣнности и значеніе котораго, до теоріи субъективной цѣнности, всегда оставалось совершенно неразъясненнымъ. *Въ этомъ отношеніи* ученіе о субъективной цѣнности окончательно разрѣшило задачу: понятіе абсолютной цѣнности, которое, какъ мы видѣли, и у прежнихъ авторовъ сводится къ представленію о значеніи блага для человѣка—было здѣсь впервые точно выяснено и сведено къ понятію субъективной цѣнности. Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть, въ какомъ отношеніи стоитъ эта субъективная цѣнность къ труду, какъ специфическому фактору производства.

Прежде всего изъ изложеннаго ясно, что трудъ не есть самъ по себѣ источникъ субъективной цѣнности: эта цѣнность есть не что иное, какъ извѣстное психологическое состояніе, а послѣднее связано непосредственно съ удовлетвореніемъ нашихъ потребностей. Если поэтому связь между субъективной цѣнностью и затратой труда можетъ вообще существовать, то только косвенная. Очевидно, исходнымъ пунктомъ для анализа этой связи можетъ служить разсмотрѣнная теорія зависимости между субъективной цѣнностью и издержками производства. Но такъ какъ эта зависи-

мость осуществляется только въ „изолированномъ“ хозяйствѣ, гдѣ вся сумма потребностей субъекта хозяйства удовлетворяется путемъ его собственной производительной дѣятельности, то мы должны начать съ анализа подобнаго хозяйства.

Вопросъ о значеніи труда въ хозяйственной дѣятельности — къ которому такимъ образомъ сводится проблема отношенія между трудомъ и субъективной цѣнностью — требуетъ для своего разрѣшенія изслѣдованія ряда вопросовъ, выходящихъ за предѣлы теоріи цѣнности и относящихся къ числу наиболѣе абстрактныхъ проблемъ теоріи хозяйства. Несмотря на всю массу остроумія, затраченнаго талантливыми представителями психологическаго направленія въ анализѣ спеціальныхъ и мелкихъ проблемъ теоріи цѣнности, они не только не брались за разрѣшеніе этихъ существенныхъ вопросовъ, но даже и не ставили ихъ [1]) — благодаря присущей большинству этихъ авторовъ значительной узости взглядовъ, при которой широкіе соціологическіе вопросы затемняются мелочными фактами, и изъ-за деревьевъ теряется изъ виду лѣсъ.

---

[1]) Исключеніе составляетъ до нѣкоторой степени только одинъ Менгеръ въ своихъ Grundsätze der Volkswirtschaftslehre; англійскіе теоретики этого направленія въ общемъ отличаются гораздо болѣе узкими взглядами, чѣмъ нѣмецкіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Трудовая цѣнность, какъ субъективная цѣнность общественнаго дохода.

Ни одинъ взглядъ въ области методологіи общественныхъ наукъ не пользуется столь широкимъ, можно сказать, почти всеобщимъ признаніемъ, какъ положеніе, что всѣ законы общественныхъ явленій суть законы историческіе, примѣнимые только къ опредѣленной исторической эпохѣ, и что поэтому установленіе всеобщихъ законовъ, сохраняющихъ свое дѣйствіе при всякихъ формахъ общественныхъ отношеній и на всякой ступени общественнаго развитія,—невозможно. На этомъ взглядѣ сошлись, въ видѣ реакціи противъ классической политической экономіи, столь рѣзко расходящіяся между собой въ остальныхъ отношеніяхъ направленія, какъ историческая школа, съ одной стороны, и школа Маркса — съ другой. Этотъ же взглядъ въ новѣйшее время нашелъ себѣ адепта въ лицѣ критика обоихъ этихъ соціологическихъ направленій — Штаммлера. По Штаммлеру, всѣ экономическія явленія можно свести или на чисто техническія, или же на общественныя; и поскольку они суть явленія общественныя, постольку законы ихъ измѣняются съ измѣненіемъ общественнаго строя, т. е. съ измѣненіемъ специфическихъ правовыхъ принци-

новъ, лежащихъ въ основѣ каждаго общественнаго состоянія.

Не вдаваясь въ критику этого взгляда по существу, мы должны замѣтить, что, несмотря на всеобщее признаніе, которымъ онъ пользуется, мы постоянно встрѣчаемъ попытки—и отнюдь не всегда неудачныя—установить общіе экономическіе законы, примѣнимые ко всѣмъ общественнымъ эпохамъ. Въ чемъ заключается особенность этихъ законовъ,—это вопросъ другой. Но изъ *содержанія* ихъ можно вывести заключеніе, что они отнюдь не сводятся на законы технологіи, какъ это думаетъ Штамплеръ; такъ же мало можно согласиться и съ довольно популярнымъ въ послѣднее время взглядомъ, что эти законы сводятся безъ остатка на условія познанія общественныхъ явленій и суть не что иное, какъ формулировка этихъ, объективируемыхъ нами, условій.

Законы, установленные теоріей субъективной цѣнности, принадлежатъ именно къ числу подобныхъ законовъ, правомѣрность которыхъ повсемѣстно оспаривается. Здѣсь нерѣдко споръ носитъ чисто терминологическій характеръ. Большинство лицъ, отрицающихъ возможность всеобщихъ экономическихъ законовъ, вѣроятно, согласилось бы дать имъ право на существованіе, если они были бы окрещены законами „психологическими“ и формально выдѣлены изъ экономической науки. По нашему личному мнѣнію, такое названіе такъ же мало исчерпываетъ сущность этихъ законовъ, какъ мало понятіемъ „техники“ исчерпывается все, что не сводится къ анализу отдѣльныхъ эпохъ экономическаго развитія. Скорѣе отношеніе человѣка къ природѣ, составляющее объектъ этихъ законовъ, есть самостоятельная группа явленій, при объясненіи которыхъ психологическіе законы играютъ такую же роль вспомогательныхъ средствъ познанія, какъ и при объясненіи соціальныхъ явленій. Какъ бы

то ни было, существованіе подобныхъ законовъ на лицо, и задача ихъ противниковъ—опровергнуть конкретно каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Пока это не сдѣлано, мы можемъ, не смущаясь распространеннымъ методологическимъ предразсудкомъ, заняться изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Такъ какъ законы эти должны имѣть силу независимо отъ формы общественныхъ отношеній между людьми, то ареной, на которой они могутъ проявиться въ чистомъ видѣ, должно служить гипотетическое „изолированное хозяйство“, хозяйство, въ которомъ не имѣется ничего, кромѣ его субъекта—хозяйничающаго человѣка, и его объекта—природы. Типомъ такого хозяйства является знаменитый Робинзонъ на необитаемомъ островѣ—образъ, который, несмотря на всѣ насмѣшки надъ „Робинзонадами“, будетъ всегда служить вспомогательной гипотезой для экономиста.

Отношенія между субъектомъ и объектомъ хозяйства распадаются на двѣ группы: отношенія *потребленія* и отношенія *производства*. Анализъ послѣднихъ для нашихъ цѣлей особенно необходимъ, но для того, чтобы обратиться къ нему, необходимо сначала остановиться на явленіяхъ потребленія, о которыхъ намъ уже пришлось говорить въ предыдущей главѣ.

То, что мы называемъ потребленіемъ, есть извѣстное взаимодѣйствіе между человѣкомъ и силами природы, при которомъ эти послѣднія воздѣйствуютъ на человѣка желательнымъ для него путемъ. Объективно этотъ родъ взаимодѣйствія необходимъ для поддержанія жизни, субъективно—онъ имѣетъ цѣлью доставить человѣку чувство удовольствія и устранить чувство страданія, или—что то же—удовлетворить извѣстную потребность. Это взаимодѣйствіе можетъ быть двоякаго рода: оно или сопровождается разрушеніемъ силъ природы или формъ матеріи, которыя его обусловливаютъ, или происходитъ безъ такого разрушенія. Су-

ществуетъ извѣстный рядъ силъ природы, которыя находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ человѣкомъ, не подвергаясь истощенію. Примѣромъ ихъ могутъ служить тѣ „первоначальныя и неистощимыя свойства земли“, которыя Рикардо считалъ источникомъ ренты: естественное плодородіе почвы, сила водопада, вѣтра и т. д. Вся совокупность этихъ силъ составляетъ извѣстный постоянный фондъ, служащій основой человѣческаго существованія. Потребленіе его сводится въ этомъ случаѣ къ *пользованію имъ*. Въ противоположность ему, *потребленіе въ тѣсномъ смыслѣ* есть взаимодѣйствіе человѣка и природы, связанное съ разрушеніемъ источника этого взаимодѣйствія, т. е. тѣхъ формъ матеріи и силъ, при которыхъ взаимодѣйствіе можетъ имѣть мѣсто [1]). Совокупность этихъ непрерывно уничтожаемыхъ благъ составляетъ *доходъ* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Для этого, чтобы потребленіе въ этомъ послѣднемъ смыслѣ могло быть непрерывнымъ, долженъ имѣться постоянный источникъ дохода. Но такъ какъ доходъ есть не что иное, какъ сумма непрерывно уничтожаемыхъ благъ, то постоянство его можетъ заключаться только въ непрерывной или періодической замѣнѣ уничтоженныхъ экземпляровъ благъ новыми, т. е. въ ихъ воспроизводствѣ. Такимъ образомъ, самый анализъ понятій приводитъ насъ къ выводу, правда весьма элементарному, но тѣмъ не менѣе далеко немаловажному и нерѣдко упускаемому изъ виду: *всѣ блага, входящія въ составъ дохода изолированнаго хозяйства, должны быть воспроизводимыми*, т. е. должны обладать способностью быть замѣнимыми новыми экземплярами по мѣрѣ уничтоженія старыхъ.

[1]) Нѣмецкій языкъ удачно характеризуетъ эти два вида потребленія словами *Gebrauch* (употребленіе, пользованіе) и *Verbrauch* (потребленіе въ тѣсномъ смыслѣ, связанное съ истребленіемъ).

Мы переходимъ теперь къ понятію *производства*. Съ чисто физической, наиболѣе широкой, точки зрѣнія, производство есть именно не что иное, какъ постоянное возобновленіе отслужившихъ въ потребленіи формъ матеріи. Кто является источникомъ или иниціаторомъ этого возобновленія,—это совершенно безразлично для самаго факта производства. Въ этомъ смыслѣ природа есть несомнѣнно „факторъ производства“ въ такой же мѣрѣ, какъ и человѣкъ, вѣрнѣе, даже въ гораздо большей мѣрѣ; не говоря уже о всѣхъ прочихъ различіяхъ въ производительной дѣятельности природы и человѣка, основная разница между ними заключается въ томъ, что природа способна „производить“ безъ содѣйствія человѣка, человѣкъ—никогда безъ содѣйствія природы [1]). Цѣлые вѣка жизни человѣка на землѣ прошли до того, какъ человѣкъ сталъ сознательно вмѣшиваться въ стихійное хозяйство природы, въ „естественное“ производство благъ, служившихъ предметовъ его потребленія. Но и послѣ этого вмѣшательства техническая роль природы отнюдь не измѣнилась. Согласно извѣстному замѣчанію Милля, производительная дѣятельность человѣка всегда ограничивается лишь установленіемъ извѣстныхъ отношеній между предметами

[1]) Въ этомъ смыслѣ справедливо замѣчаетъ Бернгарди: „Die Natur, die man in so seltsamer Weise inproduktiv genannt hatte, producirt allein selbstständig, besonders indem sie organisches Leben erschafft; auch ganz sich selbst überlassen; auch da, wo nie ordnende Menschenhand ihr stilles, ewiges Walten einem Ziele zugewandt hat, das menschliches Bewustsein setzt; sie erzeugt auch da Güter die für den Menschen Werth haben, und die er vorfindet wenn er in der unbewohnten Einöde erscheint“. *Bernhardi*, Kritik der Gründe, die für grosses und kleines Grundeigentum angeführt werden. Petersburg 1849, S. 197—198. Очень мѣтко замѣчаетъ Гёксли въ одномъ изъ своихъ соціальныхъ этюдовъ, что растенія, превращающія энергію солнечныхъ лучей въ химическую энергію растительной и животной пищи, суть единственные настоящіе „рабочіе“, трудъ которыхъ составляетъ условіе жизни животныхъ и человѣка. См. Huxley, Sociale Essays, Deutsch von Tille 1897. Essay: Kapital, die Mutter der Arbeit.

природы, при которыхъ силы природы могутъ развиваться въ желательномъ для человѣка направленіи; все остальное, т. е. дѣйствительное созданіе требуемыхъ формъ матеріи, есть дѣло природы. Всѣ попытки доказать, что человѣческій трудъ есть, съ объективно-физической точки зрѣнія, „единственный“ или „главнѣйшій“ факторъ производства — попытки, которыя, какъ мы видѣли, играютъ немалую роль у нѣкоторыхъ представителей трудовой теоріи цѣнности и богатства— могутъ быть объяснены лишь, какъ остатки фетишистически-антропоцентрическаго міросозерцанія и не имѣютъ ни малѣйшаго научнаго значенія.

Но если природа создаетъ „блага“, то она создаетъ и „цѣнности“. Такъ какъ субъективная цѣнность есть не что иное, какъ извѣстное психологическое состояніе, испытываемое нами по отношенію къ извѣстнымъ благамъ—совершенно независимо отъ того, какъ и кѣмъ они созданы, — и переносимое на эти блага въ видѣ ихъ „свойства“, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что природа „создаетъ“ цѣнности. Если бы для этого самоочевиднаго положенія потребовалось особое доказательство, то оно могло бы заключаться въ ссылкѣ на фактъ существованія чувства цѣнности, а слѣдовательно и цѣнностей, въ видѣ особыхъ свойствъ благъ, задолго до того, какъ человѣкъ сталъ сознательно вмѣшиваться въ естественную производительную дѣятельность природы. Хозяйственная дѣятельность человѣка въ эту эпоху ограничивалась отыскиваніемъ и захватомъ готовыхъ, произведенныхъ природой „цѣнностей“.

Можно было бы итти далѣе и сказать, что принципіально положеніе дѣла ничуть не измѣняется и тогда, когда мѣсто простого *отыскиванія* готовыхъ цѣнностей заступаетъ въ человѣческомъ хозяйствѣ ихъ производство. Производство, какъ мы видѣли, есть созданіе однихъ благъ при посредствѣ другихъ. Борьба изъ-за захвата готовыхъ цѣнностей замѣняется при

этомъ борьбой изъ-за источниковъ цѣнностей. Элементы такого состоянія опять таки не составляютъ исключительной принадлежности людей, а встрѣчаются и у животныхъ: Летурно, въ своей *Исторіи собственности*, указываетъ на то, что животныя нерѣдко ведутъ борьбу не изъ-за непосредственной добычи, а изъ-за территоріи, обладаніе которой обезпечиваетъ обладаніе самой добычей. Какъ бы это странно ни звучало, но мы имѣемъ тутъ несомнѣнный зачатокъ производства, такъ какъ территорія, служащая объектомъ захвата, есть настоящее средство производства. Единственное различіе, слѣдовательно, которое имѣется между хозяйствомъ, гдѣ на лицо „производство“, и хозяйствомъ безъ послѣдняго, заключается въ характерѣ тѣхъ благъ, которыя являются непосредственнымъ объектомъ человѣческихъ стремленій и носителемъ цѣнности; въ одномъ случаѣ такими благами служатъ всѣ отдѣльные предметы, непосредственно предназначенные для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, въ другомъ—ими являются предметы и силы природы, обладаніе которыми можетъ служить условіемъ обладанія предметами потребленія. Параллельно этому вносится измѣненіе въ законъ, опредѣляющій цѣнность благъ. Въ первомъ случаѣ, цѣнность каждаго отдѣльнаго блага независима отъ цѣнности всякаго другого и опредѣляется непосредственной предѣльной полезностью блага; во-второмъ—блага, создаваемыя при помощи одного и того же „средства производства“, обладаютъ одинаковой цѣнностью, именно цѣнностью самого „средства производства“. Эта цѣнность, однако, въ свою очередь зависитъ—въ изложенной выше формѣ—отъ цѣнности продукта, и въ этомъ именно пунктѣ могло бы быть усмотрѣно принципіальное сходство обоихъ разсматриваемыхъ состояній хозяйства. Очевидно, что какъ, въ первомъ случаѣ, цѣнность предметовъ потребленія создается „природой“, такъ, во второмъ случаѣ, создается

ею цѣнность средствъ производства, такъ какъ эта цѣнность зависитъ отъ того, какія блага и въ какомъ количествѣ можетъ создать это средство производства — а въ этомъ рѣшающій голосъ опять таки имѣетъ „природа“, которая опредѣляетъ качественную и количественную производительность источника предметовъ потребленія. Словомъ, цѣнность въ обоихъ случаяхъ „создается“ природой и есть выраженіе *зависимости человѣка отъ природы:* господство надъ средствами производства обезпечиваетъ человѣку, правда, и господство надъ предметами потребленія, но по отношенію къ первымъ онъ стоитъ въ томъ же пассивномъ состояніи, какъ прежде по отношенію ко всѣмъ отдѣльнымъ предметамъ потребленія. Если измѣнилась форма зависимости, то самый фактъ зависимости остался прежнимъ.

Въ этихъ соображеніяхъ упускаются, однако, изъ вида нѣкоторыя весьма важныя стороны явленія. Прежде всего мы уже видѣли, что производство, т. е. созданіе благъ черезъ посредство другихъ благъ, вытѣсняетъ простое отыскиваніе только потому, что упрощаетъ, а слѣдовательно и уменьшаетъ, зависимость человѣка отъ природы. Благодаря ему по крайней мѣрѣ одна часть общаго производительнаго процесса природы подпадаетъ подъ контроль человѣка; хотя по отношенію къ самимъ средствамъ производства человѣкъ стоитъ въ прежнемъ пассивномъ положеніи, но зато обладаніе ими даетъ ему уже власть надъ дальнѣйшимъ ходомъ производства: изъ всей совокупности благъ, могущей быть созданной данными средствами производства, онъ можетъ по произволу дѣлать выборъ. Зависимость отъ природы принимаетъ форму зависимости отъ одного или немногихъ источниковъ производства; разъ эта зависимость преодолѣна путемъ захвата средствъ производства въ обладаніе человѣка, она прекращается и уступаетъ мѣсто *господ-*

ствy: количество и качество создаваемыхъ продуктовъ зависитъ—разумѣется, въ предѣлахъ, ставимыхъ естественными свойствами средствъ производства—отъ произвола человѣка. Что это состояніе отличается отъ того, при которомъ зависимость человѣка отъ природы выражалась въ зависимости отъ готовыхъ предметовъ потребленія, причемъ присвоеніе каждаго изъ нихъ должно было въ отдѣльности преодолѣвать эту зависимость, при которомъ, слѣдовательно, для господства надъ природой вообще не оставалось мѣста,—это ясно само собой. Значеніе этого отличія можетъ быть понято однако только въ связи съ болѣе широкимъ моментомъ въ разсматриваемомъ явленіи [1]).

Въ чемъ, собственно, заключается зависимость человѣка отъ природы и какимъ путемъ она можетъ быть преодолѣна? Содержаніе этой зависимости сводится къ тому, что наличность предметовъ потребленія, составляющихъ объекты человѣческихъ желаній, опредѣляется рядомъ естественныхъ причинъ, а не самимъ человѣческимъ желаніемъ. Человѣкъ находитъ объекты своихъ желаній въ природѣ готовыми и долженъ подчиниться тѣмъ качественнымъ и количественнымъ ихъ особенностямъ, которыя ему даны непреодолимыми естественными условіями. Удовлетвореніе желаній совершается черезъ посредство, такъ сказать, простого движенія по прямой линіи къ даннымъ предметамъ потребленія, путемъ непосредственнаго ихъ захвата. Какъ ни элементарно это средство, какъ ни мало оно способно приводить къ полному и постоянному удовлетворенію потребностей, въ немъ однако уже содержится въ зачаткахъ тотъ моментъ, который приводитъ къ преодолѣнію зависимости человѣка отъ природы. Моментъ этотъ заключается въ *цѣлесообразной чело-*

[1]) Въ дальнѣйшемъ мы основываемся отчасти на замѣчательныхъ мысляхъ, высказанныхъ Лестеромъ Уордомъ въ его „Dynamic Sociologie“ и нѣк. др. трудахъ.

вѣческой дѣятельности. Направленіе дѣятельности опредѣляется всегда человѣческими желаніями: объектъ желаній и есть вмѣстѣ съ тѣмъ цѣль дѣятельности; то и другое суть лишь два различныхъ обозначенія одного и того же явленія. Гдѣ достиженіе цѣли обезпечено, гдѣ затрата опредѣленнаго количества энергіи въ формѣ цѣлесообразной дѣятельности сопровождается всегда желаемымъ результатомъ, тамъ и объектъ желаній поставленъ въ полную зависимость отъ самихъ желаній, и зависимость человѣка отъ внѣшнихъ, не подлежащихъ его контролю и вмѣшательству, условій прекращается. Захватъ наличныхъ готовыхъ предметовъ потребленія есть первая форма такой цѣлесообразной дѣятельности; успѣхъ этой дѣятельности однако зависитъ именно отъ *наличности* искомыхъ объектовъ, а послѣдняя въ свою очередь отъ этой дѣятельности вполнѣ независима; результатомъ этого и является полная необезпеченность достиженія цѣли. Можно даже сказать, что въ данномъ случаѣ не имѣется цѣлесообразной дѣятельности въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Подъ послѣдней подразумѣвается всегда правильный выборъ *средствъ* къ достиженію цѣли; она предполагаетъ, слѣдовательно, что достиженіе цѣли совершается не путемъ непосредственнаго стремленія къ ней, — что̀ мы имѣемъ въ разсматриваемомъ случаѣ,—а косвенно, путемъ достиженія извѣстныхъ ближайшихъ пунктовъ, служащихъ средствами къ конечному пункту [1]). Это бросаетъ свѣтъ на дальнѣйшія стороны вопроса.

[1]) Замѣтимъ мимоходомъ, что вполнѣ ясное представленіе о цѣнности также вырабатывается только при такомъ косвенномъ пути къ пріобрѣтенію благъ, когда цѣль достигается не непосредственно, а путемъ достиженія ведущихъ къ ней средствъ. „Die Werthempfindung ist..., wo sich das Wollen unmittelbar, ohne besondere Stationen oder Schwierigkeiten realisiert, eine verhältnissmässig schwache In solchen Fällen, wo es sich um direkte Befriedigung von Bedürfnissen oder Trieben handelt, sprechen wir auch noch

Въ отличіе отъ движенія, разсматриваемаго чисто математически, психологически прямой путь движенія отнюдь не есть кратчайшій и наиболѣе вѣрный. Наоборотъ, всякій успѣхъ въ достиженіи цѣли осуществляется путемъ замѣны прямого пути косвеннымъ. Дѣйствіе совершается не по направленію къ самой цѣли, а въ сторону отъ нея, по направленію къ средствамъ, т. е. тѣмъ пунктамъ, откуда достиженіе цѣли возможно гораздо быстрѣе и вѣрнѣе, чѣмъ отъ исходнаго пункта. Этому закону замѣны прямого пути косвеннымъ подчиняются всѣ виды дѣятельности всѣхъ живыхъ существъ, и высота развитія какой-нибудь опредѣленной функціи въ дѣятельности организма, или всей его дѣятельности вмѣстѣ взятой опредѣляется степенью подобной замѣны прямого пути косвеннымъ. Въ изслѣдуемой нами области законъ этотъ выражается въ описанномъ выше процессѣ, дѣлающемъ объектами присвоенія, взамѣнъ непосредственныхъ предметовъ потребленія, средства производства, обладаніе которыми само по себѣ обезпечиваетъ обладаніе предметами потребленія. Очевидно, однако, что это есть только первый этапъ развитія; когда достиженіе обладанія средствами производства становится непосредственной цѣлью, то относительно него долженъ повториться тотъ же ходъ развитія. Вмѣсто прямого пути къ его присвоенію долженъ постепенно быть выбранъ косвенный, состоящій въ присвоеніи предмета, служащаго средствомъ производства по отношенію къ искомому средству производства; то же самое можетъ быть повторено по отношенію къ найденному болѣе отдаленному

nicht von Zwecken, sondern vielmehr erst dann, wenn sich eine Zwischenstufe hinter den momentanen Zustand einschiebt, die zum obiekte des Willens gemacht und realisiert werden muss, ehe der auf die weitere Stufe gerichtete Wille seine Befriedigung finden kann: zum Zweck wird das Gewollte erst dadurch, dass sich mittlere Wollungen davorstellen". *Simmel, Einleitung in die Moralwissenschaft*, 1893, B. 2, S. 355.

средству, и въ этомъ направленіи процессъ удлиненія и усложненія телеологической цѣпи средствъ можетъ итти все далѣе и далѣе. Предѣлъ ему поставленъ только тамъ, гдѣ мы имѣемъ какое-либо средство производства, которое, съ одной стороны, можетъ служить универсальнымъ источникомъ всѣхъ остальныхъ благъ, а, съ другой стороны, находится въ постоянномъ и непосредственномъ обладаніи человѣка. При наличности такого средства, очевидно, достиженіе цѣли вполнѣ обезпечено: оно зависитъ не отъ чего другого, какъ отъ самихъ человѣческихъ желаній. Въ чемъ же можетъ заключаться это универсальное средство производства? Оно заключается въ *самой человѣческой дѣятельности.* Все, что лежитъ внѣ ея, все это не подчинено безусловному контролю человѣка; лишь постольку, поскольку сама человѣческая дѣятельность является средствомъ, создающимъ — черезъ посредство ряда переходныхъ ступеней — всѣ искомыя блага, пріобрѣтеніе этихъ благъ поставлено въ полную зависимость отъ человѣка. Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ уясненію болѣе узкаго значенія понятія производства, какъ сознательнаго вмѣшательства человѣка въ дѣйствіе законовъ природы съ цѣлью обезпеченія удовлетворенія своихъ потребностей. Въ этомъ смыслѣ производство означаетъ взаимоотношеніе между человѣкомъ и природой, при которомъ обладаніе человѣкомъ необходимыми ему предметами потребленія зависитъ исключительно отъ его собственной дѣятельности. Эта дѣятельность, однако, есть не что иное, какъ—*трудъ.*

Этимъ выясняется значеніе труда въ хозяйствѣ. Постоянное возобновленіе уничтожаемыхъ потребленіемъ формъ матеріи, необходимое, какъ мы видѣли, для поддержанія жизни, не можетъ создать соотвѣтствія между человѣческими желаніями и наличными предметами потребленія, если производительная дѣятельность предоставлена самой природѣ. Этотъ недостатокъ можетъ быть

устраненъ только цѣлесообразной дѣятельностью человѣка—*производствомъ*. Задача этой дѣятельности—созданіе необходимыхъ предметовъ потребленія. Условіе, при которомъ эта дѣятельность можетъ привести къ искомой цѣли, состоитъ въ томъ, что устанавливается связь между затратой человѣческой рабочей силы и созданіемъ требуемыхъ продуктовъ такъ, что затратѣ опредѣленнаго количества труда соотвѣтствуетъ возникновеніе опредѣленныхъ количествъ всякаго рода благъ.

Трудъ становится универсальнымъ *средствомъ* производства, путемъ затраты котораго можно получить всѣ желаемыя блага. Въ реальномъ, физическомъ смыслѣ въ созданіи блага участвуютъ, разумѣется, и другіе факторы, помимо труда. Но производство организовано такъ, что созданіе блага находится *въ зависимости* исключительно отъ затраты опредѣленнаго количества труда; затрачивая это количество труда въ данной отрасли производства, человѣкъ вполнѣ обезпечиваетъ себѣ обладаніе опредѣленнымъ благомъ, прекращая эту затрату, онъ прекращаетъ и воспроизводство этого блага. *Въ этой зависимости результата производства отъ направленія человѣческой дѣятельности заключается все значеніе производства, въ смыслѣ планомѣрнаго вмѣшательства человѣка въ дѣятельность природы.* Поэтому изъ самаго понятія производства вытекаетъ значеніе человѣческаго труда, какъ источника благъ. Вопросъ совсѣмъ не идетъ о томъ, есть ли трудъ „единственный“ факторъ производства или нѣтъ; понятіе производства предполагаетъ лишь, что его результатъ опредѣляется направленіемъ человѣческой дѣятельности,—хотя бы въ созданіи продукта принимали участіе и другіе факторы, если только ихъ дѣятельность опредѣляется волей человѣка.

Здѣсь устанавливаются, такимъ образомъ, не какое либо объективное выдѣленіе труда изъ совокупности другихъ факторовъ производства, на основаніи осо-

бых естественныхъ свойствъ его; рѣчь идетъ только о значеніи труда съ точки зрѣнія субъекта хозяйства, для котораго планомѣрное производство можетъ заключаться лишь въ установленіи прочной зависимости результата производства отъ направленія его личной дѣятельности. Эта зависимость результата производства, т. е. наличности желаемыхъ предметовъ потребленія, отъ направленія человѣческой дѣятельности, служитъ сама отраженіемъ болѣе существеннаго и въ соціологическомъ отношеніи въ высшей степени важнаго факта. Благодаря описанной зависимости, кореннымъ образомъ мѣняется отношеніе между человѣкомъ и природой, и въ это отношеніе вносится совершенно новый принципъ. Тогда какъ при отсутствіи производства, въ смыслѣ планомѣрнаго вмѣшательства въ дѣятельность природы, жизнь организма заключается въ *приспособленіи его къ природѣ*, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ приспособленіе въ обратномъ направленіи: приспособленіе природы къ человѣку. Соотвѣтствіе между потребностями и средой, изъ которой черпаются источники ихъ удовлетворенія, достигается въ первомъ случаѣ посредствомъ измѣненія потребностей, во второмъ — посредствомъ измѣненія среды. Этотъ фактъ одинъ дѣлаетъ невозможнымъ прямое перенесеніе дарвинистическихъ законовъ въ область общественной жизни, гдѣ вмѣсто безсознательнаго процесса измѣненія организма господствуетъ сознательное измѣненіе природы.

Значеніе для субъекта хозяйства труда, какъ силы, регулирующей ходъ производства и приспособляющей результатъ послѣдняго къ потребностямъ и желаніямъ субъекта, *устанавливаетъ связь между затратой человѣческаго труда и субъективной цѣнностью благъ, входящихъ въ составъ дохода изолированнаго хозяйства*. Блага эти, какъ мы видѣли, должны быть воспроизводимыми, такъ какъ непрерывность потребленія требуетъ

періодической замѣны уничтожаемыхъ экземпляровъ благъ новыми, а въ изолированномъ хозяйствѣ, гдѣ для субъекта хозяйства отсутствуетъ возможность пріобрѣтенія благъ путемъ хозяйственныхъ сношеній съ другими людьми, эта замѣна можетъ состоять только въ воспроизводствѣ благъ. Но если блага, входящія въ составъ дохода, являются продуктами производства, то съ точки зрѣнія субъекта хозяйства пріобрѣтеніе того или иного блага зависитъ отъ способа приложенія труда, который служитъ универсальнымъ средствомъ производства. Какіе бы факторы ни участвовали въ производствѣ благъ, въ конечномъ счетѣ для человѣка ихъ созданіе опредѣляется направленіемъ его собственной дѣятельноети, т. е. затратой его труда. Всѣ блага, входящія въ доходъ, суть поэтому „родственныя по производству“ блага, въ томъ смыслѣ, что всѣ они суть *продукты труда*. Если мы вспомнимъ теперь законъ цѣнности „родственныхъ по производству“ благъ, то намъ выяснится связь между затратой труда и субъективной цѣнностью благъ, входящихъ въ составъ дохода. Субъективная цѣнность каждаго изъ благъ, производимыхъ при помощи затраты опредѣленнаго средства производства, опредѣляется не ихъ собственной предѣльной полезностью, а предѣльной полезностью наименѣе полезнаго продукта даннаго средства производства и вмѣстѣ съ тѣмъ заимствованной отсюда субъективной цѣнностью этого послѣдняго. Приведемъ еще разъ основанія, на которыхъ покоится этотъ законъ. Цѣнность блага опредѣляется интенсивностью той потребности, удовлетвореніе которой находится въ зависимости отъ обладанія даннымъ благомъ. Если при помощи затраты извѣстнаго средства производства можно создать въ извѣстномъ количествѣ всѣ блага, то обладаніе каждымъ изъ нихъ отнюдь не составляетъ условія удовлетворенія соотвѣтственной ему потребности: при отсутствіи блага, оно можетъ быть вновь

создано. При этомъ придется пожертвовать лишь опредѣленнымъ количествомъ этого средства производства, т. е. вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе полезнымъ продуктомъ его. Такимъ образомъ, эта жертва одинакова при созданіи всѣхъ родственныхъ по производству благъ, и поэтому цѣнность всѣхъ этихъ благъ одинакова: она равна цѣнности наименѣе полезнаго продукта даннаго средства производства. Если мы поставимъ теперь вмѣсто понятія „средства производства“ понятіе *труда*, который, какъ мы видѣли, и служитъ такимъ общимъ средствомъ производства для всѣхъ воспроизводимыхъ благъ, то мы придемъ къ выводу, что субъективная цѣнность этихъ благъ опредѣляется цѣнностью наименѣе полезнаго продукта *труда*. Такъ какъ обладаніе каждымъ изъ этихъ благъ зависитъ для человѣка отъ затраты опредѣленнаго количества труда, то при потерѣ каждаго изъ нихъ онъ можетъ обезпечить себѣ удовлетвореніе соотвѣтствующей потребности, затрачивая на производство даннаго блага требуемое количество труда, т. е. теряя при этомъ наименѣе полезный продуктъ труда. Пожертвованіе опредѣленнымъ количествомъ труда, необходимое для созданія блага, равносильно поэтому для человѣка пожертвованію предѣльной полезностью наименѣе полезнаго продукта этого труда. Выясненная нами выше оцѣнка благъ по этой предѣльной полезности совпадаетъ такимъ образомъ съ оцѣнкой ихъ по затраченному на ихъ производство труду. Трудъ, какъ общее условіе созданія благъ, становится общимъ мѣриломъ ихъ субъективной цѣнности. *Субъективная цѣнность продуктовъ труда совпадаетъ*, такимъ образомъ, *съ ихъ трудовой цѣнностью, т. е. является результатомъ оцѣнки благъ пропорціонально затраченному на ихъ производство труду.*

Мы уже подчеркнули выше, что точкой опоры въ нашемъ анализѣ отнюдь не служитъ представленіе о

какихъ либо исключительныхъ естественныхъ свойствахъ труда, выдѣляющихъ его изъ ряда другихъ факторовъ производства. Наоборотъ, мы исходимъ изъ того положенія, что *субъективная цѣль* производства заключается въ удовлетвореніи человѣческихъ потребностей и что *для субъекта хозяйства* трудъ является универсальнымъ средствомъ къ этой цѣли. Нѣкоторыя дополняющія соображенія пояснятъ нашу мысль и предупредятъ возможныя возраженія.

Извѣстно, что наряду съ трудомъ въ производствѣ продуктовъ принимаютъ участіе и силы природы, которыя сами трудомъ созданы быть не могутъ. Результатъ производства зависитъ отъ обладанія не только трудомъ, но и независимыми отъ него силами природы. Въ какомъ отношеніи стоитъ этотъ фактъ къ найденному нами положенію, что трудъ для человѣка является единственнымъ универсальнымъ средствомъ производства, а потому и мѣриломъ субъективной цѣнности благъ?

Для того, чтобы производить, человѣку необходимо имѣть въ своемъ обладаніи нѣкоторыя средства производства, напр., силы природы, создать которыя онъ трудомъ не можетъ. Наличность этихъ средствъ есть, слѣдовательно, вообще conditio sine qua non производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ зависимости отъ нея стоитъ общее количество возможнаго производства: такъ, обладая площадью земли размѣромъ въ одну десятину, нельзя прокормить 100 человѣкъ. Наконецъ, характеръ этихъ средствъ производства ограничиваетъ возможность созданія продуктовъ и въ качественомъ отношеніи: напр., нѣкоторые виды продуктовъ на данной землѣ произвести вообще нельзя. Таковы весьма важныя формы зависимости, въ которыхъ производство стоитъ отъ характера силъ природы, принимающихъ въ немъ участіе. Эта зависимость однако есть зависимость совсѣмъ иного рода, чѣмъ та, въ которой производство стоитъ

отъ труда. Первая ограничиваетъ въ качественномъ и количественномъ отношеніи производство, и этимъ ея роль исчерпывается. Вторая состоитъ въ томъ, что качественный *составъ* суммы производимыхъ продуктовъ опредѣляется формой затраты труда. Первая устанавливаетъ общія границы производства, вторая опредѣляетъ, какіе именно продукты будутъ произведены въ предѣлахъ тѣхъ общихъ границъ, которыя ставятся первой. Разъ даны, положимъ, извѣстныя свойства почвы и прочія естественныя условія производства, то въ ихъ предѣлахъ трудъ можетъ переходить изъ одного производства къ другому; при этомъ цѣнность создаваемыхъ имъ продуктовъ будетъ опредѣлятся сравнительной его затратой, такъ какъ въ зависимости отъ направленія, въ которомъ совершается затрата, стоитъ созданіе того или иного рода благъ. Но на этомъ свободномъ выборѣ между благами и покоится связь между ихъ цѣнностью и трудомъ, затраченнымъ на ихъ производство. Если человѣкъ имѣетъ возможность, измѣняя направленіе своей дѣятельности, замѣнять одно благо другимъ, т. е. качественно и количественно опредѣлять составъ благъ, *общая сумма* которыхъ находится въ зависимости отъ условій природы, то субъективная цѣнность всѣхъ этихъ благъ будетъ одинаковой: она будетъ равняться цѣнности общаго „средства производства“, т. е. будетъ пропорціональной затратѣ труда. И это, повторяемъ, обусловлено отнюдь не какими-либо естественными свойствами труда, отличающими его отъ другихъ факторовъ производства: вѣдь такъ же, какъ трудъ, и земля способна производить различные роды благъ и переходить отъ одного производства къ другому. Это опредѣляется исключительно субъективной цѣлью производства: приспособленіемъ результатовъ его къ направленію человѣческой дѣятельности. Каковы бы ни были границы, которыя ставитъ производству независимыя отъ человѣческой воли условія при-

роды, въ ихъ предѣлахъ *управляетъ* производствомъ воля человѣка, и, слѣдовательно результатъ, производства опредѣляется направленіемъ человѣческой дѣятельности, что̀ и приводитъ цѣнность производимыхъ благъ въ зависимость отъ затраты человѣческаго труда.

До сихъ поръ мы исходили изъ представленія о точной зависимости между направленіемъ, въ которомъ совершается затрата труда, и результатомъ производства. Такая точная зависимость, однако, соотвѣтствуетъ скорѣе идеальному состоянію послѣдняго, такъ сказать, конечному пункту всякаго техническаго прогресса, чѣмъ какой-либо опредѣленной его ступени. Вся совокупность факторовъ, участвующихъ въ созданіи блага, отнюдь не подчинена всецѣло господству человѣка; наоборотъ, его господство распространяется только на извѣстную часть ихъ, которую онъ можетъ заставить дѣйствовать въ желательномъ для него направленіи; остальная же часть принимаетъ участіе въ производствѣ чисто стихійно, и дѣйствія ея не опредѣляются волей человѣка. Поэтому общій результатъ производства тоже только въ извѣстной степени зависитъ отъ воли человѣка, отъ направленія его дѣятельности; въ извѣстной же степени онъ обусловленъ тѣми стихійными силами, которыя контролю человѣка не подчинены. Отсюда слѣдуетъ, что та непосредственная зависимость между направленіемъ человѣческой дѣятельности и результатомъ производства, которую мы положили въ основу изложеннаго нами взгляда, не имѣетъ мѣста; зависимость эта всегда можетъ быть только *частичной*. Самый рѣзкій примѣръ этого представляетъ земледѣльческій трудъ: результатъ его, какъ это всѣмъ извѣстно, только до извѣстной степени находится въ зависимости отъ дѣйствій человѣка. Наряду съ послѣдними онъ опредѣляется не подчиненными человѣку, стихійно дѣйствующими силами природы.

Нетрудно, однако убѣдиться въ томъ что пред-

положеніе о точной зависимости результата производства отъ направленія человѣческой дѣятельности есть лишь наиболѣе простой, но отнюдь не необходимый исходный пунктъ для нашей теоріи. Прежде всего ясно, что производство, въ смыслѣ цѣлесообразнаго руководства силами природы при созданіи благъ, не смѣнило внезапно естественную производительную дѣятельность природы, совершенно не подчиненную волѣ человѣка, не появилось на свѣтъ, такъ сказать, въ полномъ вооруженіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Наоборотъ, то, что мы называемъ техническимъ прогрессомъ, есть именно не что иное, какъ постепенный процессъ подчиненія силъ природы волѣ человѣка, процессъ замѣщенія естественной производительной дѣятельности природы цѣлесообразнымъ производствомъ, руководимымъ волей человѣка. Въ той мѣрѣ, въ какой мы имѣемъ передъ собой это цѣлесообразное производство, мы имѣемъ и зависимость результата производства отъ направленія человѣческой дѣятельности, потому что первое есть не что иное, какъ названіе для второй; и наоборотъ, въ той мѣрѣ, въ какой этотъ процессъ овладѣнія силами природы еще не совершился, мы имѣемъ отсутствіе такой зависимости. Результатъ производства, слѣдовательно, складывается, какъ равнодѣйствующая, съ одной стороны, воли человѣка, т. е. направленія его дѣятельности, съ другой — дѣйствія независимыхъ отъ него силъ. При этомъ техническое развитіе имѣетъ тенденцію постоянно увеличивать роль перваго фактора въ ущербъ второму. Но какое вліяніе имѣетъ такое положеніе дѣла на цѣнность производимыхъ благъ?

Когда потребности человѣка удовлетворяются путемъ потребленія благъ, всецѣло созданныхъ производительной дѣятельностью природы, субъективная цѣнность этихъ благъ, какъ мы видѣли, опредѣляется самостоятельной предѣльной полезностью каждаго изъ

нихъ и не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ труду. Когда, въ предположенномъ нами идеальномъ случаѣ, производство благъ всецѣло зависитъ отъ направленія человѣческой дѣятельности, цѣнность благъ, входящихъ въ составъ дохода, опредѣляется исключительно затратой труда на ихъ производство. Какъ обстоитъ дѣло на переходной ступени между обоими этими состояніями, это рѣшить нетрудно на основаніи изложеннаго нами въ предыдущей главѣ закона зависимости цѣнности отъ издержекъ производства. Разъ трудъ уже принимаетъ участіе въ производствѣ благъ, разъ онъ является по крайней мѣрѣ однимъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ результатъ производства, то мы имѣемъ на лицо господство человѣка надъ производствомъ въ томъ отношеніи, что увеличивая или уменьшая затрату труда въ различныхъ отрасляхъ производства, человѣкъ имѣетъ возможность измѣнять количество продукта, а слѣдовательно и цѣнность его. При такомъ положеніи дѣла цѣнность продукта хотя и будетъ опредѣляться его собственной предѣльной полезностью, но будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ автоматически стремиться стать пропорціональной затратѣ труда, именно благодаря переходу труда отъ менѣе доходныхъ отраслей производства въ отрасли болѣе доходныя и обусловленному такимъ переходомъ сглаживанію различій въ цѣнности продуктовъ равнаго количества труда. Законъ трудовой цѣнности будетъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ косвенно, черезъ рядъ постоянныхъ колебаній и уклоненій отъ него въ ту и другую сторону. Для дѣйствія его, такимъ образомъ, отнюдь не требуется *идеально-точная* зависимость между результатомъ производства и затратой труда; такая точность обезпечиваетъ лишь наиболѣе быстрое и непосредственное его дѣйствіе, а не дѣйствіе вообще, которое имѣетъ мѣсто, разъ только дана возможность, посредствомъ измѣненія въ направленіи затраты труда, измѣнить качество, а вмѣстѣ съ

тѣмъ и цѣнность продукта [1]). Несмотря на временное уклоненіе отдѣльныхъ субъективныхъ оцѣнокъ отъ трудовой цѣнности, онѣ будутъ имѣть постоянную тенденцію совпасть съ ней.

Намъ могутъ указать, что въ нашемъ допущеніи отклоненія субъективныхъ цѣнностей отъ точной пропорціональности затратѣ труда кроется то самое противорѣчіе, которое мы нашли при анализѣ трудовой теоріи мѣновой цѣнности въ фактѣ существованія рыночныхъ цѣнъ, не совпадающихъ съ трудовой ценностью. И тутъ, какъ и тамъ, трудовая цѣнность осуществляется, какъ результатъ колебанія цѣнностей, высота которыхъ затратой труда не опредѣляется. Однако, это возраженіе было бы правильно только въ томъ случаѣ, если бы мы поставили своей задачей доказать, что „субстанція“ или общее условіе субъективной цѣнности заключается въ трудѣ, подобно тому, какъ, по теоріи Маркса, трудъ есть „субстанція“ мѣновой цѣнности. Отъ подобныхъ намѣреній мы однако весьма далеки. Общія условія субъективной цѣнности мы считаемъ лежащими не въ затратѣ труда, а въ другихъ обстоятельствахъ, изложенію которыхъ мы посвятили предшествующую главу. Зависимость между цѣнностью и трудомъ, которую мы старались обнаружить, не лежитъ въ самомъ понятіи цѣнности, а есть зависимость реаль-

[1]) Штольцманнъ въ цитированной уже книгѣ предлагаетъ приверженцамъ трудовой теоріи цѣнности рѣшить „на премію“ слѣдующую задачу: „сколько труда содержится въ яйцѣ, снесенномъ курицей на птичьемъ дворѣ?“. Онъ предполагаетъ, что за невозможностью рѣшенія этой задачи должна пасть и трудовая теорія цѣнности (Die sociale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre, s. 89 — 92). Это неправильно, какъ это видно изъ предыдущаго анализа. Если человѣку дана возможность, путемъ измѣненія въ направленіи своей хозяйственной дѣятельности, увеличивать или уменьшать количество яицъ, получаемыхъ имъ съ его птичьяго двора, то дана возможность и трудовой оцѣнки яицъ, хотя относительно каждаго отдѣльнаго яйца предложенная Штольцманномъ „задача на премію“ и остается неразрѣшимой.

ная, происходящая изъ особой комбинаціи общихъ условій цѣнности. Поэтому и уклоненія отъ этой зависимости не могутъ служить противорѣчіемъ факту ея существованія.

Только одинъ пунктъ мы должны особенно здѣсь подчеркнуть. Въ изложенной нами теоріи лежитъ разгадка того, повидимому, таинственнаго факта, что цѣнность создается однимъ лишь человѣческимъ трудомъ. Для признанія этого положенія ничуть не требуется прибѣгнуть къ признанію особенной, можно сказать, метафизической способности, скрытой въ природѣ человѣческаго труда и отличающей его отъ всѣхъ другихъ факторовъ производства. Дѣло объясняется гораздо проще. Если мы исходимъ изъ представленія о человѣкѣ, какъ субъектѣ хозяйственной дѣятельности, то цѣль производства мы можемъ видѣть лишь въ удовлетвореніи потребностей человѣкъ же. Это удовлетвореніе можетъ быть обезпечено только при одномъ условіи, именно, когда человѣкъ можетъ имѣть въ своемъ обладаніи тѣ блага, въ которыхъ онъ нуждается, когда наличность этихъ благъ поставлена въ зависимость отъ человѣческихъ желаній. Но желанія непосредственно опредѣляютъ только направленіе человѣческой дѣятельности; слѣдовательно, для достиженія цѣли производства оно должно быть организовано такъ, чтобы отъ направленія этой дѣятельности зависѣлъ результатъ производства. Именно это условіе ставитъ въ зависимость удовлетвореніе потребности отъ личной дѣятельности человѣка, т. е. создаетъ связь между затратой труда и наличностью требуемыхъ благъ, а потому и приводитъ въ связь цѣнность этихъ благъ отъ затраты труда. По отношенію къ человѣческому труду всѣ остальные факторы производства составляютъ, такъ сказать, только передаточный механизмъ, черезъ посредство котораго измѣненіе въ направленіи производительной дѣятельности человѣка отражается на измѣ-

неніи результатовъ производства. Трудъ животныхъ и трудъ машинъ, трудъ непосредственно данныхъ естественныхъ силъ природы и трудъ тѣхъ ея силъ, дѣйствіе которыхъ обусловлено уже предварительной дѣятельностью человѣка — всѣ эти факторы производства должны быть организованы такъ, чтобы передавать измѣненіе человѣческой дѣятельности въ желательной формѣ результатамъ производства. Подобно тому, какъ движеніе паровоза опредѣляется, съ точки зрѣнія машиниста, его личной дѣятельностью, такъ какъ машинистъ, а не сила пара, *управляетъ* этимъ движеніемъ, такъ и для субъекта хозяйства результатъ производства зависитъ отъ направленія его дѣятельности, а цѣнность произведенныхъ благъ опредѣляется его трудомъ, каковы бы ни были факторы, принимающіе участіе въ производствѣ. Поставьте на мѣсто человѣка какого-нибудь другого субъекта хозяйства — и производство должно будетъ приспособляться къ послѣднему, и субъективная цѣнность результата производства станетъ въ зависимость отъ дѣятельности этого новаго субъекта хозяйства.

Отсюда ясно, что трудовая теорія цѣнности пріобрѣтаетъ значеніе только въ примѣненіи къ *субъективной* цѣнности. Теоріи, устанавливавшія зависимость между затратой человѣческаго труда и какимъ либо видомъ *объективной* цѣнности—будетъ ли то мѣновая цѣнность, или что либо другое—не могли быть успѣшными, потому что всѣ онѣ должны были опираться на представленіе объ исключительной *объективной* роли труда въ производствѣ, именно способности создать цѣнность, которая разсматривалась, какъ объективный, матеріальный фактъ внѣшняго міра. Цѣнность, въ примѣненіи къ которой сохраняетъ свое значеніе трудовая теорія, есть не матеріальный, а *психологическій* фактъ. Она есть не что иное, какъ перенесенная на объектъ *человѣческая оцѣнка* послѣд-

няго. Если *для человѣка* результатъ производства зависитъ отъ направленія его личной дѣятельности, то онъ эту зависимость кладетъ въ основу своей оцѣнки результата производства. *Субъективный характеръ цѣнности*, опредѣляемой затратой человѣческаго труда, объясняетъ намъ возможность значенія труда для этой цѣнности, какъ значенія чисто субъективнаго, создаваемаго субъектомъ хозяйства человѣкомъ, а не лежащаго въ природѣ самого труда.

Мы можемъ теперь формулировать общіе выводы настоящей ступени нашего анализа.

Въ отличіе отъ мѣнового хозяйства, гдѣ доходъ отдѣльнаго лица есть результатъ его хозяйственныхъ отношеній къ остальнымъ членамъ хозяйства, въ изолированномъ хозяйствѣ доходъ субъекта хозяйства можетъ состоять только изъ воспроизводимыхъ благъ, такъ какъ періодическое уничтоженіе этихъ благъ требуетъ періодическаго же ихъ возобновленія путемъ производительной дѣятельности. Особенность человѣческаго хозяйства заключается въ томъ, что эта производительная дѣятельность подчиняется контролю человѣка, именно такъ, что результатъ производства ставится въ зависимость отъ направленія личной дѣятельности человѣка. Благодаря этому зависимость человѣка отъ природы выражается не въ томъ, что удовлетвореніе каждой отдѣльной потребности зависитъ отъ наличности каждаго отдѣльнаго, необходимаго для этого, блага, а въ томъ, что для удовлетворенія всѣхъ потребностей человѣкъ долженъ затрачивать свою рабочую силу на производство благъ, такъ что затратѣ опредѣленнаго ея количества соотвѣтствуетъ пріобрѣтеніе опредѣленнаго количества разнаго рода благъ. Это въ свою очередь приводитъ къ зависимости цѣнности всѣхъ благъ, входящихъ въ составъ дохода, отъ затраты труда. Другими словами, субъективная цѣнность этихъ благъ совпадаетъ съ трудовой цѣнностью.

Трудовая цѣнность есть не что иное, какъ субъективная цѣнность дохода изолированнаго хозяйства.

Теперь мы должны сдѣлать еще одинъ шагъ далѣе и посмотрѣть, какое примѣненіе наши выводы могутъ имѣть къ общественному хозяйству.

Прежде всего ясно, что понятіе общественнаго хозяйства не составляетъ логической антитезы понятію хозяйства изолированнаго. Подъ послѣднимъ подразумѣвается лишь хозяйство, при которомъ потребности его субъекта удовлетворяются путемъ собственной дѣятельности этого субъекта, другими словами, при которомъ, отсутствуетъ взаимодѣйствіе между отдѣльными хозяйствами. Наоборотъ, *кто* является субъектомъ хозяйства—для понятія изолированнаго хозяйства безразлично. Если у Робинзона на его островѣ является помощникъ въ лицѣ Пятницы, то отъ этого не мѣняется характеръ его хозяйства; оба они вмѣстѣ образуютъ теперь того субъекта хозяйства, дѣятельность котораго служитъ условіемъ удовлетворенія ихъ потребностей. Ничего не измѣнится, далѣе, въ характерѣ хозяйства, если мы на мѣсто Робинзона и Пятницы поставимъ, положимъ, цѣлую крестьянскую семью, удовлетворяющую всѣ свои потребности собственнымъ трудомъ своихъ членовъ; и такъ же мало, наконецъ, измѣнится дѣло, если мы возьмемъ соціальную группу, которую Марксъ называетъ „союзомъ свободныхъ производителей“. Во всѣхъ этихъ случаяхъ сохраняется полная аналогія съ изолированнымъ хозяйствомъ, субъектомъ котораго является отдѣльный человѣкъ; здѣсь, какъ и тамъ, потребности субъекта хозяйства удовлетворяются путемъ его собственной дѣятельности, направленной на созданіе необходимыхъ для него благъ; здѣсь, какъ и тамъ, производство организовано такъ, что результаты его находятся въ зависимости отъ направленія дѣятельности субъекта хозяйства. Поэтому и здѣсь цѣнность благъ, входящихъ въ со-

ставъ дохода всей соціальной группы, вмѣстѣ взятой, будетъ опредѣляться тѣми же законами, какъ и въ изолированномъ хозяйствѣ, субъектомъ которой являлась отдѣльная личность. Мы можемъ, слѣдовательно, установить то положеніе, что въ хозяйствѣ, субъектомъ котораго является соціальная группа, цѣнность благъ, входящихъ въ общественный доходъ, пропорціональна сравнительной затратѣ общественнаго труда на ихъ производство.

Выводъ этотъ требуетъ, однако, нѣкоторыхъ поясненій. Прежде всего, что значитъ въ этомъ случаѣ „цѣнность“? Въ предшествовавшемъ анализѣ мы исходили изъ понятія субъективной цѣнности, установленнаго психологической теоріей. Но эта теорія признаетъ всегда субъектомъ цѣнности только отдѣльную личность; въ данномъ же случаѣ мы имѣемъ дѣло съ цѣлой группой, какъ субъектомъ цѣнности. Можно было бы подумать, что такое отношеніе вообще немыслимо.

Психологическая теорія, при своемъ индивидуалистическомъ міровоззрѣніи, никогда не задавалась этимъ вопросомъ; она всегда молчаливо подразумѣвала субъектомъ цѣнности отдѣльную личность, но никогда не доказывала невозможности другихъ субъектовъ. Съ перваго взгляда могло бы показаться, что эта невозможность вытекаетъ изъ самого понятія цѣнности: такъ какъ цѣнность есть не что иное, какъ психологическое состояніе, испытываемое субъектомъ при взаимодѣйствіи съ предметами внѣшняго міра, и такъ какъ субъектомъ въ психологическомъ смыслѣ можетъ быть только индивидуумъ, а не общество, то тѣмъ самымъ только индивидуумъ можетъ быть и субъектомъ цѣнности. Мы полагаемъ, однако, что возможно разсматривать, какъ субъектъ цѣнности, въ извѣстномъ отношеніи и цѣлую группу, не прибѣгая къ метафизической гипотезѣ наличности особаго сознанія у группы, дѣлающаго ее субъектомъ самостоятельной психической

жизни. „Общественно-хозяйственная точка зрѣнія“, значеніе которой для многихъ явленій хозяйственной жизни давно уже сознано, можетъ и должна быть примѣнена и къ разсмотрѣнію субъективной цѣнности.

Мы видѣли, что субъективное *чувство* цѣнности — субъектами котораго, какъ мы охотно признаемъ, могутъ быть только индивидуумы — имѣетъ извѣстную объективную подкладку: оно соотвѣтствуетъ значенію благъ для самосохраненія субъекта хозяйства, служитъ выраженіемъ зависимости этого самосохраненія отъ извѣстныхъ условій. Если однако борьбу съ природой ведетъ не изолированный человѣкъ, а соціальная группа, то рѣшающимъ объективнымъ условіемъ возникновенія чувства цѣнности является польза извѣстнаго блага для самосохраненія всего общественнаго хозяйства, всей группы вмѣстѣ взятой. Отдѣльные члены этой группы будутъ считать цѣнными тѣ блага, которыя полезны всей соціальной группѣ. Это является необходимымъ условіемъ для функціонированія соціальной группы, какъ единаго субъекта хозяйства — а такое функціонированіе мы имѣемъ вездѣ, гдѣ встрѣчаемъ сознательное и цѣлесообразное сотрудничество нѣсколькихъ лицъ. Необходимое здѣсь общее руководство хозяйственной дѣятельностью членовъ группы возможно только въ томъ случаѣ, если потребности этихъ членовъ слились въ потребность группы, и эта послѣдняя опредѣляетъ направленіе дѣятельности. Словомъ, чувство цѣнности есть „условіе хозяйственной дѣятельности“, и потому единство хозяйственной дѣятельности соціальной группы предполагаетъ единство чувства цѣнности въ ея членахъ. Хотя *психологическими* субъектами этого чувства остаются, конечно, эти послѣдніе, но источникомъ его являются не ихъ личныя потребности, а потребности и интересы соціальной группы, или, точнѣе, ихъ личныя потребности, поскольку онѣ по своему содержанію соотвѣт-

ствуютъ содержанію общей потребности соціальной группы. Мы имѣемъ, слѣдовательно, передъ собой *общественную субъективную цѣнность*, не въ томъ смыслѣ, что общество является психологическимъ субъектомъ чувства цѣнности, а въ томъ, что источниками этого чувства служатъ интересы всего общества. Эта *общественная цѣнность* по своей природѣ ничуть не отличается отъ всѣхъ прочихъ психическихъ явленій, которыя мы снабжаемъ опредѣленіемъ общественныхъ, и объясненіе ея сводится на объясненіе подобныхъ явленій вообще. Подобно тому, какъ мы говоримъ объ общественныхъ интересахъ, объ общественной пользѣ о потребностяхъ общества, о дѣятельности общества—хотя реальными субъектами интересовъ, потребностей, дѣятельности и т. д. могутъ быть только индивидуумы—точно такъ же и въ томъ же смыслѣ имѣемъ мы право говорить объ общественной цѣнности; сходство еще болѣе увеличивается тѣмъ, что цѣнность есть не что иное, какъ сопровождающій моментъ потребности. Очевидно во всѣхъ этихъ случаяхъ природа отношеній состоитъ въ томъ, что *содержаніе* психической жизни индивидуумовъ—содержаніе ихъ интересовъ, потребностей и т. д.—совпадаетъ между собой, и это единство въ извѣстномъ смыслѣ олицетворяется въ видѣ общества, какъ единаго, независимаго отъ индивидуумовъ, субъекта этой суммы индивидуальныхъ психическихъ процессовъ [1]). Какъ бы однако ни об-

[1]) Это замѣчаніе, разумѣется, не претендуетъ на исчерпывающее объясненіе этого сложнаго соціально-психологическаго явленія. Существенное, что нужно имѣть въ виду, это независимость *содержанія* потребностей и оцѣнокъ отъ того, кто является ихъ *субъектомъ*. Индивидуумъ такъ же легко можетъ сдѣлать объектомъ своихъ потребностей и потому цѣнностями для себя явленія, полезныя ему самому, какъ и явленія, полезныя другимъ индивидуумамъ или даже объективно полезныя самосохраненію группы. Поэтому индивидуальность психологическаго, или, если угодно, теоретико-познавательнаго субъекта не предрѣшаетъ еще, такъ сказать, индивидуальности субъекта, польза и само-

стояло дѣло, одно не подлежитъ сомнѣнію: если мы имѣемъ передъ собой соціальную группу, въ роли единаго субъекта хозяйственной дѣятельности, то это предполагаетъ также единство воли и потребностей, а, слѣдовательно, и единство оцѣнки благъ во всѣхъ ея членахъ. Въ этомъ смыслѣ общество можно назвать субъектомъ оцѣнки, а соотвѣтствующую цѣнность—субъективной общественной цѣнностью.

Но не только цѣнность будетъ въ данномъ случаѣ *общественной* цѣнностью; точно такъ же и дѣятельность субъекта хозяйства, въ зависимости отъ которой стоитъ созданіе благъ, и сравнительная затрата которой поэтому опредѣляетъ цѣнность этихъ благъ, будетъ общественной. Цѣнность благъ, входящихъ въ составъ общественнаго дохода, будетъ пропорціональна долѣ *общественнаго* труда, потраченной на ихъ производство. Трудъ отдѣльныхъ членовъ общества, если мы разсматриваемъ общество, какъ единый субъектъ хозяйства, есть лишь составная часть одного общественнаго труда, функціонирующаго, какъ одно цѣлое. Качественныя различія въ трудѣ отдѣльныхъ лицъ не имѣютъ въ данномъ случаѣ никакого значенія, такъ какъ рабочія силы индивидуумовъ сливаются вмѣстѣ и проявляются только какъ части качественно и количественно опредѣленной общественной рабочей силы. Отдѣльныя части своей рабочей силы общество распредѣляетъ по различнымъ отраслямъ труда, либо въ формѣ раздѣленія труда между отдѣльными членами общества, либо въ формѣ исполненія каждымъ членамъ различныхъ работъ въ разное время. Направленіе затраты общественнаго труда измѣняется сообразно съ потребностями общества, или, что то же, сообразно съ высотой субъективной цѣнности различнаго

сохраненіе котораго являются источникомъ этихъ потребностей и цѣнностей. Подробно объ этомъ см. *Simmel*, *Einleitung in die Moralwissenschaft*, *B. I.*

рода продуктовъ; это измѣненіе опять-таки можетъ заключаться или въ измѣненіи распредѣленія занятій между отдѣльными членами, или въ измѣненіи состава занятій, приходящихся на каждаго члена. Словомъ, общественная рабочая сила функціонируетъ, какъ дѣятельность единаго субъекта, направляемая единой волей, и ничѣмъ не отличается отъ рабочей силы индивидуальнаго субъекта хозяйства, какимъ является напр. Робинзонъ на его островѣ.

Наконецъ, остается еще одна категорія, требующая разъясненія въ примѣненіи къ общественному хозяйству. Въ общественномъ хозяйствѣ, аналогично хозяйству индивидуальному, сумма благъ, періодически потребляемыхъ и потому уничтожаемыхъ субъектомъ хозяйства, составляетъ *общественный доходъ*, который требуетъ постояннаго возобновленія, т. е. состоитъ изъ воспроизводимыхъ благъ. Цѣнность этихъ благъ будетъ поэтому опредѣляться, какъ мы уже указывали, сравнительнымъ количествомъ общественнаго труда, затрачиваемаго на ихъ производство. Только одинъ новый моментъ привступаетъ здѣсь: доходъ этотъ, прежде чѣмъ стать объектомъ потребленія, долженъ быть *распредѣленъ* между членами общества. Какъ совершается это распредѣленіе, это насъ здѣсь не касается, такъ какъ мы разсматриваемъ общественное хозяйство въ формѣ изолированнаго хозяйства. Одно только ясно: способъ этого распредѣленія не стоитъ ни въ какой зависимости отъ самой сущности общественнаго хозяйства и потому a priori развитъ быть не можетъ; всѣ мыслимые способы распредѣленія одинаково возможны и одинаково примиримы съ функціонированіемъ общественнаго хозяйства.

Мы находимся теперь на послѣдней ступени нашего анализа. Какъ обстоитъ дѣло въ общественномъ хозяйствѣ, строй котораго составляетъ прямую противоположность изолированному хозяйству, въ хо-

зяйствѣ, гдѣ потребности общества удовлетворяются путемъ стихійнаго взаимодѣйствія дѣятельностей отдѣльныхъ членовъ общества и гдѣ, поэтому, отсутствуетъ единый субъектъ хозяйства, воля котораго руководитъ функціонированіемъ общественнаго производительнаго механизма? Извѣстно, что таковы типическія черты современнаго хозяйственнаго строя.

Грандіозный механизмъ кооперації и раздѣленія труда, посредствомъ котораго достигается удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей въ современномъ обществѣ, не имѣетъ, такъ сказать, механика, руководящаго его функціонированіемъ. Это послѣднее является результатомъ стихійнаго столкновенія отдѣльныхъ субъективныхъ оцѣнокъ, руководящихъ дѣятельностью каждаго члена общества совершенно независимо отъ дѣятельности другого. Объективно дѣятельность каждаго члена общества направлена на удовлетвореніе потребностей всего общества, субъективно она руководится его личными интересами, и условіемъ ея является его индивидуальная оцѣнка благъ, въ которую отнюдь не входитъ значеніе благъ съ точки зрѣнія всего общества. Столкновеніе такихъ индивидуальныхъ оцѣнокъ образуетъ мѣновую цѣнность благъ, а послѣдняя, какъ извѣстно, служитъ непосредственнымъ регуляторомъ описываемаго нами „товарнаго хозяйства“.[1]). Можно было бы поэтому придти къ заключенію, что общественная оцѣнка въ подобномъ хозяй-

[1]) Любопытно, что подобная характеристика современнаго хозяйства, которую Марксъ далъ въ своемъ ученіи объ „анархіи производства“, имѣется также и у главы психологическаго направленія—Карла Менгера (См. его Ueber die Metoden der Socialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere, въ частности Anhang I: Ueber das Wesen der Volkswirtschaft) и даже пріобрѣтаетъ особенную выразительность съ точки зрѣнія теоріи субъективной цѣнности. Это одно могло бы служить доказательствомъ, какъ нелѣпъ модный у насъ способъ раздѣлываться съ теоріями Менгера и Бемъ-Баверка простымъ клейменіемъ ихъ названіемъ „буржуазныхъ“.

ствѣ отсутствуетъ, и что слѣдовательно изложенная выше теорія къ нему не примѣнима.

Такое мнѣніе нельзя признать вѣрнымъ. Прежде всего мы должны замѣтить, что изложенная характеристика, хотя и подчеркиваетъ типичныя стороны современнаго хозяйственнаго строя, но страдаетъ нѣкоторымъ схематизмомъ, упрощающимъ изложеніе до извѣстной степени въ ущербъ точности. „Анархія производства“ и, какъ логическая противоположность ей, сознательное руководство всѣмъ общественнымъ хозяйствомъ—эти два типа общественныхъ отношеній суть лишь общія *понятія*, а не реальныя явленія. Реально мы можемъ себѣ представить только бо́льшую или меньшую степень „обобществленія“ хозяйства или, наоборотъ, отсутствія подобнаго обобществленія. Во всякомъ обществѣ — именно потому, что оно есть общество — часть функцій выполняется сознательной дѣятельностью органовъ общества, и общественныя, состоянія отличаются другъ отъ друга не по присутствію и отсутствію этихъ центральныхъ органовъ, воля которыхъ руководитъ общественнымъ механизмомъ, а по количеству и характеру функцій, подчиненныхъ этому руководству. Поэтому мыслимъ постепенный переходъ изъ одной общественной формаціи въ другую, посредствомъ прогрессивнаго съуженія сферы стихійнаго взаимодѣйствія дѣятельностей и соотвѣтствующаго расширенія сферы сознательнаго управленія дѣятельностью членовъ общества; убѣжденіе въ этомъ все болѣе распространяется теперь, вытѣсняя прежнее некритическое представленіе о невозможности посредствующихъ ступеней между стадіями общественнаго развитія. Отсюда можно вывести заключеніе, что и общественная оцѣнка, собственно, имѣетъ мѣсто постоянно и только распространяется на бо́льшій или меньшій кругъ хозяйственныхъ функцій. Впрочемъ, даже оставляя это соображеніе въ сторонѣ, мы можемъ

придти къ признанію значенія общественной цѣнности и въ хозяйственномъ строѣ, гдѣ отсутствуетъ единый субъектъ хозяйства.

Это непосредственно вытекаетъ изъ анализа условій общественной цѣнности. Мы видѣли, что для признанія послѣдней нѣтъ необходимости прибѣгать къ гипотезѣ центральнаго общественнаго сознанія, въ качествѣ самостоятельнаго субъекта цѣнности. Общественная цѣнность существуетъ въ формѣ субъективной оцѣнки благъ отдѣльными членами общества, но только съ точки зрѣнія интересовъ и потребностей всего общества. Единственнымъ условіемъ ея является, слѣдовательно, только наличность опредѣленнаго содержанія сознанія у членовъ общества, наличность оцѣнки съ точки зрѣнія не индивидуальныхъ, а коллективныхъ интересовъ. Разница между „планомѣрнымъ“ и „стихійнымъ“ хозяйствомъ заключается только въ томъ *значеніи*, которое имѣетъ тамъ и здѣсь общественная цѣнность: въ первомъ случаѣ она есть условіе хозяйственной дѣятельности общества, такъ какъ опредѣляетъ собой направленіе этой дѣятельности; поэтому тутъ, какъ мы видѣли, она абсолютно необходима: наличность единой воли предполагаетъ наличность единой оцѣнки; во второмъ случаѣ, хозяйственная дѣятельность общества слагается независимо отъ какой-либо руководящей воли, а слѣдовательно оцѣнки благъ; здѣсь поэтому въ такой общественной оцѣнкѣ нѣтъ необходимости: *практически* она не играетъ никакой роли. Таково существенное различіе между намѣченными двумя типами общественныхъ отношеній; если подъ трудовой цѣнностью необходимо понимать общественную субъективную цѣнность, то мы можемъ повторить, въ нѣсколько иномъ смыслѣ, слова Родбертуса: „трудовая цѣнность есть не фактъ, а великая народохозяйственная идея“, потому что принципъ общественной оцѣнки, какъ практическаго

регулятора хозяйственной дѣятельности, есть дѣйствительно не что иное, какъ великая идея, ждущая своего осуществленія въ будущемъ.

Такое признаніе принципіальнаго различія между современной ролью общественной оцѣнки и ролью ея въ идеальномъ будущемъ, гдѣ она должна пріобрѣсти выдающееся практическое значеніе и стать необходимостью, не мѣшаетъ, однако, утверждать, что и при современномъ хозяйственномъ строѣ общественная оцѣнка — если она и не сопровождается никакими практическими послѣдствіями и потому не необходима [1]) — все же не только возможна, но и фактически имѣется на лицо

Никто не будетъ отрицать, что мы *можемъ* оцѣнивать явленія съ точки зрѣнія не только личныхъ интересовъ, — будутъ ли то наши собственные интересы, или интересы другихъ людей, — но и интересовъ общественныхъ, интересовъ соціальной группы, взятой какъ одно цѣлое, и что мы дѣйствительно совершаемъ подобную оцѣнку. Если хозяйственная жизнь и управляется личными интересами отдѣльныхъ членовъ общества, то было бы нелѣпо отрицать наличность также и общественной оцѣнки. Когда мы оцѣниваемъ извѣстное общественное мѣропріятіе или учрежденіе, когда мы говоримъ объ общественныхъ потребностяхъ, общественной пользѣ и т. д., то мы имѣемъ въ виду потребности и пользу всей соціальной группы, взятой какъ одно цѣлое. Въ этомъ же смыслѣ не только возможна, но и реально существуетъ оцѣнка благъ съ точки зрѣнія всего общества, какъ одного субъекта хозяйства; въ качествѣ примѣра подобной оцѣнки можно привести хотя бы оцѣнку из-

[1]) Мы исходимъ здѣсь изъ гипотезы полнаго отсутствія сознательнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь общества, гипотезы, которая, какъ мы указали, соотвѣтствуетъ дѣйствительности только до извѣстной степени.

вѣстной территоріи, напр. колоніальнаго владѣнія, съ точки зрѣнія интересовъ всей соціальной группы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы разсматриваемъ извѣстное благо такъ, какъ будто общество было реальнымъ субъектомъ хозяйства, и мы давали бы оцѣнку блага въ качествѣ органовъ общественной воли. Общественная оцѣнка или, что то же, общественная субъективная цѣнность есть одно изъ постоянныхъ и наиболѣе прочныхъ содержаній нашего сознанія.

Но для того, чтобы оцѣнивать блага съ общественной точки зрѣнія, мы должны представлять себѣ общество въ видѣ реальнаго субъекта хозяйства, руководящаго дѣятельностью отдѣльныхъ членовъ общественнаго хозяйства. Это представленіе можетъ возникнуть тѣмъ легче, что въ объективной дѣйствительности общественный производительный механизмъ функціонируетъ такъ, *какъ будто бы* имъ руководила центральная воля; цѣлесообразная дѣятельность отдѣльныхъ частей механизма можетъ быть безсознательной, но цѣлесообразной она должна остаться, иначе невозможно было бы и самое функціонированіе. Извѣстно, что стихійная организація товарнаго хозяйства приспособлена такъ, что направленіе, въ которомъ затрачивается трудъ на производство благъ, измѣняется съ измѣненіемъ общественныхъ потребностей; объективные признаки процесса не отличаютъ его отъ того процесса, который происходилъ бы подъ сознательнымъ руководствомъ общественныхъ органовъ, или отличаетъ только бо̀льшимъ треніемъ, которымъ онъ сопровождается. Если, поэтому, мы имѣемъ представленіе объ обществѣ, какъ единомъ субъектѣ, руководящемъ хозяйственной дѣятельностью, то всѣ остальные условія таковы же, какъ если бы эта дѣятельность имѣла мѣсто въ дѣйствительности. Поэтому всѣ законы цѣнности, примѣнимые къ изолированному хозяйству, могутъ найти примѣненіе и здѣсь, разъ только имѣется

представленіе о субъектѣ общественнаго хозяйства, его нуждахъ и потребностяхъ.

Итакъ, въ обществѣ, гдѣ реальное единство субъекта хозяйства отсутствуетъ, или гдѣ дѣятельность этого субъекта по крайней мѣрѣ играетъ сравнительно незначительную роль въ совокупности общественно-хозяйственныхъ процессовъ, категорія общественной цѣнности имѣетъ мѣсто постольку, поскольку въ обществѣ распространено *представленіе* объ общественномъ хозяйствѣ, какъ единомъ цѣломъ. Субъективный характеръ, отличающій цѣнность вообще, сказывается здѣсь съ особенной силой, такъ какъ отъ субъективныхъ предпосылокъ зависитъ въ данномъ случаѣ не только сама оцѣнка, но и представленіе о томъ единомъ субъектѣ—обществѣ, съ точки зрѣнія котораго она совершается. Условіемъ возникновенія представленія объ общественной цѣнности является, такимъ образомъ, извѣстное культурно-правовое или этическое міросозерцаніе, основанное на признаніи всѣхъ людей членами общества и сознаніи интересовъ общества, какъ такового, т. е. всѣхъ членовъ общества, взятыхъ вмѣстѣ, независимо отъ личныхъ интересовъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Гдѣ такое міросозерцаніе отсутствуетъ, тамъ не можетъ имѣть мѣста и представленіе объ общественной цѣнности продукта. Въ этомъ смыслѣ совершенно справедливо замѣчаетъ Марксъ, что представленіе о трудѣ, какъ источникѣ цѣнности, могло возникнуть только когда идея равенства людей пріобрѣла прочность народнаго предразсудка. Но подобная субъективно-психологическая основа общественной цѣнности ничуть не колеблетъ ея значенія. Такъ какъ всякая цѣнность предполагаетъ наличность извѣстныхъ психологическихъ условій, на почвѣ которыхъ она возникаетъ, то не будетъ противорѣчіемъ и необходимость такихъ условій для общественной субъективной цѣнности, разъ только эти условія даны вполнѣ реально и разъ они

по своей прочности не уступаютъ условіямъ индивидуальной субъективной цѣнности. Въ послѣднемъ же не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ представленіе объ обществѣ, какъ субъектѣ самостоятельныхъ потребностей и интересовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оцѣнокъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе прочныхъ и обще-обязательныхъ аксіомъ современнаго культурно-правового міросозерцанія.

Мы имѣемъ теперь отвѣтъ на вопросъ о томъ, что такое трудовая цѣнность. *Трудовая цѣнность есть общественная субъективная цѣнность дохода въ общественномъ хозяйствѣ.* Если представить себѣ общество въ видѣ одного хозяйничающаго субъекта, другими словами, если исходить изъ представленія объ его интересахъ и потребностяхъ, то всѣ блага, входящія въ доходъ, оцѣниваются какъ продукты его труда. Какова бы ни была мѣновая цѣнность этихъ благъ, для общества, какъ такового, онѣ являются результатомъ его производительной дѣятельности, а потому ихъ цѣнность опредѣляется количествомъ затраченнаго на ихъ производство общественнаго труда.

Намъ остается посмотрѣть, какое значеніе имѣетъ трудовая теорія цѣнности въ томъ видѣ, въ которомъ она была здѣсь изложена.

Прежде всего, трудовая теорія цѣнности не примѣнима къ *мѣновой цѣнности;* отношеніе, въ которомъ обмѣниваются между собой товары, не стоитъ въ непосредственной зависимости отъ сравнительнаго количества труда, затраченнаго на ихъ производство. Почему происходитъ такое несоотвѣтствіе между условіями, опредѣляющими общественную субъективную цѣнность и мѣновую цѣнность, это мы постараемся выяснить далѣе; пока ограничиваемся констатированіемъ этого вывода.

Мы видѣли далѣе, что помимо мѣновой цѣнности остается еще только одинъ видъ цѣнности — субъек-

тивная цѣнность. Но и ее мы не можемъ отожествить непосредственно съ трудовой цѣнностью, такъ какъ она опредѣляется болѣе широкими причинами — зависимостью удовлетворенія потребностей отъ обладанія благами. Если для трудовой цѣнности остается мѣсто, то это—мѣсто подвида общаго понятія субъективной цѣнности. Субъективная цѣнность совпадаетъ съ трудовой цѣнностью для всѣхъ свободно-воспроизводимыхъ благъ. Такъ какъ въ составъ дохода народнаго хозяйства входятъ только эти послѣднія, то трудовая цѣнность есть субъективная цѣнность благъ, входящихъ въ составъ дохода общественнаго хозяйства. И еще одно послѣднее ограниченіе: субъективная цѣнность этихъ благъ будетъ пропорціональна сравнительной затратѣ труда на ихъ производство только съ точки зрѣнія *общественной оцѣнки*, т. е. если исходить изъ представленія о народномъ хозяйствѣ, какъ одномъ цѣломъ и оцѣнивать блага такъ, какъ ихъ оцѣнивалъ бы органъ всего общества, который распоряжался бы общественнымъ хозяйствомъ.

Несмотря на такое ограничительное толкованіе трудовой теоріи цѣнности, значеніе ея при этомъ толкованіи отнюдь не уменьшается. Исходя изъ нея, мы можемъ послѣдовательно придти къ тѣмъ самымъ положеніямъ, которыя обыкновенно считаются логическими выводами изъ трудовой теоріи мѣновой цѣнности.

Здѣсь надо подчеркнуть одно весьма простое обстоятельство, съ нашей точки зрѣнія весьма существенное: періодическому *распредѣленію* между отдѣльными классами и членами общества подвергается та сумма цѣнностей, которая съ точки зрѣнія всего общественнаго хозяйства составляетъ общественный доходъ и состоитъ изъ воспроизводимыхъ благъ. Невоспроизводимыя блага могутъ служить постояннымъ фондомъ общественнаго производства и потребленія; они могутъ также находиться въ постоянномъ пользованіи отдѣль-

ныхъ членовъ общества, но они не могутъ входить въ процессъ періодическаго распредѣленія, такъ какъ условіемъ этого является постоянная замѣна разъ распредѣленныхъ благъ новыми, т. е. постоянное воспроизводство. Поэтому, на какихъ бы основаніяхъ ни получали отдѣльные члены общества распредѣляемыя между ними блага, все общество вмѣстѣ взятое получаетъ ихъ только, какъ результатъ производства, т. е. затраты общественнаго труда. Отсюда слѣдуетъ, что и общественная цѣнность—мы сохраняемъ этотъ терминъ, значеніе котораго разъяснено выше—этихъ благъ пропорціональна долѣ общественнаго труда, затраченнаго на ихъ производство. Какими бы законами ни опредѣлялось распредѣленіе этихъ благъ, въ какихъ бы отношеніяхъ ни обмѣнивались они другъ на друга, общественная цѣнность ихъ есть трудовая цѣнность. Мы можемъ держаться какой угодно теоріи мѣновой цѣнности, какихъ угодно теорій прибыли, заработной платы, ренты и другихъ доходовъ: все это не можетъ измѣнить того вывода, что при оцѣнкѣ благъ, входящихъ въ распредѣленіе, съ точки зрѣнія всего общества, какъ одного цѣлаго, ихъ субъективная цѣнность пропорціональна затратѣ общественнаго труда на ихъ производство. Теорія мѣновой цѣнности и доходовъ могутъ и должны объяснить только одно: почему отдѣльные классы или члены общества постоянно получаютъ опредѣленную долю общественнаго дохода и чѣмъ опредѣляется высота этой доли? Этотъ вопросъ однако совершенно независимъ отъ вопроса объ общественной цѣнности всѣхъ этихъ доходовъ, который мы старались здѣсь разрѣшить, и общественная цѣнность этихъ доходовъ будетъ подчиняться прежнимъ законамъ, каковы бы ни были законы распредѣленія. Здѣсь мы имѣемъ передъ собой готовую теорію „прибавочной цѣнности“: такъ какъ всякая доля общественнаго дохода есть извѣстная сумма цѣнностей, съ общественной точки

зрѣнія пропорціональная долѣ общественнаго труда, то такими же долями общественнаго труда будутъ тѣ доходы, владѣльцы которыхъ не принимали сами участія въ общественномъ производствѣ. „Прибавочная цѣнность“ Маркса или „рента“ Родбертуса есть не что иное, какъ часть общественнаго дохода, отдаваемаго обществомъ тѣмъ классамъ или лицамъ, которые сами не вернули обществу соотвѣтствующей доли общественнаго труда. Какова бы ни была мѣновая цѣнность этой части общественнаго дохода, на какомъ бы основаніи ни присваивали ее эти классы или лица, обществу, какъ цѣлому, эта часть дохода, какъ и всякая другая, стоила затраты извѣстной суммы общественнаго труда, и потому оно оцѣниваетъ ее пропорціонально этому количеству общественнаго труда. Этимъ еще нисколько не разрѣшается вопросъ, правомѣрно и полезно ли такое присвоеніе части общественнаго дохода лицами, не участвовавшими въ его производствѣ, устранимо ли оно или нѣтъ—все это соціально-политическіе или этическіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ лежитъ совсѣмъ въ другой области и вполнѣ независимо отъ простого констатированія этого присвоенія—что́ только и содержится въ теоріи „прибавочной цѣнности“.

Съ этой точки зрѣнія получаетъ реальное значеніе различіе между понятіями „*производительности*“ и „*доходности*“, которое мы часто встрѣчаемъ у нѣмецкихъ экономистовъ, но въ недостаточно выработанномъ видѣ. Если взять общественное хозяйство, какъ одно цѣлое, то весь *доходъ* его создается *производствомъ*, т. е. стоитъ въ зависимости отъ затраты общественнаго труда. Въ общественномъ хозяйствѣ, такимъ образомъ, доходность сливается съ производительностью: общество (если предполагать отсутствіе у него сношеній съ другими обществами) не можетъ извлечь дохода никакимъ инымъ способомъ, кромѣ

затратъ своего труда. Всѣ тѣ отношенія *между* его членами, благодаря которымъ послѣдніе имѣютъ возможность получать доходъ, не затрачивая труда,—напр. изъ отдачи въ заемъ капитала, изъ предоставленія находящейся въ ихъ собственности земли въ пользованіе другихъ членовъ общества,—основаны на *распредѣленіи* общественнаго дохода и потому не могутъ служить его источникомъ: что при этихъ способахъ извлеченія дохода пріобрѣтаетъ одинъ, то теряетъ другой, и эти способы такъ же мало увеличиваютъ доходъ всего общественнаго хозяйства, вмѣстѣ взятаго, какъ мало напр. долговые документы служатъ составной частью общественнаго богатства. Но если весь доходъ общества основанъ на производствѣ, то цѣнность его, съ общественной точки зрѣнія, опредѣляется затратой общественнаго труда на его производство, а потому такимъ же образомъ можетъ измѣряться цѣнность всѣхъ его частей, поступающихъ въ обладаніе отдѣльныхъ членовъ общества. Для этихъ послѣднихъ *доходность*, наоборотъ, отнюдь не совпадаетъ съ *производительностью*: въ противоположность общественному доходу, источникомъ ихъ доходовъ, съ ихъ личной точки зрѣнія, можетъ быть не только производство, но и вся совокупность общественныхъ отношеній, въ которыхъ они стоятъ къ остальнымъ людямъ—обладаніе капиталомъ, землей, всякаго рода, властью надъ людьми и т. д. [1]).

---

[1]) „Le capital national étant toujours employé par la nation elle même, il ne lui donne jamais de revenu que par son travail. Le capital individuel pouvant être prêté, son possesseur en retire souvent un revenu, qui ne lui coûte aucun travail... L'un a constamment besoin d'être reproduit; l'autre présente au capitaliste une jouissance non interrompue dont on ne saurait assigner le terme". *Storch. Considérations sur le revenu national. Paris 1824*, p. 59. Шторхъ съ большой умѣлостью анализируетъ различіе въ понятіяхъ имущества, капитала, дохода въ примѣненіи къ цѣлому обществу и къ отдѣльнымъ членамъ его.

Въ заключеніе мы должны указать на то, что выводы изъ установленнаго здѣсь пониманія трудовой цѣнности близко подходятъ къ основнымъ выводамъ системы Маркса и устраняютъ тѣ недоразумѣнія, которыя возникали, благодаря смѣшенію общественной цѣнности съ мѣновой. Такъ, трудовая теорія цѣнности остается ненарушимой, несмотря на существованіе невоспроизводимыхъ благъ, къ которымъ она непримѣнима: она есть лишь теорія цѣнности общественнаго дохода, распредѣляемаго между членами общества, а этотъ доходъ съ общественной точки зрѣнія состоитъ лишь изъ воспроизводимыхъ благъ. Точно также пріобрѣтаютъ реальное значеніе тѣ выраженія—„обмѣнъ товаровъ *по ихъ цѣнности*“ или „уклоненіе цѣны отъ цѣнности“,—которыя при отождествленіи цѣнности съ мѣновой цѣнностью не имѣли никакого смысла: онѣ означаютъ, что обмѣнъ товаровъ не обнаруживаетъ въ чистомъ видѣ ихъ общественную субъективную цѣнность, и что мѣновая цѣнность опредѣляется иными факторами, чѣмъ цѣнность общественная. Въ такой же мѣрѣ уясняется понятіе „суммы цѣнностей“ или „цѣнности національнаго продукта“, которая совпадаетъ съ общественной цѣнностью и потому сохраняетъ значеніе, несмотря на отсутствіе признака мѣнового отношенія въ этомъ понятіи; въ связи съ этимъ становится понятнымъ тотъ процессъ распредѣленія суммы цѣнностей, произведенныхъ въ обществѣ, который Марксъ кладетъ въ основу образованія среднихъ цѣнъ и средней прибыли на капиталъ: это распредѣленіе означаетъ не что иное, какъ оцѣнку реальныхъ мѣновыхъ цѣнностей и стоящихъ въ связи съ ними доходовъ съ точки зрѣнія всего общества, какъ единаго производителя.

Мы полагаемъ, что установленное здѣсь пониманіе трудовой цѣнности является неизбѣжнымъ результатомъ послѣдовательнаго развитія той общественно-хо-

зяйственной точки зрѣнія, съ которой Марксъ разсматривалъ всѣ экономическія явленія и которую онъ пытался распространить и на свою теорію цѣнности. Цѣнность съ перваго взгляда совпадаетъ съ мѣновымъ отношеніемъ и есть не что иное, какъ болѣе или менѣе случайный результатъ соглашенія между индивидуумами. Но если посмотрѣть на хозяйственныя явленія съ общественной точки зрѣнія, если отъ индивидуумовъ, составляющихъ общество, перейти къ самому обществу, то за этимъ случайнымъ мѣновымъ отношеніемъ можно открыть совершенно иную, общественную цѣнность.

Мы видѣли, что въ обоснованіи своей теоріи цѣнности Марксъ исходитъ изъ представленія о планомѣрномъ общественномъ хозяйствѣ и его законахъ; онъ показываетъ, что обществу, взятому какъ цѣлое, т. е. какъ самостоятельный хозяйственный субъектъ — недаромъ Марксъ проводитъ параллель между общественнымъ хозяйствомъ и хозяйствомъ Робинзона — всѣ его продукты стоятъ затраты общественнаго труда, что оно должно правильно распредѣлять и учитывать тѣ трудовыя затраты, которыя ему необходимо дѣлать на производство благъ, и что поэтому съ *общественной* точки зрѣнія эти блага суть продукты общественнаго труда. Эту сторону ученія Маркса справедливо подчеркивалъ и Зомбартъ, видѣвшій въ общественной производительной силѣ труда важнѣйшую черту экономическихъ явленій. Если, однако, весь этотъ блестящій анализъ не далъ положительныхъ результатовъ, то это только потому, что оставалось неяснымъ, что именно должно пониматься подъ такой общественной цѣнностью, независимой отъ мѣновыхъ отношеній между индивидуумами. Благодаря неясности понятія общественной цѣнности у Маркса, его теорія приводитъ къ цѣлому ряду противорѣчій и неясностей. Поставивъ—въ 1-омъ томѣ „капитала—“эту

цѣнность въ тѣсную связь съ мѣновой цѣнностью, онъ принужденъ былъ безсознательно опереться на представленіе о какихъ-то чудодѣйственныхъ *объективныхъ* свойствахъ труда, какъ источника цѣнности, и приписать воображаемому функціонированію общественнаго хозяйства, какъ планомѣрнаго цѣлаго, и связанному съ нимъ учету общественнаго труда роль *реальнаго* регулятора мѣновихъ отношеній. Съ другой стороны, отказавшись въ 3-ьемъ томѣ отъ трудовой теоріи *мѣновой* цѣнности, т. е. разорвавъ установленную имъ связь между общественной и мѣновой цѣнностью, онъ лишилъ всякаго содержанія ту общественную цѣнность, которую онъ поставилъ въ зависимость отъ общественныхъ трудовыхъ затратъ; трудовая цѣнность въ его системѣ стала какимъ-то непознаваемымъ Ding an sich или „необходимою фикціей“, за которую ее и призналъ напр. Конрадъ Шмидтъ. Разъ, однако, содержаніе понятія общественной цѣнности выяснено, разъ обнаружено, что эта цѣнность есть *субъективная цѣнность* продукта для всего общества, вмѣстѣ взятаго, и что она необходимо измѣряется затратой общественнаго труда, то указанныя противорѣчія и неясности сами собой устраняются. Общественный характеръ цѣнности лежитъ не въ томъ, что объективная, мѣновая цѣнность продуктовъ отражаетъ на себѣ реальный учетъ общественнаго труда, затраченнаго на нихъ; онъ заключается въ томъ, что помимо индивидуальной субъективной оцѣнки, возможна *общественная* оцѣнка продуктовъ, т. е. оцѣнка ихъ съ точки зрѣнія интересовъ всего общества эта оцѣнка столь же мало есть матеріальный фактъ внѣшняго міра, какъ и оцѣнка индивидуальная; она не оказываетъ сама по себѣ никакого вліянія на реальный ходъ хозяйственныхъ явленій, не опредѣляетъ ни процесса общественнаго производства, ни процесса распредѣленія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она не есть и фикція: она есть *реальный*

психологическій фактъ, который при извѣстныхъ условіяхъ, именно, когда обществу дана возможность сознательно воздѣйствовать на хозяйственныя отношенія его членовъ, пріобрѣтаетъ и практитеское значеніе. Становясь на точку зрѣнія общества, мы должны иначе оцѣнивать продукты, чѣмъ съ точки зрѣнія индивидуальной. И эта общественная субъективная цѣнностъ, какъ мы видѣли, есть необходимо *трудовая* цѣнность. Съ общественной точки зрѣнія всѣ блага, входящія въ составъ общественнаго дохода, суть продукты общественнаго, или, какъ говоритъ Марксъ, общественно-необходимаго труда, такъ какъ для общества удовлетвореніе его потребностей стоитъ въ зависимости отъ затраты этого труда.

Таково единственное возможное, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы полагаемъ, и необходимое значеніе трудовой теоріи цѣнности; если исходить изъ него, то пріобрѣтаетъ ясный смыслъ и весь дальнѣйшій построенный на этой теоріи ходъ мыслей Маркса.

На системѣ Маркса, такимъ образомъ, оправдываются его собственныя слова: „Въ отличіе отъ другихъ строителей, наука не только строитъ воздушные замки, но и возводитъ отдѣльные жилые этажи зданія, не заложивъ предварительно его фундамента“ [1]).

Теперь мы должны вернуться къ теоріи мѣновой цѣнности Маркса и разсмотрѣть схему распредѣленія, вытекающую изъ нея.

---

[1]) Zur Kritik. der pol. Oekon., 2-e Aufl. 1897, S. 39.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Схема распредѣленія дохода у Маркса.

Если понятіе трудовой цѣнности, какъ общественной субъективной цѣнности, основано на анализѣ общественнаго хозяйства, какъ одного цѣлаго, и потому опирается на отвлеченіе отъ отношеній между членами общества, т. е. отъ распредѣленія дохода внутри общества, то, наоборотъ, мѣновая цѣнность, т. е. мѣновое отношеніе между товарами есть именно не что иное, какъ порядокъ, въ которомъ члены общества распредѣляютъ между собой общественный доходъ. Та или иная теорія мѣновой цѣнности есть слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ та или иная теорія распредѣленія дохода.

Основная мысль схемы распредѣленія, вытекающей изъ *чистой* трудовой теоріи мѣновой цѣнности Маркса, какъ она была развита въ первомъ томѣ „Капитала“, сводится, въ краткихъ словахъ, къ слѣдующему.

Современное общество дѣлится на два большихъ класса, на двѣ соціальныя группы, отдѣленныя другъ отъ друга, такъ сказать, горизонтальной плоскостью, такъ что одна лежитъ подъ другой: эти группы суть классъ капиталистовъ и классъ рабочихъ. Съ другой стороны общество дѣлится на отдѣльныя группы производителей, занятыхъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ или—что̀ быть можетъ болѣе близко подходитъ къ

представленію Маркса—въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства; если продолжить геометрическую параллель, то можно себѣ представить общество разбитымъ въ этомъ отношеніи вертикальными плоскостями, такъ что эти группы лежатъ рядомъ другъ съ другомъ. Каждый отдѣльный капиталистъ или каждая группа капиталистовъ въ данной отрасли производства вступаетъ въ двоякія отношенія къ остальному обществу: во-первыхъ, къ лежащей непосредственно *подъ* этой группой группѣ рабочихъ данной отрасли производства, и во-вторыхъ, къ лежащимъ *рядомъ* съ разсматриваемой группой капиталистовъ группамъ лицъ, занятыхъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ производства. Сообразно съ этимъ, въ современномъ хозяйствѣ имѣются два типа мѣновыхъ отношеній: наемъ труда или, какъ Марксъ говоритъ, купля-продажа рабочей силы,—форма, въ которую выливаются отношенія капиталистовъ къ рабочимъ *внутри* каждой *отдѣльной* отрасли производства, и купля-продажа продуктовъ—форма, въ которой выражаются отношенія *между различными* экономическими группами, соотвѣтствующими различнымъ отраслямъ производства. Оба вида отношеній суть *мѣновыя* отношенія: первый видъ есть обмѣнъ труда на продуктъ, второй—обмѣнъ продукта на продуктъ; оба вида отношеній суть вмѣстѣ съ тѣмъ и процессы распредѣленія общественнаго дохода между отдѣльными общественными группами. Во взглядѣ на эти двѣ формы процесса распредѣленія и ихъ значеніе и заключается характерная черта схемы распредѣленія дохода у Маркса.

Первое мѣновое отношеніе—обмѣнъ труда на продуктъ—совершается всегда такъ, что одна сторона—владѣлецъ продукта—получаетъ при обмѣнѣ бо́льшее количество общественнаго труда, чѣмъ отдаетъ, и, соотвѣтственно этому, другая сторона—владѣлецъ труда—получаетъ меньше общественнаго труда, чѣмъ отдаетъ.

Если мы условимся называть сумму общественнаго труда, выраженнаго или непосредственно въ трудѣ отдѣльныхъ лицъ, или въ продуктѣ этого труда, *цѣнностью* (мы видѣли выше, что̀ нужно подразумѣвать подъ этой цѣнностью, и не возвращаемся болѣе къ этому вопросу), то обмѣнъ труда на продуктъ можно будетъ считать всегда обмѣномъ неравноцѣнностей, обмѣномъ большей цѣнности на меньшую. Правда, Марксъ старается показать, что въ основѣ этого обмѣна лежитъ также своеобразный обмѣнъ равноцѣнностей—положеніе, развитое имъ въ ученіи о цѣнности рабочей силы; это однако относится уже къ объясненію причинъ разсматриваемаго мѣнового отношенія, а не къ характеристикѣ его по его результатамъ, и насъ здѣсь не интересуетъ. *Результатомъ* же этого мѣнового отношенія является всегда *увеличеніе* суммы общественнаго труда, находящагося въ обладаніи владѣльца продукта, и соотвѣтственное ея уменьшеніе у владѣльца рабочей силы. Классъ капиталистовъ получаетъ поэтому даромъ извѣстное количество общественнаго труда, которое Марксъ и называетъ „прибавочной цѣнностью“. Этимъ, собственно, и кончается, согласно схемѣ Маркса, процессъ распредѣленія общественнаго дохода, если понимать подъ распредѣленіемъ установленіе долей общественнаго дохода, приходящихся на каждаго члена общества. Дальнѣйшія мѣновыя отношенія *количественно* не измѣняютъ этихъ долей.

Какова же въ такомъ случаѣ роль второй группы мѣновыхъ отношеній, обмѣна продукта на продуктъ? Согласно трудовой теоріи мѣновой цѣнности, установленной Марксомъ, при обмѣнѣ продукта на продуктъ всегда происходитъ обмѣнъ *равноцѣнностей*. Владѣлецъ продукта получаетъ въ обмѣнъ за него столько же общественнаго труда, сколько̀ содержится въ этомъ продуктѣ. Сумма общественнаго труда, приходящагося

на каждаго члена общества, остается слѣдовательно послѣ обмѣна такой же, какой она была до него; отсюда само собой вытекаетъ невозможность извлеченія „прибавочной цѣнности“ изъ разсматриваемаго вида обмѣна. Единственная задача этого вида обмѣна заключается въ измѣненіи потребительной цѣнности, т. е. въ качественномъ измѣненіи продуктовъ, въ которыхъ воплощенъ общественный трудъ, находящійся въ обладаніи отдѣльныхъ членовъ общества. Картина распредѣленія дохода, взятая въ цѣломъ, принимаетъ, такимъ образомъ, слѣдующій видъ: рабочіе въ каждой отдѣльной отрасли промышленности создаютъ извѣстную сумму общественной цѣнности, соотвѣтствующей затратѣ труда въ ихъ производствѣ; часть этой суммы они отдаютъ капиталистамъ ихъ отрасли производства, именно, черезъ посредство обмѣна своего труда на продуктъ, находящійся въ обладаніи этихъ капиталистовъ, обмѣна, въ результатѣ котораго, какъ указано, капиталисты получаютъ излишнюю часть труда ихъ рабочихъ — „прибавочную цѣнность“; обмѣнъ между лицами, занятыми въ *различныхъ* отрасляхъ производства, обмѣнъ другъ на друга качественно различныхъ продуктовъ, не измѣняетъ распредѣленія, явившагося результатомъ перваго рода обмѣна, а лишь превращаетъ сумму цѣнностей въ рукахъ каждаго владѣльца въ желательную для послѣдняго потребительную форму.

Такимъ образомъ, изложенная схема распредѣленія сводится къ тому, что процессъ распредѣленія всей суммы произведенныхъ въ обществѣ цѣнностей совершается въ каждой отрасли производства отдѣльно и независимо отъ другихъ отраслей производства, и что поэтому капиталисты каждой производительной группы получаютъ „прибавочную цѣнность“, созданную рабочими той же самой производительной группы. Все общество оказывается раздѣленнымъ на цѣлый рядъ об-

щественныхъ группъ, *внутри* которыхъ совершается процессъ распредѣленія общественнаго дохода, но которыя *между собой* только обмѣниваютъ одинъ видъ продуктовъ на другой, а не распредѣляютъ общественнаго дохода. Эта схема распредѣленія является непосредственнымъ выводомъ изъ трудовой теоріи мѣновой цѣнности, согласно которой продукты обмѣниваются другъ на друга пропорціонально сравнительной затратѣ труда на ихъ производство, благодаря чему становится невозможнымъ измѣненіе, въ результатѣ обмѣна, количества труда или цѣнностей, приходящагося на каждаго члена общества.

Что эта схема неправильно или, по крайней мѣрѣ, односторонне изображаетъ дѣйствительный процессъ распредѣленія въ капиталистическомъ обществѣ, это, какъ намъ кажется, не подлежитъ сомнѣнію послѣ того, что было выше сказано о трудовой теоріи мѣновой цѣнности. Если продукты не обмѣниваются другъ на друга пропорціонально сравнительной затратѣ труда на производство, если въ лучшемъ случаѣ подобный обмѣнъ можетъ произойти чисто случайно, то обмѣнъ произведеній различныхъ отраслей производства означаетъ не только измѣненіе матеріальной формы цѣнностей, находящихся въ рукахъ соотвѣтствующихъ хозяйственныхъ группъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и количественное измѣненіе этихъ цѣнностей, или распредѣленіе общественнаго дохода. Сумма общественнаго труда или общественныхъ цѣнностей, поступающая въ обладаніе отдѣльныхъ членовъ общества, опредѣляется не только въ обмѣнѣ между капиталистомъ и рабочимъ въ каждой данной отрасли производства, но и въ обмѣнѣ между членами различныхъ производительныхъ группъ.

Прежде всего ясно, что подобный способъ распредѣленія такъ же примиримъ съ установленымъ нами представленіемъ о трудовой цѣнности, какъ и всякая

другая схема распредѣленія, въ томъ числѣ изложенная схема Маркса. Понятіе трудовой цѣнности, какъ мы видѣли, вообще, независимо ни отъ какой теоріи распредѣленія, такъ какъ покоится на представленіи объ общественномъ хозяйствѣ, какъ одномъ цѣломъ, на представленіи, которое само опирается на отвлеченіе отъ распредѣленія. Поэтому какъ бы ни распредѣлялась созданная общественнымъ трудомъ цѣнность, это совершенно безразлично для признанія ея наличности.

Но мы пойдемъ еще далѣе. Схема распредѣленія Маркса, согласно которой отдѣльныя отрасли производства распредѣляютъ между собой свои продукты такъ, что это не сопровождается соотвѣтственнымъ распредѣленіемъ цѣнностей между ними, въ сущности очень мало согласуется съ правильнымъ представленіемъ о трудовой цѣнности, и притомъ именно потому, что эта схема есть лишь иная формулировка трудовой теоріи *мѣновой* цѣнности.

Въ основѣ этой схемы лежитъ, именно, представленіе о трудовой цѣнности, какъ о какомъ-то матеріальномъ продуктѣ, который какъ бы *фабрикуется* въ процессѣ производства, и при томъ каждою отраслью промышленности самостоятельно и независимо отъ другихъ, такъ сказать, въ своей собственной мастерской. Если, однако, мы замѣнимъ это ошибочное представленіе тѣмъ представленіемъ о трудовой цѣнности, которое было развито выше, если мы вспомнимъ, что трудовая цѣнность блага не есть какая-то матеріальная вещь, связанная сама по себѣ съ этимъ благомъ и производимая вмѣстѣ съ нимъ, а есть лишь результатъ общественной оцѣнки блага, то неправдоподобіе схемы Маркса будетъ вполнѣ очевидно. Съ этой точки зрѣнія ясно, что трудовая цѣнность блага возможна только постольку, поскольку это благо составляетъ часть *общественнаго* дохода, т. е. часть общаго результата общественной производительной дѣятельности.

Поэтому благо можетъ пріобрѣсти трудовую цѣнность, такъ сказать, лишь послѣ того, какъ оно вышло изъ мастерской, гдѣ было создано, и поступило въ распоряженіе всего общества, какъ часть дохода послѣдняго. Всю сумму созданной совмѣстнымъ общественнымъ трудомъ общественной цѣнности мы можемъ себѣ представить первоначально только въ рукахъ всего общества, откуда должно слѣдовать, что отдѣльныя производительныя группы могутъ получить его въ свое обладаніе только въ результатѣ процесса распредѣленія. Отдѣльныя отрасли производства слѣдовательно не сами создаютъ свой доходъ, каждая для себя въ отдѣльности, а всѣ отрасли вмѣстѣ, взятыя, какъ части общественнаго хозяйства, создаютъ сообща общественный доходъ, который затѣмъ распредѣляется между ними. Какъ происходитъ это распредѣленіе, этотъ вопросъ разумѣется не можетъ быть рѣшенъ a priori. Но при такомъ представленіи объ общественной цѣнности уже непосредственно видно, что прямой связи между суммой произведенныхъ данной производительной группой цѣнностей и суммой, полученной ей въ результатѣ распредѣленія, не имѣется, такъ что количественное несоотвѣтствіе этихъ величинъ a priori гораздо болѣе вѣроятно, чѣмъ ихъ совпаденіе.

Таково же, повидимому, было мнѣніе Маркса, когда онъ въ 3-мъ томѣ „Капитала“ отказался отъ *чистой* трудовой теоріи мѣновой цѣнности, а вмѣстѣ съ ней и отъ изложенной схемы распредѣленія. Та схема, которую онъ представилъ намъ взамѣнъ прежней, гораздо ближе подходитъ къ развитому здѣсь понятію общественнаго хозяйства и общественной цѣнности.

Согласно этой послѣдней схемѣ, распредѣленіе общественной цѣнности совершается не только при наймѣ труда, но и при обмѣнѣ продуктовъ. Картина распредѣленія принимаетъ въ 3-мъ томѣ „Капитала“ слѣдующій видъ. „Прибавочную цѣнность“, при обмѣнѣ

труда на продуктъ извлекаетъ не каждый отдѣльный капиталистъ, а весь классъ капиталистовъ, вмѣстѣ взятый. Вторичный обмѣнъ *между* отдѣльными членами этого класса означаетъ не только перемѣну потребительной формы прибавочной цѣнности въ рукахъ каждаго капиталиста, но и новое распредѣленіе этой прибавочной цѣнности между капиталистами, такъ что каждый изъ нихъ въ отдѣльности извлекаетъ свой доходъ не только изъ перваго обмѣна, но и изъ втораго. Точнѣе, изъ перваго обмѣна извлекаетъ прибавочную цѣнность весь классъ капиталистовъ, а каждый членъ его въ отдѣльности присвоиваетъ себѣ долю этой цѣнности во второмъ обмѣнѣ: такъ какъ этотъ послѣдній обмѣнъ не есть обмѣнъ равной цѣнности на равную, то онъ и означаетъ распредѣленіе прибавочной цѣнности между капиталистами.

Эта вторая схема несомнѣнно правильнѣе первой, уже потому, что обмѣнъ пропоціонально сравнительной затратѣ общественнаго труда, т. е. обмѣнъ равноцѣнностей, есть исключеніе во всѣхъ сферахъ обмѣна. Не говоря уже о томъ, что средняя мѣновая цѣнность, какъ извѣстно, не совпадаетъ съ трудовой, съ точки зрѣнія первой схемы необъяснимы ни рыночныя цѣны, ни монопольныя цѣны и доходы, тогда какъ эти явленія очень хорошо укладываются во вторую схему: они суть лишь особыя формы присвоенія общественной цѣнности и прибавочной цѣнности отдѣльными товаропроизводителями. Послѣ всего вышесказаннаго нечего также повторять, что эта схема также хорошо уживается съ трудовой теоріей цѣнности, какъ и первая.

Намъ кажется, однако, что и эта вторая схема не доводитъ до конца или по крайней мѣрѣ не формулируетъ достаточно ясно тѣхъ выводовъ, которые можно сдѣлать изъ двухъ логическихъ посылокъ, лежащихъ въ ея основаніи: *признанія* общественнаго труда мѣ-

риломъ общественной субъективной цѣнности и *отрицанія*, какъ общаго явленія, обмѣна продуктовъ пропорціонально сравнительной затратѣ общественнаго труда на ихъ производство.

Что означаетъ собственно „извлеченіе прибавочной цѣнности", если исходить изъ этихъ посылокъ? Совокупность членовъ общества, занятыхъ производительнымъ трудомъ, создаютъ общественный доходъ, т. е. извѣстную сумму цѣнностей. Сумма эта подвергается распредѣленію между всѣми членами общества, и тѣ изъ нихъ, которые получили больше цѣнностей, чѣмъ отдали обществу въ своемъ трудѣ, оказываются обладателями „прибавочной цѣнности". „Извлеченіе прибавочной цѣнности" не есть, слѣдовательно, какое-нибудь реальное хозяйственное дѣйствіе; этимъ терминомъ обозначается просто безвозмездное пріобрѣтеніе извѣстной суммы общественной цѣнности, пріобрѣтеніе, которое можетъ совершаться какими угодно путями. Отсюда слѣдуетъ, что „извлеченіе прибавочной цѣнности" не есть что-либо независимое отъ ея распредѣленія, какъ это изображается во второй схемѣ Маркса. Правда, мы можемъ представить себѣ общество раздѣленнымъ на два большихъ класса: классъ лицъ, „извлекающихъ" прибавочную цѣнность и классъ лицъ, „отдающихъ" ее; и въ этомъ случаѣ мы должны предположить, что за „извлеченіемъ" послѣдовало „распредѣленіе" прибавочной цѣнности между отдѣльными членами класса „извлекающихъ". Не нужно забывать, однако, что такое представленіе есть абстрактная схема, въ которой ради упрощенія отдѣлено другъ отъ друга то, что слито въ дѣйствительности. Въ реальной хозяйственной жизни мы знаемъ обмѣнъ товаровъ, наемъ труда, аренду земли и много другихъ хозяйственныхъ отношеній, но не знаемъ „извлеченія прибавочной цѣнности". Каждый членъ общества не совершаетъ спеціальнаго дѣйствія, цѣль котораго со-

стоитъ въ такомъ „извлеченіи“; онъ вступаетъ въ цѣлый рядъ конкретныхъ экономическихъ отношеній къ другимъ членамъ общества, путемъ этихъ отношеній участвуетъ въ распредѣленіи дохода, и когда обнаружатся результаты этого распредѣленія, когда окажется, что онъ получилъ отъ общества больше, чѣмъ далъ ему самъ или же наоборотъ меньше, тогда только мы узнаемъ по этимъ результатамъ, получилъ ли онъ прибавочную цѣнность, или отдалъ ее и, соотвѣтственно этому, къ которому изъ двухъ классовъ онъ принадлежитъ.

„Извлеченіе“ и „распредѣленіе“ прибавочной цѣнности не суть слѣдовательно два отдѣльныхъ самостоятельныхъ акта, потому что они вообще не суть реальныя хозяйственныя дѣйствія, а лишь извѣстныя отношенія, скрывающіяся за этими дѣйствіями и обнаруживающіяся, какъ результаты послѣднихъ. Реально совершается лишь распредѣленіе общественнаго дохода или скорѣе рядъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ дѣйствій, изъ которыхъ состоитъ это распредѣленіе. Въ каждомъ изъ этихъ дѣйствій одна сторона можетъ получить бо́льшую сумму цѣнностей въ обмѣнѣ на меньшую или наоборотъ, т. е. отнять у противной стороны извѣстную часть общественнаго дохода или дать ей нѣкоторую часть этого дохода. Такъ какъ обмѣнъ неравноцѣнностей совершается постоянно, и не только при наймѣ труда, но и при обмѣнѣ продуктовъ, то отдача или пріобрѣтеніе цѣнностей составляютъ сопровождающій моментъ всякаго обмѣна, за исключеніемъ чисто случайнаго, какъ мы видѣли, обмѣна, при которомъ обѣ стороны остаются при прежнемъ количествѣ общественнаго труда или цѣнности. Не только монополистъ (въ обычномъ смыслѣ слова) отнимаетъ у своихъ покупателей часть общественной цѣнности такъ же хорошо, какъ капиталистъ у своихъ рабочихъ (это еще обыкновенно допускается,

такъ какъ въ этомъ видятъ „исключеніе“ изъ „общаго правила“), не только всякій продавецъ при выгодной конъюнктурѣ рыночныхъ цѣнъ присваиваетъ себѣ часть общественной цѣнности, находящейся въ рукахъ его покупателей, при невыгодной, наоборотъ, уплачиваетъ ее самъ своимъ покупателямъ, отдавая имъ продуктъ за цѣну, стоящую ниже трудовой цѣнности, но и всякій вообще продавецъ и покупатель всегда борются между собой въ распредѣленіи общественнаго дохода и стараются получить въ обмѣнъ сумму общественной цѣнности, превышающую отданную ими. И всегда, въ результатѣ цѣлаго ряда мѣновыхъ отношеніи между членами общества, одни изъ послѣднихъ оказываются лагерѣ „извлекающихъ“ прибавочную цѣнность, другіе въ противоположномъ лагерѣ „уплачивающихъ“ ее.

Попадетъ ли каждый данный производитель въ составъ низшаго (эксплуатируемаго) или высшаго (эксплуатирующаго) класса, это зависитъ, слѣдовательно, отъ результата борьбы, и потому это дѣленіе на классы не можетъ служить исходнымъ пунктомъ борьбы въ распредѣленіи общественнаго дохода. Правда, распредѣленіе членовъ общества по этимъ классамъ въ нѣкоторыхъ, такъ сказать, крайнихъ случаяхъ можно предсказать напередъ: если мы противопоставимъ другъ другу крупнаго капиталиста и простого чернорабочаго, то мы, безъ сомнѣнія, уже знаемъ, кто изъ нихъ находится въ томъ или иномъ экономическомъ слоѣ. Поскольку такое рѣзкое дѣленіе является типичнымъ для даннаго общественнаго строя, постольку и схема распредѣленія, согласно которой слѣдуетъ принципіально отличать „извлеченіе прибавочной цѣнности“ отъ ея „распредѣленія“, какъ два отдѣльныхъ процесса, получаетъ относительное оправданіе: обмѣнъ между капиталистомъ и рабочимъ всегда будетъ фактически важнѣйшимъ моментомъ, дающимъ первому

возможность извлечь „прибавочную цѣнность“, и наряду съ этимъ обмѣномъ другіе мѣновые сношенія—между этимъ капиталистомъ и другими—сравнительно мало измѣняетъ сумму этой прибавочной цѣнности. Но если мы обратимъ вниманіе на переходныя гуппы, то мы ясно увидимъ неточность этой схемы. Крестьянинъ, владѣлецъ средствъ производства и можетъ быть даже покупатель рабочей силы, можетъ, смотря по измѣняющимся хозяйственнымъ условіямъ, то „извлекать“ прибавочную цѣнность, то „отдавать“ ее. Кустарь, нанимающій рабочихъ, можетъ также, смотря по случайнымъ условіямъ производства, то извлекать прибавочную цѣнность то отдавать ее скупщику или фабриканту. Тотъ же кустарь можетъ служить примѣромъ наемнаго рабочаго, который, смотря по обстоятельствамъ, то служитъ самъ объектомъ эксплуатаціи, то извлекаетъ прибавочную цѣнность изъ нанимаемыхъ имъ отъ себя рабочихъ.[1]). Если мы пожелаемъ обобщить всѣ эти формы распредѣленія (хотя онѣ и менѣе типичны, чѣмъ явленія рѣзкаго различія въ хозяйственномъ положеніи членовъ общества, все же обиліе охватываемыхъ ими явленій даетъ намъ право на такое обобщеніе), то мы должны будемъ сказать, что распредѣленіе всей суммы общественнаго труда или цѣнности между членами общества есть одинъ процессъ, который совер-

[1]) Домашняя система крупной промышленности служитъ, между прочимъ, хорошимъ примѣромъ тому, какъ настоящая „эксплуатація“ можетъ совершаться не только при наймѣ труда, но и при продажѣ продукта, такъ какъ формально рабочій въ домашней промышленности стоитъ къ капиталисту въ отношеніи продавца къ покупателю, какъ напр. кустарь по отношенію къ скупщику. Сказать, что кустарь „въ сущности“ есть тотъ же наемный рабочій, значитъ ничего не сказать, такъ какъ самое интересное заключается именно въ *формѣ* отношеній, которая съ отношеніями наемнаго труда не имѣетъ ничего общаго. Очень хорошо анализируетъ отличіе этой формы экономическихъ отношеній отъ другихъ видовъ капиталистическихъ отношеній *Liefmann*, въ своей книгѣ *Das Wesen des Verlags* 1899.

шается какъ въ обмѣнѣ труда на продуктъ, такъ и въ обмѣнѣ продукта на продуктъ, и что только въ результатѣ этого процесса на сторонѣ однихъ членовъ оказывается „прибавочная цѣнность“, которую они въ равной мѣрѣ могли извлечь изъ каждаго акта обмѣна, въ который они вступали.

Отсюда ясно, какъ неправильно обычное положеніе, вытекающее изъ трудовой теоріи мѣновой цѣнности и соотвѣтствующей ей схемы распредѣленія, гласящее: рабочій классъ находится въ зависимомъ положеніи и эксплуатируется, какъ производитель, а не какъ потребитель. Это положеніе можно считать вѣрнымъ, только понимая его въ самомъ широкомъ смыслѣ, въ которомъ оно обыкновенно не понимается. Такъ какъ прибавочная цѣнность есть часть общественнаго дохода, и такъ какъ послѣдній долженъ быть произведенъ, прежде чѣмъ быть распредѣленнымъ, то очевидно, что прибавочная цѣнность также создается не потребленіемъ, а производствомъ, и что поэтому она можетъ быть „извлечена“ изъ членовъ общества только постольку, поскольку они заняты производствомъ. Это, однако, нисколько не предрѣшаетъ, какими путями произойдетъ это „извлеченіе“, т. е. будетъ ли эксплуатація связана съ тѣми отношеніями между членами общества, въ которыхъ они выступаютъ въ качествѣ производителей, именно, съ отношеніями найма труда, или же съ тѣми, въ которыхъ они выступаютъ, какъ потребители. То и другое одинаково возможно и одинаково существуетъ на самомъ дѣлѣ. Мы можемъ съ тѣмъ же правомъ считать источникомъ эксплуатаціи, выражаясь конкретно, низкую заработную плату, какъ и высокую цѣну продуктовъ, покупаемыхъ рабочимъ. Если мы представимъ себѣ, что всѣ продавцы товаровъ, отказались при продажѣ отъ прибыли, продавая продукты по цѣнамъ издержекъ производства, то легко видѣть, что для рабочаго

это было бы равносильно пріобрѣтенію въ его заработной платѣ, полнаго продукта его труда. Такъ какъ классъ продавцовъ совпадаетъ съ классомъ капиталистовъ (въ предполагаемой схемѣ общества, состоящаго изъ однихъ капиталистовъ и рабочихъ), то отказъ класса продавцовъ отъ прибыли есть вмѣстѣ съ тѣмъ отказъ класса капиталистовъ отъ прибавочной цѣнности и слѣдовательно прекращеніе „эксплуатаціи“. Потребительныя общества рабочихъ, отнимающія въ пользу рабочаго класса часть прибыли торговцевъ и капиталистовъ тѣхъ отраслей производства, которыя изготовляютъ предметъ потребленія рабочаго класса, даютъ практическое подтвержденіе этого теоретическаго разсчета [1]).

Съ разсмотрѣннымъ положеніемъ тѣсно связано другое ходячее положеніе, что прибавочная цѣнность не можетъ получаться изъ обращенія. Это положеніе опять-таки вѣрно, если подъ нимъ подразумѣвать, что все общество, вмѣстѣ взятое, не можетъ создать себѣ дохода путемъ обмѣна продуктовъ между своими членами. Съ общественной точки зрѣнія разумѣется всякій доходъ, въ томъ числѣ и прибавочная цѣнность, можетъ получиться только въ результатѣ производства. Это не мѣшаетъ, однако, тому, чтобы каждый отдѣльный членъ общества присвоивалъ себѣ часть общественнаго дохода именно путемъ „обращенія“, т. е. мѣновыхъ сношеній съ другими членами общества.

Двусмысленность обоихъ этихъ положеній въ системѣ Маркса объясняется двусмысленностью значенія „трудовой цѣнности“: послѣдняя есть съ одной стороны абсолютная цѣнность продукта, которую мы свели на общественную субъективную цѣнность, съ

[1]) Ниже мы увидимъ, что теорія эксплуатаціи рабочаго „въ качествѣ производителя“ особенно неудачна и въ томъ отношеніи, что затемняетъ одно важное явленіе, лежащее въ основѣ всякой „эксплуатаціи“.

другой стороны—мѣновое отношеніе между товарами, пропорціональное сравнительной затратѣ труда на ихъ производство. Благодаря такой двусмысленности, общественная оцѣнка дохода ставится въ непосредственную связь съ опредѣленнымъ способомъ распредѣленія, не существующимъ реально и не имѣющимъ никакого отношенія къ общественной оцѣнкѣ. Поэтому-то „извлеченіе прибавочной цѣнности“ понимается не только въ смыслѣ безвозмезднаго пріобрѣтенія извѣстной доли общественнаго дохода, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ смыслѣ отнятія каждымъ даннымъ капиталистомъ части продукта труда данныхъ, нанятыхъ имъ рабочихъ, что разумѣется невѣрно, такъ какъ каждый отдѣльный капиталистъ можетъ пріобрѣтать доходъ самыми разнообразными путями, а отнюдь не ограниченъ необходимостью непосредственно „отнимать“ его у нѣсколькихъ нанятыхъ имъ рабочихъ. На этомъ фальшивомъ представленіи о непосредственномъ извлеченіи прибавочной цѣнности каждымъ отдѣльнымъ капиталистомъ изъ нанимаемыхъ имъ рабочихъ основаны и теоріи эксплуатаціи рабочихъ, въ качествѣ производителей, и невозможности пріобрѣтенія прибавочной цѣнности изъ обращенія.

Особенно ярко отразилась эта двусмысленность понятій на ученіи Маркса о происхожденіи прибыли на торговый капиталъ. По Марксу, торговецъ получаетъ прибыль благодаря тому, что фабрикантъ, въ вознагражденіе за услуги по сбыту товара, отдаетъ ему часть прибавочной цѣнности, продавая свой товаръ по цѣнѣ, стоящей ниже полной трудовой цѣнности. Торговецъ, продавая товаръ потребителю по цѣнѣ, соотвѣтствующей трудовой цѣнности, пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, въ свою пользу разницу между этими двумя цѣнами. Теорія эта несомнѣнно создана въ угоду общему положенію о невозможности извлеченія прибавочной цѣнности изъ обращенія и раздѣ-

ляетъ всю двусмысленность послѣдняго. Конечно, прибыль на торговый капиталъ, какъ часть общественнаго дохода, могла быть создана только производителями и съ общественной точки зрѣнія отнята у послѣднихъ. Но почему именно фабрикантъ долженъ отдавать часть прибавочной цѣнности торговцу, почему потребителя этотъ процессъ не долженъ затрогивать, почему онъ необходимо долженъ получить товаръ по цѣнѣ, равной трудовой цѣнности, т. е. какъ будто бы онъ получилъ товаръ изъ рукъ непосредственнаго производителя—это остается неизвѣстнымъ по весьма простымъ соображеніямъ: такое изображеніе дѣла надо признать совершенно противорѣчащимъ дѣйствительности. Во-первыхъ, какъ мы уже видѣли, товары вообще не обмѣниваются пропорціонально труду, затраченному на ихъ производство, и потому вся основа этой теоріи прибыли на торговый капиталъ невѣрна. Во-вторыхъ же — что въ данномъ случаѣ особенно важно, — если уже предполагать хотя бы приблизительное соотвѣтствіе цѣнъ „трудовымъ цѣнностямъ“, то такое соотвѣтствіе примѣнимо *только* къ оптовымъ цѣнамъ, по которымъ фабрикантъ продаетъ свой товаръ торговцу, а никакъ не къ розничнымъ, по которымъ этотъ послѣдній продаетъ его потребителямъ. Было уже много разъ эмпирически замѣчено, что увеличеніе производительности труда понижаетъ оптовыя цѣны, но не мелочныя. Поэтому гораздо правильнѣе было бы сказать, что купецъ извлекаетъ „прибавочную цѣнность“ изъ потребителей, продавая свой товаръ по цѣнѣ, *превышающей* трудовую цѣнность. Вѣрнѣе, однако, оставить это рискованное отождествленіе отдѣльныхъ экономическихъ актовъ съ „извлеченіемъ прибавочной цѣнности“ совсѣмъ въ сторонѣ и ограничиться утвержденіемъ, что прибыль торговца, подобно всякому другому доходу, можетъ получаться въ результатѣ всякаго рода мѣновыхъ сно-

шеній со всѣми другими членами общества. Этому, разумѣется, ничуть не противорѣчитъ другое утвержденіе, что прибыль торговца составляетъ часть общественнаго дохода и, въ качествѣ таковой, есть результатъ труда всѣхъ производительныхъ членовъ общества въ томъ спеціальномъ смыслѣ, что общественная цѣнность дохода пропорціональна затратѣ общественнаго труда.

Результатъ, къ которому мы пришли въ оцѣнкѣ теоріи распредѣленія у Маркса, сводится къ тому, что какъ въ 1-й, такъ и во 2-й схемѣ распредѣленія отражается смѣшеніе двухъ понятій трудовой цѣнности—трудовой цѣнности, какъ общественной оцѣнки дохода и какъ опредѣленнаго мѣнового отношенія между товарами. Ошибочное признаніе трудовой цѣнности въ этомъ послѣднемъ значеніи привело Маркса къ отождествленію „извлеченія прибавочной цѣнности“ съ однимъ или нѣсколькими опредѣленными хозяйственными дѣйствіями, тогда какъ въ дѣйствительности оно можетъ быть результатомъ всякихъ экономическихъ отношеній, путемъ которыхъ общественный доходъ распредѣляется между членами общества, потому что оно есть вообще не самостоятельное реальное дѣйствіе, а лишь оцѣнка результата распредѣленія съ точки зрѣнія всего общества, какъ единаго субъекта хозяйства. Если, такимъ образомъ, строго держаться трудовой теоріи цѣнности въ установленномъ здѣсь ея значеніи, то единственный выводъ, который можно сдѣлать о распредѣленіи дохода, исходя изъ этой теоріи, заключается въ возможности распредѣленія дохода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и извлеченія „прибавочной цѣнности“ путемъ всякаго рода отношеній между членами общества, слѣдовательно при обмѣнѣ продукта на продуктъ такъ же, какъ при обмѣнѣ труда на продуктъ. Всѣ остальныя положенія теоріи распредѣленія вполнѣ независимы отъ трудовой теоріи

цѣнности, и потому изъ нея непосредственно выведены быть не могутъ. Законы, управляющіе порядкомъ распредѣленія дохода между членами общества, не имѣютъ никакого отношенія къ законамъ, опредѣляющимъ общественную субъективную цѣнность дохода, совпадающую съ трудовой цѣнностью.

Мы закончимъ этотъ краткій обзоръ теоріи распредѣленія у Маркса однимъ замѣчаніемъ, которое можетъ служить переходной ступенью къ дальнѣйшему анализу. Схема распредѣленія у Маркса (мы говоримъ сейчасъ о первомъ типичномъ ея варіантѣ) покоится, какъ мы видѣли, на той мысли, что распредѣленіе дохода совершается *внутри* отдѣльныхъ группъ, соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ отраслямъ производства, тогда какъ обмѣнъ *между* этими группами есть обмѣнъ равноцѣнностей, и потому не означаетъ, такъ сказать, перераспредѣленія общественнаго дохода. Здѣсь, въ иныхъ словахъ, выражено извѣстное любимое положеніе Рикардо, что заработная плата и прибыль, вмѣстѣ взятыя, образуютъ части мѣновой цѣнности товара и притомъ такъ, что высота одной измѣняется въ обратномъ направленіи къ высотѣ другой, причемъ, такимъ образомъ, на цѣнности товара эти измѣненія не отражаются. Какъ и Марксъ, Рикардо отрицаетъ распредѣленіе дохода при продажѣ товара и признаетъ его только относительно результата этой продажи, т. е. мѣновой цѣнности товара, которая образуетъ постоянную величину и *дѣлится* между капиталистами и рабочими. Какъ извѣстно, Рикардо, подобно Марксу, принужденъ былъ ограничить свои выводы, и признать вліяніе измѣненія заработной платы и прибыли на цѣнность товара; это, однако, въ данномъ случаѣ мы оставляемъ въ сторонѣ. Мы хотѣли бы здѣсь противопоставить этой Рикардо-Марксовской схемѣ распредѣленія другую схему, опирающуюся на особый подвидъ теоріи издержекъ про-

изводства. Можно представить себѣ процессъ распредѣленія при обмѣнѣ продуктовъ слѣдующимъ образомъ. Капиталисты и рабочіе не распредѣляютъ просто между собой результатъ продажи продукта, какъ величину, независимую отъ ихъ доходовъ и образующую источникъ этихъ доходовъ. Наоборотъ, экономическая сила участниковъ производства, опредѣляющая ихъ доходы, образуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и источникъ мѣновой цѣнности, а высота ея опредѣляетъ высоту этой цѣнности. Такъ приблизительно представляютъ себѣ схему распредѣленія напр. Мальтусъ, Сэй, отчасти Милль и многіе другіе. Здѣсь рѣчь идетъ разумѣется не о томъ, насколько такая теорія даетъ исчерпывающее объясненіе мѣновой цѣнности; это всецѣло зависитъ отъ обоснованія этой теоріи у отдѣльныхъ авторовъ, именно отъ болѣе или менѣе полнаго и удовлетворительнаго анализа факторовъ, опредѣляющихъ высоту доходовъ, которые въ этой системѣ играютъ роль primum movens. Мы хотимъ лишь указать на значеніе той схемы распредѣленія, которая вытекаетъ изъ подобнаго взгляда на соотношеніе между цѣнностью и доходами. Схема эта, коротко говоря, заключается въ томъ, что нѣкоторыя условія — предполагаемыя здѣсь извѣстными — даютъ отдѣльнымъ производителямъ право и фактическую возможность присвоенія части общественнаго дохода посредствомъ продажи ихъ продукта; при этомъ мѣновая цѣнность продукта, т. е. мѣновое отношеніе его къ другимъ продуктамъ, опредѣляется способностью производителей захватить большую или меньшую часть общественнаго дохода въ свою пользу, иными словами, сравнительной *силой*, которою обладаютъ отдѣльные члены общества въ борьбѣ за распредѣленіе, а не какимъ-то мистическимъ deus ex machina, возвращающимъ каждому товаропроизводителю непремѣнно такое же количество общественнаго труда, какое онъ

самъ далъ обществу. Такой взглядъ на дѣло принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ числу наиболѣе плодотворныхъ, и есть вмѣстѣ съ тѣмъ единственный возможный выводъ изъ правильной теоріи мѣновой цѣнности. Если при обмѣнѣ продуктовъ всегда обмѣниваются неравныя количества общественной цѣнности, то возникаетъ вопросъ, чѣмъ опредѣляется то количество, которое приходится въ этомъ распредѣленіи на долю отдѣльныхъ членовъ общества, и этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только предположеніемъ извѣстнаго распредѣленія *силъ*, дающихъ возможность пріобрѣтать доходъ. Въ самой поверхностной формѣ этотъ взглядъ нашелъ себѣ выраженіе въ теоріи „производительныхъ услугъ“, какъ она изложена напр. у Сэя. Вотъ какъ объясняетъ онъ, напр., происхожденіе дохода на капиталъ: „Услуга, которую оказываютъ капиталы въ производствѣ, дѣлаетъ ихъ необходимыми для этой цѣли, создаетъ спросъ на нихъ и даетъ возможность владѣльцамъ капиталовъ заставлять платить за эту услугу болѣе или менѣе дорого“ [1]). Съ другой стороны, согласно его ученію, мѣновая цѣнность продуктовъ опредѣляется цѣнностью производительныхъ услугъ, которыя необходимо оплатить при покупкѣ товара. Съ этой точки зрѣнія—мы говоримъ здѣсь конечно только о постановкѣ задачи у Сэя, а не о способѣ ея разрѣшенія—мѣновая цѣнность продуктовъ есть особый способъ распредѣленія, въ которомъ доля общественнаго дохода, приходящаяся на каждаго члена общества, опредѣляется *значеніемъ* того средства производства, которое находится въ его обладаніи. Ниже мы перейдемъ къ болѣе подробному анализу этой мысли. Здѣсь для насъ важно лишь противопоставленіе этого взгляда на мѣновую цѣнность, какъ на извѣстный способъ распредѣленія, при

[1]) I. B. Say Traité d'économie politique, 1819 t. I p. 126.

которомъ сталкиваются неравныя общественныя силы, взгляду, вытекающему изъ трудовой теоріи мѣновой цѣнности и отрицающему за мѣновымъ отношеніемъ между товарами роль реальнаго регулятора распредѣленія. Намъ не нужно здѣсь повторять, что анализъ условій, дающихъ возможность отдѣльнымъ членамъ общества пріобрѣтать часть общественнаго дохода, не имѣетъ ничего общаго съ анализомъ причинъ, опредѣляющихъ цѣнность этого дохода, и что только двусмысленность понятія цѣнности приводила и сторонниковъ, и противниковъ трудовой теоріи цѣнности къ представленію о тождественности той и другой проблемы.

Еще съ другой точки зрѣнія интересна разсматриваемая схема. Если подъ мѣновой цѣнностью мы будемъ подразумѣвать не что иное, какъ мѣновое отношеніе между благами, то мы можемъ сказать, что у Маркса имѣются двѣ различныя теоріи мѣновой цѣнности: одна—для обмѣна продукта на продуктъ, когда мѣновое отношеніе опредѣляется содержащимся въ продуктахъ общественнымъ рабочимъ временемъ, другая—для обмѣна продукта на трудъ, или рабочую силу, куда первый законъ уже не примѣнимъ. Въ противоположность этому, теорія, устанавливающая зависимость мѣновой цѣнности отъ распредѣленія экономической силы между членами общества, въ равной мѣрѣ примѣнима къ обоимъ видамъ обмѣна: какъ при обмѣнѣ продукта на трудъ, такъ и при обмѣнѣ продукта на продуктъ доля дохода, выпадающая каждому изъ контрагентовъ, опредѣляется высотой его экономическаго или соціальнаго могущества.

Этотъ взглядъ, однако, можетъ пріобрѣсти какое либо реальное значеніе только въ томъ случаѣ, если будетъ выяснено: что такое эта сила и чѣмъ она опредѣляется? Хотя этотъ вопросъ выходитъ собственно за предѣлы непосредственной темы нашей работы—

опредѣленія значенія трудовой теоріи цѣнности—но разрѣшеніе его или по крайней мѣрѣ указаніе пути къ его разрѣшенію можетъ пролить настолько яркій свѣтъ на нѣкоторыя стороны теоріи цѣнности и распредѣленія у Маркса, что мы считаемъ необходимымъ обратиться къ его разсмотрѣнію. Оно должно привести къ уясненію значенія *соціальнаго фактора мѣновой цѣнности.*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Техническій и соціальный факторы мѣновой цѣнности.

Вопросъ о томъ, въ чемъ заключается та сила, которая даетъ возможность отдѣльнымъ членамъ общества захватывать въ свое обладаніе опредѣленныя доли общественнаго дохода, можно свести на другой вопросъ: почему мѣновая цѣнность, въ противоположность общественной субъективной цѣнности, не опредѣляется сравнительной затратой общественнаго труда на производство продуктовъ? Нетрудно видѣть, въ чемъ заключается связь между этими двумя вопросами. Такъ какъ распредѣленіе общественнаго дохода совершается въ современномъ обществѣ путемъ мѣновыхъ сношеній между членами общества, именно при посредствѣ обмѣна продукта на продуктъ или продукта на трудъ, то высота пропорцій, въ которыхъ обмѣниваются другъ на друга различные виды продуктовъ и труда, опредѣляетъ доли общественнаго дохода, поступающія въ обладаніе отдѣльныхъ членовъ общества, и вопросъ о причинахъ несоотвѣтствія этихъ пропорцій сравнительной затратѣ труда на товары есть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о причинахъ присвоенія общественнаго дохода въ распредѣленіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что это мѣновое отношеніе между товарами—будетъ ли то продуктъ, или трудъ—складывается, какъ результатъ столкновенія

различныхъ субъективныхъ оцѣнокъ товаровъ со стороны контрагентовъ. Правда, психологическому направленію не удалось до сихъ поръ точно описать механизмъ столкновенія этихъ оцѣнокъ и его дѣйствіе на мѣновую цѣнность; но эта неразрѣшенность задачи не мѣшаетъ, однако, признанію методологической вѣрности ея постановки. Такъ какъ субъективная цѣнность блага есть то значеніе, которое имѣетъ обладаніе имъ для удовлетворенія потребностей, и такъ какъ она сопровождается болѣе или менѣе интенсивнымъ стремленіемъ къ обладанію этимъ благомъ, то мы вообще не можемъ себѣ представить, что̀ иное можетъ опредѣлять мѣновыя отношенія между товарами, какъ не наличность и интенсивность этого стремнія и число лицъ, у которыхъ оно имѣется. Всѣ другія обстоятельства, приводившіеся въ качествѣ факторовъ мѣновой цѣнности, какъ напр., полезность благъ, ихъ рѣдкость, естественная или искусственная трудность ихъ созданія или пріобрѣтенія и т. д. являются сами опредѣляющими моментами высоты субъективныхъ оцѣнокъ и могутъ дѣйствовать на мѣновую цѣнность только черезъ посредство послѣднихъ. Предполагать воздѣйствіе этихъ факторовъ на мѣновыя отношенія между товарами какъ нибудь иначе, а не черезъ посредство субъективныхъ оцѣнокъ и сопровождающихъ ихъ стремленій къ пріобрѣтенію товаровъ,—значитъ предполагать какое-то фаталистическое воздѣйствіе извѣстныхъ факторовъ на общественныя отношенія независимо отъ чувствъ, стремленій и дѣйствій входящихъ въ эти отношенія людей, словомъ, значитъ предполагать нѣчто невозможное. Такъ какъ всякое общественное явленіе или отношеніе сводится въ концѣ концовъ на извѣстныя психическія явленія, то и общественное отношеніе, выражающееся въ обмѣнѣ товаровъ, должно также опираться на извѣстный психологическій базисъ, и если ученіе о субъективной цѣн-

ности, какъ психологическомъ условіи хозяйственной дѣятельности, само по себѣ вѣрно, то всѣ общественныя отношенія, складывающіяся на почвѣ совмѣстной хозяйственной дѣятельности людей, должны свестись въ конечномъ счетѣ на это психологическое условіе. Иллюзія, что въ обществѣ дѣйствуютъ, помимо человѣческихъ стремленій и интересовъ, какія-то независимыя отъ нихъ объективныя силы создается только благодаря своеобразному соціологическому явленію, проявляющемуся во всѣхъ областяхъ общественной жизни и состоящему въ кажущейся объективизаціи результатовъ взаимодѣйствія субъективно-психологическихъ явленій. Объ этомъ, впрочемъ, будетъ итти рѣчь далѣе. Здѣсь намъ достаточно этихъ немногихъ соображеній, чтобъ принять за данное зависимость мѣновой цѣнности отъ субъективныхъ оцѣнокъ товара.

Мы видѣли, далѣе, что трудовой цѣнностью является не всякая субъективная цѣнность, а лишь общественная субъективная цѣнность дохода, т. е. оцѣнка послѣдняго съ точки зрѣнія всего общественнаго хозяйства, взятаго какъ одно цѣлое. Ясно, однако, что субъективныя оцѣнки, въ результатѣ которыхъ устанавливается мѣновая цѣнность товара, суть не общественныя, а индивидуальныя оцѣнки; каждый изъ контрагентовъ опредѣляетъ свою хозяйственную дѣятельность не расчетомъ о значеніи данныхъ благъ для всего общества, а соображеніями о значеніи ихъ для него лично. Изъ этого видно, что мѣновая цѣнность не опредѣляется сравнительной затратой общественнаго труда потому, что она есть результатъ не общественной оцѣнки, а столкновенія индивидуальныхъ оцѣнокъ, которыя съ трудовой цѣнностью могутъ не совпадать. Нашъ вопросъ, въ такомъ случаѣ, принимаетъ опять иную форму. Теперь остается объяснить, почему индивидуальная субъективая цѣнность, цѣнность блага для отдѣльнаго члена общества, не совпадаетъ съ об-

щественной субъективной цѣнностью, т. е. съ оцѣнкой блага съ точки зрѣнія интересовъ всего общества, взятаго какъ одно цѣлое?

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этого вопроса, посмотримъ, какъ объясняется проблема обмѣна неравноцѣнностей, съ которой мы имѣемъ тутъ дѣло, съ точки зрѣнія теоріи Маркса. У Маркса мы встрѣчаемъ два объясненія этого явленія, одно болѣе узкое, другое болѣе широкое. Первое содержится въ его ученіи о свойствахъ товара рабочей силы. Наемный рабочій продаетъ не продуктъ своего труда, а собственную рабочую силу. Эта рабочая сила обладаетъ тѣмъ специфическимъ свойствомъ, что она способна развивать бо́льшее количество труда, чѣмъ сколько необходимо для ея воспроизводства, т. е. для поддержанія жизни и работоспособности рабочаго. Благодаря этому, утилизація рабочей силы создаетъ цѣнность, превышающую цѣнность самой рабочей силы, такъ что въ результатѣ обмѣна между капиталистомъ и рабочимъ первый пріобрѣтаетъ бо́льшую цѣнность, чѣмъ отдаетъ рабочему. Это объясненіе недостаточно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, оно заранѣе отказывается объяснить всѣ случаи обмѣна неравноцѣнностей, кромѣ отношенія найма труда или, по терминологіи Маркса, покупки рабочей силы. Если, однако, вѣренъ изложенный нами взглядъ, что обмѣнъ неравноцѣнностей происходитъ независимо отъ какой-либо специфической формы обмѣна, что, наоборотъ, онъ можетъ быть связанъ со всѣми видами экономическихъ отношеній между членами общества, то приведенное объясненіе Маркса не можетъ считаться полнымъ разрѣшеніемъ вопроса. Достаточно припомнить нѣкоторые изъ приведеныхъ выше примѣровъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Чѣмъ объясняется, напр., обмѣнъ неравноцѣнностей, имѣющій мѣсто при продажѣ какого-либо монополизированнаго блага? Чѣмъ объясняется обмѣнъ

неравноцѣнностей въ мѣновыхъ сношеніяхъ скупщика съ кустаремъ? Чѣмъ объясняется такой же обмѣнъ неравноцѣнностей въ мѣновыхъ сношеніяхъ крупнаго землевладѣльца съ сосѣднимъ крестьяниномъ, если этотъ обмѣнъ принимаетъ форму не покупки робочей силы крестьянина, а, напр., аренды помѣщичьей земли или продажи продукта крестьянскаго труда? Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ покупка рабочей силы отсутствуетъ, и, слѣдовательно, къ нимъ ко всѣмъ непримѣнимо объясненіе, предложенное Марксомъ.

Во-вторыхъ, даже если оставить въ сторонѣ недостаточность этого объясненія въ приведенномъ отношеніи, оно недостаточно еще и потому, что не показываетъ, что̀ заставляетъ рабочаго продавать свою рабочую силу вмѣсто готоваго продукта труда. А въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, въ необходимости для рабочаго продавать свою рабочую силу, и содержится самая существенная черта разсматриваемаго отношенія, такъ какъ очевидно чудодѣйственная способность рабочей силы создавать цѣнность, превышающую ея собственную, не привела бы сама по себѣ къ обмѣну неравноцѣнностей, если бы рабочій могъ самъ ее утилизировать и продавать продуктъ своего труда.

Такимъ образомъ, это первое объясненіе недостаточно широко, не охватывая всѣхъ возможныхъ случаевъ обмѣна неравноцѣнностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ недостаточно глубоко, такъ какъ оставляетъ неизслѣдованнымъ то явленіе, которое служитъ для него исходнымъ пунктомъ.

Второе объясненіе, имѣющееся у Маркса, шире перваго, но зато гораздо менѣе опредѣленно. Оно заключается въ указаніи на монополизацію средствъ производства въ рукахъ одной части общества, какъ на источникъ обмѣна неравноцѣнностей, указаніи, не составляющемъ особенности ученія Маркса, а

обычномъ для писателей одного съ Марксомъ соціально-политическаго направленія и ставшемъ почти трюизмомъ [1]). Какъ ни вѣрно само по себѣ это указаніе, оно составляетъ въ лучшемъ случаѣ начало объясненія обмѣна неравноцѣнностей, чѣмъ полное объясненіе этого явленія; мы не узнаемъ изъ него, какимъ именно образомъ вліяетъ монополизація средствъ производства, что́ превращаетъ ее въ экономическую силу, и отъ чего зависитъ величина этой силы въ каждомъ данномъ случаѣ. Словомъ, въ системѣ Маркса это указаніе остается отрывочнымъ замѣчаніемъ, которое, хотя и составляетъ одну изъ основныхъ мыслей системы, но не развито и не поставлено въ ту тѣсную логическую связь съ остальными сторонами его ученія, которую мы привыкли встрѣчать у Маркса. И это не случайно: система Маркса не содержитъ въ себѣ элементовъ для детальнаго изслѣдованія явленія монополіи и его вліянія. И въ этомъ отношеніи, какъ мы полагаемъ, теорія субъективной цѣнности можетъ сослужить службу въ смыслѣ дополненія, исправленія и развитія идей Маркса.

Мы возвращаемся теперь къ тому вопросу, до котораго мы дошли путемъ предварительнаго анализа проблемы обмѣна неравноцѣнностей. Требуется объяснить, почему индивидуальная субъективная цѣнность уклоняется отъ общественной цѣнности и не совпадаетъ, подобно послѣдней, съ трудовой оцѣнкой? Такъ какъ трудовая оцѣнка есть форма, въ которой выражается субъективная цѣнность для субъекта изолированнаго хозяйства, то вопросъ въ свою очередь сводится на другой: чѣмъ отличается положеніе субъекта изолированнаго хозяйства отъ положенія субъекта хозяйства мѣнового? Очевидно, что именно этимъ раз-

[1]) Особенно выразительно развито это ученіе напр. у Родбертуса, не говоря уже о болѣе раннихъ писателяхъ, у которыхъ постоянно встрѣчается это указаніе.

личіемъ въ положеніи того и другого можетъ быть объяснено различіе въ ихъ оцѣнкахъ.

Подъ изолированнымъ хозяйствомъ понимается, какъ выше было развито, хозяйство, сознательно руководимое интересами и волей его субъекта; его условіемъ является единство субъекта, все равно, будетъ ли послѣднимъ отдѣльный человѣкъ или цѣлое общество. Если такъ, то въ изолированномъ хозяйствѣ отсутствуютъ отношенія между субъектами хозяйства; дѣятельность *одного* субъекта приводитъ въ движеніе и направляетъ все хозяйство. Это само собой понятно для изолированнаго хозяйства, субъектомъ котораго является отдѣльная личность, напр. для хозяйства Робинзона. Но и тамъ, гдѣ этимъ субъектомъ служитъ цѣлая соціальная группа, отдѣльные члены ея являются лишь органами этого центральнаго субъекта, и дѣятельность каждаго изъ нихъ не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а служитъ лишь частью совокупной дѣятельности группы, руководимой общей волей. Такимъ образомъ, единственное оставшееся въ изолированномъ хозяйствѣ отношеніе — это отношеніе субъекта хозяйства къ природѣ. Путемъ этихъ отношеній удовлетворяются всѣ потребности субъекта хозяйства, и мы видѣли, что изъ этихъ же отношеній вытекаютъ законы субъективной цѣнности въ изолированномъ хозяйствѣ.

Иначе обстоитъ дѣло въ хозяйствѣ, ходъ котораго не опредѣляется центральной волей, а обуславливается стихійнымъ столкновеніемъ независимыхъ другъ отъ друга дѣятельностей различныхъ субъектовъ хозяйства, т. е. въ хозяйствѣ мѣновомъ. Здѣсь каждый субъектъ хозяйства стоитъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ не только къ природѣ, но и къ остальнымъ субъектамъ, и его потребности удовлетворяются не только при посредствѣ его личной дѣятельности, но и при помощи вполнѣ независимой отъ нея дѣятельности другихъ

субъектовъ хозяйства. Было бы неправильно поэтому для такого хозяйства выводить законы субъективной цѣнности изъ отношеній его субъектовъ къ природѣ: обстоятельства, воздѣйствующія на субъективную цѣнность отдѣльныхъ благъ, напр., качество и количество этихъ благъ, находящихся въ обладаніи субъекта хозяйства, зависятъ не только отъ производительной дѣятельности субъекта хозяйства, т. е. отъ его отношенія къ природѣ, но и отъ тѣхъ связей, которыми онъ соединенъ съ другими хозяйствами. Такимъ образомъ, коренное различіе въ положеніи субъекта хозяйства изолированнаго и хозяйства мѣнового заключается въ томъ, что удовлетвореніе потребностей перваго опредѣляется его отношеніями къ природѣ, второго — не только отношеніями къ природѣ, но и отношеніями къ другимъ субъектамъ хозяйствъ. Это же различіе должно отразиться на субъективной цѣнности благъ, входящихъ въ составъ того и другого хозяйства: если въ изолированномъ хозяйствѣ она зависитъ исключительно отъ отношеній человѣка къ природѣ, то въ хозяйствѣ мѣновомъ она стоитъ въ подобной же зависимости отъ отношеній людей другъ къ другу.

Въ чемъ же заключаются тѣ отношенія, которыя опредѣляютъ субъективную цѣнность благъ? Мы видѣли, что субъективная цѣнность есть „значеніе блага, основанное на сознаніи *зависимости* удовлетворенія потребностей отъ обладанія ими“ (Менгеръ), мы видѣли далѣе, что этому *субъективному чувству* зависимости, составляющему источникъ чувства цѣнности, соотвѣтствуетъ *объективное отношеніе* зависимости, въ которой мы стоимъ къ природѣ, а это послѣднее порождается относительной рѣдкостью полезныхъ для человѣка предметовъ и силъ природы и необходимостью дорожить ими и бороться за ихъ обладаніе. Если Кэри опредѣлилъ когда-то цѣнность, какъ мѣру власти природы надъ человѣкомъ, то мы можемъ,

не измѣняя смысла этого опредѣленія, но придавъ ему болѣе точное значеніе, опредѣлить субъективную цѣнность, какъ *мѣру зависимости человѣка отъ природы*. Если человѣкъ относится къ природѣ пассивно, если онъ ограничивается однимъ потребленіемъ готовыхъ даровъ природы, то эта зависимость обнаруживается въ наиболѣе ясной формѣ: удовлетвореніе каждой потребности обусловлено присутствіемъ тѣхъ или иныхъ объектовъ потребленія, и каждый изъ нихъ, поэтому, пріобрѣтаетъ субъективную цѣнность, соотвѣтствующую интенсивности той потребности, удовлетвореніе которой находится отъ него въ зависимости. Если человѣкъ (или общество) начинаетъ удовлетворять свои потребности путемъ производства, т. е. затраты дѣятельности для созданія необходимыхъ предметовъ потребленія, то эта зависимость становится косвенной: она превращается въ зависимость удовлетворенія всякихъ потребностей отъ затраты извѣстнаго количества труда, и субъективная цѣнность принимаетъ форму трудовой цѣнности. Таково положеніе дѣла съ точки зрѣнія изолированнаго хозяйства, въ томъ случаѣ, когда періодическое потребленіе опирается на періодическое воспроизводство, стоящее подъ контролемъ субъекта хозяйства. Въ той или иной формѣ, но въ изолированномъ хозяйствѣ субъективная цѣнность всегда остается отраженіемъ *зависимости отъ природы*.

Наоборотъ, зависимость отъ природы уже перестаетъ играть такую роль въ хозяйствѣ мѣновомъ, гдѣ удовлетвореніе потребностей субъектовъ отдѣльныхъ хозяйствъ опирается на ихъ отношенія другъ къ другу. Для того, чтобы выяснить это различіе между законами цѣнности въ хозяйствѣ изолированномъ и мѣновомъ, обратимъ вниманіе на понятіе „рѣдкости“, играющее столь важную роль въ теоріи субъективной цѣнности.

Мы видѣли, что субъективную цѣнность могутъ пріобрѣсти только тѣ блага, которыя относительно рѣдки, т. е. наличное количество которыхъ не превышаетъ того количества ихъ, которое необходимо для полнаго удовлетворенія потребностей въ нихъ. Только въ этомъ случаѣ удовлетвореніе потребности находится въ зависимости отъ обладанія опредѣленнымъ экземпляромъ даннаго блага, въ противномъ же случаѣ каждый экземпляръ можетъ быть свободно замѣненъ другимъ, и благо превращается въ „свободное“, т. е. теряетъ свою цѣнность. Въ чемъ, однако, заключается эта рѣдкость? Въ изолированномъ хозяйствѣ она можетъ только совпадать съ фактической наличностью извѣстнаго количества благъ, недостаточнаго для удовлетворенія человѣческихъ потребностей; не такъ будетъ стоять дѣло въ хозяйствѣ мѣновомъ, т. е. при взаимодѣйствіи субъектовъ хозяйства между собой. Предположимъ, что дана извѣстная годная къ обработкѣ площадь земли, величина которой съ избыткомъ достаточна для удовлетворенія потребностей живущихъ на ней людей; земля эта въ такомъ состояніи „рѣдкостью“ обладать не будетъ, а слѣдовательно не будетъ имѣть и цѣнности. Представимъ себѣ теперь, что часть этой земли захвачена въ собственность однимъ или нѣсколькими людьми, такъ что всѣ остальные члены общества устранены отъ свободнаго пользованія ею. Для этихъ послѣднихъ захваченная часть земли какъ бы перестаетъ существовать; они извлекаютъ изъ нея также мало пользы для себя, какъ если бы ея совсѣмъ не было. Если оставшееся свободнымъ количество земли недостаточно для удовлетворенія потребностей живущаго на ней населенія, то очевидно, что земля станетъ „рѣдкимъ благомъ“ и пріобрѣтаетъ цѣнность, несмотря на фактическую наличность такого количества ея, которое, при устраненіи земельной собственности отдѣльныхъ членовъ

общества, заставило бы смотрѣть на землю, какъ на даровое или свободное благо. Возьмемъ другой примѣръ. Извѣстный продуктъ произведенъ въ количествѣ, превышающемъ потребность покупателей. Если однако продуктъ этотъ находится въ рукахъ одного владѣльца, напр. синдиката, охватывающаго цѣлую отрасль промышленности, то онъ будетъ обладать цѣнностью, такъ какъ, несмотря на избыточное его количество, даромъ его получить нельзя. Въ обоихъ приведенныхъ примѣрахъ блага, не обладающія „рѣдкостью“ въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ не менѣе обладаютъ какой-то иною рѣдкостью, благодаря которой они пріобрѣтаютъ цѣнность. Эту рѣдкость, въ отличіе отъ рѣдкости естественной, можно было бы назвать соціальной. Психологическая школа, разработавшая ученіе о рѣдкости, какъ источникѣ цѣнности, не обратила вниманія на двусмысленность термина „рѣдкость“, и благодаря этому упустила изъ виду всѣ тѣ выводы, на которые можетъ навести это двоякое значеніе понятія рѣдкости.

Ясно, что въ изолированномъ хозяйствѣ подобнаго различіи между естественной и соціальной рѣдкостью существовать не можетъ: если количество блага превышаетъ потребность въ немъ, то оно будетъ для субъекта хозяйства „свободнымъ благомъ“ и ни въ какомъ случаѣ не сможетъ пріобрѣсти цѣнности. Откуда же берется эта соціальная рѣдкость и вызываемая ею цѣнность въ хозяйствѣ, основанномъ на взаимодѣйствіи субъектовъ хозяйства? Она возникаетъ только оттого, что къ отношеніямъ между человѣкомъ и природой присоединяются отношенія между людьми, и легко видѣть, въ чемъ заключаются эти послѣднія отношенія: онѣ состоятъ въ *зависимости человѣка отъ человѣка*, которая вполнѣ аналогична зависимости человѣка отъ природы. Въ изолированномъ хозяйствѣ, гдѣ человѣкъ стоитъ лицомъ къ лицу къ одной лишь

природѣ, онъ становится въ зависимое положеніе только тамъ, гдѣ природа отказывается ему служить; но въ хозяйствѣ, основанномъ на взаимодѣйствіи между людьми, то же зависимое положеніе человѣка можетъ быть результатомъ вмѣшательства другого человѣка, который устраняетъ перваго отъ пользованія дарами природы и дѣлаетъ послѣднія какъ бы несуществующими. Вліяніе, которое оказываетъ на цѣнность эта рѣдкость, совершенно анологично вліянію естественной рѣдкости. Какія бы обстоятельства не препятствовали полному удовлетворенію человѣческихъ потребностей, будетъ ли то зависимость отъ природы, или зависимость отъ людей, въ обоихъ случаяхъ возникаетъ специфическое *чувство зависимости*, служащее источникомъ субъективной цѣнности. „Сверхъ сопротивленія, представляемаго природою, существуетъ и другое, чисто соціальное препятствіе, затрудняющее снабженіе человѣка нужными ему предметами. Между людьми и природой становится препятствующая сила въ лицѣ человѣка же. Изолированный человѣкъ свободенъ въ борьбѣ съ природой. Естественные матеріалы и силы безвозмездно состоятъ въ его распоряженіи; никто не загораждаетъ ему доступа къ природѣ и не требуетъ платы за пользованіе естественными средствами. Но положеніе измѣняется, если мы представимъ себѣ другого человѣка, который, съ мечемъ въ рукахъ, охраняетъ пути къ природѣ и ея силамъ и требуетъ какого-либо рода платы за допущеніе къ нимъ“ [1]).

Теперь нетрудно объяснить, почему субъективная цѣнность въ мѣновомъ хозяйствѣ неизбѣжно должна отклоняться отъ трудовой оцѣнки. Трудовая оцѣнка есть результатъ того отношенія человѣка къ природѣ, при которомъ блага, потребляемыя человѣкомъ, пріі-

[1]) Дюрингъ. „Курсъ національной и соціальн. экономіи“ русск. пер. с. 23—24.

обрѣтаются имъ путемъ сознательнаго, планомѣрнаго вмѣшательства въ воспроизводительную дѣятельность природы и притомъ такъ, что количество и качество этихъ благъ находится въ зависимости отъ направленія, въ которомъ человѣкъ затрачиваетъ свой трудъ. Но подобное отношеніе между субъектомъ хозяйства и природой можетъ установиться только тамъ, гдѣ между ними не становится посторонняя сила въ лицѣ другого субъекта хозяйства. Иначе обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ нѣсколько лицъ заняты сообща производительной дѣятельностью, причемъ каждый изъ нихъ направляетъ свою дѣятельность сообразно своимъ личнымъ интересамъ, такъ что результатъ производства находится въ зависимости не отъ одной центральной воли, а отъ столкновенія неподчиненныхъ другъ другу и необъединенныхъ между собой желаній цѣлаго ряда лицъ. При такомъ хозяйственномъ строѣ ни одинъ изъ отдѣльныхъ субъектовъ хозяйства не можетъ поставить результатъ производства въ зависимость отъ своихъ собственныхъ желаній, т. е. отъ направленія своей *личной* дѣятельности: въ этой дѣятельности онъ наталкивается на дѣятельность другихъ субъектовъ хозяйства, надъ которой онъ не имѣетъ власти. Такъ какъ однако трудовая оцѣнка предполагаетъ такую зависимость результата производства отъ направленія дѣятельности *одного* субъекта хозяйства, то при описываемомъ строѣ она не можетъ имѣть мѣста. Вмѣсто нея возникнетъ снова та оцѣнка, которой человѣкъ руководится при отсутствіи планомѣрнаго вмѣшательства въ дѣятельность природы, т. е. оцѣнка по самостоятельной полезности или предѣльной полезности каждаго отдѣльнаго блага.

Мы имѣемъ здѣсь, такимъ образомъ, два фактора, воздѣйствующія на порядокъ пріобрѣтенія благъ отдѣльными членами общества, и потому два фактора субъективной цѣнности: *техническій*, сводящійся къ воз-

дѣйствію человѣка на природу, и *соціальный*, который заключается въ отношеніяхъ между людьми. Благо, которое *технически* воспроизводимо, т. е. которое можетъ быть пріобрѣтено въ результатѣ опредѣленнаго воздѣйствія на природу, становится *соціально-невоспроизводимымъ*, когда это воздѣйствіе прерывается вмѣшательствомъ посторонняго субъекта хозяйства, вмѣшательствомъ, не дающимъ результату производства возможности осуществиться.

Итакъ, вездѣ, гдѣ результатъ производства зависитъ отъ дѣятельности нѣсколькихъ независимыхъ другъ отъ друга субъектовъ хозяйства, трудовая оцѣнка для отдѣльнаго субъекта хозяйства не можетъ имѣть мѣста. Изъ этого положенія есть только одно исключеніе. Если представить себѣ гипотетическій общественный строй, при которомъ каждый членъ общества *способенъ* своей личною дѣятельностью удовлетворить всѣ свои потребности, т. е. производить всѣ блага, но по какимъ бы то ни было причинамъ ограничиваетъ свою производительную дѣятельность одной отраслью производства, обмѣнивая продуктъ ея на продуктъ труда другихъ членовъ общества, если представить себѣ, такимъ образомъ, абсолютную свободу перехода отъ одного занятія къ другому, вмѣстѣ съ фактически-существующимъ раздѣленіемъ труда и обмѣномъ, то въ этомъ случаѣ трудовая оцѣнка сохранитъ свою силу для каждаго субъекта, такъ какъ результатъ производства всегда *можетъ* быть поставленъ въ зависимость отъ дѣятельности этого субъекта, несмотря на наличность взаимодѣйствія нѣсколькихъ субъектовъ хозяйства. Не трудно, однако, видѣть, что подобный гипотетическій строй практически скрываетъ въ себѣ contradictio in adjecto: онъ предполагаетъ развитое товарное хозяйство, при условіяхъ возможности ежеминутнаго перехода къ натуральному хозяйству. Въ дѣйствительности фактъ наличности раздѣленія

труда, лежащаго въ основѣ товарнаго хозяйства, показываетъ уже самъ по себѣ, что отдѣльнымъ членамъ общества выгоднѣе заниматься одной опредѣленной производительной дѣятельностью, чѣмъ всѣми остальными, и что поэтому переходъ отъ одного занятія къ другому связанъ по крайней мѣрѣ съ извѣстными потерями. Такимъ образомъ, этотъ гипотетическій строй, при которомъ *взаимная связь* между членами общества не сопровождалась бы *взаимной зависимостью* ихъ другъ отъ друга, такъ что во всякое время каждый изъ нихъ могъ бы обойтись безъ всѣхъ остальныхъ и опереться на свои собственныя силы—есть нѣчто только мыслимое, но не осуществимое. Во всѣхъ остальныхъ же случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ взаимную зависимость между членами общества, трудовая оцѣнка для отдѣльныхъ субъектовъ хозяйства не можетъ имѣть мѣста: огромнѣйшее большинство благъ, воспроизводимыхъ для всего общественнаго хозяйства вмѣстѣ взятаго, или—что то же — *технически* воспроизводимыхъ, для каждаго изъ членовъ общества являются благами невоспроизводимыми, и оцѣнка ихъ поэтому не опирается на расчетъ затраты труда на ихъ производство.

Итакъ, между членами мѣнового хозяйства существуютъ отношенія взаимной зависимости. Чѣмъ же опредѣляется высота этой зависимости одного субъекта хозяйства отъ другого, или—что одно и то же—степень *власти* одного надъ другимъ? Мы видѣли, что эта зависимость заключается въ томъ препятствіи, которое ставитъ производительной дѣятельности человѣка необходимость прибѣгать къ услугамъ другого человѣка для удовлетворенія своихъ потребностей. Она будетъ поэтому тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе цѣнны тѣ блага, пріобрѣтеніе которыхъ невозможно безъ содѣйствія другихъ. Самый схематическій примѣръ этого отношенія можно себѣ представить въ видѣ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ находится въ исключитель-

номъ обладаніи хлѣба, другой — какихъ-либо украшеній. Очевидно, что второй будетъ находиться въ бо́льшей зависимости отъ перваго, чѣмъ первый отъ второго, такъ какъ первый держитъ въ своей власти жизнь второго, второй же можетъ воздѣйствовать на перваго только удовлетвореніемъ или неудовлетвореніемъ сравнительно слабой потребности въ украшеніи,— другими словами, такъ какъ *субъективная цѣнность хлѣба выше цѣнности предметовъ украшенія*. Такимъ образомъ, субъективная цѣнность отдѣльныхъ благъ является источникомъ и мѣриломъ разсматриваемаго отношенія взаимнаго господства и взаимной зависимости. Экономическая власть даннаго члена общества надъ остальными, и наоборотъ, его зависимость отъ остальныхъ членовъ общества опредѣляется тѣмъ, насколько высока для послѣднихъ субъективная цѣнность того блага, пріобрѣтеніе котораго зависитъ отъ воли даннаго члена общества, и насколько высока, для этого послѣдняго, субъективная цѣнность тѣхъ благъ, которыя находятся въ распоряженіи его контрагентовъ.

На почвѣ этого отношенія взаимной зависимости совершается распредѣленіе общественнаго дохода между членами общества въ формѣ обмѣна продуктовъ различнаго рода другъ на друга и на различные виды труда. Чѣмъ больше власть одного члена общества надъ другимъ, тѣмъ бо́льшее количество продуктовъ и труда всѣхъ остальныхъ людей онъ можетъ себѣ присвоить, такъ какъ эти послѣдніе согласны будутъ отдать тѣмъ бо́льшее количество своихъ продуктовъ и своего труда, чѣмъ бо́льшую цѣнность они надѣются получить путемъ этого обмѣна. Такова та зависимость, въ которой находится мѣновая цѣнность продуктовъ и труда, т. е. мѣновое отношеніе различныхъ ихъ видовъ другъ къ другу, отъ ихъ субъективной цѣнности, отъ сравнительнаго значенія, которое они имѣютъ для потребителя. Мы должны, впрочемъ, остеречься устано-

вить точную пропорціональность между мѣновой и субъективной цѣнностью: первую опредѣляетъ не индивидуальная, а коллективная оцѣнка, а какимъ образомъ эта послѣдняя возникаетъ изъ комбинаціи индивидуальныхъ оцѣнокъ, это до сихъ поръ еще удовлетворительно разъяснено не было [1]). Во всякомъ случаѣ, элементами этой коллективной оцѣнки могутъ являться только оцѣнки индивидуальныя, которыя поэтому и служатъ источникомъ мѣновой цѣнности, т. е. мѣнового отношенія между благами, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляютъ способъ распредѣленія дохода между членами общества. Здѣсь достаточно замѣтить, что точно такъ же, какъ коллективная оцѣнка относится къ индивидуальной, соціальная зависимость, т. е. зависимость между индивидуумомъ и *всѣми* остальными членами общества, относится къ индивидуальной зависимости, и только эта соціальная зависимость непосредственно опредѣляетъ мѣновую цѣнность блага и порядокъ распредѣленія дохода.

„Богатство есть могущество“. Это изреченіе Гоббса, съ одобреніемъ цитированное Смитомъ, стало почти трюизмомъ, а между тѣмъ научнаго анализа его мы не имѣемъ до сихъ поръ. Объясненіе Адама Смита, который видитъ содержаніе этого „могущества“ въ способности покупать, не только поверхностно, такъ какъ оно оставляетъ неразъясненными причины такой „power of purchasing“, но и не покрываетъ всѣхъ явленій, охватываемыхъ положеніемъ о „могуществѣ богатства“: не только простая „способность покупать“, но и способность ставить другихъ людей въ подчинен-

[1]) Franz Eulenburg, въ своей статьѣ „Ueber die Möglichkeit und die Aufgaben einer Socialpsychologie, въ Schmoller's Jahrbuch, 1900, Heft 1“ справедливо замѣчаетъ, что психологическая теорія цѣнности пока еще не вышла изъ предѣловъ индивидуальной психологіи (s. 211); онъ не указываетъ однако на необходимость воспользоваться въ этой теоріи результатами новой науки *соціальной психологіи*, необходимость которой имъ обосновывается.

ное, зависимое положеніе подразумѣвается даже — и въ обиходной рѣчи—подъ этимъ могуществомъ. Въ этомъ смыслѣ только теорія субъективной цѣнности, которая „зависимость“ считаетъ основой „цѣнности“, а стало быть объясняетъ и распредѣленіе дохода отношеніями взаимной зависимости, можетъ дать элементы для точнаго анализа положенія о „могуществѣ богатства“. Если она этого до сихъ поръ не сдѣлала, то въ этомъ надо винить не теорію, а ея представителей: ограниченность ихъ соціологическаго міровоззрѣнія помѣшало имъ оцѣнить значеніе установленной ими теоріи.

Если мѣновыя сношенія между членами общества совершаются на почвѣ установившихся между послѣдними отношеній взаимной зависимости, если эта *зависимость человѣка отъ человѣка* нарушаетъ тѣ законы субъективной цѣнности, которые вытекаютъ изъ отношеній человѣка къ природѣ, и сводятъ субъективную цѣнность на трудовую оцѣнку всѣхъ воспроизводимыхъ благъ, если, такимъ образомъ, въ неизолированномъ хозяйствѣ мы должны считаться наряду съ дѣйствіемъ *техническаго* фактора субъективной цѣнности также и съ дѣйствіемъ фактора *соціальнаго*, то этимъ еще ничего не сказано о томъ, какъ распредѣляется между отдѣльными членами общества та зависимость, въ которой они стоятъ другъ отъ друга, и какое дѣйствіе эта зависимость оказываетъ на мѣновую цѣнность. Мы подразумѣваемъ подъ этимъ слѣдующее.

Мы могли бы представить себѣ общество, въ которомъ члены его стоятъ въ тѣснѣйшей зависимости другъ отъ друга, но въ которомъ эта зависимость распредѣлена совершенно равномѣрно, такъ что размѣры власти каждаго члена общества надъ остальными въ точности равнялась бы власти этихъ послѣднихъ надъ нимъ. Въ подобномъ обществѣ трудовая

оцѣнка благъ имѣла бы мѣсто такъ же мало, какъ во всякомъ другомъ комплексѣ взаимно-зависимыхъ хозяйствъ: отдѣльный членъ общества не могъ бы самъ производить всѣ необходимыя ему блага, и потому не могъ бы ихъ оцѣнивать пропорціонально затратѣ труда на ихъ производство. Однако, то нарушеніе трудовой оцѣнки, которое проистекало бы изъ отношеній зависимости отъ другихъ людей, сопровождалось бы и находило себѣ эквивалентъ въ противоположномъ нарушеніи, связанномъ съ отношеніями зависимости всѣхъ остальныхъ людей отъ даннаго члена общества. Такимъ образомъ, власть и зависимость его уравновѣшивали бы другъ друга, и человѣкъ находился бы въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ онъ находится въ изолированномъ хозяйствѣ, когда онъ входитъ въ извѣстныя отношенія только къ природѣ, а не къ другимъ людямъ. Другими словами, соціальный факторъ субъективной цѣнности отклонялъ бы эту послѣднюю отъ трудовой оцѣнки какъ для благъ, находящихся въ распоряженіи даннаго члена общества, такъ и для благъ, составляющихъ объектъ обладанія всѣхъ остальныхъ членовъ общества, *но для тѣхъ и другихъ въ одинаковой мѣрѣ.* Результатомъ этого былъ бы обмѣнъ продуктовъ пропорціонально сравнительной затратѣ труда на ихъ производство, несмотря на отсутствіе трудовой оцѣнки: такъ какъ сила дѣйствія соціальнаго фактора уравновѣшивалась бы, а потому и уничтожалась равной силой, дѣйствующей въ противоположномъ направленіи, то единственнымъ регуляторомъ распредѣленія остался бы техническій факторъ, т. е. затрата труда на производство.

Мы старались выше показать, что *фактически* обмѣнъ пропорціонально сравнительной затратѣ труда не имѣетъ мѣста, что онъ для всѣхъ формъ обмѣна составляетъ не болѣе, какъ исключеніе. Только что

изложенное соображеніе не только не опровергаетъ этого положенія, но даетъ ключъ къ его объясненію: такъ какъ обмѣнъ пропорціонально сравнительной затратѣ труда предполагаетъ полное, абсолютное равенство соціальныхъ силъ у обоихъ контрагентовъ, и такъ какъ это равенство можетъ быть только соціальной *случайностью*, то мы находимъ здѣсь новое, и притомъ болѣе глубокое доказательство неправильности трудовой теоріи мѣновой цѣнности.

Въ связи съ этимъ уясняются и соціально-психологическія причины *происхожденія* трудовой теоріи мѣновой цѣнности. Не подлежитъ сомнѣнію, что у классиковъ трудовая теорія мѣновой цѣнности имѣетъ значеніе одного изъ *аргументовъ въ апологіи свободы труда и конкурренціи*. Извѣстно, что характерной чертой такъ называемаго „смитіанизма“ является представленіе о полной тождественности результата свободнаго столкновенія индивидуальныхъ силъ съ „естественнымъ состояніемъ“, подъ которымъ подразумѣвалось главнымъ образомъ состояніе полной самостоятельности людей, т. е. отсутствія соціальной зависимости. Извѣстно также, что предпосылкой—до извѣстной степени безсознательной—этого представленія является гипотеза о полномъ равенствѣ силъ, благодаря которому столкновеніе интересовъ приводитъ не къ порабощенію одного интереса другимъ, а къ гармоніи интересовъ. Если принять все это во вниманіе, то не трудно увидѣть, что трудовая теорія мѣновой цѣнности образуетъ логическій выводъ изъ этого міросозерцанія и вмѣстѣ съ тѣмъ его составную часть. Если свободное соглашеніе между контрагентами приводитъ къ обмѣну пропорціонально сравнительной затратѣ труда на производство продуктовъ, то этимъ именно достигается то „естественное состояніе“, въ которомъ человѣкъ находился при отсутствіи всякихъ соціальныхъ связей, когда онъ имѣлъ дѣло съ одной при-

родой и подчинялся ея „естественнымъ и вѣчнымъ законамъ“, ибо въ этомъ гипотетическомъ состояніи, какъ совершенно вѣрно думали классики (хотя и не могли точно доказать), господствуетъ трудовая оцѣнка продуктовъ. А если такъ, то свобода труда и конкурренціи и въ этомъ отношеніи является путемъ къ „естественному“, а слѣдовательно единственному справедливому состоянію. Здѣсь, какъ и въ остальныхъ аргументахъ въ пользу свободы конкурренціи, было забыто одно: неравенство силъ на сторонѣ борющихся сторонъ, благодаря которому результатомъ столкновенія соціальныхъ силъ является не равновѣсіе ихъ, дающее просторъ дѣйствію природныхъ законовъ, а порабощеніе одной стороны другой, т. е. соціальная зависимость. *Если бы* соціальныя силы были равны, то свободное ихъ столкновеніе при обмѣнѣ продуктовъ несомнѣнно приводило бы къ обмѣну пропорціонально затратѣ труда: въ этомъ классики были правы. Ихъ ошибка заключалась здѣсь, какъ и въ остальныхъ сторонахъ ихъ ученія, въ признаніи *наличности* этого условія, именно полнаго равенства силъ [1]).

[1]) Заслуга такого объясненія соціологическаго значенія трудовой теоріи мѣновой цѣнности въ ученіи классиковъ принадлежитъ *A. Held'y*. Въ своихъ *Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands*. (Leipzig 1881, J. 180—181) онъ говоритъ: In dem Naturrecht des vorigen Jahrhunderts, an das ja auch Ricardo unbewusst anknüpft, lag die Auffassung begründet, dass die unbeschränkte individuelle Freiheit auf wirtschaftlichem Gebiete die absolute natürliche Gerechtigkeit verwirklichen müsse. Was nun ist dem unkritischen (?) Gerechtigkeits- und Billigkeitsgefühle entsprechender als die Forderung, dass Ieder um so mehr erwerben soll, als er leistet? Basirt man das Eigentum auf Arbeit und betrachtet das Eigentum eines jeden Einzelnen als Produkt seiner Arbeit, so ist das erworbene Eigentum der Entgelt für die Leistung jedes Einzelnen. Ist der Werth dieses erworbenen Eigentums oder Arbeitsprodukt vor der Arbeitsmenge allein abhängig, so ist die volle Gerechtigkeit erreicht. Das heisst, der Satz, dass die Herstellungsarbeit allein den Wert aller Güter bestimme, ist ein Postulat einer nicht durchdachter (?) Gerechtigkeit, in Form einer Behauptung. Und da die freie Konkurrenz Vorbedingung für die Wahrheit des Satzes ist, so ist die ganze

Какъ это нерѣдко бываетъ, трудовая теорія мѣновой цѣнности пережила то міросозерцаніе, которое ее породило, и съ которымъ она стояла въ неразрывной психологической связи, и нашла себѣ пріютъ въ міровоззрѣніи діаметрально противоположномъ, которое должно было бы рѣшительно отрицать ее. Основная мысль этого послѣдняго заключается въ настаиваніи, въ противоположность классической школѣ, на *неравенствѣ* соціальныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ, и поэтому въ отрицаніи гармоніи интересовъ, какъ результата свободнаго столкновенія соціальныхъ силъ; въ связи съ этимъ стоитъ подчеркиваніе *соціальнаго* момента распредѣленія въ отличіе отъ классической школы, стремившейся свести законы распредѣленія въ современномъ обществѣ на законы природы, т. е. объяснить ихъ, какъ результатъ воздѣйствія чисто техническихъ условій. Казалось бы, что новая школа должна была начать съ рѣшительнаго отрицанія трудовой теоріи мѣновой цѣнности, которая служила отраженіемъ оптимистическаго увлеченія свободой конкурренціи; въ дѣйствительности случилось нѣчто совершенно неожиданное съ этой точки зрѣнія: трудовая

Behauptung identisch mit einer Verherrlichung der freien Konkurrenz. „См также *его же* брошюру: *Sozialismus, Sozialdemokratie und Sozialpolitik*, Lepzig 1878, S. 54. Въ этомъ объясненіи, по нашему мнѣнію, только слишкомъ сильно подчеркнутъ *этическій* моментъ, который составляетъ лишь побочную черту ученія о „естественномъ состояніи". Въ болѣе наивной формѣ, еще болѣе подчеркивающей этическую сторону трудовой теоріи мѣновой цѣнности, та же мысль высказываетъ Шмоллеръ: „Die bestehende Vermögensverteilung geht theilweise immer zurück auf Iahrhunderte alte Gewalt, auf Zufälle mancher Art, auf Gesetze und Ereignisse, die nicht wirtschaftlicher Natur sind. Aber im Ganzen wird doch im gewöhnlichen Laufe der Dinge der Tüchtige erwerben, der Untüchtige verarmen. Auf diesem nur unklar gefassten sittlichen Gedanken gründet sich ja auch die in ihrer Uebertreibung freilich nicht mehr wahre Behauptung: aller Werth entspreche der Arbeit. Wenn dem immer so wäre, so gäbe es keine schwierige sociale Probleme". *G. Schmoller. Zur Geschichte der Kleingewerbe im 19 Iahrhundert.* Halle 1870, S. 672.

теорія мѣновой цѣнности не только не была отвергнута, но послужила исходнымъ пунктомъ того ученія, которое явилось рѣшительной оппозиціей *духу* классической школы, и наоборотъ, отъ трудовой теоріи мѣновой цѣнности отказались именно послѣдователи классиковъ. Каковы бы ни были причины такого страннаго распредѣленія ролей—здѣсь не мѣсто останавливаться подробно на этомъ вопросѣ—одно несомнѣнно: вопреки общепринятому мнѣнію, трудовая теорія мѣновой цѣнности не только не служитъ логической предпосылкой того міровоззрѣнія, котораго придерживаются ея современные представители,—это мы видѣли уже выше—но даже стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ этимъ міровоззрѣніемъ, и ея сохранившійся до нашихъ дней престижъ служитъ типичнымъ примѣромъ атавизма въ области науки. Несмотря на признаніе общаго положенія о вліяніи соціальныхъ силъ на распредѣленіе, несмотря на сведеніе „мѣновой цѣнности“ на общественное отношеніе между людьми, несмотря на убѣжденіе, что свобода конкурренціи не приводитъ къ порабощенію одной стороны другою только въ идеальномъ случаѣ полнаго равенства борющихся сторонъ—такова основная точка зрѣнія, напр. Маркса и его школы, насъ продолжаютъ увѣрять, что въ мѣновыхъ сношеніяхъ членовъ общества существуетъ какая-то предустановленная гармонія, благодаря которой каждый получаетъ ровно столько, сколько отдаетъ, т. е. сумму труда, равную затраченной имъ самимъ, такъ что никто не выигрываетъ въ обмѣнѣ и никто не проигрываетъ. Мы должны вѣрить, что мѣновое отношеніе между товарами складывается подъ вліяніемъ чисто техническаго момента — затраты труда на ихъ производство,—что свобода конкурренціи приводитъ не къ анархіи, а къ „естественному состоянію“, при которомъ соціальныя отношенія между членами общества не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на распредѣленіе, а

каждый получаетъ столько, сколько онъ имѣлъ бы, если бы былъ предоставленъ себѣ самому. И хотя факты реальной жизни и заставили признать, что обмѣнъ пропорціонально труду въ современномъ обществѣ никогда не осуществляется, но это признаніе было сдѣлано въ формѣ указанія на „уклоненія“ отъ „чистаго“ проявленія естественнаго закона обмѣна пропорціонально затратѣ труда, уклоненія, которыя по отношенію къ самому закону являются чѣмъ-то случайнымъ, несущественнымъ и необъяснимымъ — какъ будто въ этихъ „уклоненіяхъ“ не лежитъ самое характерное дѣйствіе свободной конкурренціи, именно вліяніе соціальнаго момента на распредѣленіе дохода и мѣновую цѣнность, которое превращаетъ „естественный законъ обмѣна пропорціонально затратѣ труда“ въ чистую утопію, въ апологетическое смѣшеніе *желаемаго* состоянія вещей съ *реальными* отношеніями [1]).

---

[1]) *Karl Diehl* въ статьѣ *Ueber das Verhältnis von Wert und Preis in ökonomischen System von Karl Marx* (*Festgabe für Johannes Conrad*, Jena 1898) справедливо указываетъ на то противорѣчіе, въ которомъ стоитъ ученіе Маркса о кризисахъ и анархіи производства къ его теоріи мѣновой цѣнности. „In Bezug auf die Krisen ist ein eigentümlicher Widerspruch bei Marx vorhanden in der Art, wie er sie in der Wert—u. Preislehre und wie er sie bei der allgemeinen Charakteristik der kapitalistischen Produktionsweise behandelt. Gilt es, die moderne Wirtschaftsordnung zu kennzeichen, so können die Farben nicht schwarz genug gefarbt werden, um die verheerende Wirkung der Krisen zu schildern... Die verheerenden Wirkungen der Krisen, die ruinösen Preisstürze, die *alle Berechnung* über den Haufen werfen, werden uns gerade in den Schriften von Marx und Engels in krasser Weise vorgeführt! Jetst erscheinen sie als „gesellschaftliche Unfälle, wodurch der Produktionsprocess gestört wird“ und von denen abgesehen werden muss, wenn das Wertgesetz seine Giltigkeit bewahren soll. Denn die Krisen sind doch wohl unter diese Unfälle zu zählen, von denen Marx . . . spricht. Und nachdem Marx entwickelt hat, dass Marktwert und Marktpreis im grossen und ganzen sich dem Wertgesetz entsprechend bilden, fügt er hinzu: „die Fälle von Krisen und Ueberproduktion überhaupt ausgenommen“. (s. 33—34). Такимъ образомъ, законъ цѣнности опирается у Маркса на отвлеченіе отъ того, что составляетъ самую характерную черту современнаго строя—отъ анархіи производства и ея вліянія.

Односторонность трудовой теоріи мѣновой цѣнности и ея несоотвѣтствіе общему духу ученія Маркса выяснится еще лучше, если мы вспомнимъ вышеизложенное дѣленіе обмѣна на два типа: обмѣна продукта на продуктъ и обмѣна труда на продуктъ. Въ примѣненіи къ послѣднему, Марксъ категорически отрицаетъ трудовой законъ мѣновой цѣнности: это отрицаніе формулировано въ его ученіи о прибавочной цѣнности, гдѣ указано, что благодаря ряду *соціальныхъ* преимуществъ на сторонѣ владѣльца средствъ производства онъ одерживаетъ верхъ въ борьбѣ съ наемнымъ рабочимъ изъ-за распредѣленія общественнаго дохода и получаетъ всегда бо́льшую *сумму* труда, чѣмъ отдаетъ самъ. Тутъ, такимъ образомъ, ясно указана роль *соціальнаго* фактора распредѣленія. И послѣ этого мы должны продолжать вѣрить, что въ обмѣнѣ продукта на продуктъ, который, подобно всякому другому обмѣну, есть общественное отношеніе между людьми, и поэтому долженъ отражать на себѣ реальное соотношеніе силъ между борющимися сторонами, не происходитъ никакого присвоенія общественнаго труда, и что этотъ обмѣнъ регулируется всемогущимъ вліяніемъ чисто естественныхъ, техническихъ условій производства!

Согласно развитой здѣсь точкѣ зрѣнія, зависимость распредѣленія отъ техническихъ условій производства можетъ обнаруживаться въ *чистомъ* видѣ только въ идеальномъ случаѣ точнаго равенства взаимной власти и зависимости членовъ общества, — что при свободной борьбѣ соціальныхъ силъ можетъ быть только случайностью и ни для какого вида обмѣна не служитъ правиломъ. Вездѣ, гдѣ на одной сторонѣ есть

Это разумѣется есть только частный случай болѣе широкаго противорѣчія, въ которомъ стоитъ трудовая теорія мѣновой цѣнности, устанавливающая „естественность“ и „гармоничность“ капиталистическаго строя, къ ученію о противорѣчіяхъ этого строя и его исторически-соціальномъ характерѣ.

перевѣсъ силы,—какъ бы малъ онъ ни былъ—обмѣнъ не можетъ совершаться въ точной пропорціональности затратамъ общественнаго труда, такъ какъ на него будетъ воздѣйствовать *соціальный* моментъ. Отношеніе между капиталистомъ и наемнымъ рабочимъ, которое мы разсматривали, какъ особую форму обмѣна, именно, какъ обмѣнъ труда на продуктъ, есть лишь частный случай отношеній, при которыхъ одна сторона обладаетъ перевѣсомъ соціальной силы надъ другой. Если, въ силу нѣкоторыхъ особенностей современнаго общественнаго строя, это отношеніе и заслуживаетъ наибольшаго вниманія со стороны изслѣдователя, то было бы все-же неправильно видѣть въ немъ *единственный* видъ отношеній зависимости, т е. логически *отождествлять* это соціальное отношеніе съ болѣе широкимъ понятіемъ отношенія перевѣса соціальной силы вообще [1]).

Это отождествленіе послужило причиной неправильной характеристики соціальной зависимости, характеристики, съ которой мы уже имѣли дѣло выше и которую намъ здѣсь остается освѣтить съ другой точки зрѣнія. Утверждается, именно, что наемный рабочій находится въ зависимомъ положеніи, другими словами, эксплуатируется не въ качествѣ потребителя, а въ качествѣ производителя. Оставляя въ сторонѣ тѣ возраженія, которыя мы приводили выше, оставляя въ сторонѣ чисто практическія указанія, свидѣтельствующія объ односторонности этой теоріи—такими указаніями могутъ служить напр. такъ называемая *trucksystem*

[1]) Марксъ самъ въ своемъ ученіи объ абсолютной рентѣ нашелъ по крайней мѣрѣ одинъ новый источникъ присвоенія прибавочной цѣнности внѣ отношенія найма труда, именно въ земельной собственности. По отношенію ко всей системѣ это мѣсто является какимъ-то исключеніемъ изъ общаго правила, не поддающимся точному анализу; это видно уже изъ того, что Марксъ отказывается отвѣчать на вопросъ, чѣмъ опредѣляется высота абсолютной или монопольной ренты.

съ одной стороны, благодѣтельная роль потребительныхъ обществъ съ другой,—мы остановимся здѣсь только на общемъ анализѣ разсматриваемаго положенія.

Мы видѣли уже, въ какомъ смыслѣ обыкновенно понимается это положеніе, и въ какомъ смыслѣ оно можетъ считаться вѣрнымъ. Если оно сводится къ утвержденію, что эксплуатація связана только съ актомъ найма труда, а не съ актомъ обмѣна продуктовъ, то это рѣшительно не вѣрно. „Эксплуатація“, или „извлеченіе прибавочной цѣнности“ есть результатъ всей совокупности мѣновыхъ сношеній рабочаго съ остальными членами общества, слѣдовательно, результатъ не только акта продажи труда, но и акта покупки продуктовъ. Мы не можемъ отождествить процесса извлеченія прибавочной цѣнности съ какимъ-либо опредѣленнымъ хозяйственнымъ дѣйствіемъ, потому что этотъ процессъ можетъ обнаружиться только въ результатѣ всего процесса распредѣленія общественнаго дохода и есть не что иное, какъ особое выраженіе для современнаго порядка распредѣленія. Такимъ образомъ, рабочій эксплуатируется въ этомъ смыслѣ не какъ производитель, и не какъ потребитель, а какъ членъ хозяйственнаго общества вообще, какъ участникъ всей суммы хозяйственныхъ дѣйствій общества. Только въ одномъ спеціальномъ значеніи вѣрно положеніе о зависимости рабочаго, въ качествѣ производителя. Дѣло въ томъ, что соціальная зависимость, такъ сказать, отражается на производствѣ, такъ какъ рабочій въ силу нея принужденъ отдавать безвозмездно часть своего *труда*. Такъ какъ съ общественной точки зрѣнія, или, что одно и то же, съ точки зрѣнія отвлеченія отъ отношеній *между* членами общества, общественный продуктъ есть результатъ затратъ общественнаго труда, то всякій перевѣсъ власти на одной сторонѣ выражается въ томъ,

что эта сторона пріобрѣтаетъ въ обмѣнѣ бо́льшую сумму общественнаго труда, чѣмъ отдаетъ сама. Въ этомъ смыслѣ, всякая зависимость есть зависимость въ производствѣ, такъ какъ она выражается всегда въ томъ, что одинъ человѣкъ *работаетъ* на другого, *производитъ* для него. Такимъ образомъ, положеніе зависимости рабочаго въ качествѣ производителя не характеризуетъ ни *источника* соціальной зависимости вообще, ни специфической *формы* зависимости наемнаго рабочаго, а лишь *результатъ* этой зависимости, разсматриваемый съ точки зрѣнія всего общества и общественной оцѣнки дохода.

Что же касается *источника* зависимости наемнаго рабочаго, то, въ противоположность разсматриваемому положенію, мы можемъ сказать, что эта зависимость, какъ и всякая соціальная зависимость, въ концѣ-концовъ сводится на зависимость *потребителя*. Къ этому положенію мы должны естественно притти, если вспомнимъ откуда вообще берется эта соціальная зависимость.

Мы старались показать, что зависимость эта создается благодаря столкновенію дѣятельностей нѣсколькихъ субъектовъ хозяйствъ, причемъ производительная дѣятельность каждаго изъ нихъ наталкивается на препятствіе, состоящее въ томъ, что отдѣльныя блага находятся въ обладаніи другихъ субъектовъ. При такомъ положеніи дѣла субъективная цѣнность этихъ благъ не соотвѣтствуетъ уже затратѣ труда на ихъ производство, (такъ какъ они являются соціально невоспроизводимыми), а устанавливается такъ, какъ если бы эти блага были вообще невоспроизводимыми. Субъективная цѣнность же означаетъ всегда чувство зависимости удовлетворенія потребностей отъ обладанія извѣстнымъ благомъ, и если это чувство возникаетъ благодаря соціальному моменту, то создается зависимость человѣка отъ человѣка, т. е. соціальная за-

висимость, и высота ея соотвѣтствуетъ высотѣ субъективной цѣнности того блага, на почвѣ стремленія къ которому возникло это отношеніе. Но такъ какъ субъективная цѣнность есть всегда цѣнность *потребленія*, т. е. то значеніе, которое имѣетъ обладаніе благомъ для удовлетворенія потребностей, то и всякая соціальная зависимость есть въ конечномъ счетѣ зависимость *потребителя*: человѣкъ, который не нуждался бы въ удовлетвореніи потребностей, или удовлетвореніе потребностей котораго было бы вполнѣ обезпечено, не могъ бы быть поставленъ въ зависимое положеніе отъ другого. И какую бы форму зависимости мы не взяли, мы всегда найдемъ ея основу именно въ этой зависимости потребителя. Въ этомъ отношеніи положеніе наемнаго рабочаго не составляетъ исключенія: зависимость, въ которой онъ стоитъ отъ предпринимателя, обусловлена тѣмъ, что за отсутствіемъ средствъ производства онъ не можетъ самъ произвести продукты, необходимые для удовлетворенія его потребностей, такъ что это удовлетвореніе можетъ имѣть мѣсто только черезъ посредство работы на другого.

Въ заключеніе мы хотѣли бы указать на то, что, несмотря на наше несогласіе съ исходной точкой зрѣнія Маркса, развитые здѣсь взгляды приводятъ приблизительно къ тѣмъ же выводамъ въ теоріи распредѣленія, какъ и у Маркса. Предоставленіе, согласно которому современное хозяйственное общество разбито на двѣ группы — классъ капиталистовъ и и классъ рабочихъ, причемъ обмѣнъ *между* этими двумя классами, т. е. обмѣнъ труда на продуктъ сопровождается пріобрѣтеніемъ прибавочной цѣнности первымъ классомъ, тогда какъ обмѣнъ продукта на продуктъ есть обмѣнъ равноцѣнностей, и потому сопровождается распредѣленіемъ продукта общественнаго труда между членами общества, основаное на точномъ равенствѣ соціальныхъ силъ у обмѣниваю-

щихся сторонъ — это представленіе не можетъ служить вѣрнымъ исходнымъ пунктомъ теоріи распредѣленія. За исключеніемъ чисто-случайнаго обмѣна при точномъ равенствѣ соціальныхъ силъ, всякій обмѣнъ связанъ съ распредѣленіемъ общественнаго дохода и съ обогащеніемъ сильной стороны насчетъ слабой — обмѣнъ между капиталистами не меньше, чѣмъ обмѣнъ между капиталистомъ и рабочимъ. Но, отвергнувъ апріорное представленіе о равенствѣ силъ при обмѣнѣ продуктовъ и объ обмѣнѣ продуктовъ пропорціонально сравнительной затратѣ общественнаго труда на ихъ производство, мы не обязаны вмѣстѣ съ тѣмъ отрицать наличность извѣстныхъ фактическихъ сторонъ современнаго экономическаго строя, подавшихъ поводъ къ такому представленію. Если исходнымъ пунктомъ анализа распредѣленія должно служить представленіе о *неравенствѣ* силъ и объ обмѣнѣ продуктовъ *не пропорціонально* затратѣ общественнаго труда на ихъ производство, то фактически это неравенство соціальныхъ силъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ это уклоненіе мѣновой цѣнности отъ пропорціональности затратамъ труда? въ разныхъ случаяхъ можетъ быть различно: въ однихъ случаяхъ оно является рѣзкимъ и типичнымъ признакомъ обмѣна, въ другихъ—оно служитъ лишь побочнымъ обстоятельствомъ, сравнителлно несущественнымъ для характеристики обмѣна. Другими словами, въ однихъ случаяхъ неравенство силъ очень велико и непосредственно бросается въ глаза, въ другихъ—оно можетъ быть охарактеризовано, какъ *приблизительное равенство*. Легко видѣть, какіе роды обмѣна подходятъ подъ каждую изъ этихъ категорій. Такъ какъ дѣленіе на классы капиталистовъ и рабочихъ есть въ сущности не что иное, какъ дѣленіе на двѣ группы съ рѣзко выраженнымъ неравенствомъ силъ, и такъ какъ неравенство силъ между отдѣльными членами одного и того же класса имѣетъ срав-

нительно незначительные размѣры, то весьма естественно, что обмѣнъ *между* обоими этими классами особенно ясно характеризуется обогащеніемъ сильнѣйшаго контрагента насчетъ слабѣйшаго, тогда какъ обмѣнъ внутри одного и того же класса есть *приблизительно* обмѣнъ равноцѣнностей. Это, именно, положеніе дѣла привело къ той конструкціи схемы распредѣленія, которую мы находимъ у Маркса. Чисто эмпирическое различіе между двумя видами обмѣна было обращено имъ въ различіе принципіальное, и констатированіе этого различія положено въ основу теоріи распредѣленія. Теоретически это было ошибкой, и благодаря этому трудовая теорія мѣновой цѣнности не можетъ претендовать на научное значеніе. Но эта ошибка опиралась на наблюденіе дѣйствительнаго факта, и потому не привела къ неправильной практической оцѣнкѣ современнаго экономическаго строя, не осудила выводы изъ этого исходнаго пункта на безплодность. Ученія Маркса о несовпаденіи среднихъ цѣнъ съ трудовой цѣнностью, объ уклоненіи рыночныхъ цѣнъ отъ среднихъ и колебанія вокругъ нихъ— всѣ они служатъ попыткой примирить реальное неравенство соціальныхъ силъ даже и въ предѣлахъ одного общественнаго класса съ конструированнымъ идеальнымъ равенствомъ, которое опирается на реальный фактъ *приблизительнаго* равенства. И хотя это представленіе упростило анализъ экономическихъ отношеній въ ущербъ его точности, хотя оно составляло только первый шагъ на пути обобщенія этихъ отношеній, оно тѣмъ не менѣе сохраняетъ свою силу, не какъ основа теоретической системы, а какъ констатированіе практически важнѣйшей черты современной экономической организаціи, именно рѣзкаго неравенства въ распредѣленіи соціальной силы между представителями капитала и труда, неравенства, на-

ряду съ которымъ стушевываются всѣ остальные виды соціальнаго неравенства.

Выводы этой главы могли быть только намѣчены общими и потому недостаточно опредѣленными штрихами. Двѣ послѣдующія заключительныя главы, посвященныя изложенію нѣкоторыхъ ученій, развивающихъ мысли, сходныя съ здѣсь изложенными, и указанію нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ задачъ теоріи цѣнности и распредѣленія, быть можетъ, уяснятъ то, что осталось недостаточно очерченнымъ въ предыдущемъ изложеніи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Теоріи цѣнности Тюрго, Отта, Дюринга, Штольцмана и Родбертуса.

Для иллюстраціи высказанныхъ нами взглядовъ мы даемъ здѣсь краткое изложеніе нѣкоторыхъ теорій цѣнности, освѣщающихъ вопросъ съ тѣхъ же сторонъ, на которыя мы старались обратить вниманіе читателя. Такъ какъ мы не задаемся цѣлью изложить исторію теоріи цѣнности, то мы останавливаемся только на писателяхъ, взгляды которыхъ кажутся намъ особенно интересными, и которые, помимо того, мало у насъ извѣстны. Мы выбираемъ четырехъ, совершенно разнородныхъ по времени и направленію авторовъ: Тюрго, Отта, Дюринга и Штольцмана. Къ нимъ мы присоединяемъ еще Родбертуса, такъ какъ анализъ теоріи цѣнности Маркса не можетъ быть полнымъ, если не будутъ упомянуты мысли этого геніальнаго и столь мало еще до сихъ поръ оцѣненнаго писателя. Въ задачу послѣдующаго изложенія не входитъ также систематическая критика разбираемыхъ авторовъ, такъ какъ насъ интересуетъ не то, что ошибочно или недостаточно развито въ ихъ ученіяхъ, а то, что—несмотря на эти недостатки—въ нихъ содержится вѣрнаго.

Въ своемъ главномъ произведеніи *Réflexions sur la formation et la distribution des richesses*, которое должно считаться первой систематической теоріей капиталистическаго хозяйства, Тюрго только мимоходомъ и поверхностно касается теоріи цѣнности. Все, что

онъ можетъ сказать о причинахъ, опредѣляющихъ мѣновое отношеніе между товарами, сводится къ признанію такими причинами, въ случаѣ единичнаго обмѣна, потребностей и платежныхъ силъ обмѣнивающихся сторонъ, при обмѣнѣ же, въ которомъ принимаютъ участіе многія лица — конкурренціи между продавцами и покупателями (Réflexions, §§ XXXIII и XXXIV) [1]. Зато мы находимъ чрезвычайно оригинальную и глубокую теорію цѣнности въ незаконченной работѣ, носящей заглавіе *Valeurs et Monnaies*.

Тюрго указываетъ прежде всего, что на ряду съ *мѣновой цѣнностью* (valeur commerçable) существуетъ совершенно иная цѣнность, и подъ послѣдней онъ подразумѣваетъ то, что мы теперь называемъ *субъективной* цѣнностью. „Слово *цѣнность* выражаетъ ту полезность (bonté) примѣнительно къ нашимъ потребностямъ, которая заставляетъ насъ разсматривать дары и блага природы, какъ способныя приносить намъ удовольствіе, удовлетворять наши желанія. Говорятъ, что блюдо *не имѣетъ* для насъ *никакой цѣнности* (*ne vaut rien*), когда оно невкусно, что такой-то предметъ питанія *не имѣетъ цѣнности* для сохраненія здоровья, что такая-то ткань *цѣнится выше* (*vaut mieux*) другой; всѣ эти выраженія не имѣютъ никакого отношенія къ мѣновой цѣнности и означаютъ исключительно пригодность вещи для того употребленія, которому она предназначается“ [2]. Здѣсь субъективная цѣнность, правда, не отдѣлена еще рѣзко отъ простой полезности или потребительной цѣнности, но характеръ ея, какъ результатъ субъективной оцѣнки, очерченъ достаточно ясно.

[1] Впрочемъ, конкурренцію онъ уже понимаетъ какъ столкновеніе субъективныхъ оцѣнокъ: „La valeur du blé et du vin (примѣръ, на которомъ Тюрго развиваетъ свою мысль)... se fixe *par la balance des besoins* et des facultés de la totalité des vendeurs de blé avec ceux de la totalité des vendeurs de vin“. Ibid.

[2] Turgot, Oeuvres, Edition Daire, 1844, t. 1, p. 80. Курсивъ подлинника.

Но несмотря на то, что источникомъ цѣнности Тюрго считаетъ полезность, мѣрило цѣнности онъ видитъ не въ ней, а въ *человѣческомъ трудѣ*. Вотъ какимъ образомъ примиряетъ онъ эти два, повидимому, столь противоположныхъ принципа:

„Каждый отдѣльный предметъ потребленія стóитъ человѣку заботъ, усилій, труда и, по меньшей мѣрѣ, времени. Это употребленіе его способностей на добываніе каждаго блага составляетъ вознагражденіе за получаемое имъ удовольствіе и образуетъ, такъ сказать, *цѣну* блага. Человѣкъ еще одинъ (рѣчь идетъ объ изолированномъ хозяйствѣ), природа одна удовлетворяетъ его потребности, но онъ уже вступаетъ въ *торговлю* съ ней, при которой она не даетъ ничего безъ уплаты съ его стороны труда, безъ употребленія его силъ и времени“ [1]). Эта характеристика *субъективной трудовой цѣнности* почти дословно тождественна съ той, которую мы видѣли у Ад. Смита. Но тогда какъ послѣдній ограничивается вскользь брошеннымъ замѣчаніемъ и къ тому же въ дальнѣйшемъ изложеніи постоянно спутываетъ, подъ общимъ терминомъ реальной цѣнности, эту субъективную цѣнность съ мѣновой, у Тюрго мы находимъ гораздо бóльшую ясность понятій и выработанность ученія о субъективной трудовой цѣнности. Послѣдуемъ за нимъ далѣе:

„Необходимо, чтобы въ безконечномъ запасѣ даровъ природы человѣкъ дѣлалъ выборъ, чтобы онъ распредѣлялъ *цѣну*, которой онъ располагаетъ, между различными благами, которыя ему необходимы, и чтобы онъ ихъ *оцѣнивалъ* по ихъ *значенію* для его самосохраненія и благополучія. И эта оцѣнка есть не что иное, какъ отчетъ, отдаваемый имъ самому себѣ въ количествѣ труда и времени, или, выражаясь коротко, въ той части его силъ, которую онъ можетъ употребить на добываніе цѣннаго для него блага, не жерт-

[1]) Ibid, p. 82—83.

вуя добываніемъ другихъ благъ, одинаково или болѣе для него важныхъ“ [1]). „Каково же тутъ мѣрило цѣнности? Въ чемъ заключается масштабъ измѣренія? Очевидно, ни въ чемъ иномъ, какъ въ силахъ человѣка. Общая сумма его силы есть единственная единица этого масштаба, единственный прочный исходный пунктъ, и цѣнности, которыя онъ приписываетъ благамъ, составляютъ пропорціональныя части этого масштаба. Отсюда слѣдуетъ, что *субъективная цѣнность* (*valeur estimative*) [2]) блага для изолированнаго человѣка равна въ точности той части его рабочей силы, которая соотвѣтствуетъ его желанію обладать благомъ или которую онъ хочетъ потратить на удовлетвореніе этого желанія. Можно сказать, другими словами, что цѣнность есть отношеніе этой части къ общей суммѣ силъ человѣка“ [3]).

Дальнѣйшее приложеніе этого принципа къ теоріи мѣновой цѣнности содержитъ уже меньше оригинальнаго и для нашей цѣли мало интересно. Мы хотѣли здѣсь лишь указать на теорію субъективной трудовой цѣнности, выработанную Тюрго. Очевидно, что въ основѣ этой теоріи лежитъ та самая мысль, которую мы старались развить въ ученіи о субъективной трудовой цѣнности дохода въ изолированномъ хозяйствѣ. Мысль эта встрѣчается, въ болѣе или менѣе ясномъ видѣ, у Смита, Рикардо, у многихъ соціалистовъ, но нигдѣ она не изложена такъ послѣдовательно и ясно, какъ у перваго экономиста-теоретика Тюрго. Съ другой стороны, однако, недостаточность его аргументаціи бросается прямо въ глаза.

---

[1]) Ibid, p. 83. Курс. подл.

[2]) Этотъ терминъ *valeur estimative* Тюрго употребляетъ вездѣ для обозначенія субъективной цѣнности, въ отличіе отъ *valeur commerçable* или *appréciative*—мѣновой цѣнности. Уже эта выработанность терминологіи указываетъ на опредѣленность и точность мыслей Тюрго.

[3]) Ibid.

Теорія Тюрго можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ: источникомъ субъективной цѣнности является значеніе блага для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, но такъ какъ для пріобрѣтенія благъ человѣкъ долженъ затрачивать свою рабочую силу, то эта цѣнность въ то же самое время пропорціональна сравнительной затратѣ рабочей силы и измѣряется послѣдней. Затрата труда и цѣнность не стоятъ, такимъ образомъ, сами по себѣ въ отношеніи причинной зависимости другъ къ другу; измѣненія ихъ величинъ только параллельны; субъективная цѣнность только отражается на затратѣ труда, какъ теплота отражается на высотѣ ртутнаго столба въ термометрѣ, и какъ послѣдняя измѣряется колебаніями этой высоты, такъ и цѣнность измѣряется величиной затратъ труда.

Здѣсь остается недоказаннымъ самое важное: какъ возникаетъ пропорціональность между значеніемъ блага и количествомъ труда, затрачиваемымъ на его пріобрѣтеніе, или, другими словами, откуда берется параллельность въ измѣненіи того и другого? Тюрго основываетъ эту параллельность на томъ общемъ соображеніи, что чѣмъ выше значеніе блага, тѣмъ бо́льшее количество труда человѣкъ согласится посвящать его добыванію. Очевидно однако, что затрата труда опредѣляется количественно не желаніемъ человѣка, а чисто объективными условіями производства, которыя ни въ какой связи съ сравнительнымъ значеніемъ блага для человѣка не стоятъ. Это значеніе должно быть налицо для того, чтобы человѣкъ согласился вообще производить; но какую часть своего времени онъ посвятитъ этому производству, это предписывается ему законами техники. Такимъ образомъ, совпаденіе между субъективной цѣнностью, основанной на полезности, и субъективной трудовой цѣнностью оказывается у Тюрго чисто случайнымъ, ничѣмъ не обусловленнымъ отно-

шеніемъ, и благодаря этому, его теорія лишена прочнаго основанія. Это основаніе можетъ быть найдено только тогда, когда будетъ доказано, что субъективная цѣнность и затрата труда стоятъ другъ къ другу въ отношеніи причинной зависимости, и это доказательство лежитъ, съ одной стороны, въ ученіи о соотношеніи между субъективной цѣнностью и издержками производства, а съ другой, въ ученіи о роли труда въ производствѣ. Только опираясь на результаты изслѣдованія психологическаго направленія, возможно обосновать ту мысль, которая у Тюрго является ничѣмъ инымъ, какъ геніальной интуиціей. Но такъ какъ въ исторіи науки установленіе извѣстной мысли всегда опережаетъ ея обоснованіе, и такъ какъ это установленіе имѣетъ уже само по себѣ вы дающееся значеніе, разъ только оно сдѣлано не мимоходомъ, а систематически, то и блестящая попытка Тюрго примирить два фактора цѣнности — полезность и трудъ—является интереснымъ эпизодомъ въ исторіи теоретической экономіи.

Совсѣмъ въ другомъ отношеніи заслуживаетъ упоминанія теорія цѣнности, развитая малоизвѣстнымъ французскимъ экономистомъ 50-хъ годовъ, ученикомъ Фурье и Бюшэ, Огюстомъ Оттомъ [1]). Оттъ былъ однимъ изъ немногихъ писателей, для которыхъ несоотвѣтствіе между трудомъ, потраченнымъ на производство товара, и его мѣновой цѣнностью, не означало еще полной неправильности трудовой теоріи цѣнности, и которыхъ, наоборотъ, этотъ фактъ наводилъ на мысль о возможности присвоенія „прибавочнаго труда“ не только при наймѣ труда, но и при обмѣнѣ продуктовъ. Занятый не только изслѣдованіемъ фактическихъ законовъ цѣнности, но и открытіемъ „справед-

[1]) M. A. Ott. Traité d'économie sociale ou l'économie politique coordonnée au point de vue du progrès. Paris 1851. Зиберъ пользовался этимъ трудомъ, однако извлекъ изъ него очень мало.

ливой цѣны", Оттъ приходитъ къ такому выводу: „Цѣнность продуктовъ пропорціональна полезности, когда производители находятся въ неодинаковыхъ условіяхъ; она пропорціональна труду, когда эти условія равны; эта послѣдняя есть единственная справедливая цѣнность". Выводъ этотъ является результатомъ слѣдующаго хода мыслей.

Человѣкъ можетъ пріобрѣтать продуктъ двумя способами: трудомъ и обмѣномъ. Въ обоихъ случаяхъ онъ будетъ оцѣнивать этотъ продуктъ съ двоякой точки зрѣнія: съ точки зрѣнія того, что онъ ему *стоитъ* и того, какую *цѣнность* онъ имѣетъ для него (ce qu'elles lui coûtent et ce qu'elles valent pour lui). Изолированный человѣкъ, самъ производящій всѣ свои продукты, будетъ оцѣнивать ихъ стоимость по труду, который онъ на нихъ потратилъ, а ихъ значеніе для него — ихъ потребительной цѣнностью. Тѣ же соображенія останутся въ силѣ при обмѣнѣ. Каждый изъ контрагентовъ будетъ оцѣнивать стоимость продукта, который онъ хочетъ пріобрѣсти по труду, который онъ долженъ потратить на производство продукта, отдаваемаго въ обмѣнъ, а значеніе пріобрѣтаемаго продукта онъ будетъ оцѣнивать по его полезности для него. Можетъ случиться, однако, что оба контрагента тратятъ не одинаковое количество труда на производство опредѣленнаго продукта, а также, что этотъ продуктъ имѣетъ для нихъ не одинаковую цѣнность. Поэтому обмѣнъ величины цѣнностей будетъ зависѣть отъ взаимнаго положенія контрагентовъ. При равенствѣ въ ихъ положеніи результатъ получится иной, чѣмъ при неравенствѣ. Разсмотримъ каждый случай въ отдѣльности, и предоставимъ при этомъ слово самому Отту.

„Предположимъ сначала, что условія труда одинаковы, т. е. что каждый изъ контрагентовъ можетъ при посредствѣ одинаковой затраты труда произвести

тѣ продукты, которыми они обмѣниваются. Положимъ, что каждый изъ нихъ можетъ по желанію заниматься охотой и рыбной ловлей. Если одинъ изъ нихъ посвящаетъ себя исключительно первому занятію, другой — второму, и затѣмъ они обмѣниваются произведеніями своего труда, то очевидно, что охотникъ потребуетъ за продуктъ одного дня своего труда продуктъ одного дня труда рыболова, и наоборотъ. Никто изъ нихъ не сможетъ требовать бо́льшаго; въ противномъ случаѣ каждый изъ нихъ, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ обмѣну, посвятитъ себя обоимъ родамъ труда одновременно. Итакъ, въ этомъ случаѣ продукты будутъ обмѣниваться пропорціально своей стоимости (suivant ce qu'ils auront couté), и трудъ будетъ составлять основу опредѣленія цѣнности. Относительная полезность рыбы и дичи совершенно не будутъ входить въ эту оцѣнку. Если одинъ изъ продуктовъ покажется болѣе полезнымъ, чѣмъ другой, то ему будутъ посвящать бо́льшее количество труда: рыболовъ, напр., употребитъ нѣсколько дней на охоту, но на мѣновую цѣнность это не окажетъ никакого вліянія“ [1]).

„Предположимъ теперь, что условія не одинаковы, т. е. что продуктъ не можетъ быть созданъ обоими производителями при одинаковой затратѣ труда, что, напр., рыболовъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи для охоты только лѣса, гдѣ дичь находится въ меньшемъ изобиліи, и что онъ можетъ добыть въ два дня только такое ея количество, которое стоитъ охотнику одного дня труда; или предположимъ, что онъ можетъ достать дичь, только пріобрѣтя ее у охотника. Подобное неравенство, если оно существуетъ, всегда благопріятствуетъ одному изъ контрагентовъ. Правда, оно можетъ быть взаимнымъ, и тогда результаты его могутъ уравновѣситься, напр., если охотникъ обладаетъ моно-

[1]) Цит. соч. с. 403—404.

поліей охоты, а рыболовъ—монополіей рыбной ловли. Но изслѣдуемъ случай, когда она существуетъ только въ пользу одного изъ контрагентовъ.

„Итакъ, рыболову нужно потратить два дня для того, чтобы получить ту дичь, которую охотникъ пріобрѣтаетъ въ одинъ день. Рыболовъ будетъ тогда разсчитывать такъ же, какъ если бы онъ былъ одинокъ: онъ будетъ сравнивать полезность рыбы съ полезностью дичи. Если ему покажется болѣе полезнымъ имѣть дичь, чѣмъ продуктъ двухъ дней рыбной ловли, онъ пожертвуетъ этими двумя днями, если охотникъ того потребуетъ; но не большимъ количествомъ труда, потому что по этой цѣнѣ онъ можетъ собственнымъ трудомъ добыть данное количество рыбы. Если онъ найдетъ, что, по своей полезности, дичь соотвѣтствуетъ продукту только $1^1/_2$ или $1^1/_4$ дней его рыбной ловли, то онъ предложитъ за нее только $1^1/_2$ или $1^1/_4$ дней. Высшая цѣна, которую предложитъ рыболовъ, будетъ, слѣдовательно, соотвѣтствовать или труду, котораго стоила бы ему самому дичь, или же полезности дичи по отношенію къ его собственнымъ продуктамъ.

„Если рыболовъ можетъ пріобрѣсти дичь только черезъ посредство обмѣна, то высшая граница цѣны, опредѣляемая его собственною способностью къ охотѣ, исчезнетъ. Тогда полезность одна будетъ управлять цѣной, предлагаемой рыболовомъ, который дастъ, какъ максимумъ, въ своей рыбѣ полезность, равную той, которую онъ получитъ въ дичи“ [1]).

„Приведенные примѣры можно было бы измѣнить различнымъ образомъ; ихъ можно было бы значительно усложнить—напр., предположить нѣсколькихъ охотниковъ и нѣсколькихъ рыболововъ;.... но результатъ останется прежнимъ. Эти примѣры показываютъ...., что всякій разъ, какъ продукты не обмѣниваются про-

[1]) Цит. соч. с. 404—405.

порціонально затраченному на нихъ труду, они обмѣниваются пропорціонально ихъ относительной полезности. Полезность дѣлается основой цѣнности только тамъ, гдѣ производители находятся въ неравныхъ условіяхъ, и гдѣ одинъ изъ нихъ имѣетъ какое-либо преимущество предъ другимъ. Въ этомъ случаѣ, цѣна опредѣляется той полезностью, которую имѣетъ продуктъ производителя, находящагося въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, для другого контрагента“ [1]).

„Поэтому недостаточно сказать, что цѣнность продуктовъ зависитъ отъ спроса и предложенія. Спросъ и предложеніе—условія обмѣна—суть лишь выраженія *общественныхъ условій, опредѣляющихъ цѣнность* (des circonstances sociales, qui déterminent la valeur); они констатируютъ существованіе равенства или неравенства въ условіяхъ производителей. Въ дѣйствительности же цѣнность зависитъ отъ самихъ этихъ условій, и потому основывается то на полезности, то на трудѣ“ [2]).

Въ этихъ словахъ выражена та же мысль, которую мы старались развить въ предшествовавшей главѣ, при изложеніи техническаго и соціальнаго момента мѣновой цѣнности. Когда условія производителей равны, т. е. когда соціальные моменты взаимной зависимости уравновѣшиваются на обѣихъ сторонахъ, то мѣновая цѣнность опредѣляется подъ вліяніемъ техническаго момента, т. е. соотвѣтствуетъ сравнительной затратѣ труда на производство товаровъ. Когда же эти условія неравны, то въ опредѣленіе цѣнности привходитъ моментъ соціальной зависимости, выражающійся въ зависимости ея отъ полезности (точнѣе, предѣльной полезности). Какъ широко понимаетъ Оттъ развитую имъ мысль, видно изъ приводимаго имъ перечня яв-

[1]) Ibid. c. 406.
[2]) Ibid. c. 406—407.

леній, могущихъ быть объясненными съ этой точки зрѣнія.

„Эти соображенія—говоритъ онъ—показываютъ:

Какимъ образомъ законъ и общественныя учрежденія, а также проистекающія изъ нихъ неравенства, оказываютъ столь сильное вліяніе на цѣнность.

Какимъ образомъ обладатель монополіи—проистекаетъ ли послѣдняя изъ общественныхъ законовъ или изъ естественныхъ обстоятельствъ, вродѣ прирожденныхъ способностей или таланта,—можетъ поднять цѣну своего продукта до максимума полезности, какую онъ имѣетъ для покупателя.

Какимъ образомъ капиталъ, который въ настоящее время составляетъ монополію, заставляетъ платить за свои услуги пропорціально ихъ полезности.

Какимъ образомъ спросъ зависитъ отъ средствъ производителей, т. е. отъ полезностей, которыми они обладаютъ благодаря ихъ собственному труду и которыя они могутъ предложить въ обмѣнъ за требуемый продуктъ.

Какимъ образомъ спросъ останавливается, когда полезность, предлагаемая покупателю, ниже той, которую отъ него требуютъ въ обмѣнъ.

Какимъ образомъ продукты теряютъ свою цѣнность и продаются по цѣнѣ, несоотвѣтствующей затраченному на нихъ труду, когда они потеряли свою полезность или потому, что произведены въ слишкомъ большомъ изобиліи, и часть ихъ не имѣетъ полезности ни для кого, или потому, что они не имѣютъ полезности только для своего обладателя, и этотъ послѣдній вынужденъ отчуждить ихъ для того, чтобы пріобрѣсти необходимые для него продукты“ [1]).

Дѣло ничуть не измѣнится, если мы замѣнимъ—какъ это дѣлаетъ Бастіа—понятіе *продукта* понятіемъ

[1]) с. 407.

услуги. „Бастіа не обратилъ вниманія на то, что услуги, точь-въ-точь какъ продукты, могутъ оцѣниваться двумя способами: или пропорціально полезности, которую онѣ имѣютъ для того, кто ихъ получаетъ, или пропорціально труду, котораго они стоили тому, кто ихъ оказываетъ, и что взаимно оказанныя услуги могутъ быть равны между собой или по труду, или по полезности. Такимъ образомъ, эта замѣна не содержитъ никакого новаго рѣшенія вопроса“ [1]).

Оттъ кончаетъ признаніемъ справедливости только за цѣнностью, основанной на трудѣ. „Справедливое основаніе цѣнности можетъ заключаться только въ трудѣ. Трудъ, котораго стоилъ продуктъ, составляетъ его единственную естественную цѣну, единственную цѣну, которую люди соглашаются платить и позволяютъ себѣ требовать, когда производство свободно и условія производителей равны. Продукты оплачиваются по цѣнѣ, соотвѣтствующей ихъ полезности, только когда существуетъ неравенство, извѣстная монополія въ пользу одного изъ производителей“ [2]). Справедливость есть ничто иное, какъ соблюденіе принципа равенства. „Одинъ человѣкъ стоитъ другого („l'homme vaut l'homme“) — таковъ принципъ. Трудъ одного человѣка равноцѣненъ равному труду другого — таково примѣненіе этого принципа къ обмѣну. Поэтому единственно справедливая оцѣнка обмѣниваемыхъ продуктовъ есть оцѣнка пропорціонально труду, котораго они стоили“ [3]).

Въ остроумной и оригинальной теоріи Отта есть однако одинъ пробѣлъ, сходный съ тѣмъ, который мы нашли у Тюрго. Что изолированный человѣкъ дѣйствительно оцѣниваетъ свои продукты по количеству труда, котораго они ему стоили, и что поэтому при равен-

[1]) с. 409.
[2]) с. 468.
[3]) Ibid.

ствѣ въ положеніи производителей мѣновая цѣнность будетъ пропорціональна сравнительной затратѣ труда, это въ сущности у Отта остается не доказаннымъ. Такъ какъ трудъ не есть единственный факторъ производства, такъ какъ, наоборотъ, пріобрѣтеніе продукта по меньшей мѣрѣ требуетъ всегда дѣятельности природы, то оцѣнка по труду должна казаться чѣмъ-то совершенно произвольнымъ, и мы, повидимому, можемъ признать только одну оцѣнку по полезности. Мы видѣли, что субъективная трудовая цѣнность можетъ быть выведена только на основаніи анализа теоріи субъективной цѣнности вообще, и такъ какъ послѣдняя у Отта отсутствуетъ, то онъ и не можетъ намъ дать научнаго обоснованія своей теоріи. Онъ принужденъ поэтому примкнуть къ испытанному средству всѣхъ трудовыхъ теорій цѣнности, лишенныхъ прочной основы — именно къ трудовой теоріи богатства. Трудъ онъ объявляетъ единственнымъ дѣятелемъ (agent) производства, причемъ за остальными факторами производства признается только роль снабженія этого дѣятеля необходимымъ матеріаломъ. Въ длинномъ, полномъ грубыхъ натяжекъ, разсужденіи онъ доказываетъ эту мысль, полемизируя съ тѣми, кто отказывается отъ дарованія труду особой естественной привилегіи передъ прочими факторами производства. Это разсужденіе кончается слѣдующими резюмирующими словами. „Очевидно, что вся ошибка, которую мы оспариваемъ, покоится на смѣшеніи дѣятеля производства со средствами и матерьяломъ производства. Лишь человѣкъ создаетъ полезность, внѣшній міръ только доставляетъ ему средства и матеріалъ для нихъ. Безъ силъ природы, разумѣется, человѣкъ не могъ бы жить, ни работать, но изъ того, что онъ нуждается въ нихъ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что онѣ содѣйствуютъ производству, какъ его *причины*. Наоборотъ, именно потому, что онѣ суть *средства*, онѣ не

суть *причины*, если только различіе между причиной и средствомъ, различіе, коренящееся въ самыхъ основахъ нашего разума, не есть абсурдъ“ [1]).

Подробное опроверженіе этой софистической аргументаціи разумѣется излишне: послѣдняя фраза сама ее побиваетъ. Такъ какъ различіе между причиной и средствомъ вовсе не „коренится въ основахъ нашего разума“ и дѣйствительно „есть абсурдъ“, то этимъ уничтожается и вся построенная на этомъ шаткомъ базисѣ теорія о трудѣ, какъ единственномъ „дѣятелѣ“ производства. Ученіе Отта раздѣляетъ, такимъ образомъ, судьбу всѣхъ трудовыхъ теорій богатства: оно построено на пескѣ.

Но если мы оставимъ въ сторонѣ необоснованность трудовой теоріи цѣнности у Отта и предположимъ доказаннымъ, что при равенствѣ въ условіяхъ производителей мѣновое отношеніе устанавливается подъ вліяніемъ трудовой оцѣнки, то мы должны будемъ приписать очень большое значеніе остальной части теоріи Отта. Она показываетъ именно, хотя и въ очень элементарной формѣ, что *трудовая* цѣнность есть нѣчто независимое отъ обмѣна, и что, наоборотъ, на *мѣновую* цѣнность, наряду съ условіями производства, оказываютъ столь же рѣшительное вліяніе и условія распредѣленія. Продукты, пріобрѣтеніе которыхъ, съ чисто технической точки зрѣнія, находится въ зависимости отъ затраты труда, не будутъ оцѣниваться пропорціонально затратѣ труда въ обществѣ, въ которомъ положеніе производителей не одинаково. Въ такомъ обществѣ, при обмѣнѣ оказываетъ вліяніе уже не затрата труда, а степень взаимной зависимости, въ которой стоятъ по отношенію другъ къ другу покупатели и продавцы; вмѣсто труда роль опредѣлителя цѣнности играетъ предѣльная полезность. Тогда какъ обыкновенно зна-

[1]) с. 94

ченіе монополизаціи средствъ производства признается только по отношенію къ цѣнности рабочей силы, Оттъ справедливо указываетъ, что то же дѣйствіе она оказываетъ и при обмѣнѣ продуктовъ.

Съ этой же точки зрѣнія онъ дѣлитъ цѣнность на „справедливую“ и „несправедливую“. „Справедливая“ цѣнность для него та, на которую не оказываютъ вліянія условія распредѣленія и которая находится, слѣдовательно, подъ вліяніемъ однихъ только условій производства. Хотя задача опредѣленія „справедливой“ цѣнности вообще выходитъ за предѣлы научнаго изслѣдованія, и хотя Отту при рѣшеніи этой задачи приходится натолкнуться на новое препятствіе,—именно на неравноцѣнность разныхъ родовъ труда—которое ему удается благополучно обойти, только пожертвовавъ своимъ принципомъ „l'homme vaut l'homme“ въ угоду другому принципу общественной пользы („l'interêt social“) [1])—однако, въ этомъ изслѣдованіи онъ ясно показываетъ то, чего не замѣчаютъ или что затушевываютъ обыкновенно теоретики, признающіе полезность или предѣльную полезность, источникомъ цѣнности: что при опредѣленіи цѣнности играютъ роль не только естественно-техническіе моменты, но и соціально-историческія условія зависимости и господства.

Къ тому же выводу пришелъ остроумный, хотя крайне поверхностный, экономистъ *Евгеній Дюрингъ*, нѣкогда пользовавшійся большой популярностью.

Дюрингъ, собственно, не имѣетъ выработанной и цѣльной теоріи цѣнности, такъ какъ его мысли вообще совершенно лишены систематичности. Источникъ цѣнности онъ видитъ въ трудѣ или вѣрнѣе въ *трудности* пріобрѣтенія благъ, хотя непослѣдовательно прибавляетъ, что и „одна ограниченность количества доступныхъ намъ естественныхъ предметовъ могла бы уже, неза

[1]) с. 600.

висимо отъ всякаго труда, обосновать понятіе о цѣнности“ [1]). Серьезный интересъ представляютъ только его мысли о соціальномъ факторѣ цѣнности. Приведенная въ предыдущей главѣ цитата изъ него ясно рисуетъ его взглядъ: при добываніи благъ человѣкъ, живущій въ обществѣ и сталкивающійся съ противоположными ему интересами другихъ людей, принужденъ преодолѣвать не только естественныя препятствія, которыя ставитъ ему природа, но и препятствія соціальныя, — волю другихъ лицъ, загораживающихъ ему путь къ его цѣли, и эти препятствія также возвышаютъ цѣнность благъ, какъ и первыя. Совершенно справедливо замѣчаетъ Дюрингъ, что „мнѣніе, будто такой основанный на распредѣленіи элементъ цѣнности не существуетъ, представляетъ собою — если онъ высказывается добросовѣстно—по меньшей мѣрѣ смѣшеніе желаемаго съ дѣйствительностью. Конечно, высшая и благороднѣйшая тенденція экономическаго развитія направлена къ сведенію этого элемента цѣнности до наименьшихъ размѣровъ; но дѣйствительный ходъ вещей показываетъ намъ всю его глубину и обширность его вліянія“ [2]). Этотъ взглядъ приводитъ его къ весьма естественному, хотя не достаточно глубоко выясненному мнѣнію: „считать цѣнность въ настоящемъ ея видѣ эквивалентомъ въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. отношеніемъ, устанавливаемымъ по принципу равенства обмѣниваемыхъ услугъ, значитъ впадать въ иллюзію“ [3]). Свое положеніе о роли соціальнаго фактора мѣновой цѣнности Дюрингъ иллюстрируетъ и на образованіи рыночныхъ цѣнъ. „Измѣненія въ ходѣ предложенія и спроса особенно ясно показываютъ, какимъ образомъ способность при-

[1]) *Дюрингъ.* Курсъ національной и соціальной экономіи. Русск. пер. съ 3-го изданія 1893, с. 22.
[2]) ibid., с. 23—24.
[3]) с. 25.

своенія и возможность облагать при обмѣнѣ одну изъ сторонъ данью, т. е. въ самомъ обмѣнѣ осуществлять распредѣленіе, являются главными путями къ созданію соціальнаго, основаннаго на распредѣленіи, элемента цѣнности“ [1]). „Всякій договоръ, заключаемый между сторонами, не вполнѣ равносильными, даетъ поводъ къ установленію условій, ведущихъ къ безвозмездному для сильнѣйшей стороны присвоенію, т. е. къ обложенію слабѣйшей стороны данью, къ эксплуатаціи. Поэтому и установленіе цѣны путемъ индивидуальной конкурренціи должно быть разсматриваемо, какъ одинъ изъ видовъ экономическаго распредѣленія и взаимнаго обложенія данью. Такой характеръ конкурренціи проявляется рѣзко лишь при крайне ненормальномъ положеніи рынка, тѣмъ не менѣе онъ сохраняется и при менѣе исключительныхъ условіяхъ. Представимъ себѣ, что имѣющійся запасъ какого-либо необходимаго товара внезапно и значительно сократился; тогда на сторонѣ продавцовъ является несоразмѣрная сила эксплуатаціи. Весь процессъ установленія цѣны есть не что иное, какъ рѣшеніе вопроса объ индивидуальномъ могуществѣ“ [2]). Одинъ и тотъ же принципъ—относительное могущество контрагентовъ—обуславливаетъ безвозмездное присвоеніе какъ при обмѣнѣ продуктовъ, такъ и при сдѣлкѣ предпринимателя съ наемнымъ рабочимъ. По поводу этого послѣдняго отношенія Дюрингъ чрезвычайно мѣтко замѣчаетъ: „цѣна труда и цѣна окончательно изготовленныхъ имъ произведеній могутъ значительно различаться между собой лишь тамъ, гдѣ соціальное значеніе предметовъ опредѣляется присвояющей силой распредѣленія, а не естественною цѣнностью“ [3]).

Особенно интересно у Дюринга противопоставле-

[1]) с. 27.
[2]) с. 133.
[3]) с. 159.

ніе понятій „производительности“ (Produktivität) и „доходности“ (Rentabilität). Мысль Дюринга сводится къ тому, что доходность, какъ результатъ мѣновыхъ сношеній между членами общества, только отчасти совпадаетъ съ производительностью, т. е. съ суммой цѣнностей, *созданной* въ данномъ предпріятіи, отчасти же есть результатъ присвоенія цѣнностей, созданныхъ чужимъ трудомъ. „Доходность имѣетъ въ нормальныхъ случаяхъ смѣшанное основаніе, исходя, съ одной стороны, изъ естественной производительности, а съ другой — включая въ себѣ элементы присвоенія. Болѣе ясно эта важная мысль можетъ быть выражена такъ: смѣшанный характеръ доходности основывается на томъ, что часть доходовъ возмездна, т. е. получается за извѣстныя услуги, другая же—безвозмездна, т. е. не сопровождается соотвѣтствующею услугой, а прямо или косвенно вынуждается“ [1]). Это различіе между доходностью и производительностью отражается и на цѣнности: по мнѣнію Дюринга, слѣдуетъ отличать „цѣнность производства“ (Produktionswert) отъ „политико-соціальной цѣнности положенія“ (Positionswert) [2]). Первая есть результатъ естественной производительности; она является какъ бы естественной цѣнностью, на которую не оказываютъ вліянія соціальные моменты. Вторая служитъ формой, въ которой выражается доходность предпріятія, его способность присвоить себѣ въ мѣновыхъ сношеніяхъ извѣстную сумму дохода. Оба рода цѣнностей составляютъ „два совмѣстно дѣйствующихъ принципа для опредѣленія такъ называемыхъ мѣновыхъ эквивалентовъ“ [3]).

Несмотря на такое яркое и удачное разграниченіе техническаго и соціальнаго фактора цѣнности, теорія Дюринга страдаетъ чрезвычайной поверхностностью.

[1]) с. 32. См. вообще с. 29—33.
[2]) с. 25.
[3]) ibid.

Въ чемъ заключается мѣрило „производительности“ и вмѣстѣ съ тѣмъ масштабъ истинной эквивалентности мѣновыхъ отношеній, какія сдѣлки нужно считать „возмездными“ и какія — „безвозмездными“, какимъ образомъ возможна такая безвозмездность, наконецъ, что подразумѣвается подъ „цѣнностью производства“, если въ дѣйствительности мѣновыя отношенія обыкновенно не совпадаютъ съ нею — все это вопросы, которыми не задавался Дюрингъ. Оригинальность его мыслей не мѣшаетъ имъ быть не достаточно ясными и мало продуманными.

Если у Отта и Дюринга встрѣчаются въ сущности только намеки на выясненіе „соціальнаго момента“ цѣнности, то это выясненіе сдѣлалъ непосредственной задачей своего изслѣдованія *Штольцманнъ* (*Stolzmann*), недавно вышедшее произведеніе котораго [4]) составляетъ настоящее событіе въ исторіи литературы политической экономіи за послѣдніе годы, къ сожалѣнію до сихъ поръ еще почти незамѣченное. Въ первомъ (пока единственномъ) томѣ этой работы Штольцманнъ лишь мимоходомъ и бѣгло развиваетъ самостоятельную теорію цѣнности, критическая оцѣнка которой, такимъ образомъ, еще невозможна. Книга посвящена критикѣ прежнихъ теорій цѣнности и распредѣленія: смито-рикардовской трудовой теоріи цѣнности, теорій, комбинирующихъ полезность и издержки производства, въ качествѣ источниковъ цѣнности и, наконецъ, теоріи предѣльной полезности. Въ виду критическаго характера работы изложеніе всей массы ея блестящихъ и глубокихъ выводовъ невозможно; мы можемъ лишь охарактеризовать основную точку зрѣнія Штольцманна, которую онъ послѣдовательно, съ замѣчательнымъ умѣніемъ и тонкостью, проводитъ черезъ обсужденіе мель-

[4]) Die sociale Kategorie in der Volkswirschaftlehre. Berlin 1896. Erster grundlegender und kritischer Teil.

чайшихъ спеціальныхъ вопросовъ теоріи цѣнности и распредѣленія.

Штольцманнъ самъ яснѣе всего формулируетъ свою точку зрѣнія въ слѣдующихъ словахъ: „Наша теорія въ основной своей чертѣ можетъ быть охарактеризована, какъ *ученіе о соціальномъ распредѣленіи вознагражденія* (*Lehre der sozialen Abfindungsantheile*). Это распредѣленіе опредѣляется не несоизмѣримыми матеріальными результатами производства или долями ихъ, приходящимися на каждый факторъ производства; порядокъ вознагражденія, или другими словами, доходы владѣльцевъ факторовъ производства, а поэтому, и цѣнность этихъ факторовъ, какъ и вообще цѣнность всѣхъ товаровъ, основаны на законахъ распредѣленія... Рѣшающей основой для наличности и величины различныхъ долей вознагражденія (Abfindungsquoten) служитъ не естественная техническая производительность рабочихъ и капитала; ею являются рабочіе и капиталисты, какъ люди, какъ живыя, изъявляющія притязаніе на доходъ личности, которыя должны и могутъ извлекать пропитаніе изъ общей суммы соціальнаго продукта, пропорціонально ихъ соціальной силѣ“ [1]).

Штольцманнъ настаиваетъ на необходимости отличать технико-экономическую сторону хозяйственныхъ явленій отъ ихъ соціальной стороны. Первая сводится на отношеніе человѣка къ природѣ, вторая—на отношеніе людей другъ къ другу. Мѣновая цѣнность и обусловленные ею доходы различныхъ классовъ общества суть отношенія соціальныя, и потому не могутъ непосредственно вытекать изъ какихъ-либо техническихъ моментовъ. Величина затраты труда на производство продукта, въ качествѣ чисто техническаго момента, еще не говоритъ намъ ровно ничего о томъ, какъ этотъ продуктъ будетъ распредѣленъ; поэтому

[1]) Die soziale Kategorie, S. 400—401.

изъ анализа техническихъ факторовъ и ихъ роли въ производствѣ нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ ни о цѣнности продукта, ни о доходахъ владѣльцевъ отдѣльныхъ факторовъ производства. „Величина заработной платы, прибыли на капиталъ и поземельной ренты есть не только естественный результатъ дѣятельности факторовъ производства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и результатъ отношеній соціальнаго могущества (sozialer Machtverhältnisse). Результатъ производства и доля распредѣленія суть совершенно несоизмѣримыя величины. Одно лишь могущество, одни законы распредѣленія опредѣляютъ величину дохода“ [1]).

Это именно упустила изъ виду смито-рикардовская теорія, которая изображала распредѣленіе дохода въ непосредственной связи съ естественными законами производства и свела все на одну технику, не замѣчая исторически-соціальныхъ моментовъ цѣнности и распредѣленія. Этимъ наслѣдственнымъ грѣхомъ страдаютъ и теоріи цѣнности Маркса и Родбертуса, несмотря на то, что обоимъ этимъ писателямъ принадлежатъ особенныя заслуги въ выясненіи соціальныхъ условій хозяйства. Настойчиво подчеркивая могущество капитала и безпомощность труда въ современномъ обществѣ, они тѣмъ не менѣе ставятъ мѣновую цѣнность, которая есть лишь способъ распредѣленія дохода, въ непосредственную зависимость отъ затраты труда, какъ будто трудъ является единственнымъ и всемогущимъ законодателемъ распредѣленія [2]).

Особенно хорошо прослѣживаетъ Штольцманнъ съ этой точки зрѣнія недостатки теоріи цѣнности, ставящихъ послѣднюю въ связь съ полезностью и предѣльной полезностью. Въ ученіяхъ Сэя, Германна, Шэффле, Книса онъ обнаруживаетъ полное смѣшеніе

[1]) S. 40—41.
[2]) S. 329.

соціальнаго момента цѣнности съ моментомъ техническимъ; подобное же смѣшеніе онъ констатируетъ въ ученіяхъ Менгера, Визера и Бемъ-Баверка. Мы приведемъ здѣсь только немногіе изъ его сужденій. Такъ, въ стремленіи психологической школы вывести всѣ законы цѣнности въ общественномъ хозяйствѣ изъ отношеній человѣка къ природѣ, изъ „Робинзонадъ“ онъ видитъ глубокое заблужденіе. „Съ того момента, когда люди соединились въ соціально-хозяйственный, основанный на раздѣленіи труда, организмъ, за каждымъ естественнымъ факторомъ производства, участвовавшимъ въ созданіи дохода, стоитъ на заднемъ планѣ человѣкъ, и къ этому человѣку долженъ обращаться человѣкъ, желающій пользоваться этимъ факторомъ— будетъ ли этотъ факторъ капиталомъ, землей или рабочей силой. *Путь къ природѣ идетъ черезъ личность ея владѣльца* (курс. подл.)“ [1]). Въ связи съ этимъ выясненіемъ соціальнаго характера экономическихъ отношеній Штольцманнъ указываетъ и на двусмысленность понятія „рѣдкости“ или „ограниченности“ у разсматриваемой школы. „Дѣло здѣсь отнюдь не идетъ только объ *естественной* ограниченности, а прежде всего о той ограниченности факторовъ производства, которая коренится въ *отношеніяхъ владѣнія* . . . . . Зависимость нашего благополучія отъ средствъ удовлетворенія потребностей есть зависимость чисто естественная и непосредственная только въ изолированномъ хозяйствѣ. Въ соціальномъ хозяйственномъ союзѣ она есть зависимость посредственная и заключается въ необходимости платить владѣльцамъ блага извѣстный трибутъ, который отдаетъ въ наше распоряженіе благо. Мы находимся въ зависимости не только отъ вещей, но и отъ людей. Точно также и возможность распоряжаться . . . есть прежде всего не естественная сила господства

[1]) S. 222.

надъ вещью, а правовое господство надъ вещами, вытекающее изъ правовыхъ и соціальныхъ отношеній . . . Благо по своей природѣ можетъ находиться въ нашемъ распоряженіи въ какомъ угодно количествѣ, но если его собственникъ не позволяетъ намъ пользоваться имъ, то оно для насъ какъ бы не существуетъ“ [1]). Справедливо указываетъ далѣе Штольцманнъ на ошибочный ходъ мыслей у разсматриваемаго направленія при изслѣдованіи соотношенія между „рѣдкостью“ и „собственностью“: захватъ блага въ собственность обыкновенно признается возможнымъ только тогда, когда это благо стало рѣдкимъ, и именно по этой причинѣ. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. „Что означаетъ само по себѣ столь относительное и ничего не говорящее выраженіе, какъ „рѣдкій“ или „рѣдкость“, или что означаетъ, что одно благо „болѣе рѣдко“, чѣмъ другое? Не только потому захватывается благо, что оно рѣдко, а наоборотъ, потому, что оно захвачено, оно становится „рѣдкимъ“ или „хозяйственнымъ“ благомъ. Рѣдкимъ является всякое благо, которое находится въ обладаніи“ [2]).

Опираясь на Книсо-Вагнеровскую теорію капитала, которая отличаетъ капиталъ, въ качествѣ матеріальнаго средства производства, отъ капитала, какъ имущества, доставляющаго доходъ, Штольцманнъ ярко оттѣняетъ лежащую въ основѣ этой теоріи мысль о различіи между техническимъ и соціальнымъ понятіемъ капитала. Въ теоріи прибыли Бемъ-Баверка, которая исходитъ, повидимому, изъ чисто-техническихъ или психологическихъ моментовъ, Штольцманну также удается вскрыть соціальный моментъ Если прибыль проистекаетъ изъ различной оцѣнки будущихъ и настоящихъ благъ, какъ это думаетъ Бемъ-Баверкъ, то такая

[1]) S. 293.
[2]) S. 293—294.

оцѣнка приводитъ къ присвоенію прибыли только въ томъ случаѣ, если одна сторона *иначе* оцѣниваетъ настоящія и будущія блага, чѣмъ другая. Еслибы оцѣнка будущихъ и настоящихъ благъ была для всѣхъ лицъ одинакова, то никакого перемѣщенія цѣнностей отъ одной стороны къ другой совершаться бы не могло. Въ дѣйствительности прибыль получается благодаря *различію* въ оцѣнкѣ, благодаря тому, что, напр., владѣльцу ссуднаго капитала этотъ капиталъ въ настоящемъ нуженъ меньше, чѣмъ лицу, ссужаемому, а это различіе сводится само на отношенія *зависимости*, то есть на соціальный моментъ [1]).

Мы отмѣтили въ работѣ Штольцманна только то, что мы считаемъ особенно въ ней цѣннымъ, именно, выясненіе роли соціальнаго момента во всѣхъ частныхъ вопросахъ теоріи распредѣленія. У Штольцманна это является однако лишь путемъ къ установленію самостоятельной теоріи цѣнности и распредѣленія. Прежде всего разумѣется представляется вопросъ: чѣмъ опредѣляется этотъ соціальный моментъ самъ, другими словами, отъ чего зависитъ соціальная сила различныхъ классовъ общества, на почвѣ которой устанавливается распредѣленіе дохода и создаются категоріи цѣнности, прибыли, ренты и такъ далѣе, разсматривавшіяся прежде, какъ исключительный продуктъ техническихъ моментовъ? Согласно высказанному нами взгляду, этотъ вопросъ разрѣшается также при помощи теоріи субъективной цѣнности, такъ какъ въ понятіи послѣдней уже включено понятіе о „зависимости“, и остается только показать, что эта зависимость можетъ быть не только природной, но и соціальной. Штольцманнъ, наоборотъ, относится по существу отрицательно къ теоріи

[1]) Этотъ лишь одинъ изъ многихъ аргументовъ, которыми Штольцманнъ разрушаетъ техническія и психологическія основанія прибыли въ теоріи Бемъ-Баверка. См. весь § 38 (Wiederlegung der Böhm'schen Kapitalzinstheorie, s. 314—327).

предѣльной полезности и пытается обосновать теорію распредѣленія на своеобразномъ понятіи „единицы потребленія“ (Nahrungseinheit), къ сожалѣнію пока недостаточно выясненномъ. Анализъ его теоріи и ея критическая оцѣнка, равно какъ изложеніе тѣхъ выводовъ, которые онъ дѣлаетъ въ разсматриваемомъ вступительномъ томѣ своего произведенія, мы должны здѣсь опустить. Но какова бы ни была научная оцѣнка самостоятельной теоріи Штольцманна, за нимъ остается заслуга блестящей критики прежнихъ теорій съ точки зрѣнія того соціальнаго момента, на значеніе котораго такъ рѣзко указывалъ самъ Марксъ, но примѣненіе котораго онъ непослѣдовательно ограничилъ нѣкоторыми сторонами хозяйственной жизни, признавъ надъ остальными неограниченное господство старыхъ техническихъ основаній [1]).

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о теоріи цѣнности Родбертуса. Обстоятельный анализъ ея значенія въ цѣломъ могъ бы послужить темой самостоятельной работы; здѣсь мы ограничиваемся указаніемъ на тѣ ея пункты, которые стоятъ въ связи съ намѣченнымъ нами пониманіемъ трудовой теоріи цѣнности.

Что прежде всего поражаетъ въ теоріи Родбертуса и что тѣмъ не менѣе обратило на себя слишкомъ мало вниманія—это отсутствіе у него трудовой теоріи *цѣнности* въ собственномъ смыслѣ. Въ одномъ изъ первыхъ его произведеній „*Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustände*“, въ которомъ вся его теорія кратко и систематично изложена въ пяти „теоремахъ“, первыя двѣ теоремы гласятъ: „I. Всѣ хозяйственныя блага стоятъ труда, и только одного труда“

[1]) Бемъ-Баверкъ, въ рецензіи на книгу Stolzmann'a (Zeitschrift fur Volksw. u. Verwaltung, 1898) отнесся къ ней въ высшей степени одобрительно, однако весьма осторожно обошелъ всѣ щекотливые пункты.

и II. Еслибы цѣнность товаровъ была всегда равна трудовымъ затратамъ (dem nach Arbeit berechneten Kostenbetrage), *то трудъ былъ бы* лучшимъ масштабомъ цѣнности". Подъ „цѣнностью" тутъ подразумѣвается „мѣновая цѣнность". Родбертусъ, такимъ образомъ, ничуть не сомнѣвается, что мѣновая цѣнность *не опредѣляется* затратой труда; онъ выражается условно, считая трудъ лучшимъ мѣриломъ цѣнности только въ томъ случаѣ, если бы мѣновая цѣнность совпадала съ затратой труда. Онъ любитъ повторять, что положеніе о трудѣ, какъ о мѣрилѣ цѣнности, не есть констатированіе народохозяйственнаго *факта*, а лишь народохозяйственная *идея*, то есть принципъ, согласно которому *слѣдуетъ* построить экономическую организацію общества.

Поэтому, если Родбертусъ считается однимъ изъ представителей трудовой теоріи цѣнности, то это мнѣніе не вполнѣ вѣрно, если подъ цѣнностью подразумѣвать, какъ это обыкновенно дѣлается, мѣновую цѣнность. Родбертусъ далъ намъ не трудовую теорію цѣнности, а трудовую теорію *богатства*, или, какъ сейчасъ увидимъ, въ сущности трудовую теорію *субъективной цѣнности*.

Положеніе, которое Родбертусъ доказываетъ въ первой теоремѣ „Zur Erkenntniss" и во многихъ мѣстахъ другихъ своихъ сочиненій, сводится къ тому, что всѣ хозяйственныя блага стоятъ только труда, или въ иной формулировкѣ, суть продукты одного лишь труда. Онъ обосновываетъ это положеніе слѣдующимъ образомъ.

Человѣкъ долженъ для удовлетворенія своихъ потребностей имѣть въ своемъ распоряженіи блага. Если бы эти необходимыя блага имѣлись въ такомъ количествѣ и въ такомъ видѣ, что могли бы непосредственно удовлетворить всѣ потребности, то хозяйственная дѣятельность человѣка свелась бы на одно потребленіе. Но фактически дѣло обстоитъ не такъ.

„*Почти всѣ блага не стоятъ въ такомъ непосредственномъ отношеніи къ человѣку и могутъ быть поставлены въ это отношеніе только посредствомъ человѣческой дѣятельности* (курс. подл.). . . . Несмотря на все многообразіе этой дѣятельности, она *по существу* всегда одинакова: она вездѣ есть подчиненіе и посвященіе силъ и времени человѣка присвоенію опредѣленной вещи, она поэтому вездѣ есть жертва и насиліе надъ его свободой, словомъ она есть вездѣ—*трудъ*“ [1]). Человѣкъ имѣетъ неограниченныя, постоянно возобновляющіяся потребности, которыя онъ можетъ удовлетворить только путемъ присвоенія находящихся въ природѣ благъ; но для этого онъ имѣетъ только одно средство—это свою ограниченную силу и ограниченное время. Въ цѣлесообразномъ распоряженіи этимъ средствомъ лежитъ сущность хозяйственной дѣятельности. Но основа хозяйства ставитъ вмѣстѣ съ тѣмъ границы для ея объекта“ [2]). Только тѣ блага могутъ быть объектами хозяйства или хозяйственными благами, на которыя человѣкъ затрачиваетъ трудъ. Этимъ доказано положеніе, что всѣ хозяйственныя блага стоятъ труда.

Но они стоятъ также только одного труда. „Трудъ есть *единственный* элементъ въ происхожденіи блага, который можетъ быть причисленъ къ стоимости (Kosten) блага. Надо только выяснить себѣ, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ понятіемъ „стоить“. Въ немъ лежитъ нѣчто бо́льшее, чѣмъ представленіе о томъ, что что-либо необходимо для созданія чего-либо другого. Въ немъ содержится также представленіе о томъ, что сдѣлано пожертвованіе, которое поэтому не можетъ быть употреблено на что-либо другое, а также, что оно сдѣлано субъектомъ, на котораго оно падаетъ. Въ

[1]) Zur Erkenntniss etc. 1842, s. 5.
[2]) S. 6.

этомъ послѣднемъ смыслѣ подразумѣвается, что только *человѣку* можетъ что-либо стоить“ [1]). Этимъ обоимъ критеріямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ человѣческій трудъ, и только онъ одинъ. Затратой или пожертвованіемъ со стороны человѣка, благодаря которымъ онъ пріобрѣтаетъ блага, является только его время и силы, потому что только онѣ составляютъ его первоначальное имущество. Съ другой стороны, только *человѣческій* трудъ служитъ такой затратой, потому что дѣятельность природы не имѣетъ субъекта, который сознавалъ бы дѣлаемое имъ пожертвованіе.

Если придать мыслямъ Родбертуса нѣсколько бо́льшую точность, то онѣ сведутся къ слѣдующимъ положеніямъ. Въ изолированномъ хозяйствѣ, гдѣ имѣются только отношенія человѣка къ природѣ, всѣ хозяйственныя блага, *съ точки зрѣнія человѣка* или *для него*, суть продукты одного только его труда. Такимъ образомъ, трудъ не есть по чисто техническимъ свойствамъ своимъ единственный факторъ производства—Родбертусъ очень хорошо знаетъ, что такимъ же факторомъ служитъ и дѣятельность силъ природы—онъ не есть также источникъ *мѣновой цѣнности*, такъ какъ о послѣдней въ изолированномъ хозяйствѣ не можетъ быть и рѣчи; онъ есть *для человѣка* лишь то средство, при помощи котораго онъ удовлетворяетъ свои потребности и, слѣдовательно въ зависимости отъ котораго стоитъ это удовлетвореніе. Здѣсь молчаливо подразумѣвается и невольно, напрашивается представленіе о субъективной цѣнности. Человѣкъ *оцѣниваетъ* всѣ блага по количеству труда, затраченному на ихъ производство, такъ какъ въ зависимости отъ этой затраты стоитъ удовлетвореніе потребности — къ этому положенію въ сущности сводится неясное представленіе Родбертуса о

[1]) S. 6–7.

трудовой *стоимости*, субъективный характеръ которой, какъ мы видѣли, онъ самъ подчеркиваетъ.

Правда, эта теорія субъективной трудовой цѣнности страдаетъ у Родбертуса многими недостатками, даже если оставить въ сторонѣ невыясненность понятія субъективной цѣнности вообще. Онъ предполагаетъ, что всѣ хозяйственныя блага суть продукты труда, почему-то упуская изъ виду наличность хозяйственныхъ благъ, не созданныхъ трудомъ, но имѣющихся въ недостаточномъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей количествѣ [1]). При правильномъ анализѣ хозяйственныхъ отношеній человѣка къ природѣ, Родбертусъ долженъ былъ бы увидѣть, что субъективная цѣнность совпадаетъ съ трудовой только для одного разряда благъ, именно періодически потребляемыхъ и воспроизводимыхъ, то есть благъ, входящихъ въ составъ дохода. Затѣмъ, все соотношеніе между затратой труда и субъективной цѣнностью благъ изложено крайне элементарно и подчасъ противорѣчиво. Всѣ эти недостатки мы можемъ оставить въ сторонѣ и ограничиться здѣсь только констатированіемъ того факта, что величайшій—послѣ Маркса—представитель трудовой теоріи цѣнности понималъ, хотя и смутно, подъ трудовой цѣнностью не мѣновую, а субъективную цѣнность.

Родбертусъ также хорошо понимаетъ, что то основное отношеніе человѣка къ природѣ, изъ котораго онъ выводитъ свою теорію, сохраняется и въ обществѣ,

[1]) Онъ просто аподиктически отрицаетъ существованіе такихъ благъ. Указавъ на то, что трудъ ставитъ границы для хозяйственнаго характера благъ, онъ прибавляетъ: „Nur dann wäre diese Begrenzung wirtschaftlicher Güter unhaltbar, wenn es solche gäbe, die ohne irgend eine Thätigkeit des Menschen in einer der Verwendung nothwendig vorangehenden Unmittelbarkeit zu ihnen ständen, *und* doch ihrer Quantität nach so beschränkt wären, dass er aus diesem Grunde damit haushalten müsste. *Solche Güter indessen giebt es nicht*“ (Zur Erkenntniss. s. 6). Послѣднее утвержденіе ничѣмъ не доказывается.

если разсматривать его какъ одно цѣлое, какъ единый субъектъ хозяйства и отвлечься отъ отношеній между отдѣльными его членами. Онъ постоянно напоминаетъ о необходимости подобнаго органическаго изслѣдованія общественнаго хозяйства, упрекая современныхъ ему экономистовъ въ томъ, что они исходятъ изъ разсмотрѣнія *частей*, вмѣсто того, чтобы начать съ анализа *цѣлаго*. Въ этомъ цѣломъ общественномъ хозяйствѣ, по его мнѣнію, сохраняется то же отношеніе человѣка къ природѣ, какое онъ нашелъ въ изолированномъ хозяйствѣ. „Можно было бы возразить (противъ его теоріи)—замѣчаетъ онъ—что послѣ введенія раздѣленія труда и собственности, приносящей ренту [1]), это естественное отношеніе измѣняется, такъ какъ бо̀льшая часть запаса благъ принадлежитъ тогда не рабочему, а другимъ лицамъ. Однако, на это возраженіе можно отвѣтить вопросомъ: какимъ образомъ отношенія, которыя касаются исключительно формы производства или способа распредѣленія продукта, могутъ измѣнять естественное отношеніе человѣка къ благу, изъ котораго вытекаетъ законъ трудовой стоимости? Если до раздѣленія труда и наличности приносящей доходъ собственности каждый самъ производитъ отъ начала до конца и потребляетъ блага, входящія въ составъ его дохода, то раздѣленіе труда измѣняетъ только то, что теперь различные рабочіе, одинъ за другимъ, работаютъ надъ однимъ и тѣмъ же благомъ, а собственность, приносящая ренту — только то, что на долю рабочаго приходится только часть продукта, тогда какъ остальная попадаетъ въ руки рентьера и предпринимателя. Но ни то, ни другое не можетъ измѣ-

[1]) Подъ „собственностью, приносящей ренту“ (rentierendes Eigentum) Родбертусъ, какъ извѣстно, понимаетъ собственность на землю и капиталъ, приносящую доходъ безъ личнаго труда собственника.

нить ни природы труда, ни его отношенія къ производству благъ“ [1]).

Въ этомъ отрывкѣ, однако, уже оказывается нѣкорая двусмысленность понятій, которая отражается на всей системѣ Родбертуса. „Порядокъ распредѣленія“ не можетъ, разумѣется, измѣнить „природы труда и его отношенія къ производству“, но онъ можетъ измѣнить и фактически измѣняетъ отношеніе человѣка къ производству. Въ обществѣ, основанномъ на раздѣленіи труда и частей собственности на средства производства, отношеніе субъекта хозяйства къ природѣ таково же, какъ и отношеніе субъекта изолированнаго хозяйства,—но только въ томъ случаѣ, когда мы подъ субъектомъ хозяйства будемъ понимать все общество, вмѣстѣ взятое. Только въ немъ одномъ, такъ сказать, погашаются отношенія распредѣленія, и сохраняются въ чистомъ видѣ отношенія производства, а слѣдовательно и трудовая оцѣнка. Наоборотъ, для каждаго члена такого общества въ отдѣльности отношенія къ природѣ вытѣсняются отношеніями къ людямъ или по крайней мѣрѣ комбинируются съ ними, и потому индивидуальная трудовая оцѣнка не можетъ уже имѣть мѣста. Весь духъ системы Родбертуса согласуется съ такимъ представленіемъ. Онъ постоянно повторяетъ, что въ современномъ обществѣ каждый производитель отнюдь не получаетъ продукта своего собственнаго труда, что, наоборотъ, его доходъ есть результатъ процесса распредѣленія всего общественнаго продукта въ цѣломъ и, наконецъ, что только весь этотъ общественный продуктъ въ цѣломъ есть результатъ *всего общественнаго труда*, такъ что понятіе „трудовой стоимости“ или, что то же, субъективной трудовой цѣнности, примѣнимо только ко всему общественному продукту. Въ отвѣтъ на возможное возраженіе на его обоснованіе

[1]) Цит. соч. с. 13—14.

„трудовой стоимости“, онъ категорически замѣчаетъ, что исходитъ изъ чисто *естественныхъ* отношеній и отвлекается отъ отношеній владѣнія, которыя нарушаютъ разсматриваемую имъ хозяйственную основу вещей [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ обнаруживаетъ склонность считать трудовую оцѣнку дѣйствующей также и *между* членами мѣнового хозяйства и обосновать на ней трудовую теорію мѣновой цѣнности. Правда, эта теорія для него имѣетъ значеніе чисто эмпирическаго обобщенія, въ неточности котораго онъ самъ заранѣе убѣжденъ и которому, повидимому, не придаетъ большого значенія. „Я никогда не держался того мнѣнія — говоритъ онъ — что въ современномъ хозяйствѣ, основанномъ на свободѣ обмѣна, рыночная цѣна изготовленнаго блага совпадаетъ съ его нормальной или измѣряемой по труду цѣнностью. Рыночная цѣна только стремится, тяготѣетъ къ послѣдней“ [2]). Важнѣйшимъ для него остается *трудовая стоимость*. „Первое положеніе — такъ начинаетъ онъ одну изъ обычныхъ у него рекапитуляцій своей теоріи — заключается въ томъ, что всѣ хозяйственныя блага суть *продукты труда*... Это однако ничуть не означаетъ, что цѣнность продукта всегда равна его трудовой стоимости (Kostenarbeit), другими словами, что трудъ могъ бы уже въ настоящее время служить мѣриломъ цѣнности“ [3]). Онъ также очень хорошо знаетъ, что законъ равенства прибылей не примиримъ съ обмѣномъ пропорціонально затратѣ труда. И тѣмъ не менѣе это неточное, отчасти даже имъ самимъ признаваемое невѣрнымъ, и въ лучшемъ случаѣ ничѣмъ не

[1]) Zur Erkenatniss, S. 9.

[2]) Das Kapital, herausg. von. Kosak. 1884, S. 6. Обозначеніе „трудовой стоимости“, какъ „нормальной цѣнности“ встрѣчается у Родбертуса очень рѣдко.

[3]) Zur Beleuchtung der socialen Frage I (Sociale Briefe an. v. Kirchmann). Berlin 1875, S. 68—69.

доказанное положеніе объ обмѣнѣ пропорціонально затратѣ труда — всѣ доказательства трудовой теоріи цѣнности относятся у него къ „трудовой стоимости“, а не къ мѣновой цѣнности — онъ кладетъ въ основу своего дальнѣйшаго изслѣдованія. Свою теорію ренты онъ развиваетъ „при предположеніи, что сырой матеріалъ, равно какъ продуктъ обработывающей промышленности обмѣниваются другъ на друга по своей трудовой стоимости“ [1]). Необходимость этого предположенія доказывается тѣмъ, что безъ него нельзя объяснить „явленій, которыя въ мѣновыхъ сношеніяхъ совершаются только въ формѣ распредѣленія цѣнности“ [2]). Но вѣдь общее понятіе цѣнности, съ одной стороны, и понятіе обмѣна пропорціонально затратѣ труда съ другой, другъ съ другомъ не совпадаютъ и, стало быть, не могутъ быть съ легкимъ сердцемъ замѣнены одинъ другимъ!

Любопытно, что теорія ренты Родбертуса, невѣрность которой можно считать почти общепризнанной, составляетъ логическій выводъ изъ послѣдовательно продуманной трудовой теоріи мѣновой цѣнности. Сущность ея, какъ извѣстно, заключается въ слѣдующемъ. Если земледѣльческіе и промышленные продукты обмѣниваются пропорціонально затратѣ труда на ихъ производство, то въ земледѣліи получится болѣе высокая норма прибыли, чѣмъ въ промышленности, такъ какъ, при равной затратѣ живого труда, величина капитала въ земледѣліи, благодаря отсутствію издержекъ на сырой матеріалъ, стоитъ ниже, чѣмъ въ промышленности. Процессъ уравненія прибылей приводитъ затѣмъ къ установленію одинаковой нормы прибыли въ обоихъ отрасляхъ промышленности, причемъ избыточная земледѣльческая прибыль обращается въ зе-

[1]) Ibid., S. 109.
[2]) Iiid., S. 147.

мельную ренту, т. е. переносится изъ дохода фермера въ карманъ землевладѣльца. Эта теорія неопровержима, если стоять на точкѣ зрѣнія строго трудовой теоріи мѣновой цѣнности, по которой распредѣленіе дохода въ точности соотвѣтствуетъ затратѣ труда отдѣльными производителями, и лишь дальнѣйшіе „побочные“ законы измѣняютъ это первоначальное распредѣленіе.

Мы видѣли, что и Марксъ въ своей теоріи абсолютной ренты не устоялъ противъ искушенія сдѣлать подобный выводъ изъ трудовой теоріи мѣновой цѣнности. Однако непосредственное знакомство съ фактами экономической жизни удержало его отъ той reductio ad absurdum трудовой теоріи, которую совершилъ въ своей теоріи ренты Родбертусъ. Признавъ, подобно послѣднему, источникомъ абсолютной ренты разницу между трудовой цѣнностью и „средней цѣной“, Марксъ, однако, высоту этой ренты поставилъ въ зависимость отъ спроса на земледѣльческіе продукты, ея причину нашелъ въ монополіи земельной собственности, и наконецъ, допустивъ еще „монопольную“ ренту, возвышающую цѣну земледѣльческихъ продуктовъ надъ ихъ трудовой цѣнностью, въ сущности пришелъ къ отрицанію всякаго реальнаго значенія за этой послѣдней. Всякій, кто признаетъ, что „средняя цѣна“ образуется изъ колебаній *рыночныхъ* цѣнъ и что трудовая цѣнность не составляетъ какого-либо реальнаго фактора послѣднихъ, долженъ въ этомъ отношеніи послѣдовать за Марксомъ и отказаться отъ теоріи ренты Родбертуса. Наоборотъ, кто признаетъ трудовую теорію *мѣновой цѣнности*, тотъ долженъ признать и теорію ренты Родбертуса, какой бы парадоксальной она ни казалась: ея парадоксальность есть лишь парадоксальность трудовой теоріи мѣновой цѣнности вообще.

Такимъ образомъ, въ теоріи цѣнности Родбертуса мы наталкиваемся на два противорѣчащихъ другъ другу взгляда. Съ одной стороны, трудовой законъ цѣн-

ности устанавливается только для той категоріи послѣдней, которую мы теперь называемъ субъективной цѣнностью, а связь между затратой труда и мѣновой цѣнностью категорически отрицается; это есть основное направленіе мыслей Родбертуса, съ особенной любовью имъ развиваемое; съ другой—на сцену выступаетъ трудовая теорія мѣновой цѣнности, для доказательства правильности которой не приводится никакихъ основаній, и которая, съ лежащимъ въ ея основѣ представленіемъ о чисто-механическомъ распредѣленіи, независимымъ отъ всякихъ соціальныхъ вліяній, рѣшительно противорѣчитъ всему соціально-экономическому міровоззрѣнію Родбертуса [1]).

---

[1]) Въ нашемъ изложеніи взглядовъ нѣкоторыхъ авторовъ, теоріи которыхъ освѣщаютъ съ той или другой стороны намѣченные въ этой работѣ пункты, мы должны были ограничиться только самыми интересными съ этой точки зрѣнія работами и потому опустить относящіяся сюда же мнѣнія нѣкоторыхъ другихъ писателей. Мы упомянемъ только о Прудонѣ, который въ своей „Système de contradictions économiques ou philosophie de la misère“ (Oeuvres complètes de Proudhon, Paris 1872, t. IV—V) развиваетъ также ту мысль, что монополія собственности уничтожаетъ въ современномъ обществѣ дѣйствіе трудового закона цѣнности; содержаніе этого закона остается у Прудона впрочемъ весьма неяснымъ. (См. ch. II и VI). Отрывочныя и не достаточно ясныя замѣчанія о значеніи соціальнаго фактора въ распредѣленіи встрѣчаются также въ работахъ *Лексиса*. Бемъ-Баверкъ въ своей новѣйшей рѣчи „Einige Strittige fragen der Capitalstheorie“ (Wien 1900) мѣтко обнаруживаетъ слабыя стороны воззрѣнія Лексиса (ук. соч. с. 110—127).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

О нѣкоторыхъ задачахъ теоріи цѣнности и распредѣленія.

Анализъ значенія трудовой цѣнности, какъ субъективной цѣнности общественнаго дохода, и связанный съ нимъ анализъ соціальнаго фактора цѣнности могутъ служить лишь исходнымъ пунктомъ детальнаго изслѣдованія проблемъ, относящихся къ теоріи цѣнности и распредѣленія. Мы намѣрены поэтому вкратцѣ указать, въ какомъ направленіи должно идти, по нашему мнѣнію, это дальнѣйшее изслѣдованіе.

На первомъ мѣстѣ стоитъ проблема *мѣновой цѣнности*. Если ученію о субъективной цѣнности не удалось до сихъ поръ окончательно разрѣшить эту проблему, то въ этомъ виновато не оно само, а лишь то зачаточное состояніе, въ которомъ оно пока находится. Такъ какъ мѣновое отношеніе между товарами есть нечто иное, какъ особый способъ присвоенія частей общественнаго дохода отдѣльными членами общества, и такъ какъ это присвоеніе можетъ быть обусловлено только перекрещивающимися психическими силами и стремленіями людей, другими словами, столкновеніемъ субъективныхъ оцѣнокъ и основанныхъ на нихъ отношеній зависимости и господства, то не подлежитъ сомнѣнію, что въ теоріи субъективной цѣнности мы имѣемъ единственно вѣрный ключъ къ разрѣшенію проблемы мѣновой цѣнности. Изъ этого, однако, ни въ

коемъ случаѣ не слѣдуетъ, что это разрѣшеніе есть дѣло очень простое и нетрудное. Наоборотъ, неудача, которую потерпѣло большинство извѣстныхъ намъ попытокъ въ этомъ направленіи, была обусловлена ошибочнымъ представленіемъ о простотѣ задачи, къ разрѣшенію которой онѣ приступали.

Въ этомъ въ значительной мѣрѣ виноватъ индивидуалистическій характеръ міровоззрѣнія представителей теоріи субъективной цѣнности; благодаря ему, они проглядѣли одну важнѣйшую часть задачи: проблему образованія коллективныхъ оцѣнокъ изъ индивидуальныхъ. Гдѣ мѣновое отношеніе не пріобрѣло соціальнаго характера, гдѣ оно является результатомъ изолированнаго соглашенія двухъ субъектовъ, т. е. непосредственнымъ продуктомъ индивидуальныхъ оцѣнокъ, тамъ не можетъ быть въ немъ никакого постоянства, и потому оно не можетъ обладать самостоятельной закономѣрностью. Если же мы въ дѣйствительности замѣчаемъ относительную прочность и постоянство мѣновыхъ законовъ, ихъ кажущуюся независимость отъ воли и потребностей отдѣльныхъ лицъ, то это явленіе есть лишь отраженіе прочности и постоянства коллективныхъ оцѣнокъ, которыя хотя и суть результатъ взаимодѣйствія оцѣнокъ индивидуальныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дифференцируются отъ нихъ и пріобрѣтаютъ какъ бы самостоятельное объективное существованіе. Постигнуть законы этой дифференціаціи и объективизаціи можно только при помощи новыхъ соціологическихъ и психологическихъ изслѣдованій, а не путемъ схематическихъ ариѳметическихъ расчетовъ, которые мы встрѣчаемъ напр. у Менгера, Шеффлэ и Бемъ-Баверка [1]); также и не путемъ болѣе слож-

[1]) *Menger*, Grundsäte.z S. 201—212, *Schäffle*, Gesellschaftliches System der menschlihen wirtschaft, B I, S. 187—194, Böhm-Bawerk Grundzüge den Theorie des wirtsch. Güterwerts, Conr. Iahrb. B. 47, S. 489—508 и *Positive Theorie des Kapitals.* 1889.

ныхъ, но столь же схематическихъ математическихъ вычисленій и построеній, „кривыхъ спроса и предложенія“, которыя намъ даетъ въ изобиліи т. наз. математическая школа.

Любопытно, что у Маркса, который, благодаря своему представленію о чисто механическомъ образованіи мѣновыхъ отношеній, какъ способовъ приравненія одинаковыхъ количествъ труда, не представлялъ себѣ во всей ясности этой проблемы, мы находимъ тѣмъ не менѣе блестящія и притомъ *единственныя* въ теоріи политической экономіи попытки къ ея разрѣшенію, основанныя на геніальномъ прозрѣваніи ея сущности. Попытки эти содержатся въ его ученіи о формахъ цѣнности и въ связанной съ нимъ теоріи фетишизма товарнаго хозяйства. Процессъ образованія изъ индивидуальныхъ мѣновыхъ отношеній мѣновыхъ отношеній между группами товаровъ, вплоть до дифференціаціи одного товара, какъ абстрактнаго носителя чистой и объективной мѣновой цѣнности, параллельный ему процессъ объективизаціи мѣновой цѣнности, которая свой первоначальный характеръ, какъ отношенія между людьми, превращаетъ въ фетишистическое *объективное свойство* товара и олицетворяется въ видѣ денежнаго фетиша, что представляютъ изъ себя эти открытія, какъне начало объясненія образованія коллективной и потому объективной—стоящей внѣ отдѣльныхъ людей — цѣнности изъ индивидуальныхъ субъективныхъ оцѣнокъ? Если вся эта блестящая часть ученія Маркса до сихъ поръ, можно сказать, пропадала даромъ, то вина въ этомъ лежитъ не только на послѣдователяхъ Маркса, которые вообще больше удивлялись его ученію, чѣмъ разработывали его; по крайней мѣрѣ отчасти въ этомъ виновата также невыясненность общаго соціологическаго фундамента этихъ мыслей и своеобразная замѣна соціально-психологическаго обоснованія ихъ чисто формальной діалектической аргументаціей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что намѣченный Марксомъ процессъ объективизаціи мѣновой цѣнности изъ мѣновыхъ отношеній между людьми, или — что то же самое—процессъ объективизаціи при образованіи коллективныхъ оцѣнокъ изъ индивидуальныхъ, есть только частный случай общаго закона соціально-психологической объективизаціи представленій и волевыхъ актовъ. Явленія права, этики, общественныхъ вѣрованій, принциповъ и идей, вообще всѣ явленія соціальной культуры представляются намъ, какъ нѣчто существующее объективно, стоящее внѣ желаній, взглядовъ и сужденій отдѣльныхъ людей и управляющее послѣдними. И между тѣмъ всѣ эти явленія суть только продуктъ психическаго взаимодѣйствія отдѣльныхъ людей и безъ остатка сводятся на индивидуальные психическіе элементы, изъ комбинаціи которыхъ онѣ возникаютъ. И какъ всѣ эти явленія обладаютъ какой-то субстанціальной прочностью и консерватизмомъ, несмотря на постоянныя и разнообразныя измѣненія составляющихъ ихъ индивидуальныхъ элементовъ, точно также и мѣновая цѣнность пріобрѣтаетъ характеръ природнаго и относительно постояннаго свойства товара, хотя она есть лишь продуктъ колеблющихся субъективныхъ оцѣнокъ. Общее изученіе этого своеобразнаго соціологическаго процесса, составляющаго самую характерную и важнѣйшую черту соціальныхъ явленій вообще или скорѣе даже единственный конститутивный признакъ ихъ, и наряду съ нимъ спеціальное изученіе этого процесса въ примѣненіи къ субъективной цѣнности—таковъ тотъ путь, который можетъ привести къ разрѣшенію проблемы мѣновой цѣнности [1]).

[1]) Общій соціологическій анализъ этого процесса впервые и притомъ съ замѣчательной глубиной развитъ Зиммелемъ, главн. обр. въ работѣ *Ueber sociale Differenzierung*. Указанія на него встрѣчаются и у Дюркгейма: *Règles de la methode sociologique* (русск. пер *Методъ соціологіи*, изд. Іогансона). Коллективная оцѣнка, о которой здѣсь идетъ рѣчь, не должна быть смѣшиваема съ по-

Значеніе этого пути уяснится еще болѣе, если мы обратимъ вниманіе на то конкретное затрудненіе, съ которымъ приходится считаться теоріи субъективной цѣнности при анализѣ мѣновыхъ пропорцій между товарами. Пока эти мѣновыя отношенія обладаютъ формой непосредственнаго, т. наз. натуральнаго обмѣна, до тѣхъ поръ онѣ носятъ характеръ чисто случайныхъ соглашеній между индивидуумами, и величина ихъ не опредѣляется никакими объективными законами. Постоянство и закономѣрность мѣновыхъ отношеній между товарами возникаетъ вмѣстѣ съ дифференціаціей одного товара, служащаго абстрактнымъ носителемъ, а потому и мѣриломъ мѣновой цѣнности, т. е. вмѣстѣ съ раздѣленіемъ мѣнового акта на два отдѣльныхъ обмѣна: товара на деньги и денегъ на товаръ (формула Маркса: Т (товаръ) — Д (деньги) — Т (товаръ). Мѣновая цѣнность устанавливается при этомъ для каждаго покупателя путемъ сравненія субъективной цѣнности товара съ субъективной цѣнностью денегъ, а потому законы мѣновыхъ отношеній могутъ быть открыты только путемъ изслѣдованія субъектив-

---

нятіемъ общественной субъективной цѣнности, развитой въ этой работѣ: первая есть соціологическій *результатъ* естественнаго взаимодѣйствія *многихъ* индивидуальныхъ оцѣнокъ, сама по себѣ стоитъ внѣ отдѣльныхъ людей и не можетъ быть охарактеризована, какъ субъективная цѣнность, вторая есть особая форма оцѣнки благъ *индивидуальнымъ* сознаніемъ, именно оцѣнка ихъ съ точки зрѣнія интересовъ соціальной группы, какъ одного цѣлаго, и слѣдовательно есть видъ субъективной цѣнности. Отдѣльныя, по большей части весьма поверхностныя, попытки изученія коллективныхъ оцѣнокъ встрѣчаются у нѣкоторыхъ писателей. Сводку этихъ попытокъ можно найти у *Petit: Etude critique sur les différentes théories de la valeur* (Paris 1897) въ главѣ: *Théories de la valeur estimative*. Наоборотъ понятіе общественной субъективной цѣнности почти никогда не составляло объекта *сознательнаго* изученія. Единственная извѣстная намъ попытка въ этомъ направленіи содержится въ *Die Lehre vom Wert, Naumann'a* (1893) — довольно ничтожной въ остальныхъ отношеніяхъ работѣ, гдѣ понятіе общественной субъективной цѣнности изслѣдуется подъ названіемъ „volkswirtschaftlicher Wert".

ной цѣнности денегъ. Но именно это изслѣдованіе представляетъ непреодолимыя трудности, пока не постигнутъ процессъ образованія коллективной цѣнности изъ индивидуальныхъ оцѣнокъ. Съ одной стороны, субъективная цѣнность денегъ, какъ товара, обладающаго непосредственной полезностью потребленія (напр. золота, какъ предмета роскоши и украшенія) не играетъ никакой роли для огромнѣйшаго большинства контрагентовъ, такъ какъ деньги цѣнятся не какъ конкретно полезный продуктъ, а какъ носитель мѣновой цѣнности, т. е. какъ средство къ пріобрѣтенію всѣхъ находящихся въ обществѣ благъ. Съ другой стороны, однако, это свойство всеобщей покупательной силы уже предполагаетъ наличность мѣновыхъ отношеній между деньгами и товарами, а стало быть наличность субъективной цѣнности денегъ *до обмѣна*, т. е. субъективной цѣнности ихъ, какъ простого конкретнаго блага, и если мы не хотимъ вращаться въ ложномъ кругу, то мы можемъ исходить только изъ послѣдней. Это противорѣчіе не только не объясняется, но и не замѣчается большинствомъ представителей психологической теоріи цѣнности, а между тѣмъ, не разрѣшивъ его, нельзя выяснить законовъ мѣновой цѣнности.

Ясно, что путь къ разрѣшенію проблемы цѣнности денегъ лежитъ именно въ анализѣ образованія коллективныхъ цѣнностей изъ индивидуальныхъ оцѣнокъ. Процессъ превращенія товара въ деньги есть ничто иное, какъ процессъ объективизаціи взаимодѣйствія индивидуальныхъ оцѣнокъ. Изъ совокупности товаровъ, обращающихся въ обществѣ, выдѣляются одинъ или нѣсколько товаровъ, субъективныя оцѣнки которыхъ со стороны отдѣльныхъ лицъ обладаютъ особенной прочностью, постоянствомъ и однородностью и потому раньше другихъ могутъ слиться въ коллективную цѣнность. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ товаръ или рядъ това-

ровъ пріобрѣтаетъ широкую покупательную силу по отношенію ко всѣмъ остальнымъ товарамъ, что въ свою очередь содѣйствуетъ превращенію его въ абстрактнаго носителя цѣнности и освобожденію его субъективной цѣнности отъ непосредственной связи съ конкретной полезностью, какъ предмета потребленія. Именно этотъ сложный соціально-психологическій процессъ стремился выяснить Марксъ въ своемъ ученіи о формахъ цѣнности—хотя онъ и далъ только намеки на его объясненіе—и любопытно, что новѣйшія изслѣдованія о происхожденіи денегъ стоятъ въ согласіи съ этимъ ученіемъ [1]). Такимъ образомъ, дѣйствительно научное разрѣшеніе проблемы мѣновой цѣнности возможно только тогда, когда мы будемъ имѣть обоснованную на историческихъ фактахъ и на теоретическомъ соціально-психологическомъ анализѣ теорію происхожденія и цѣнности денегъ, которая конкретно выясняетъ про-

[1]) *William Ridgeway* (*The origin of metallic currency and weight standards Cambridge 1892*) и *H. Schurtz* (*Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes, Weimar 1898*) показали, что первоначально деньгами служилъ не одинъ опредѣленный товаръ, а цѣлый рядъ товаровъ, стоявшихъ, благодаря распространенности и прочности спроса на нихъ, въ точномъ мѣновомъ отношеніи другъ къ другу (такъ напр. въ западномъ Суданѣ мѣриломъ цѣнности служитъ уравненіе: одинъ рабъ=одному двуствольному ружью +2 бутылки пороху=пяти быкамъ=100 штукамъ матеріи). Это есть нечто иное, какъ „развернутая форма цѣнности“ у Маркса, служащая переходомъ отъ натуральнаго обмѣна къ обмѣну при посредствѣ всеобщей или денежной формы цѣнности. Тонкія психологическія мысли о происхожденіи, функціяхъ и цѣнности денегъ имѣются въ статьяхъ Зиммеля *Zur Psychologie des Geldes* (Schmoller's Jahrbuch 1889) и *Fragmente aus einer Philosophie des Geldes* (ibid. 1899); къ сожалѣнію онѣ носятъ сильный отпечатокъ диллетантизма и пригодны только какъ матеріалъ для будущихъ изслѣдованій. Блестящимъ примѣромъ образованія прочныхъ коллективныхъ оцѣнокъ изъ индивидуальныхъ при *отсутствіи мѣнового хозяйства* и, слѣд., при полномъ отсутствіи денегъ, какъ *средства обращенія*, служитъ описанное *Инамой Штернеггомъ* постоянство и однородность субъективныхъ оцѣнокъ у древнихъ германскихъ племенъ. См. *Deutshe Wirtschaftsgeschichte*, B I, s. 202 ff.

цессъ объективизаціи коллективной цѣнности изъ индивидуальныхъ субъективныхъ оцѣнокъ.

Это, однако, было бы только первымъ шагомъ по пути къ разрѣшенію всѣхъ представляющихся здѣсь проблемъ. Такъ какъ мѣновое отношеніе между товарами складывается на почвѣ отношеній взаимной зависимости между членами общества, то дальнѣйшей задачей было бы болѣе относительное изслѣдованіе условій и формъ этой зависимости. Мы ограничиваемся здѣсь указаніемъ только на одинъ важнѣйшій вопросъ: на проблему *конкурренціи*. Условія взаимной зависимости между членами общества, напр., между продавцами и покупателями, капиталистами и рабочими и т. д., бываютъ различны, смотря по тому, устанавливается ли эта зависимость между группами, въ предѣлахъ которыхъ также происходитъ взаимная борьба, или же между единичными субъектами хозяйства. На этомъ различіи условій зависимости между конкуррирующими и неконкуррирующими контрагентами основано все значеніе всякаго рода объединеній, будетъ ли то союзъ потребителей, или производителей, союзъ предпринимателей или рабочихъ. Но если конкурренція, т. е. соперничество отдѣльныхъ лицъ въ предѣлахъ одной и той же группы, и составляетъ важнѣйшую черту *хозяйственнаго* строя *современнаго* общества, то она все же остается общимъ соціологическимъ явленіемъ, возможнымъ и встрѣчающимся во всѣхъ областяхъ соціальной жизни и во всякое время, а потому подлежитъ также и абстрактному соціологическому изученію. Исходнымъ пунктомъ должно являться понятіе соціальной зависимости, и задачей служитъ объясненіе того, какимъ образомъ и почему изъ *элементовъ* этой зависимости, складываются иныя *явленія* зависимости, смотря по тому, происходитъ ли борьба между группами борющихся лицъ или же между единичными субъектами хозяйственной (и всякой иной)

дѣятельности. И здѣсь разрѣшенія надо ждать также не отъ схематическихъ примѣровъ или математическихъ формулъ, а отъ общаго соціологическаго и соціально-психологическаго анализа [1]).

Обратной стороной этого вопроса является вопросъ о природѣ и вліяніи *монополіи*. Отдѣльныя научныя проблемы, подобно людямъ и книгамъ, также habent sua fata. Благодаря тому, что возникновеніе теоріи политической экономіи совпадаетъ съ эпохой развитія свободы конкурренціи и вмѣстѣ съ тѣмъ глубочайшей вѣры въ ея естественность и благодѣтельность, явленія монополіи разсматривались всегда какъ нѣчто случайное, безсмысленное и ненужное, а потому и не подлежащее самостоятельному изученію. И если дальнѣйшее развитіе науки и подмѣтило значеніе нѣкоторыхъ явленій монополіи въ современномъ обществѣ, — мы напоминаемъ только о теоріи монополизаціи средствъ производства въ капиталистическомъ хозяйствѣ — то сила традиціи не позволяла обобщить эти явленія въ систематической *общей теоріи монополіи*, тѣмъ болѣе, что аналогичныя явленія въ другихъ областяхъ хозяйственной жизни оставались по прежнему совершенно неоцѣненными. Только самое послѣднее время, давшее намъ столь яркую картину стремленій къ монополіи въ тѣхъ сферахъ, которыя прежде считались естественной ареной свободной конкурренціи—стоитъ вспомнить напр. о синдикатахъ и трестахъ—поставило на очередь

---

[1]) Безпомощность и, такъ сказать, грубость обычныхъ экономическихъ теорій конкурренціи была хорошо очерчена еще Торнтономъ („On labour etc"). Правильная *постановка* вопроса—хотя и слишкомъ схематическая—находится въ трудѣ стариннаго писателя Курно, одного изъ предшественниковъ современной психологической и математической школы (*Cournot. Recherches mathématiques sur la theorie des richesses 1832*). Наоборотъ, современные представители этого направленія, напр., даже такой сильный мыслитель, какъ Менгеръ, обнаруживаютъ недостаточно ясное пониманіе задачи.

вопросъ о теоретическомъ изученіи монополіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣемъ тутъ дѣло не только съ одинаковымъ названіемъ разнородныхъ по существу явленій, но и съ тождественнымъ характеромъ самихъ явленій. Монополія земельной собственности, какъ источникъ земельной ренты, монополія средствъ производства вообще, какъ источникъ всякихъ „фундированныхъ“ доходовъ, наконецъ, монопольный характеръ цѣнъ на продукты—все это суть явленія одной и той же категоріи, и наука о народномъ хозяйствѣ не можетъ обойтись безъ общей теоріи этихъ явленій. Вездѣ вліяніе монополіи сказывается на усиленіи соціальнаго могущества монополизатора, и гдѣ послѣднему противостоятъ разрозненныя силы конкуррирующихъ между собой субъектовъ хозяйства, тамъ мы получаемъ перевѣсъ силы на одной сторонѣ, зависимости на другой, и, какъ результатъ этого, безвозмездное присвоеніе извѣстной суммы общественнаго труда. Можно сказать и наоборотъ, что перевѣсъ соціальной силы и явленія эксплуатаціи почти всегда могутъ быть сведены на какую-либо монополію, и это показываетъ, какое выдающееся значеніе имѣетъ столь запущенное ея теоретическое изученіе.

Теорія конкурренціи и монополіи, какъ и вся теорія мѣновой цѣнности должна служить составной частью болѣе широкой теоріи распредѣленія дохода вообще. Мы старались показать, что мѣновыя отношенія между членами общества составляютъ форму распредѣленія дохода въ современномъ обществѣ и что это распредѣленіе есть результатъ борьбы соціальныхъ силъ отдѣльныхъ членовъ или классовъ общества. Мы старались также показать, что высота этой соціальной силы или власти члена общества опредѣляется высотой субъективной цѣнности благъ, находящихся въ его обладаніи или, другими словами, силой того препятствія, которое это обладаніе ставитъ свободной произ-

водительной дѣятельности другихъ людей. Чѣмъ выше это препятствіе, чѣмъ безпомощнѣе оно дѣлаетъ другихъ людей въ ихъ отношеніяхъ къ природѣ, благодаря захвату силъ и продуктовъ природы въ собственность отдѣльныхъ лицъ, тѣмъ болѣе отклоняется результатъ распредѣленія отъ того, который получился бы при непосредственныхъ сношеніяхъ людей съ природой внѣ зависимости отъ остальныхъ людей, т. е. отъ распредѣленія пропорціонально затратѣ труда каждымъ изъ членовъ общества. Явленія монополіи и конкурренціи составляютъ лишь формы зависимости людей другъ отъ друга, затрудняя или облегчая доступъ къ благамъ, находящимся въ собственности и, такимъ образомъ, возвышая или понижая ихъ субъективную цѣнность. Задача теоріи распредѣленія заключается, поэтому, въ изслѣдованіи причинъ, опредѣляющихъ высоту соціальной силы отдѣльныхъ членовъ или классовъ общества. Теорія происхожденія фундированныхъ доходовъ, т. е. доходовъ, проистекающихъ изъ обладанія имуществомъ вообще, теоріи отдѣльныхъ доходовъ—прибыли, процента, поземельной и всякой иной ренты, заработной платы—все это составляютъ части задачи теоріи распредѣленія дохода на почвѣ отношеній соціальной власти и зависимости. Для иллюстраціи нашей мысли остановимся только на теоріи прибыли у Маркса.

Если Марксъ видитъ источникъ прибыли въ присвоеніи неоплаченнаго труда рабочаго, то это хотя и вѣрно, но далеко не исчерпываетъ всей задачи теоріи прибыли. Смыслъ этого положенія мы теперь знаемъ: если оцѣнивать весь общественный доходъ съ точки зрѣнія общества, взятаго какъ одно цѣлое, то его субъективная цѣнность опредѣляется затратой общественнаго труда на его производство; но если всякій доходъ есть, съ этой точки зрѣнія, продуктъ общественнаго труда, то имъ же является и доходъ тѣхъ

классовъ общества, которые сами не участвовали въ общественномъ трудѣ, въ томъ числѣ класса капиталистовъ. Положеніе Маркса разъясняетъ намъ, такимъ образомъ, чѣмъ является доходъ капиталиста, или сумма цѣнностей, получаемая ими, съ общественной точки зрѣнія. Но оно ничего не говоритъ о томъ, почему классъ капиталистовъ имѣетъ возможность получать доходъ, и чѣмъ опредѣляется его высота. Подобно тому, какъ, напр., теорія ренты не исчерпывается указаніемъ на то, что она есть часть общественной прибавочной цѣнности, если въ нее входитъ, помимо того, изслѣдованіе *спеціальныхъ условій* пріобрѣтенія этой части прибавочной цѣнности классомъ землевладѣльцевъ, такъ и теорія прибыли не кончается съ установленіемъ ея источника въ прибавочной цѣнности. Могло бы показаться, что такое изслѣдованіе условій пріобрѣтенія прибавочной цѣнности содержится въ ученіи Маркса о рабочей силѣ и ея способности создавать доходъ, превышающій ея собственную цѣнность. При внимательномъ разсмотрѣніи, однако, оказывается, что это ученіе именно и есть нечто иное, какъ указаніе на общественный характеръ дохода капиталиста, но оно не сообщаетъ намъ никакихъ свѣдѣній о конкретныхъ причинахъ присвоенія этого дохода, никакихъ данныхъ для измѣренія той соціальной силы, которою опредѣляется захватъ цѣнности въ данномъ случаѣ. Мы не задаемся здѣсь, разумѣется, намѣреніемъ дополнить теорію прибыли Маркса. Для нашей цѣли достаточно указать, что это дополненіе можетъ быть найдено въ другихъ теоріяхъ прибыли на капиталъ. Кажущееся противорѣчіе, въ которомъ стоятъ эти теоріи къ ученію Маркса, проистекаетъ изъ того, что обѣ стороны—какъ ученики Маркса, такъ и его противники—не отличали ясно вопроса объ общественномъ характерѣ дохода, или о происхожденіи его субъективной общественной цѣнности отъ вопроса объ

условіяхъ распредѣленія этого дохода. Подобно тому, какъ защитники и противники ученія Маркса не дѣлали различія между теоріей мѣновой цѣнности и теоріей общественной цѣнности и жизнеспособность трудовой теоріи цѣнности вообще ставили въ зависимость отъ правильности трудовой теоріи мѣновой цѣнности, такъ и въ разсматриваемомъ вопросѣ предполагалось, что теоріи прибыли, видящія источникъ ея, напр., въ платѣ за пользованіе капиталомъ, или въ значеніи капитала въ производствѣ, или въ субъективной оцѣнкѣ настоящихъ и будущихъ благъ, стоятъ въ принципіальномъ противорѣчіи къ трудовой теоріи прибыли. Въ дѣйствительности же онѣ такъ мало могутъ противорѣчить другъ другу, какъ мало возможно вообще противорѣчіе теорій, относящихся къ различнымъ *объектамъ*. Изслѣдованіе причинъ, опредѣляющихъ переходъ части общественнаго дохода въ собственность отдѣльныхъ лицъ или классовъ—а это изслѣдованіе и составляетъ задачи разсматриваемыхъ теорій—не имѣетъ ничего общаго съ изслѣдованіемъ общественной цѣнности этого дохода и не можетъ стоять въ противорѣчіи къ нему. Вѣрны или невѣрны эти теоріи по существу, это вопросъ другой, который здѣсь мы не беремся изслѣдовать, но теоріи эти, съ точки зрѣнія ихъ спеціальной задачи, стоятъ на правильной методологической почвѣ. Мы указывали уже, что, напр., теорія Сэя сводится къ ученію о причинахъ соціальной силы различныхъ классовъ общества; мы нашли также правильное пониманіе сущности распредѣленія у Дюринга, и тѣмъ не менѣе этотъ Дюрингъ является ученикомъ Бастіа, теорія котораго стоитъ въ такомъ противорѣчіи къ ученіямъ, вытекающимъ изъ трудовой теоріи цѣнности. Защитники послѣдней могутъ поэтому со спокойной совѣстью принять участіе въ научныхъ работахъ, выполнявшихся до сихъ поръ

только представителями оппозиціоннаго имъ направленія: эти работы преслѣдуютъ совсѣмъ иную цѣль и потому не могутъ вступать въ коллизію съ правильно понятой трудовой теоріей цѣнности. Гдѣ наступаетъ раздѣленіе труда, гдѣ каждый занятъ особымъ дѣломъ, тамъ невозможна конкурренція между отдѣльными работниками; ея мѣсто занимаетъ мирное сотрудничество, въ которомъ каждый пользуется плодами дѣятельности другого. Такъ и правильное раздѣленіе поля изслѣдованія между двумя научными направленіями замѣнитъ ихъ борьбу взаимнымъ обогащеніемъ ихъ обоихъ.

И какъ съ теоріей прибыли, такъ же дѣло должно обстоять съ теоріей всѣхъ отдѣльныхъ доходовъ вообще. Представленіе о механическомъ распредѣленіи въ зависимости отъ техническихъ условій производства, представленіе, которое такъ рѣзко противорѣчитъ общему духу системы Маркса и все-таки было удержано имъ для цѣлаго ряда экономическихъ явленій,[1]) должно уступить мѣсто изслѣдованію отношеній соціальной зависимости, возникающихъ изъ конкретныхъ соціально-психическихъ условій субъективныхъ оцѣнокъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Въ *этомъ* изслѣ-

[1]) Можно было бы замѣтить, что по мнѣнію Маркса условія распредѣленія вообще сводятся на условія производства Дѣло однако, въ томъ что „условія производства“ понимаются здѣсь уже не въ смыслѣ техники, а въ смыслѣ общественныхъ отношеній производства и сводятся въ сущности на *условія распредѣленія средствъ производства между членами общества.* Въ такомъ значеніи это ученіе не только не противорѣчитъ высказанному здѣсь взгляду, но вполнѣ съ нимъ совпадаетъ, такъ какъ отношенія соціальной зависимости возникаютъ именно на почвѣ распредѣленія обладанія различными благами. Если же говорится о зависимости условій распредѣленія отъ *техники* производства, какъ напр. когда трудовая теорія мѣновой цѣнности предполагаетъ точную зависимость распредѣленіемъ дохода путемъ мѣновыхъ отношеній между товарами отъ затраты труда на нихъ, то такое представленіе несомнѣнно въ основѣ своей противорѣчитъ общему ученію Маркса о соціально-историческихъ условіяхъ всякаго общественнаго хозяйства.

дованіи трудовой теоріи цѣнности уже нѣтъ болѣе мѣста. Разъ выяснено, что цѣнность общественнаго дохода, разсматриваемая съ точки зрѣнія цѣлой соціальной группы, опредѣляется затратой труда на производство этого дохода, разъ вмѣстѣ съ тѣмъ указано, что съ этой же точки зрѣнія всѣ части общественнаго дохода, поступающія въ собственность отдѣльныхъ лицъ и классовъ общества, суть также продукты общественнаго труда, и что, слѣдовательно, доходы тѣхъ классовъ, которые сами не вложили своего труда въ общественное производство, являются даровымъ пожертвованіемъ со стороны производительныхъ классовъ общества—то роль трудовой теоріи цѣнности кончается. Къ реальнымъ экономическимъ отношеніямъ внутри общества, между отдѣльными его членами, она не имѣетъ никакого отношенія, такъ какъ ея роль заключается—по крайней мѣрѣ для современнаго общественнаго строя—въ указаніи на значеніе и основанія *представленія* объ общественномъ доходѣ, какъ продуктѣ общественнаго труда, представленіи, которое при современныхъ условіяхъ хозяйства не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на процессъ распредѣленія дохода. Этотъ процессъ регулируется не общественной, а индивидуальной цѣнностью продуктовъ, которая никогда не можетъ совпадать съ трудовой цѣнностью, такъ какъ сама подчиняется соціальнымъ условіямъ зависимости между людьми, а не отношенію человѣка къ природѣ. Теорія доходовъ должна опираться, поэтому, только на теорію субъективной цѣнности. Теорія заработной платы Тюнена, опредѣляющая высоту ея изъ анализа зависимости наемнаго рабочаго отъ капиталиста, теорія прибыли и заработной платы Бемъ-Баверка, сводящаяся, какъ это показалъ Штольцманнъ, также на указаніе отношенія власти и зависимости, устанавливающіяся между владѣльцемъ капитала и его контрагентами,

теорія монопольныхъ условій сбыта и проистекающихъ изъ нихъ рентныхъ доходовъ Шеффлэ, наконецъ, теорія ренты Маркса, какъ теорія дохода изъ монополіи земельной собственности—таковы нѣкоторыя изъ ученій, могущихъ дать начало правильной теоріи распредѣленія, несмотря на присущія имъ несовершенства. Но и цѣлый рядъ новыхъ явленій, которыя до сихъ поръ почти не служили объектомъ абстрактнаго теоретическаго анализа, благодаря тому, что не укладывались въ окаменѣвшую схему свободной конкурренціи и распредѣленія дохода между тремя естественными классами общества—капиталистами, земледѣльцами и рабочими,—могутъ быть подвергнуты плодотворному изученію, если исходить изъ понятія субъективной цѣнности и связанной съ этой цѣнностью соціальной зависимости между людьми: достаточно указать на роль всякаго рода союзовъ въ распредѣленіи дохода, на образованіе цѣнъ въ мелочной торговлѣ, на доходъ посредниковъ при продажѣ продуктовъ и наймѣ труда, на образованіе цѣнъ и происхожденіе доходовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, на цѣны предметовъ международной торговли, на доходы представителей умственнаго труда и такъ далѣе. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ, списокъ которыхъ можно было бы значительно продолжить, особенно наглядно видно, какъ мало могутъ объяснить въ распредѣленіи дохода техническія условія производства, вродѣ затраты труда на производство продукта, и какое значеніе имѣютъ конкретныя отношенія зависимости между членами общества, порождаемыя ролью ихъ дѣятельности въ общественномъ хозяйствѣ и выражающіяся въ высотѣ субъективной и основанной на ней мѣновой цѣнности благъ, находящихся въ ихъ обладаніи.

Если предлагаемый очеркъ—недостатки котораго авторъ самъ хорошо сознаетъ — будетъ содѣйствовать укрѣпленію трудовой теоріи цѣнности въ болѣе скром-

ной, но за то и болѣе твердой позиціи, съ высоты которой она можетъ, сохраняя дружественный нейтралитетъ, спокойно смотрѣть на ростъ и развитіе другихъ научныхъ теорій, если онъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать разрушенію ошибочнаго предубѣжденія противъ этихъ послѣднихъ—то авторъ будетъ считать свою цѣль достигнутой.

Библиотека ООН
Азиатский Музей СССР

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе. VI

Глава I. Теорія мѣновой цѣнности Маркса. . .

I. Что такое „мѣновая цѣнность?“—II. Постановка задачи мѣновой цѣнности у Маркса.—III. Трудовая теорія мѣновой цѣнности и цѣнность „рѣдкихъ благъ“.—IV. Трудовая теорія мѣновой цѣнности и „рыночныя цѣны“.—V. Трудовая теорія мѣновой цѣнности и „среднія цѣны“.—VI. Теорія издержекъ производства.—VII. Трудовая теорія мѣновой цѣнности и цѣнность труда.—VIII. Теорія „общественно—необходимаго“ труда.—IX. Заключеніе.

Глава II. Обоснованіе трудовой теоріи цѣнности у Маркса 123

Глава III. Попытки толкованія теоріи цѣнности Маркса. 140

Глава IV. Абсолютная и относительная цѣнность у классиковъ и Маркса. 145

Глава V. Теорія субъективной цѣнности. 194

Глава VI. Трудовая цѣнность, какъ субъективная цѣнность общественнаго дохода. 219

Глава VII. Схема распредѣленія у Маркса. . . . 265

Глава VIII. Техническій и соціальный факторы мѣновой цѣнности. 287

Глава IX. Теорія цѣнности Тюрго, Отта, Дюринга, Штольцмана и Родбертуса. 319

Заключеніе: О нѣкоторыхъ задачахъ теоріи цѣнности и распредѣленія. 354

ОПЕЧАТКИ.

Стр.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣд. читать:*
4	9 сверху	цѣности	цѣнности
6	18 „	второвъ	авторовъ
20	3 сверху	тоеріи	теоріи
26	9 „	послѣтней	послѣдней
40	15 „	при при	при
56	16 сверху	разсмаривать	разсматривать
63	1 сверху	изъ	отъ
67	15 „	послѣдней	послѣднемъ
68 (прим.)	10 „	измѣрелія	измѣренія
79	6 сверху	доставляя	доставляетъ
„	11 снизу	приведенія	приведеніе
85	12 сверху	объяснить	объяснить
91 (прим.)	8 снизу	обойтить	обойтись
104	7 „	составляетъ	составляли
147	14 сверху	заключающей	заключающейся
150	15 „	затрогивающая	затрачивающая
„	11 снизу	-фахъ	-махъ
174	18 сверху	словомъ	словамъ
186	4 „	Вспоминая,	Вспомнимъ,
190	15 „	но	на
201	12 снизу	-ничвается	-ничивается
201 (прим.)	4 „	размуѣемъ	разумѣемъ
206	14 сверху	quaestio	questio
229 (прим.)	5 снизу	Obiekte	Objecte
231	3 „	устанавливаются	устанавливается
236	13 „	опредѣлятся	опредѣляться
„	2 снизу	ставитъ	ставятъ
241	17 сверху	человѣкъ	человѣка
243	7 снизу	производство	производство
245	3 сверху	которой	котораго
263	8 „	мѣновихъ	мѣновыхъ
263	7 снизу	общества	общества;
272	9 снизу	товоропроизводителями	товаропроизводителями
275	14 сверху	оказываются лагерь	оказываются въ лагерѣ
291	5 „	робочей	рабочей
304	1 „	подразумѣвается даже—	подразумѣвается—даже
315	11 снизу	Предоставленіе	Представленіе
315	2 „	основаное	основаннымъ
328	14 сверху	détermines	déterminent
349	10 снизу	частей	частной
367	5 „	распредѣленіемъ	распредѣленія